

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е., Кулик Н.А., Шуньков М.В. Украшения из серпентина ранней стадии верхнего палеолита со стоянки Усть-Каракол (Северо-Западный Алтай)	3
Козликин М.Б., Рандю У., Плиссон Х., Боманн М., Шуньков М.В. Слабомодифицированные костяные орудия из Денисовой пещеры на Алтае	16
Маркин С.В., Колобова К.А. Сартанские комплексы верхнего палеолита Северо-Западного Алтая	29
Понкратьева И.Ю. Этапы заселения территории вокруг Большого Ушковского озера на Камчатке в конце плейстоцена – голоцене	41
Кузнецов А.М., Роговской Е.О., Лохов Д.Н., Новосельцева В.М. Рыболовство в системе жизнеобеспечения древнего населения Северного Приангарья в раннем голоцене (по материалам многослойных памятников в низовьях Ангары)	52

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Молодин В.И., Селин Д.В., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Ефремова Н.С. Теплотехнические сооружения конца эпохи бронзы в Барабинской лесостепи (восточный вариант пахомовской культуры)	61
Есин Ю.Н., Скобелев С.Г. Петроглифы эпохи поздней бронзы на горе Унюк в Минусинской котловине	72
Прокопенко Ю.А. Коллекция предметов тагарской культуры в Ставропольском государственном музее-заповеднике (собрание Г.Н. Прозрителева)	81
Дашковский П.К. Исследование кургана раннего этапа пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский Дол в Северо-Западном Алтае: хронология и атрибуция артефактов	91
Фёдоров В.К. Филипповские трикетры (Южный Урал)	101
Мыльников В.П. Деревообрабатывающие инструменты плотников раннего железного века на Алтае и сопредельных территориях	110
Журбин И.В. Сравнительный анализ структуры и тенденций застройки крупнейших городищ чепецкой культуры Иднакар, Уччакар и Гурьякар (Предуралье)	120
Ковалевская В.Б. Предки восточной лошади в Евразии: происхождение и пути распространения	129

ЭТНОГРАФИЯ

Стрельцова И.В. Региональные особенности традиционной одежды украинцев и белорусов на юге Дальнего Востока в конце XIX – начале XX века	140

АНТРОПОЛОГИЯ И ПАЛЕОГЕНЕТИКА

Дмитренко Л.М., Зубова А.В. Первые результаты изучения коллекций индейцев омагуака (крепость Пукара-де-Тилкара, Северо-Западная Аргентина) в собрании МАЭ РАН	149

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	158

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	159

CONTENTS

PALEOENVIRONMENT. THE STONE AGE

A.Y. Fedorchenko, N.E. Belousova, N.A. Kulik, and M.V. Shunkov. Early Upper Paleolithic Serpentine Ornaments from Ust-Karakol, Northwestern Altai	3
M.B. Kozlikin, W. Rendu, H. Plisson, M. Baumann, and M.V. Shunkov. Unshaped Bone Tools from Denisova Cave, Altai	16
S.V. Markin and K.A. Kolobova. The Sartan Upper Paleolithic Assemblages of the Northwestern Altai	29
I.Y. Ponkratova. Stages in the Late Pleistocene and Holocene Peopling of Lake Bolshoye Ushkovskoye Shore, Kamchatka	41
A.M. Kuznetsov, E.O. Rogovskoi, D.N. Lkhov, and V.M. Novoseltseva. Fishing in the Early Holocene Human Ecosystem of the Northern Angara Region: Findings from Stratified Sites	52

THE METAL AGES AND MEDIEVAL PERIOD

V.I. Molodin, D.V. Selin, L.N. Mylnikova, I.A. Durakov, and N.S. Efremova. Late Bronze Age Smelting and Processing Furnaces of the Eastern Variant of the Pakhomovskaya Culture in the Baraba Forest-Steppe	61
Y.N. Esin and S.G. Skobelev. Late Bronze Age Petroglyphs of Unyuk Mountain, in the Minusinsk Basin	72
Y.A. Prokopenko. Tagar Artifacts at the Stavropol State Museum Reserve (G.N. Prozritelev's Collection)	81
P.K. Dashkovskiy. An Early Pazyryk Kurgan at Khankarinsky Dol, Northwestern Altai: Chronology and Attribution of Artifacts	91
V.K. Fedorov. The Triquetras from the Filippovka Kurgans, Southern Urals	101
V.P. Mylnikov. Early Iron Age Carpenter Tools from the Altai and Adjacent Territories	110
I.V. Zhurbin. A Comparative Analysis of Structural and Developmental Trends at Major Cheptsas Fortified Sites in the Western Urals (Idnakar, Uchkakar, and Guryakar)	120
V.B. Kovalevskaya. Ancestors of the Oriental Horse in Eurasia: Origin and Distribution	129

ETHNOLOGY

I.V. Streltsova. Regional Features of the Traditional Clothing of Ukrainians and Belarusians in the South of the Russian Far East (Late 19th to Early 20th Century)	140

ANTHROPOLOGY AND PALEOGENETICS

L.M. Dmitrenko and A.V. Zubova. Collection Related to the Omaguaca Indians from the Pucará de Tilcara Fortress, Northwestern Argentina, at the Museum of Anthropology and Ethnography RAS, St. Petersburg: Tentative Findings	149

ABBREVIATIONS	158
CONTRIBUTORS	159

DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.1.003-015
УДК 903.25

А.Ю. Федорченко, Н.Е. Белоусова, Н.А. Кулик, М.В. Шуньков

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: winteralex2008@gmail.com; consacrer@yandex.ru;
kulik@archaeology.nsc.ru; shunkov77@gmail.com*

Украшения из серпентина ранней стадии верхнего палеолита со стоянки Усть-Каракол (Северо-Западный Алтай)

В статье представлены результаты исследования планиграфического и стратиграфического контекста, технологии производства и функций изделий из серпентина-антигорита, обнаруженных в археологическом комплексе раннего верхнего палеолита на памятнике Усть-Каракол в Горном Алтае. Установлено, что эти украшения оформлялись непосредственно на стоянке в рамках единого процесса производственной деятельности. Артефакты несут следы фрагментации на стадии создания преформы или на заключительном этапе оформления; свидетельства утилизационного износа отсутствуют. Операционная последовательность изготовления украшений включала получение заготовок, биконическое сверление и шлифовку. Ввиду хрупкости использовавшегося сырья сверление преформ предшествовало их шлифовке. Данный подход характерен и для обработки других хрупких поделочных материалов, в частности скорлупы яиц страуса, широко распространенной в палеолите Северной и Центральной Азии. Реконструированные приемы производства серпентиновых украшений относятся к технологическому репертуару носителей усть-каракольского индустриального варианта ранней стадии верхнего палеолита Алтая. Изучение петрографического состава магматических пород Бащелакского и Ануйского хребтов позволило установить, что серпентиновое сырье могло иметь местное происхождение. В качестве потенциальных источников рассматриваются местонахождения габброидов, связанные с девонскими и пермскими проявлениями магматизма в этом районе.

Ключевые слова: Горный Алтай, экспериментально-трасологический анализ, технологический анализ, планиграфия, ранний верхний палеолит, серпентины, каменные украшения.

A.Y. Fedorchenko, N.E. Belousova, N.A. Kulik, and M.V. Shunkov

*Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: winteralex2008@gmail.com; consacrer@yandex.ru;
kulik@archaeology.nsc.ru; shunkov77@gmail.com*

Early Upper Paleolithic Serpentine Ornaments from Ust-Karakol, Northwestern Altai

We describe the spatial context, technology, and possible function of serpentine-antigorite artifacts discovered at the Ust-Karakol Early Upper Paleolithic site in the Altai Mountains. The ornaments were made locally under a single manufacturing process. They were fragmented either at the preform stage or at the stage of final trimming. There are no use-wear traces. The chaîne opératoire included the preparation of blanks, biconical drilling, and polishing. Because the material is fragile, drilling of preforms preceded their polishing. This approach was also used with artifacts made of other fragile materials, such as ostrich eggshell, widely employed in the Paleolithic of North and Central Asia. Reconstructed techniques of manufacturing serpentine ornaments belong to the technological repertoire of the Early Upper Paleolithic Ust-Karakol tradition in the Altai. The petrographic analysis of magmatic rocks of the Bashchelak and Anuy mountain ranges suggests that serpentine could have been local. The potential sources include gabbroid deposits related to Devonian and Permian magmatism of the region.

Keywords: Altai Mountains, experimental use-wear analysis, technological analysis, spatial analysis, Early Upper Paleolithic, serpentines, stone ornaments.

Введение

Многослойные археологические объекты долины р. Ануй Денисова пещера, Усть-Каракол, Ануй-1–3 в северо-западной части Алтая являются ключевыми для изучения процессов становления и развития материальной и духовной культуры первых верхнепалеолитических обитателей региона [Деревянко, Шуньков, 2004; Деревянко, Шуньков, Маркин, 2014, с. 69–99]. Особую значимость этой группе памятников придает древнейшая и наиболее представительная в Северной Азии коллекция верхнепалеолитических украшений. Важную ее часть составляют предметы, изготовленные из «мягких» пород камня (твердость 1–4 по шкале Мооса): подвески из зеленого каолинитового агальматолита, светлого талькостеатита, зеленовато-желтого, зеленого и светло-коричневого серпентина; бусины из желтовато-белого, молочно-белого талька и пиррофиллита; подвески и кольцо из белого мрамора; браслет из темно-зеленого хлоритолита [Деревянко, Шуньков, Волков, 2008; Кулик, Шуньков, 2011; Шуньков и др., 2016; Шуньков, Федорченко, Козликин, 2017, 2018]. Подобное сырьевое и типологическое разнообразие каменных украшений всегда служит богатым источником для археологических реконструкций [Bar-Yosef Mayer, Porat, 2008; Кулик, Шуньков, 2004, 2011; Кэрчумару и др., 2016; Житенев, 2017; Лбова и др., 2018; Федорченко и др., 2018]. Анализ стратиграфического и планиграфического контекста изделий из поделочного камня играет ключевую роль в определении времени их изготовления [White, Normand, 2015]. Данные планиграфии позволяют также конкретизировать особый статус украшений в структуре обитаемого пространства, установить их значение как элементов символической деятельности [Бадер, 1998; Деревянко, Рыбин, 2003; Григорьева, 2003–2004; Питутько и др., 2012].

В палеолитических коллекциях со стоянок Ануйской долины изделия из серпентина, а точнее, его разновидности – антигорита, образуют серию из 15 предметов, что составляет не менее 30 % от общего числа каменных украшений. Визуальные и потребительские свойства этого минерала – выразительный цвет, плотное скрытокристаллическое сложение его отдельностей, возможность получения гладкой и блестящей поверхности, сравнительно низкая твердость (3,5 по шкале Мооса) – делали его одним из наиболее востребованных в качестве поделочного сырья в верхнем палеолите. По своему происхождению серпентин-антигорит является пороодообразующим минералом серпентинитов (гидротермально измененных гипербазитов) или контактово-измененных магнезиальных карбонатных пород [Годовиков, 1983, с. 363–364]. Антигорит образуется, заполняя в серпентинитах

трещины тектонических нарушений, возобновление которых часто приводит к его скрытой трещиноватости и рассланцеванию с возникновением отдельностей, близких к пластинчатым, со штриховкой зеркал скольжения. Для всех серпентинов, в т.ч. антигорита $Mg_6[Si_4O_{10}](OH)_8$, характерно замещение $Mg^{+2} \leftarrow Fe^{+2}$, что является фактором, определяющим окраску минерала: безжелезистые разновидности обычно бесцветные или с желтоватым оттенком, маложелезистые имеют зеленоватый цвет, при высоком содержании железа – темно-зеленый.

В Горном Алтае палеолитические украшения из серпентина обнаружены исключительно на археологических объектах Ануйской долины: в Денисовой пещере, на стоянках Усть-Каракол и Ануй-2 (рис. 1). Наиболее выразительные свидетельства зафиксированы в отложениях 11-го слоя Денисовой пещеры [Деревянко и др., 2006; Шуньков и др., 2016; Шуньков, Федорченко, Козликин, 2017]. Согласно данным радиоуглеродного AMS-датирования литологических слоев 11.1–11.2 в восточной галерее, слоев 11.1–11.4 в центральном зале и слоя 11 в южной галерее, эти комплексы имеют возраст от 27,8 до 51,3 тыс. лет (некал.) [Douka et al., 2019]. Возможно, именно здесь представлены наиболее древние примеры использования серпентина для производства украшений. На стоянке Ануй-2 подвеска из светлого серо-зеленого серпентина обнаружена в отложениях литологического слоя 13.2, которые датированы в диапазоне 28–27 тыс. л.н. (некал.) [Природная среда..., 2003, с. 328–329].

Значимую информацию об украшениях из серпентина несут материалы памятника Усть-Каракол [Там же, с. 235–236]. Находки 2016 г., дополнившие коллекцию серпентиновых изделий, открыли новые перспективы для их углубленного изучения. Реконструкция технологии производства и функций усть-каракольских артефактов из серпентина, уточнение их хроностратиграфического, культурного и планиграфического контекста являлись основными задачами настоящего исследования.

Общий археологический контекст

Коллекция изделий из поделочного камня была получена на участке раскопа 2 стоянки Усть-Каракол (Усть-Канский р-н, Республика Алтай), исследования которого производились с 1993 по 1997 г. [Природная среда..., 2003, с. 235–289]. Он расположен в нижней части пологого склона северной экспозиции на стрелке рек Ануй и Каракол. Площадь изученного участка составила ок. 250 м². В процессе раскопок были вскрыты склоновые отложения общей мощностью до 6,5 м. С литологическими слоями 8–11

Рис. 1. Расположение памятника Усть-Каракол и других палеолитических объектов на территории Горного Алтая.

Радиоуглеродная хронология археологического комплекса раннего верхнего палеолита стоянки Усть-Каракол

Слой	¹⁴ C-дата, л.н.	±σ	Калиброванное значение, л.н.	±σ	Лабораторный индекс	Способ датирования
9.3	29 720	360	33 870	306	СОАН-3359	Конвенционный
9.3	29 860	355	33 978	297	СОАН-3358	»
9.3	31 580	470	35 480	480	АА-32670	AMS
9.3	33 400	1 285	37 690	1 507	СОАН-3257	Конвенционный
10	35 100	2 850	39 563	3 131	СОАН-3259	»

связаны материалы раннего верхнего палеолита, объединенные в культурный комплекс РВП-1 [Деревянко, Шуньков, 2004; Белоусова, 2012]. Радиоуглеродный возраст отложений определяется диапазоном дат 29,7–35,1 тыс. л.н. (некал.) (см. таблицу).

Археологические материалы культурного комплекса РВП-1 насчитывают 2 248 артефактов и относятся к усть-каракольскому индустриальному варианту раннего верхнего палеолита Горного Алтая [Деревянко, Шуньков, 2004]. Основу каменной индустрии составляет технология производства пла-

стин в рамках объемного параллельного продольного и бипродольного скалывания при относительно слабой стандартизации снятий (рис. 2, 1, б). Значимую роль играет технология получения мелких пластинчатых сколов с прямым и изогнутым профилем (рис. 2, 3, 4, 7, 8), базирующаяся на продольном параллельном и конвергентном скалывании заготовок по выраженной плавной дуге торцовых (клиновидных) и широкофронтальных объемных ядрищ (изделия кареноидной морфологии, в т.ч. их специфические бифронтальные модификации) (рис. 2, 3, 4).

Рис. 2. Нуклеусы для отщепов (2), пластин (1, 6) и мелких пластинчатых сколов (3–5, 7, 8) культурного комплекса РВП-1. Усть-Каракол.

Одной из особенностей индустрии можно считать целенаправленное снятие отщепов с широкофронтальных необъемных и бессистемных ядрищ (рис. 2, 2). Орудийный набор комплекса РВП-1 (рис. 3) включает пластинки с притупленным краем (рис. 3, 8); скребки высокой формы, стрельчатые, концевые на пластинах (рис. 3, 1–4, 10, 14–16); ретушированные пластины (рис. 3, 11–13); плоские, срединные и угловые резцы; фрагмент бифасиального орудия (рис. 3, 9). Специфику придает значительное количество массивных изделий – скребел с высоким лезвием на крупных сколах и гальках, шиповидных орудий и др. (рис. 3, 18, 19).

Каменная индустрия культурного горизонта РВП-1 базировалась на полисырьевом ресурсе местного га-

лечного материала [Постнов, Анойкин, Кулик, 2000]. Исключение составляют известные в артефактах, но отсутствующие в речном галечнике яшмоиды сургучно-коричневого цвета, а также горный хрусталь и раухтопаз. Потенциальными источниками для данных пород могли быть местонахождения, удаленные к северу и юго-западу от стоянки на 30–60 км. Использование редкого материала напрямую связано с избирательностью в выборе сырья, которая отчетливо проявляется при анализе петрографического состава каменных артефактов комплекса. Крупные отщепы скалывались с отдельностей афировых эффузивов часто среднего и низкого качества. При подготовке нуклеусов для снятия пластин использовались гальки осадочных пород, их слабоороговикованных раз-

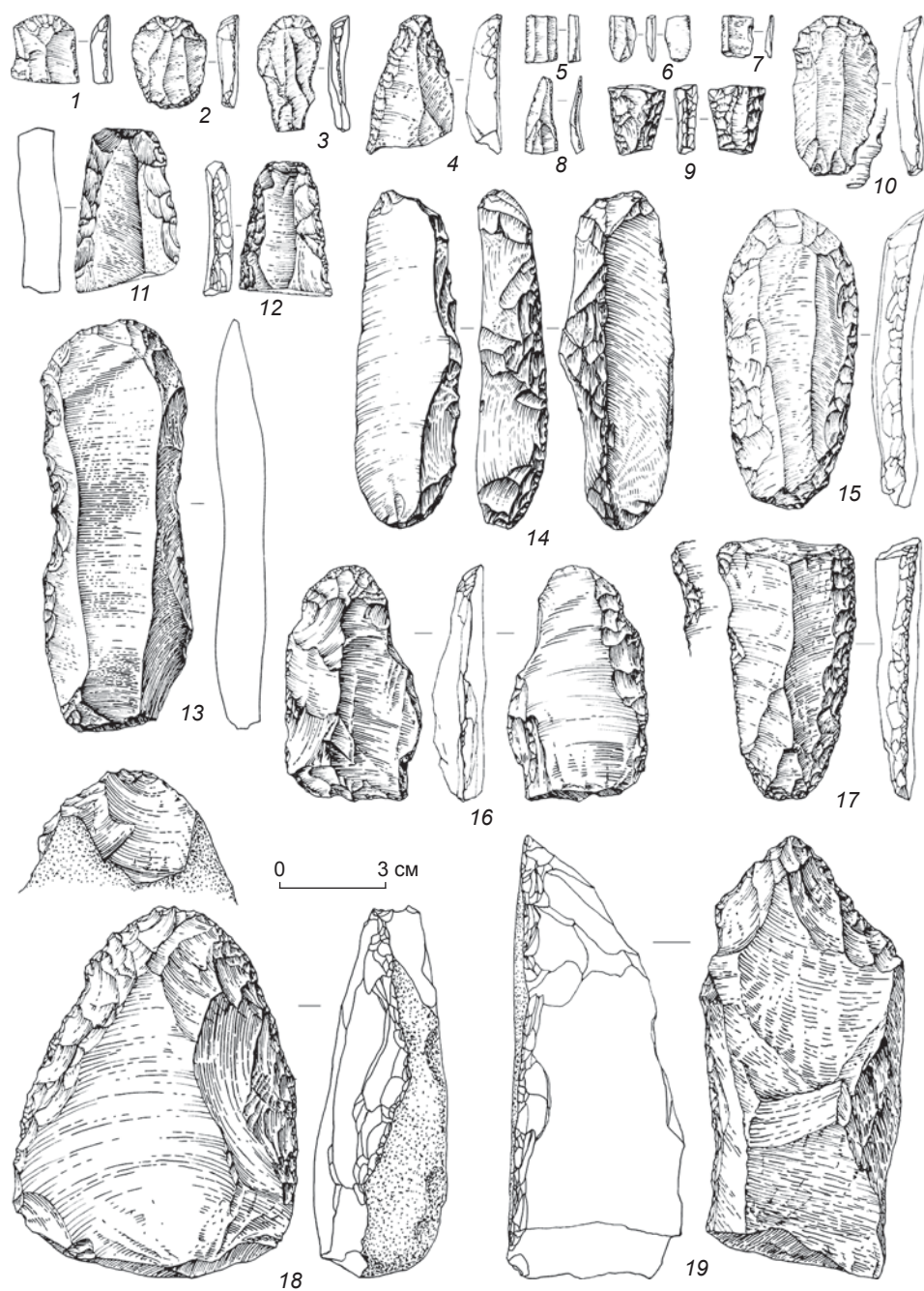

Рис. 3. Каменные орудия (1–4, 8–19) и сколы (5–7) культурного комплекса РВП-1. Усть-Каракол.

ностей, биотитовых роговиков, обладающих анизотропией раскалывания, обусловленной слоистостью. Мелкие пластинчатые сколы получали с наиболее качественных отделностей и сколов с галек роговиков, плотных слабоороговикованных осадочных пород, тонкораскристаллизованных афировых эффузивов, однородных алевролитов, а также яшм, сургучных яшмоидов и горного хрусталя – наиболее высококачественного в технологическом отношении каменного материала.

Материалы и методы исследования

Изделия из серпентина-антигорита представляют небольшой, но достаточно информативный элемент комплекса РВП-1 стоянки Усть-Каракол. Один артефакт из серпентина рассматривается нами как заготовка подвески, фрагментированная на финальной стадии сверления (рис. 4, 1). Второй артефакт, представленный двумя мелкими фрагментами, был определен как украшение со следами шлифовки (рис. 4, 2, 3).

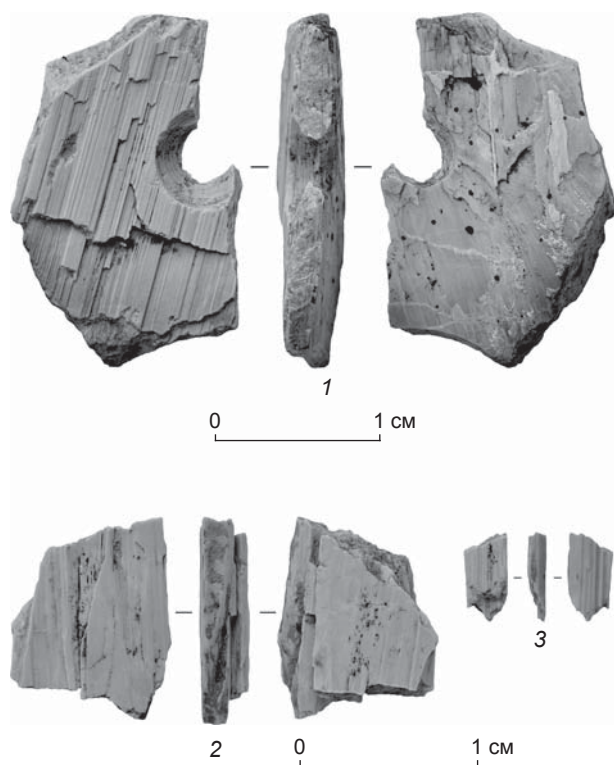

Рис. 4. Изделия из серпентина. Canon EOS 7D + EF-S 60 mm f/2.8 Macro USM. Усть-Каракол.

1 – фрагмент заготовки украшения со следами биконического сверления; 2, 3 – фрагменты украшения со следами шлифовки.

Заготовка подвески из бледно-желтого серпентина-антигорита с биконическим отверстием (артефакт № 1, рис. 4, 1) имеет форму неправильного шестиугольника с тонким подпрямоугольным поперечным сечением и прямым профилем. Размеры $19,0 \times 14,0 \times 3,5$ мм. В центре заготовки находится сверленное биконическое отверстие (диаметры 3,0 и 5,5 мм), по которому она была сломана. Одна из широких сторон заготовки имеет гладкую блестящую естественную поверхность со штрихами зеркал скольжения, на другой видны следы раскалывания, возможно имеющие искусственное происхождение. На верхней, нижней, правой боковой и на левой грани фиксируются признаки слома. В последнем случае это, видимо, следы фрагментации в процессе обработки изделия. Применение шлифовки, строгания или скобления на этом артефакте не прослежено.

Крупный фрагмент украшения из серпентина-антигорита зеленовато-желтого цвета (артефакт № 2, рис. 4, 2) составлен из двух апплицирующихся обломков неправильной прямоугольной формы. На большей части периметра артефакта читаются следы слома. В собранном виде изделие имеет подпрямоугольную форму, плоско-выпуклое поперечное сечение, прямой профиль, размеры $11,0 \times 9,5 \times 3,5$ мм. На пло-

ской стороне и отдельных выступающих участках выпуклой (рядом с боковыми гранями) прослеживаются уплощенные зоны со следами абразивной обработки. На выпуклой стороне пришлифовкой сформирована фаска, скошенная под углом 45° к продольной оси предмета.

Мелкий фрагмент украшения из серпентина-антигорита зеленовато-желтого цвета (артефакт № 3, рис. 4, 3) имеет подпрямоугольную форму, уплощенно-линзовидное поперечное сечение, размеры $4,7 \times 2,0 \times 1,5$ мм. Как и предыдущий, он представляет собой обломок неопределимого украшения. На обеих плоских сторонах присутствуют следы раскалывания. Трасологический анализ явных следов обработки не выявил. Поскольку обломки изделия № 2 апплицируются, их цвет, текстура и другие характеристики поверхности идентичны таковым предмета № 3, мы предполагаем, что они являлись частями одного артефакта.

Исследование технологии изготовления и определение функции рассматриваемых персональных украшений базировались на данных технологического и экспериментально-трасологического методов [Гиря, 1997, с. 58–79; White, 2007; Heckel, 2016]. Первичный трасологический анализ проводился при среднем и малом увеличении ($\times 7$ – 45) под бинокулярным микроскопом Альтами СМ0745-Т с косым освещением. При исследовании на микроуровне ($\times 100$ – 500) применялся металлографический микроскоп Olympus BHM, оснащенный осветителем отраженного света и линзами дифференциально-интерференционного контраста (ДИК). Фотофиксация производилась зеркальными фотокамерами Canon EOS 7D и Canon EOS 5D Mark IV с объективами EF-S 60 mm f/2.8 Macro USM, EF 100 mm f/2.8 Macro USM и штативом с ручной наводкой на резкость. Съемка на микроуровне велась с использованием фотокамеры Canon EOS 7D и оптической системы микроскопа Olympus BHM. Для получения высококачественных фотографий поверхности артефактов с фокусировкой по всей площади одного кадра применялась программа Helicon Focus. Следы изучались с привлечением коллекции сравнительных трасологических эталонов, полученных опытным путем, и опубликованных экспериментальных данных [Francis, 1982; Gurova, Bonsall, 2017].

Исследование пространственного распределения украшений, направленное главным образом на уточнение их культурно-хронологического контекста, опиралось на методы планиграфического анализа, ремонта и сырьевых единиц, а также данные по стратиграфии культурных отложений стоянки. Диагностика минерального сырья проводилась с использованием микроскопа МБС-10. Вариабельность физических свойств (цвет, текстура и др.) отдельностей серпентина устанавливалась путем сравнения с образ-

цами эталонной минералогической коллекции геолого-геофизического факультета Новосибирского государственного университета.

Результаты исследования

Планиграфический и стратиграфический контекст. Заготовка подвески найдена при полевых исследованиях 1995 г. в литологическом горизонте 9.2 на участке кв. 9/10. Три фрагмента изделия со шлифовкой, два из которых апплицируются, выявлены в 2016 г. при разборе коллекции фаунистического материала 1995 г. среди мелких неопределимых костных остатков, зафиксированных в литологическом горизонте 9.3 на участке кв. 7/11 (рис. 5, 6).

Все артефакты обнаружены в нижней по склону части раскопа 2, в непосредственной близости от северного стратиграфического разреза 1995 г. На данном участке литологические подразделения слоя 9 залегают субгоризонтально с небольшим уклоном в западном направлении (рис. 6). Сложенные легкими лессовидными суглинками, они являлись частью от-

носительно однородного по цвету и составу геологического тела – пачки слоев 8–11. Литологический горизонт 9.3 зафиксирован на всей площади раскопа 2. Его границы нечеткие, волнисто-язычатые и пилообразные, мощность варьировала от 0,1 до 0,3 м. Литологический горизонт 9.2 являлся скорее динамическим, а не седиментационным образованием [Природная среда..., 2003, с. 240–243]. На участке, где залегала заготовка подвески, он прослеживался локально в виде осветленной полосы с нечеткими границами. Мощность горизонта варьировала от 0,01 до 0,12 м. Стратиграфическая ситуация на участке обнаружения украшений и данные пространственного анализа указывают на серьезные постседиментационные нарушения отложений, имеющие биогенное происхождение [Шуныков, Белоусова, 2015].

Результаты планиграфических реконструкций свидетельствуют о том, что все изделия из серпентина-антигорита являются частью одной из четырех крупных пространственных структур комплекса РВП-1, зафиксированных на основании изучения технологических скоплений и пятен кострищ (см. рис. 5). Три из них выявлены в южной части раскопа 2 – на наиболее воз-

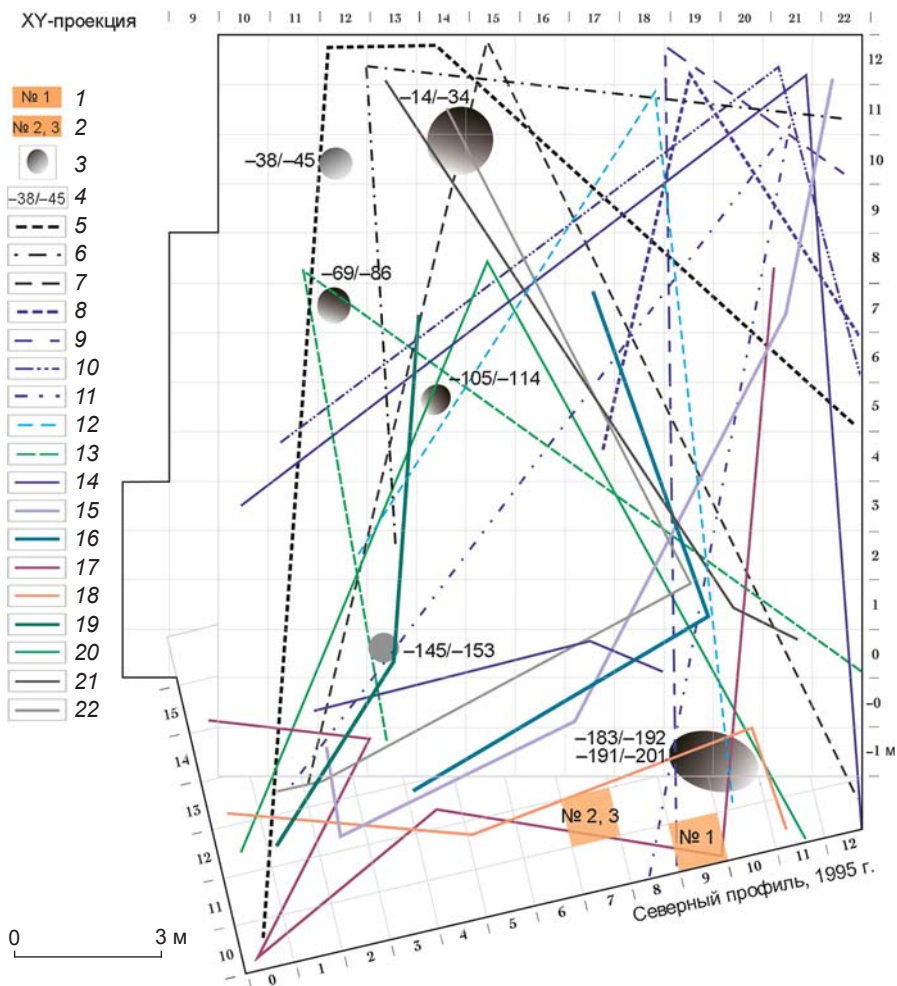

Рис. 5. Планиграфический контекст изделий из серпентина. Усть-Каракол.

1 – локализация заготовки украшения из серпентина со следами сверления; 2 – локализация фрагментов украшения из серпентина со следами шлифовки; 3 – углистые пятна кострищ; 4 – нивелировочные отметки; 5–13 – зоны распространения продуктов расщепления отдельных блоков сырья (крупные сырьевые группы, включая апплицирующиеся фрагменты); 14–22 – планиграфические связи между элементами ремонта и сырьевых групп.

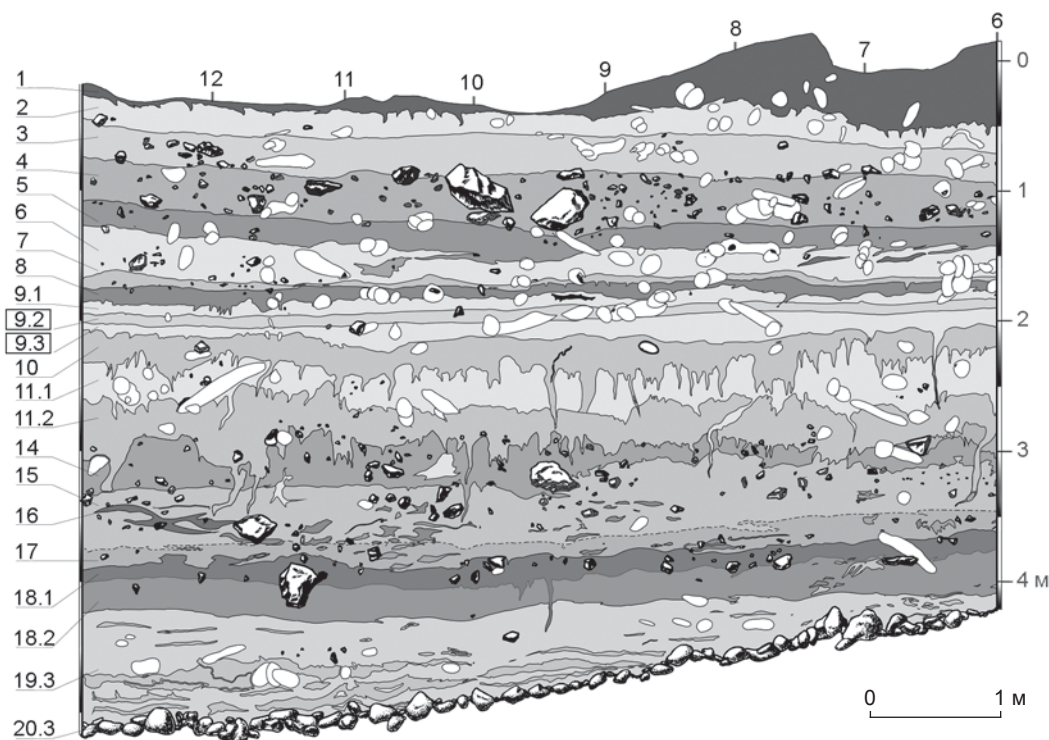

Рис. 6. Стратиграфический профиль северной стенки раскопа 1995 г. Усть-Каракол.

вышенных участках склона. Судя по форме скоплений и характеру распределения их элементов, из этих зон происходило активное смещение каменных артефактов под воздействием гравитационного сноса по склону. Зона технологических скоплений, связанных с украшениями, локализована ниже по склону в северо-западной части раскопа и приурочена к крупному кострищному пятну. Заготовка подвески найдена на расстоянии 0,5–1,5 м от кострища, остальные антигоритовые изделия – в 1,5–2,5 м от него. Такая включенность артефактов, часть которых апплицируется, в пространственные структуры комплекса свидетельствует о том, что склоновые процессы, скорее всего, не оказали заметного влияния на расположение украшений, а в постседиментационный период их не затронула деятельность землероев.

Источники сырья и технологический контекст.

Типичное для серпентина и талька образование по гипербазитам, которые отсутствуют в Северо-Западном Алтае, ранее давало основание связывать источники данных минералов с ближайшими к памятникам Ануйской долины проявлениями гипербазитов в южной части Горного Алтая [Кулик, Шуньков, 2011]. Это апогартбургитовые серпентиниты, серпентинизированные пироксениты и габбро ($\Sigma V-C_1$) Теректинского меланжевого офиолитового пояса, сопровождающего Теректинский разлом [Федак и др., 2011, с. 139]. В то же время светлая окраска серпентина в украшениях со стоянки Усть-Каракол допускала его образо-

вание и по контактово-измененным магнезиальным карбонатам. Однако последние в контактовой зоне гранитоидов Башчелакского хребта, соседствующего с Ануйской группой стоянок, отсутствуют. Данное обстоятельство, как и присутствие в Денисовой пещере изделий из серпентина темно-зеленого цвета и талька-стеатита с включениями магнетита, делало ранее версию о связи серпентинов (в т.ч. антигоритов) с гипербазитами юга Алтая наиболее предпочтительной.

Вместе с тем значительная удаленность местонахождения сырья зоны Теректинского разлома, а также специфический желтый цвет украшений из Усть-Каракола, указывающий на безжелезистый материал, предполагают поиск иных возможных источников серпентина. В результате детального изучения петрографического состава магматических пород Башчелакского и Ануйского хребтов [Там же, с. 175–176] было установлено, что девонские и пермские проявления магматизма основного состава, широко развитые на данной территории, нередко представлены габброидами, в т.ч. габброноритами, норитами и даже оливиновыми норитами – разностями, содержащими исходные при серпентинизации минералы – Mg-Fe-пироксены и оливин. Последние не образуют больших скоплений, и их содержание в породе не более 10 % вполне согласуется с относительно редким использованием серпентина как поделочного материала и малыми размерами изделий (для серпентинов по гипербазитам, напротив, характерно образование мас-

сивных крупных скоплений). Ближайшие к памятникам Ануйской долины такие проявления – Бутачихинский массив Топольнинского комплекса в междуречье Черного Ануя и Щепеты ($\approx 20\text{--}25$ км), массив габброидов того же комплекса на горе Плешивой в Ануйском хребте ($\approx 20\text{--}25$ км), а также дайки габброидов южнее с. Топольного (≈ 15 км).

Технологический контекст производства персональных украшений из серпентина-антигорита на стоянке Усть-Каракол, как и на других памятниках Ануйской группы, является неполным – в нем отсутствуют исходные отдельные сырьевые, его первичные сколы, осколки или чешуйки, что может свидетельствовать в пользу транспортировки на стоянку мелких заготовок и преформ. Это предположение подкрепляется и сведениями о потребительских характеристиках антигорита: его необработанные отдельные редко бывают большими и массивными, они хрупкие и раскалываются на мелкие обломки из-за сильной трещиноватости и рассланцованности породы, т.е. первичная апробация данного материала должна была осуществляться на месте его обнаружения.

Изучение характеристик изделий из серпентина со стоянки Усть-Каракол показало, что поделочный материал для всех украшений почти идентичен по текстуре, структуре и цвету, отмечены лишь слабо читаемые различия в оттенках. Результаты изучения необработанных фрагментов серпентина-антигорита из эталонной коллекции свидетельствуют о том, что фиксируемые различия в цвете украшений отражают нормальные цветовые вариации, характерные для одной отдельности (рис. 7). Следовательно, все украшения могли быть изготовлены из одного принесенного на стоянку обломка поделочного материала.

Производство заготовок. Анализ морфологии украшений со стоянки Усть-Каракол, данные петрографии и экспериментального моделирования позволяют предположить, что заготовки рассматриваемых изделий были получены в результате расщепления отдельности серпентина в ударной технике с применением каменного отбойника или в результате преднамеренной фрагментации в руках мастера. Невысокая твердость и возникшая в результате рассланцевания выраженная слоистость серпентина делали наиболее удобным получение тонких угловатых пластинчатых заготовок путем раскалывания отдельностей по направлениям сланцеватости. Об использовании

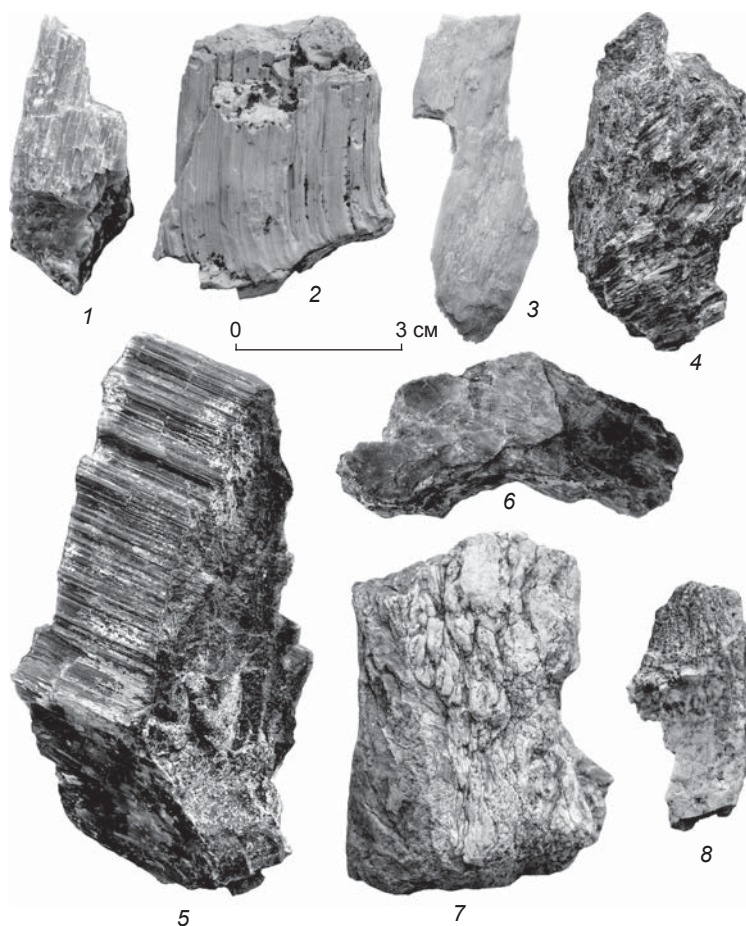

Рис. 7. Коллекция серпентинов и серпентинитов с местонахождений Южного Урала (1, 3–8) и Западной Чукотки (2). Canon EOS 5D Mark IV + EF 100 mm f/2.8 Macro USM.

на стоянке Усть-Каракол в качестве заготовок первичных и вторичных сколов свидетельствует морфология украшений – подпрямоугольное сечение, остатки естественной поверхности со штрихами зеркал скольжения и следы расщепления по слоистости (рис. 8, в).

Получение преформ. Заготовка подвески из серпентина-антигорита имеет одно отверстие, внутри которого сохранилось несколько ярусов концентрических борозд (рис. 8, а). Для него характерна форма правильной окружности и биконический профиль. Признаки утилизационного износа внутри или вокруг отверстия отсутствуют. Морфология отверстия свидетельствует о плавности процесса сверления каменным орудием с относительно широкой симметричной рабочей частью треугольной формы и диаметром описанной окружности до 6 мм. На начальной стадии сверления на поверхности предмета, несущей следы раскалывания по слоистости, формировалось сквозное отверстие в виде широкого усеченного конуса. Далее оно рассверливалось во встречном направлении с противоположной стороны, очевидно, тем же орудием

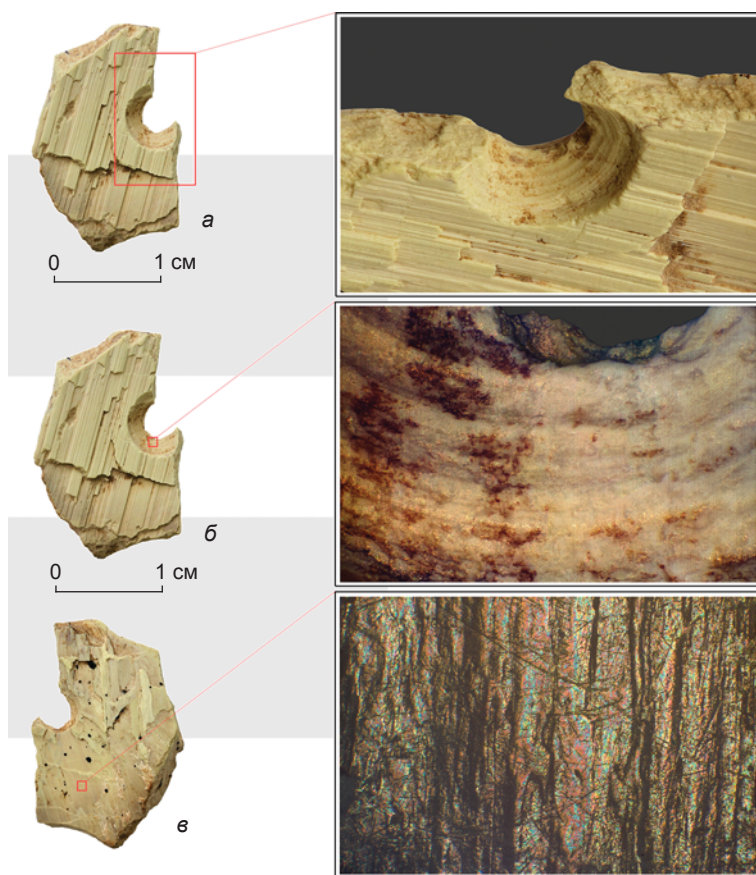
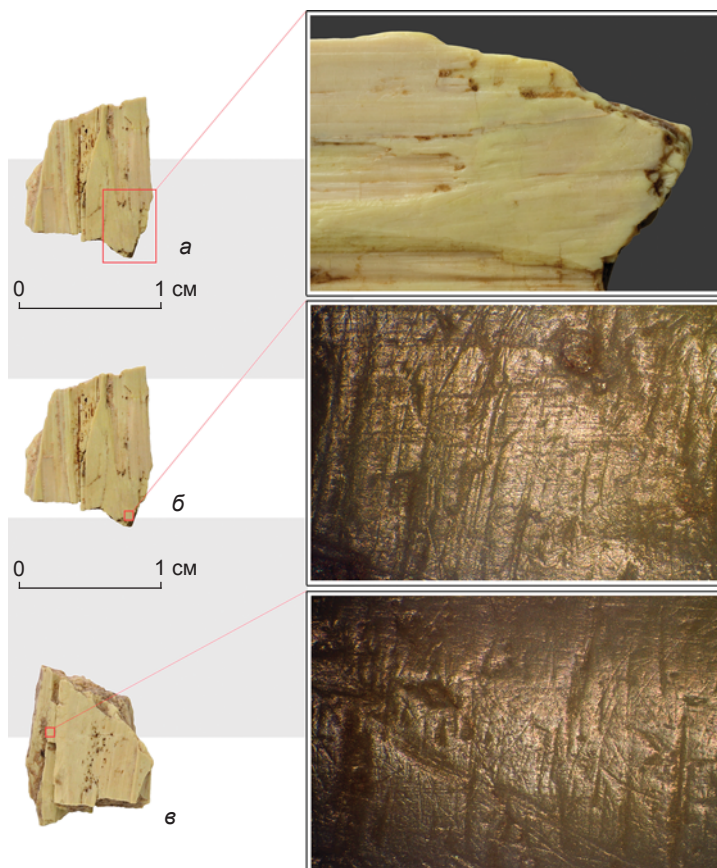

Рис. 8. Заготовка украшения из серпентина со следами биконического сверления. Усть-Каракол, культурный комплекс РВП-1. Canon EOS 7D, Olympus BHM, EF-S 60 mm f/2.8 Macro USM, обработка в программе Helicon Focus. а, б – следы биконического сверления: а – увеличение $\times 3$, б – увеличение $\times 40$; в – остатки естественной поверхности со штрихами зеркал скольжения ($\times 40$).

ем. Следы выравнивания канала путем расточки отсутствуют (рис. 8, б). Морфология заготовки свидетельствует о ее деформации на финальной стадии сверления, что может указывать на изготовление украшения непосредственно на стоянке. Неоднородность (трещиноватость, слоистость) исходной отдельности серпентина-антигорита являлась, видимо, основной причиной неконтролируемого расслоения и фрагмен-

Рис. 9. Фрагмент украшения со следами шлифовки. Усть-Каракол, культурный комплекс РВП-1. Canon EOS 5D Mark IV, Olympus BHM, EF 100 mm f/2.8 Macro USM, обработка в программе Helicon Focus.

а – выровненная шлифовкой поверхность подвески; б, в – следы шлифовки ($\times 100$).

тации заготовки при сверлении перпендикулярно слоистости.

Отсутствие на сверленном изделии следов предварительной абразивной или иной обработки говорит о том, что в операционной последовательности этап перфорации предшествовал шлифовке. Это характерно для подготовки преформ из других хрупких поделочных материалов, использовавшихся в палеолите Северной и Центральной Азии, например, при изготовлении бусин из скорлупы яиц страуса [Ташак, 2002; Волков, Гладышев, Нохрина, 2015]. Необходимо отметить, что в технологических цепочках производства палеолитических украшений из агальматолита, хлоритолита и мрамора, известных в Северной Азии, преобладающей является обратная последовательность операций на этапе подготовки преформ – сначала поверхность заготовки обрабатывалась строганием и/или шлифовкой, а затем производилась ее перфорация с использованием сверла или развертки.

Заключительный этап изготовления антигоритовых украшений состоял

в абразивной обработке поверхности. Технологические особенности этой стадии реконструированы при анализе крупного фрагмента украшения, составленного из двух апплицированных частей. Сохранившиеся следы шлифовки приурочены к отдельным выступающим участкам широкой поверхности и смежной боковой грани (рис. 9, а). При увеличении $\times 100$ установлено, что они имеют вид параллельных рядов длинных и тонких рисок-борозд. Абразивная обработка применялась для выравнивания неровностей поверхности (рис. 9, б) и заглаживания боковых граней преформ с целью получения изделий заданной формы (рис. 9, в). Трасологический анализ не выявил однозначных признаков утилизационного износа: следы стертости внутри отверстия заготовки отсутствуют, так же как и признаки макро- и микродеформаций на фрагменте изделия со следами шлифовки.

Заключение

Исследование пространственной локализации и стратиграфического положения украшений на стоянке Усть-Каракол позволило установить, что они залежали в относительно непо потревоженном состоянии, не подверглись существенному перемещению под воздействием склоновых или биотурбационных процессов. Украшения были локализованы в пределах единого литологического слоя в северо-западной части раскопа рядом с крупным кострищным пятном и несколькими слабо выраженными технологическими скоплениями. С учетом редкости изделий из серпентина-антигорита залегание заготовки подвески и нескольких фрагментов одного украшения в едином планиграфическом и стратиграфическом контексте является, скорее всего, свидетельством разовой производственной деятельности. Этот вывод подкрепляется данными о вариативности физических свойств необработанного сырья, аналогичного использованному для украшений. Установлено, что поделочный материал для обоих изделий по своим петрографическим характеристикам идентичен, а различия в цвете отражают цветовые оттенки одной отдельности серпентина-антигорита.

Как показали результаты исследования, производственные операции по оформлению украшений из серпентина-антигорита осуществлялись непосредственно на стоянке Усть-Каракол. Артефакты несут следы фрагментации на стадии создания преформы или на заключительном этапе оформления. Признаки утилизационного износа не выявлены. Технологическая последовательность производства изделий из серпентина включала подбор, транспортировку сырья и получение заготовок. В качестве последних выступали мелкие угловатые пластинчатые обломки.

Из-за хрупкости использовавшегося серпентина-антигорита этап перфорации преформ предшествовал абразивной обработке их поверхности. Такая последовательность снижала риск сломать изделие.

Реконструированные приемы изготовления серпентиновых украшений относятся к технологическому репертуару усть-каракольского индустриального варианта ранней стадии верхнего палеолита Алтая. Возраст изучаемых изделий соответствует диапазону значений, полученных для слоя 9 (см. *таблицу*), – 29,7–33,1 тыс. лет (некал.). Каменные индустрии данной традиции демонстрируют хорошее знание первобытным человеком местной минерально-сырьевой ресурсной базы и его высокую мобильность. Это позволяло проявлять избирательность при подборе каменного сырья для производства изделий разного типа. Анализ петрографического состава магматических пород Башчелакского и Ануйского хребтов говорит о том, что серпентиновое сырье для украшений со стоянки Усть-Каракол могло иметь местное происхождение. В качестве потенциальных источников служили, скорее всего, местонахождения габброидов, связанные с девонскими и пермскими проявлениями магматизма в этом районе.

Технология обработки серпентинового сырья, представленная на стоянке Усть-Каракол, находит широкие аналогии в археологических комплексах позднего плейстоцена и раннего голоцена Северной и Центральной Азии. В целом коллекция артефактов из серпентинового и серпентинитового минерального сырья насчитывает как минимум 75 предметов из 12 археологических памятников. За пределами Горного Алтая древнейшие примеры производства изделий из серпентина и его разновидностей в виде единичных подвесок отмечены в комплексах РВП стоянок Малая Сыя (34–29 тыс. л.н.) на юге Сибири [Лбова и др., 2018] и Толбор-21 (34–26 тыс. л.н.) в Северной Монголии [Рыбин и др., 2017]. Выразительная коллекция изделий из этого материала – подвески, «застежки» и уникальная для сибирского палеолита женская фигурка – получена на памятниках средней стадии верхнего палеолита Мальта и Буреть (21–19 тыс. л.н.) в Южном Приангарье [Abramova, 1967]. Информативные украшения в виде плоских округлых бусин и заготовок присутствуют в финальнопалеолитических комплексах стоянок Афонтова Гора II (15–11 тыс. л.н.) [Деревянко и др., 2017] и Малтат (14,5–13,6 тыс. или 10,6–9,5 тыс. л.н.) [Палеолит..., 2018, с. 141] на Енисее. Серия объемных бусин и галечек, а также уникальная чаша из серпентинита обнаружены в палеолитическом слое (16,0–13,9 тыс. л.н.) Каповой пещеры на Южном Урале [Житенев, 2017]. Единичные подвески из аналогичного сырья выявлены в раннеголоценовых комплексах Центральной Азии – в гроте Чихэн-Агуй (11,5–7,8 тыс. л.н.) в Центральной Мон-

голии [Деревянко и др., 2008] и на стоянке Обишир-5 (9,4–7,4 тыс. л.н.) в Ферганской долине [Федорченко и др., 2018].

Сопоставление технологии производства и морфологии серпентиновых артефактов со стоянки Усть-Каракол и аналогичных изделий с палеолитических памятников Северной и Центральной Азии позволило сделать несколько наблюдений. В этом регионе на ранних этапах верхнего палеолита для обработки серпентина применялся достаточно устойчивый набор приемов: биконическое сверление, абразивная обработка и полировка. Из них ключевым была шлифовка, позволяющая существенно изменять форму заготовки, создавать изделия с тонким и прямым профилем, выполнять ремонт или переоформление. Эти технологические решения использовались для изготовления подвесок относительно простых геометрических форм – треугольных, прямоугольных или многоугольных. Отсутствие сверления, шлифовки и полировки в среднепалеолитических индустриях региона позволяет рассматривать данные приемы как инновационные в начале верхнего палеолита.

На среднем и позднем этапах верхнего палеолита фиксируются более сложные в исполнении изделия. В это время из серпентинового сырья изготавливали миниатюрные бусины (стоянки Малтат и Афонтова Гора II), «пуговицы» и подвески с кольцевой нарезкой (Мальта и Буреть), а в отдельных случаях уникальные предметы престижа и ритуального назначения (чаша из Каповой пещеры и антропоморфная фигурка из Бурети). Создание более сложных в техническом отношении форм предполагало, соответственно, более длинную операционную последовательность и строгую стадиальность. На поздних этапах верхнего палеолита появились серийность и стандартизация при производстве отдельных категорий украшений, например, плоских округлых бусин.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 18-09-40100, и гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-2790.2019.6.

Список литературы

Бадер О.Н. Сунгирь: Палеолитические погребения // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда) / отв. ред. Н.О. Бадер, Ю.А. Лаврушин. – М.: Науч. мир, 1998. – С. 5–160.

Белоусова Н.Е. Стратиграфический и планиграфический контексты материалов ранней стадии верхнего палеолита стоянки Усть-Каракол-1 (раскоп 1993–1997 годов) //

Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 51–61.

Волков П.В., Гладышев С.А., Нохрина Т.И. Технология изготовления украшений из скорлупы яиц страуса и камня (по материалам пещеры Чихэн, Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 41–44.

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий: Методика микро-макроанализа древних орудий труда. – СПб.: Академ Принт, 1997. – Ч. 2. – 198 с.

Годовиков А.А. Минералогия. – М.: Недра, 1983. – 647 с.

Григорьева Г.В. Планиграфия бус-нашивок верхнепалеолитического поселения Юдиново // *Stratum plus*. – 2003–2004. – № 1. – С. 467–481.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Гладышев С.А., Нохрина Т.И., Табарев А.В. Новое прочтение археологического контекста пещеры Чихэн (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 2–12.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности древнего человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 27–50.

Деревянко А.П., Славинский В.С., Цыбанков А.А., Лысенко Д.Н., Дроздов Н.И., Гладышев С.А., Рыбин Е.П., Стасюк И.В., Харевич В.М., Акимова Е.В., Слепченко С.М., Зольников И.Д., Клементьев А.М., Галухин Л.Л., Богданов Е.С. Археологические комплексы позднего палеолита стоянки Афонтова Гора II (по материалам раскопок 2014 года) // *Stratum plus*. – 2017. – № 1. – С. 175–199.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 12–40.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 13–25.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Маркин С.В. Динамика палеолитических индустрий в Африке и Евразии в позднем плейстоцене и проблема формирования *Homo sapiens*. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 228 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.В., Ульянов В.А. Изучение верхнепалеолитических слоев в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. I. – С. 121–126.

Житенев В.С. Новое свидетельство использования серпентинитового сырья в Каповой пещере // Поволжская археология. – 2017. – № 1. – С. 18–25.

Кулик Н.А., Шуньков М.В. Каменные украшения эпохи палеолита из Горного Алтая // Минералогия во всем пространстве сего слова. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2004. – С. 245–246.

Кулик Н.А., Шуньков М.В. Источники каменного сырья палеолитических украшений из Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 62–66.

Кэрчумару М., Ницу Е.-К., Чирстина О., Гута Н. Резная каменная подвеска из Пояна Чирешулуй-Пятра Нямц, Румыния: Новые данные о символическом поведении человека граветтского периода // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, № 4. – С. 35–45.

Лбова Л.В., Кулик Н.А., Волков П.В., Барков А.В., Ванхаерен М., Марченко Д.В., Ковалев В.С. Технология обработки «экзотических» минеральных ресурсов в позднем палеолите Южной Сибири // *Stratum plus*. – 2018. – № 1. – С. 199–211.

Палеолит Дербинского залива / Е.В. Акимова, И.В. Сташок, В.М. Харевич, С.А. Лаухин, А.Н. Мотузко, А.Ф. Санько. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 180 с.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Никольский П.А., Иванова В.В. Символическая деятельность верхнепалеолитического населения Арктической Сибири (бусы и подвески Янской стоянки) // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 35–51.

Постнов А.В., Анойкин А.А., Кулик Н.А. Критерии отбора каменного сырья для индустрий палеолитических памятников бассейна реки Ануй (Горный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 18–30.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Звинс Н., Гунчинсуэрэн Б., Пэйн К., Болорбат Ц., Одсурен Д., Галфи Й., Анойкин А.А., Маргад-Эрдэнэ Г., Марченко Д.В., Ангаргадугун Г., Шелепаев Р.А., Попов А.Ю. Новые результаты изучения стоянки Толбор-21 (Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 198–201.

Ташак В.И. Обработка скорлупы яиц страусов в верхнем палеолите Забайкалья // История и культура востока Азии: мат-лы Междунар. науч. конф. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 2. – С. 159–164.

Федак С.И., Туркин Ю.А., Гусев А.И., Шокальский С.П., Русанов Г.Г., Борисов Б.А., Беляев Г.М., Леонова Е.М. Государственная геологическая карта Российской Федерации. Масштаб 1 : 1 000 000 (третье поколение). Серия Алтае-Саянская. Лист М-45 – Горно-Алтайск: Объяснительная записка. – СПб.: Картограф. фабрика ВСЕГЕИ, 2011. – 567 с.

Федорченко А.Ю., Шнайдер С.В., Крайцаж М.Т., Романенко М.Е., Абдыканова А.К., Колобова К.А., Алишеркызы С., Тэйлор В., Кривошапкин А.И. Технология изготовления каменных украшений в раннеголоценовых индустриях западной части Центральной Азии (по материалам стоянки Обишир-5) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 1. – С. 3–15.

Шуньков М.В., Белоусова Н.Е. Среднепалеолитическая составляющая каменной индустрии из слоев 8–11 стоянки Усть-Каракол-1 (по данным планиграфического анализа) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 179–182.

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Костяные изделия верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры (коллекция 2017 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 259–262.

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Персональные украшения ранней стадии верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 198–202.

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б., Белоусова Н.Е., Павленок Г.Д. Костяные орудия и украшения раннего верхнего палеолита из Центрального зала Денисовой пещеры: коллекция 2016 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 221–224.

Abramova Z.A. Palaeolithic Art in the U.S.S.R // *Arctic Anthropology*. – 1967. – Vol. 4, N 2. – P. 1–179.

Bar-Yosef Mayer D.E., Porat N. Green stone beads at the dawn of agriculture // *PNAS*. – 2008. – Vol. 105, N 25. – P. 8548–8551.

Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey C.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Mafessoni F., Kozlikin M.B., Li B., Grün R., Comeskey D., Deviese T., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R.G., Pääbo S., Kelso J., Higham T. Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave // *Nature*. – 2019. – Vol. 565. – P. 640–644.

Francis P. Experiments with early techniques for making whole shells into beads // *Current Anthropology*. – 1982. – Vol. 23, N 6. – P. 713–714.

Gurova M., Bonsall C. Experimental Replication of Stone, Bone and Shell Beads from Early Neolithic Sites in Southeast Europe // *Not just for show: The Archaeology of Beads, Beadwork, & Personal Ornaments* / eds. D. Bar-Yosef Mayer, C. Bonsall, A.M. Choyke. – Oxford: Oxbow Books, 2017. – P. 159–167.

Heckel C.E. Digital morphometric analysis of Upper Palaeolithic beads: Assessing artifact variability with user-friendly freeware // *J. of Archaeol. Sci.: Reports*. – 2016. – Vol. 10. – P. 893–902.

White R. Systems of Personal Ornamentation in the Early Upper Palaeolithic: Methodological Challenges and New Observations // *Rethinking the human revolution* / eds. P. Mellars, K. Boyle, O. Bar-Yosef, C. Stringer. – Cambridge: McDonald Institute Monographs, 2007. – P. 287–302.

White R., Normand C. Early and Archaic Aurignacian Personal Ornaments from Isturitz Cave: Technological and Regional Perspectives // *Aurignacian Genius: Art, Technology and Society of the First Modern Humans in Europe: Proceed. of the Intern. symp., 08–10.04.2013* / eds. R. White, R. Bourrillon, F. Bon. – N. Y.: New York University, 2015. – P. 138–164. – (P@lethnology; N 7).

Материал поступил в редколлегию 27.05.19 г., в окончательном варианте – 18.11.19 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.1.016-028
УДК 903.01

**М.Б. Козликин¹, У. Рандю², Х. Плиссон²,
М. Боманн², М.В. Шуньков¹**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: kmb777@yandex.ru; shunkov77@gmail.com

²Университет Бордо, Франция
Bordeaux University, UMR 5199, PACEA laboratory,
Bat. B18, Allée Geoffroy St-Hilaire CS 50023, 33615 Pessac cedex, France
E-mail: wrendu@u-bordeaux.fr; hugues.plisson@u-bordeaux.fr;
malvina.baumann@gmail.com

Слабомодифицированные костяные орудия из Денисовой пещеры на Алтае

В статье представлены результаты исследования палеолитической костяной индустрии из Денисовой пещеры – важного объекта для изучения сложного взаимодействия между различными группами древнейшего населения и понимания механизмов перехода от среднего к верхнему палеолиту. Вместе с останками денисовцев в слоях начальной стадии верхнего палеолита обнаружены древнейшие на территории Северной и Центральной Азии украшения и костяные орудия. Основной целью данной работы является анализ слабомодифицированных костяных орудий из слоев позднего среднего – ранней стадии верхнего палеолита из восточной галереи пещеры. Из более 10 тыс. костных фрагментов, которые были разделены на три группы в соответствии с выявленными на поверхности типами следов – тафономическими, техническими и утилизационными, для изучения отобрано 51 слабомодифицированное орудие. По локализации следов износа и степени выраженности признаков, обусловленных назначением изделий, впервые на стоянке были выявлены слабомодифицированные орудия, такие как ретушеры, шилья, посредники и ножи. На основе морфологического и трасологического изучения определено, что эти изделия использовались в процессе обработки различных органических материалов – кожи, растительных волокон, древесины. В работе показано, что слабомодифицированные орудия являются свидетельствами существования полноценной костяной индустрии, предшествовавшей и синхронной формальным типам изделий – шлифованным и полированным остроконечникам и иглам с ушком.

Ключевые слова: Горный Алтай, Денисова пещера, ранняя стадия верхнего палеолита, денисовцы, костяная индустрия.

**M.B. Kozlikin¹, W. Rendu², H. Plisson²,
M. Baumann², and M.V. Shunkov¹**

¹Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: kmb777@yandex.ru; shunkov77@gmail.com

²Bordeaux University, UMR 5199, PACEA laboratory,
Bat. B18, Allée Geoffroy St-Hilaire CS 50023, 33615 Pessac cedex, France
E-mail: wrendu@u-bordeaux.fr; hugues.plisson@u-bordeaux.fr;
malvina.baumann@gmail.com

Unshaped Bone Tools from Denisova Cave, Altai

This study describes a part of the Paleolithic bone industry of Denisova Cave—the site that is key for understanding a complex interaction between various groups of early humans and the Middle to Upper Paleolithic transition. The Initial Upper Paleolithic layers of the cave yielded fossil remains of Denisovans and the earliest ornaments and bone tools in North and Central Asia. The principal objective of this study is to analyze unshaped bone tools from the Late Middle and Initial Upper Paleolithic from the East

Chamber of the cave. Among more than 10 thousand bone fragments, subdivided in three groups in terms of taphonomic, technical, and utilization traces, 51 specimens were selected for study. On the basis of location of use-wear traces depending on function, unshaped bone tools such as retouchers, awls, intermediate tools, and knives were revealed for the first time in Denisova Cave. Results of the morphological and use-wear analysis suggest that those tools were used for processing organic materials such as leather, plant fibers, and wood. Unshaped tools indicate a developed industry that preceded, or was contemporaneous with, the formal types of tools—polished points and eyed needles.

Keywords: *Altai Mountains, Denisova Cave, Initial Upper Paleolithic, Denisovans, bone industry.*

Введение

Вопрос об истоках верхнепалеолитической культуры продолжает оставаться дискуссионным, поскольку картина эволюционного развития, созданная на основе европейских материалов, уже не считается универсальной. Как показывают результаты исследований, проводившихся в последние десятилетия в Африке, Евразии и Океании, модель последовательной смены культур в европейском палеолите учитывает только локальный сценарий расселения человека.

Контекст Денисовой пещеры и других многослойных палеолитических стоянок в северо-западной части Алтая не укладывается в рамки европейской концепции развития палеолита. Результаты исследований этих объектов свидетельствуют об одновременном существовании на юге Сибири денисовцев – ранее неизвестной популяции рода *Homo* – с неандертальцами. Кроме того, они указывают на относительно раннее – ок. 50–45 тыс. л.н. – появление технологий обработки камня и кости, а также предметов неутилитарного назначения, которые соответствуют поведению анатомически современного человека, хотя какие-либо следы присутствия на Алтае в начале верхнего палеолита такого человека пока не найдены. Само понятие «современное поведение» базируется на анализе видов деятельности *Homo sapiens sapiens*, представители которого положили начало формированию традиций верхнего палеолита на территории Европы.

Отдельные черты поведения, присущие анатомически современному человеку, нашли отражение на африканском континенте в материалах более раннего времени [Henshilwood, Marean, 2003]. Некоторые группы европейских неандертальцев до появления анатомически современных людей использовали инновации, в частности в неутилитарной деятельности [Hoffmann et al., 2018]. Упрощение понимания человека как биосоциальной системы, если исходить из опыта изучения древнейшей истории, при расширении географического и хронологического обзора может привести к ограниченности суждений. Во избежание подобной ситуации контекст любого памятника необходимо анализировать с учетом его специфики, независимо от того, что происходило в это время в западной части Евразии.

Археологические и антропологические материалы из Денисовой пещеры свидетельствуют о постепенном эволюционном развитии поведенческих признаков, характерных для человека современного анатомического типа, на местной культурной основе [Деревянко, 2010]. Этот процесс отражает не только каменная, но и костяная индустрия.

Денисова пещера расположена в долине верхнего течения р. Ануй в низкогорно-среднегорной зоне Северо-Западного Алтая на высоте 690 м над ур. м. (рис. 1). Пещера состоит из нескольких узких темных галерей, сообщающихся через центральный зал. Культурно-хронологический диапазон плейстоценовых отложений стоянки – наибольший для памятников Северной и Центральной Азии, он охватывает период от ранней стадии среднего палеолита (ок. 300 тыс. л.н.) до финала палеолита [Jacobs et al., 2019]. В отложениях возрастом 50–35 тыс. лет (слои 11.5–11.1 в центральном зале, слои 11.2 и 11.1 в восточной галерее, слой 11 в южной галерее) обнаружены украшения и орудия из органических материалов. Об их создании на ранней стадии верхнего палеолита свидетельствуют даты не только вмещающих осадков, но и самих подвесок из резцов лося, костяных острий [Douka et al., 2019].

Сырьем для изготовления украшений служили камень, кости и зубы животных, бивень мамонта, скорлупа яиц страуса и раковины моллюсков. Они обрабатывались при помощи различных техник – скобления, шлифования, полировки, пиления и сверления [Деревянко, Шуньков, Волков, 2008; Шуньков, Федорченко, Козликин, 2018]. В Денисовой пещере вместе с украшениями и каменными орудиями ранней стадии верхнего палеолита были обнаружены костяные изделия, в основном иглы с ушком и шилья.

Митохондриальная и ядерная ДНК, выделенные из антропологических остатков и пещерных отложений, принадлежат денисовцам и неандертальцам [Slon et al., 2017]. Этот факт позволяет предположить, что переход к верхнему палеолиту здесь происходил на местной среднепалеолитической основе, как, например, на стоянке Арси-сюр-Кюр во Франции, если исходить из результатов анализа костяной индустрии и украшений из шательперронского слоя этой пещеры [D’Errico et al., 2003].

Каменные индустрии из Денисовой пещеры и Арси-сюр-Кюр отражают непрерывность разви-

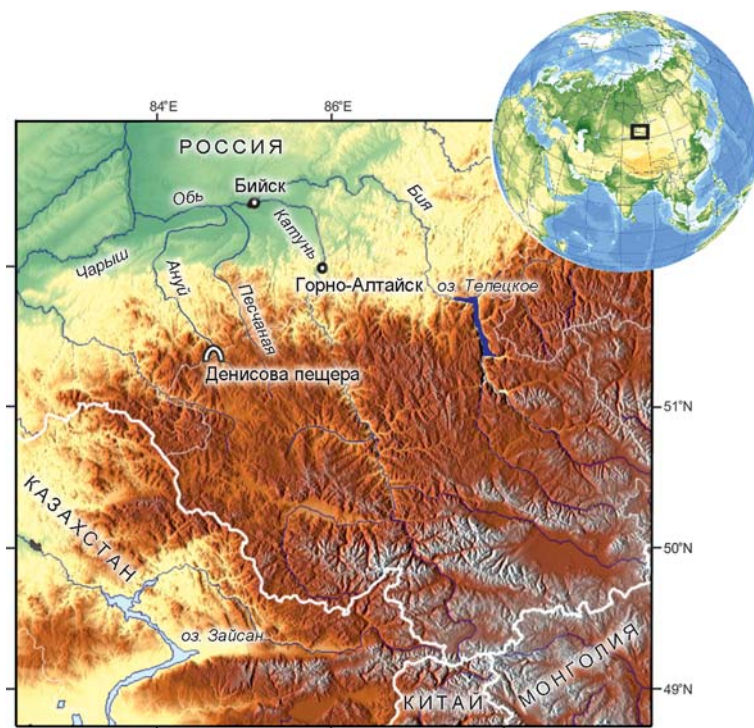

Рис. 1. Карта расположения Денисовой пещеры.

тия: среднепалеолитические типы орудий использовались наряду с новыми формами. При этом следы *H. s. sapiens* на ранней стадии верхнего палеолита на этих стоянках отсутствуют. Костяные артефакты здесь – это не только новая группа изделий, но и свидетельство использования нового вида сырья, которое традиционно считается культурной спецификой анатомически современных людей [Henshilwood, Marean, 2003].

Неформальные орудия из кости в палеолите

Орудия из органических материалов зафиксированы в комплексах раннего и среднего палеолита, не связанных с людьми современного анатомического типа [D'Errico, Henshilwood, 2007; Backwell, d'Errico, Wadley, 2008; Li, Shen, 2010; Mozota, 2012; Soressi et al., 2013; Stout et al., 2014; Julien et al., 2015; Zutovski, Barkai, 2016; Doyon et al., 2018]. Для среднепалеолитических костяных индустрий характерны незначительная морфологическая и типологическая вариабельность, а для верхнепалеолитических – большое разнообразие форм и техник изготовления (резание, скобление, шлифовка, полировка). Если формальные костяные орудия, типичные для европейского верхнего палеолита, обнаруживают в более ранних комплексах, их рассматривают как признак зарожда-

ющегося поведения анатомически современного человека.

Сравнительный анализ костяных индустрий проводится по сериям изделий, в которых слабомодифицированные орудия, как правило, не учитываются. Однако такие изделия фиксируются не только в средне-, но и в верхнепалеолитических комплексах.

Комплексы солютрейской культуры последнего ледникового максимума, представляющие развитую технологию расщепления камня, содержат древнейшие в Европе иглы с ушком. При этом значительную часть костяной индустрии данной культуры составляют слабомодифицированные орудия. В числе последних – отжимники для изготовления тонких листовидных бифасов. Эти орудия, выявленные с помощью технологического и трасологического анализов, не имеют выраженных признаков социальной или символической специализации. Однако, поскольку они выполняли важную техническую функцию, их следует рассматривать в качестве одного из руковод-

ящих типов в солютрейской индустрии. Изготовление заготовок для ориньякских орудий базировалось главным образом на простой ударной технике [Tartar, 2018]. Предметы ориньякского мобильного искусства и роговые наконечники копий с рассеченным основанием известны больше, чем неформальные костяные орудия этой культуры.

Неформальные костяные орудия стали предметом специальных исследований относительно недавно, что объясняется несколькими причинами. Первая – ввиду отсутствия стандартов в оформлении их трудно выделить по типологическим критериям; вторая – костяные изделия часто подвергаются механическому и химическому разрушению, поэтому представлены в основном фрагментами; третья – их нелегко отличить от костей, которые целенаправленно расщеплялись человеком для добычи мозга или были погрызены хищниками. Таким образом, даже если фрагменты кости хорошей сохранности, отличить на них признаки обработки от признаков естественного воздействия при отсутствии соответствующей методики подчас очень трудно.

В рамках данного исследования важно отметить иглы и шилья ранней стадии верхнего палеолита из Денисовой пещеры. Уникальность этих орудий определяется не техникой обработки, а назначением. Иглы с ушком и шилья ассоциируются, как правило, с пошивом одежды, ткачеством и плетением, т.е. с умением обрабатывать шкуры и растительные

волокна, предполагавшим применение разных типов орудий. Единичные находки такого рода не играют важной роли при проведении пространственного анализа. Однако нахождение в одном стратиграфическом контексте серии изделий одного типа может считаться признаком существования производственных площадок на стоянке и ее продолжительного заселения. Мы допускали наличие в костяных индустриях начального верхнего палеолита Денисовой пещеры орудий и других типов (кроме игл с ушком и шильев).

Материалы и методы

В ходе исследования были проанализированы фаунистические материалы из слоев 11.4–11.2 в восточной галерее пещеры. В слое 11.2, который накапливался в период, соответствующий первой половине МИС 3, найдены артефакты ранней стадии верхнего палеолита. Слои 11.3 и 11.4, формировавшиеся во время, которое совпадало с МИС 4 и 5, содержали находки среднего палеолита. Фрагменты костей (более 10 тыс. ед.) размером от 1 см изучались визуально без привлечения технических средств, а также с помощью стереоскопического микроскопа Nikon SMZ-1. Фотофиксация материалов производилась с использованием камер Canon 1000D и 100D SLR с макрообъективом Canon EF-S 60 мм.

Фрагменты костей были разделены на три группы в соответствии с выявленными на поверхности типами следов – тафономическими, техническими и утилизационными. В качестве сравнительной базы использовались ранее опубликованные материалы [Семёнов, 1957; Fisher, 1995; Villa, d'Errico, 2001; Maigrot, 2003; Pickering, Egeland, 2006; Baumann, Maury, 2013; Baumann, 2014] и экспериментальные данные по изготовлению слабомодифицированных и формальных костяных орудий.

Постседиментационные органические (микроорганизмы, животные, растения) и неорганические (выветривание, просадки грунта, водотоки) воздействия вызывают эрозию, растрескивание, вермикуляцию, появление царапин, осаждение карбонатов и фрагментацию кости. В Денисовой пещере одним из наиболее деструктивных факторов являлась деятельность хищников, особенно гиен. Существуют критерии, позволяющие отличить повреждения на костях, оставленные животными, от следов деятельности человека [Blumenshine, Selvaggio, 1991; Villa, Bartram, 1996; Villa et al., 2004]. Следы, связанные с активностью гиен, – это покусы, выгрызенные участки, глубокие царапины, ямчатая или глянцева поверхность, формировавшаяся во время переваривания пищи. Последние являются наиболее распространенным признаком жизнедеятельности гиен. Костные фрагменты со сле-

дами погрызов довольно многочисленны. Видоизменение их поверхности и краев, возможно, объясняется тем, что обломки костей очень быстро оказались погребенными в условиях низкой температуры, которые в свою очередь обеспечили сохранность генетического материала. Следовательно, установить различия между следами естественного и антропогенного происхождения относительно просто. Общая сохранность костного материала хорошая, губчатый слой, имеющийся у некоторых образцов, находится в идеальном состоянии; оксидный и особенно марганцевый налет, наблюдаемый на поверхности большей части фрагментов, отсутствует.

Дробленные длинные трубчатые кости чаще всего были результатом действий по извлечению костного мозга. Полученные осколки могли использоваться в качестве заготовок для костяных орудий. Однако, чтобы установить, выполнялся ли при этом ряд последовательных операций, не связанных с разделкой, необходимо проведение ремонтажа. Признаками антропогенного расщепления считаются первичные сколы на костях и выемки от ударов. Гладкая поверхность, изогнутые или V-образные очертания, угол наклона грани слома [Villa, Mahieu, 1991] рассматриваются как свидетельства раскалывания свежей кости.

Результаты

В ходе сортировки костных фрагментов из слоев 11.4–11.2 в восточной галерее обнаружено 51 слабомодифицированное орудие (см. таблицу; рис. 2); при этом было проанализировано только 30 % фаунистических материалов из данной части разреза. Общая сохранность костного материала из Денисовой пещеры хорошая, губчатый слой находится в идеальном состоянии.

Слабомодифицированные орудия изготавливались, как правило, из длинных трубчатых костей копытных животных крупного (57 %) и среднего (43 %) размера. Найдены одно изделие, выполненное из позвонка, и два – из фрагментов ребер. Определимые до вида кости принадлежат бизону *Bison priscus* и благородному оленю *Cervus elaphus*. В качестве основы служили большеберцовые кости. Плечевые, бедренные и плюсневые кости использовались реже.

Слабомодифицированные орудия из кости были разделены на три категории с учетом локализации следов износа и степени выраженности признаков, позволяющих определить функциональное назначение изделий. Кости со следами износа на кортикальной поверхности отнесены к группе орудий, которые с конца XIX в. принято атрибутировать как ретушеры [Daleau, 1883]. Изделия со следами износа на одном или обоих концах разделены на две группы. Первая – орудия с заглаженным острым окончанием,

Слабомодифицированные костяные орудия из слоев 11.4–11.2 в восточной галерее Денисовой пещеры, экз.

Изделия	Слой			Всего
	11.4	11.3	11.2	
Ретушеры	2	2	4	8
Орудия с округленным концом	1	1	1	3
Орудия с поврежденными противоположными краями	13	4	15	32
Орудия с поврежденными краями	4	–	4	8
<i>Всего</i>	20	7	24	51

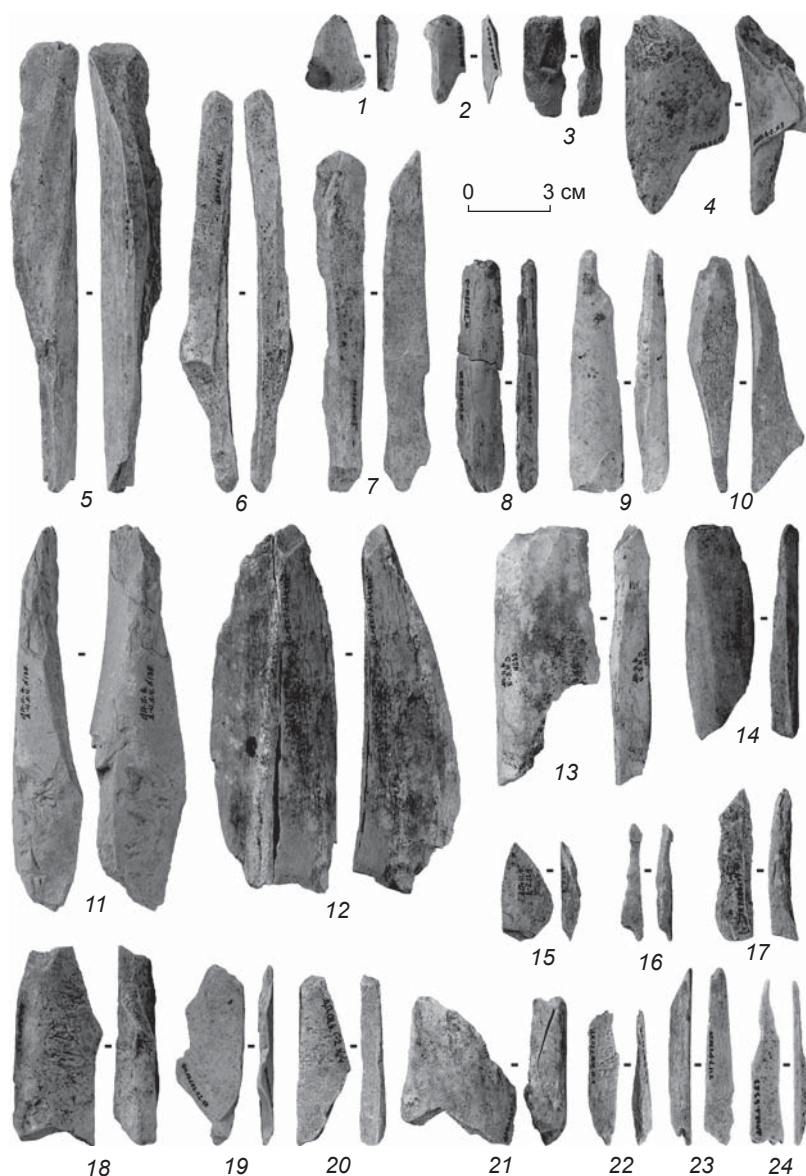

Рис. 2. Слабомодифицированные костяные орудия из слоев 11.4 (1, 11, 12, 15, 16, 20), 11.3 (4, 13, 18, 21, 24) и 11.2 (2, 3, 5–10, 14, 17, 19, 22, 23) в восточной галерее Денисовой пещеры. Фото М. Боманн.

1–14 – орудия с повреждениями на противоположных краях; 15–17 – орудия с поврежденным краем; 18–22 – ретушеры; 23, 24 – орудия с округленным концом.

наподобие шилев, предназначенные для работы с мягкими материалами; вторая – орудия-посредники с осевым повреждением обоих окончаний, по назначению такие же, как предыдущие, но, судя по разнообразию следов износа и морфологии окончаний, использовавшиеся для разных целей. Орудия с ретушью и/или следами износа на продольных краях функционально, видимо, различались.

Ретушеры. Изделия этого типа являются самыми распространенными костяными орудиями каменного века. Они известны с периода раннего палеолита [Smith, 2013; Kolfschoten et al., 2015]; в наибольшем количестве представлены в среднепалеолитических индустриях [Costamagno et al., 2018], продолжали использоваться в верхнем палеолите [Tartar, 2012b; Guadelli et al., 2013] и неолите [Taute, 1965]. Для всех ретушеров характерно наличие следов ударов об острый край каменных орудий. Первое исследование функционального назначения ретушеров было выполнено А. Мартемом на материалах из грота Ля Кина во Франции [Martin, 1906]. По его мнению, эти изделия могли использоваться в качестве отбойников при нанесении ретуши и наковален при выполнении работ, связанных с резанием. Позднее были проведены эксперименты с целью изучения функции этих орудий [Семёнов, 1957; Щелинский, 1983; Bourguignon, 2001; Rigaud, 2007]. Как считает большинство специалистов, под ударами ретушеров края каменных орудий приобретали нужную форму.

Костяных ретушеров в слоях 11.4–11.2 Денисовой пещеры немного, однако это первые орудия данного типа, обнаруженные на стоянке. Заготовки варьируют от длинных узких до коротких и крупных. Их длина 4,7–9,9 см, ширина 1,1–3,6, толщина 0,4–1,0 см. По плотности следов ударов орудия распределяются неравномерно. Следы ударов представлены как отдельными насечками (рис. 3, б), так и зонами сплошной забитости (длина 1–4 см) на кортикальной поверхности кости (рис. 3, а). Ретушеры характерны не только для слоев 11.4–11.2, в подстилающем среднепалеолитическом слое 12 обнаружено шесть подобных орудий.

Орудия с округленным концом. В коллекции имеются три небольших острия со следами заглаживания. Длина изделий 5,6, 3,8 и 6,3 см, ширина 1,2, 2,1 и 1,0, толщина 0,2, 0,3 и 0,2 см. Такое разнообразие по размерам может объясняться нестандартными параметрами заготовок, а также их фрагментацией, по крайней мере на пяти из восьми образцов разлом произошел по трещине, которая образовалась до высыхания кости. Два орудия изготовлены из ребер копытных животных среднего или крупного размера, третье – из небольшого осколка диафиза. На одном

ребре рабочим краем является скошенный слом, который образует естественное трехгранное острие без следов дополнительной обработки (рис. 4, а–в). Рабочие края других изделий оформлены мелкой крутой одно- или двусторонней ретушью, как на каменных проколках (рис. 4, г).

Эти орудия соответствуют общему определению шильев: «изделия удлиненной формы из кости, частично или полностью оформленные, разные по размерам и диаметру, с относительно острым концом, иногда со следами полировки или подправки» [Camps-Fabrer et al., 1990]. Шилья обычно рассматриваются как инструменты для прокалывания шкур или других мягких материалов [Maigrot, 2003; Christidou, Legrand-Pineau, 2005]. Не только иглы для шитья и метательные наконечники, определяемые по их гладкой поверхности и специфическому базальному окончанию (ушко или прорези для крепления), но и любое остроконечное изделие обычно интерпретируется как шило, независимо от его фактической функции. Острые концы этих изделий затупились, скорее всего, в результате работы с мягким органическим материалом (см. рис. 4, а, б). Следы износа на двух орудиях, похожих на каменные проколки, очень малы

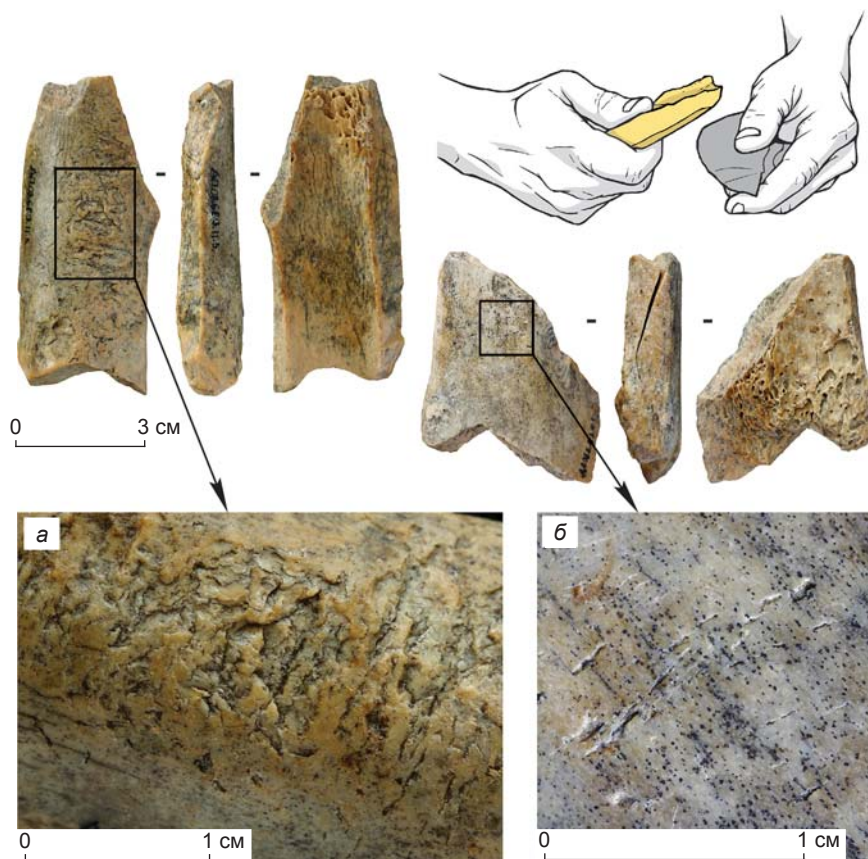

Рис. 3. Костяные ретушеры со следами длительного (а) и кратковременного (б) использования из слоя 11.3 в восточной галерее Денисовой пещеры. Фото и рисунок М. Боманн.

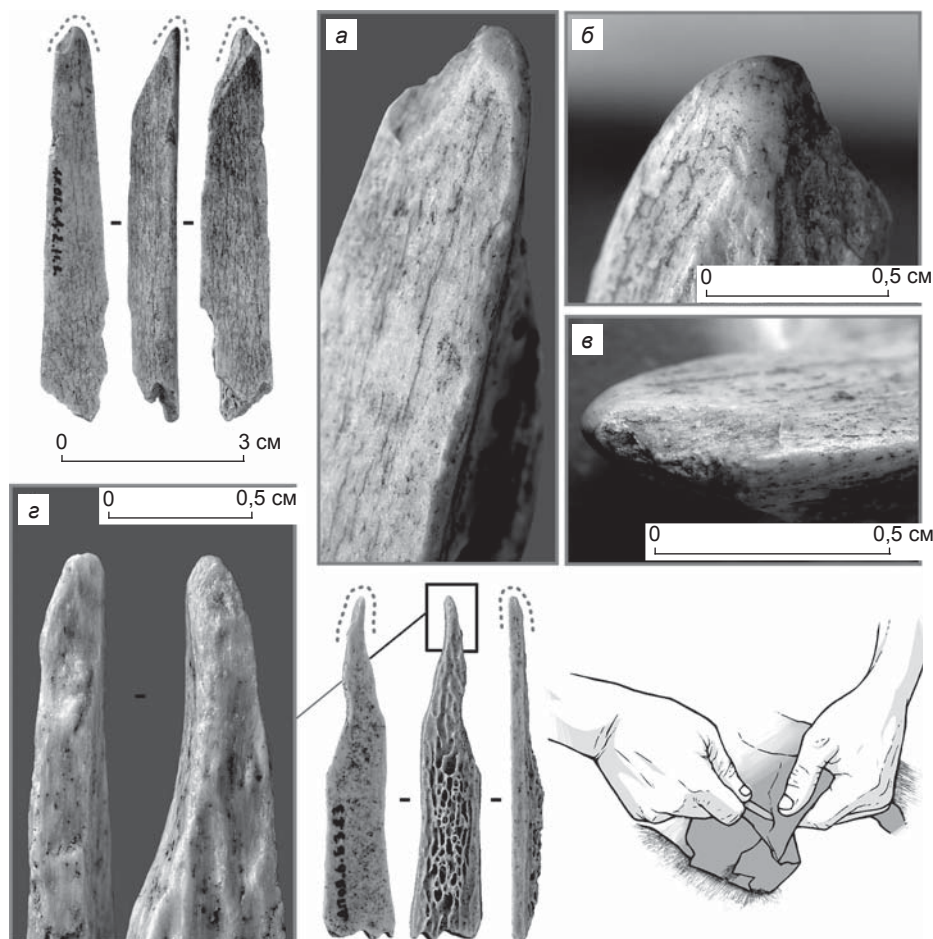

Рис. 4. Орудия с округленным концом из слоев 11.2 (а–в) и 11.3 (г) в восточной галерее Денисовой пещеры. Фото и рисунок М. Боманн.

а – сглаженная кортикальная поверхность и следы модификации дистального конца; б – сглаженная внутренняя поверхность дистального конца; в – рабочий край; г – ретушированный край.

и соответствуют функции перфорации органического материала средней мягкости (см. рис. 4, г). Следы износа на третьем изделии более выраженные; орудие использовалось, безусловно, при пошиве одежды, но не в качестве шила. Гладкое закругление и заполировка придают кончику вид шпателя (см. рис. 4, а, б), с помощью которого уплотняют шов или складывают кожу.

Эти изделия в отличие от найденных в пещере шильев ранней стадии верхнего палеолита были изготовлены без скобления и шлифовки. Похожее по форме слабомодифицированные орудия, возможно, залегают в слоях переходного от среднего к верхнему палеолиту времени на стоянках Арси-сюр-Кюр (шательперронский горизонт), Кавалло, Кала и Капельчивита (слои улуццо) в Италии, где обнаружены многочисленные шилья, сделанные с помощью скобления и шлифовки [D'Errico et al., 2004; D'Errico, Borgia, Ronchitelli, 2012]. Слабомодифицированные острья зафиксированы и в более ранних комплек-

сах – в мустьерских горизонтах стоянки Комб-Греналь в Дордони [Tartar, Costamagno, 2016], в отложениях возрастом 80–100 тыс. лет на стоянке Линцзин в китайской пров. Хэнань [Li, Shen, 2010], в раннепалеолитических горизонтах стоянки Шёнингген в Нижней Саксонии [Julien et al., 2015].

Орудия с поврежденными противоположными краями. Эти изделия составляют наиболее многочисленную группу слабомодифицированных орудий – 32 экз. Большая их часть имеет следы утилизации, характерные для посредников. Один конец орудия (базальный) являлся ударным, а противоположный (апикальный) – рабочим. В результате нанесения ударов по базальному краю происходило уплотнение костной ткани, сопровождавшееся иногда разрушением кромки и зачастую появлением краевых сколов на обушке. Скошенный апикальный край мог быть уплотненным и иметь сколы, при этом царапины от контакта с обрабатываемым материалом покрывали его режущую кромку и заполированные участки. Степень концен-

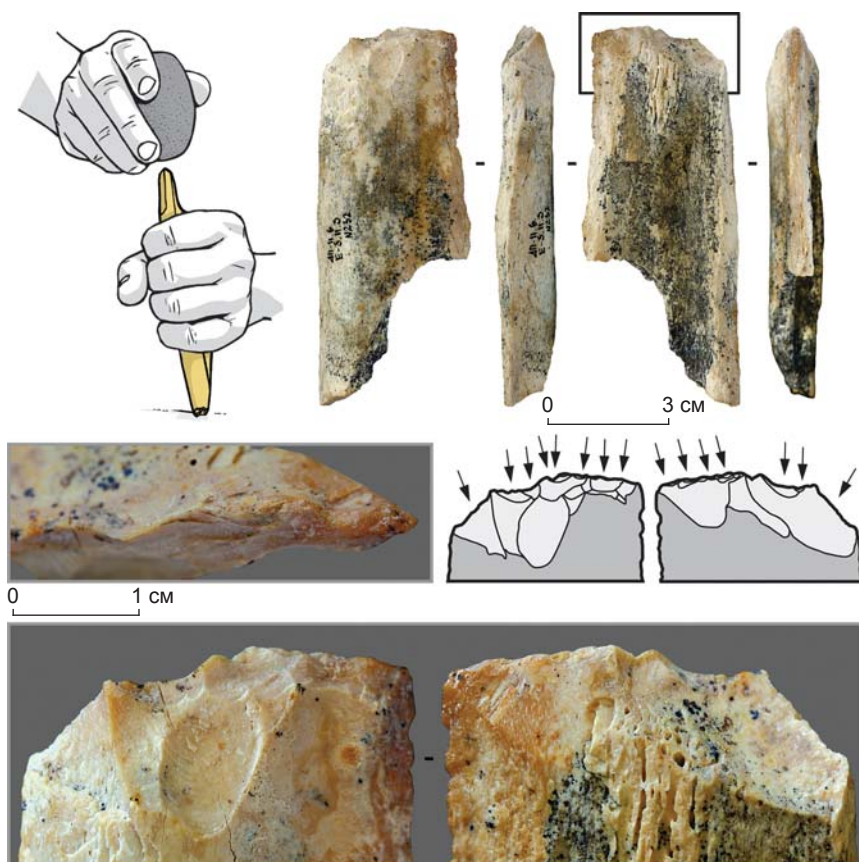

Рис. 5. Орудие-посредник из слоя 11.3 в восточной галерее Денисовой пещеры. Фото и рисунки М. Боманн.

трации и характер следов на обоих концах инструмента зависели от обрабатываемого материала, отбойника и угла нанесения ударов [Rigaud, 1984; Provenzano, 1998; Tartar, 2012a]. Орудия-посредники хорошо известны по многочисленным верхнепалеолитическим находкам, идентификация которых не вызывала затруднений благодаря сходству с этнографическими аналогами [Lartet, Christy, 1865; Chauvet, 1910].

Верхнепалеолитические орудия-посредники изготавливались преимущественно из рога оленя. Все находки такого рода из Денисовой пещеры сделаны из кости. Длина целых или почти целых изделий 4,5–16,1 см (в среднем 9,2), ширина – 0,9–4,5 (в среднем 2,0), толщина – 0,5–1,6 см (в среднем 1,0). Орудия преимущественно длинные и массивные (соотношение ширины и толщины, как правило, 2:1). По морфологии эти изделия можно разделить на две группы. Первая – орудия на относительно крупных заготовках, с выпуклым или прямым режущим краем. Следы износа представляют собой мелкие перекрывающиеся субпараллельные снятия (рис. 5). Вторая – орудия на более длинных и узких, по сравнению с вышеуказанными, заготовках. Их рабочий край толще и приплюснут в результате ударных нагрузок (рис. 6, а, б).

Базальная часть покрыта тангенциальными снятиями, связанными, скорее всего, с оформлением орудий (рис. 6, в, г).

Более сотни подобных изделий было обнаружено в раннеориньякских комплексах [Tartar, 2012a]. Однако эти артефакты характерны не только для объектов раннего верхнего палеолита, но и для стоянок позднего мустье, таких как Гацария в Баскских землях, Франция [Ibid.], Акслор в Бискайе, Испания [Mozota, 2012], Караби Тамчин в Крыму, Россия [Burke, d'Erriico, 2008]. Для их изготовления, как и в Денисовой пещере, использовались в основном большеберцовые кости крупных копытных животных или прямые и толстые осколки диафизов.

Орудия из большеберцовых костей, выделяющихся длиной, толщиной и плотностью ткани, были наиболее устойчивые к ударным нагрузкам. Несколько находок из раннепалеолитического комплекса стоянки Шёнинген можно также отнести к изделиям этого типа [Julien et al., 2015]. Результаты экспериментально-трасологического анализа и сравнение с этнографическими материалами позволили выдвинуть несколько предположений о назначении посредников, в т.ч. об их использовании в качестве долото-

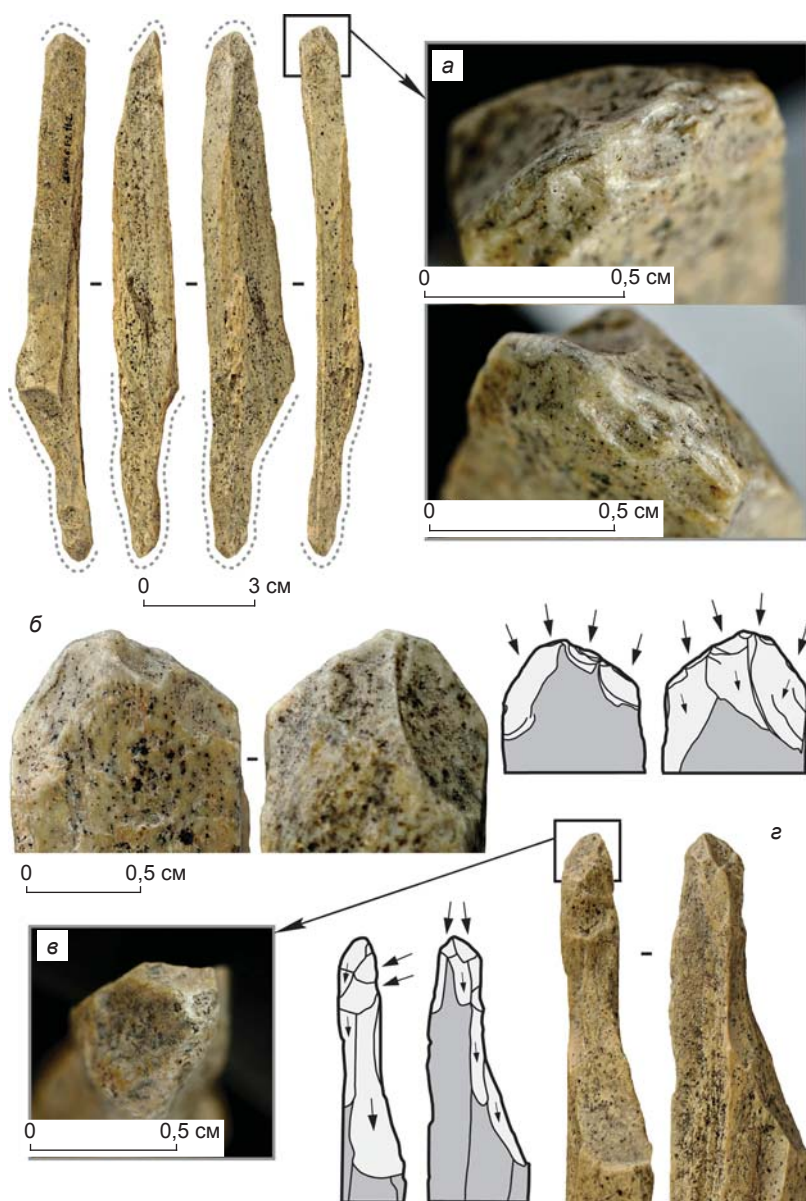

Рис. 6. Орудие-посредник из слоя 11.2 в восточной галерее Денисовой пещеры.

Фото и рисунки М. Боманн.

a – уплотнение апикального края; *б* – сколы на апикальном крае; *в* – уплотнение базального края; *г* – продольные и поперечные сколы на базальном крае.

видных орудий и инструментов для обдирания коры. Некоторые трасологические признаки и морфология рабочих кромок изделий из Денисовой пещеры (см. рис. 2, 10, 13, 14) допускают возможность такого их применения [Семёнов, 1957; Rigaud, 1984; Maigrot, 1997; Camps-Fabrer et al., 1998; Provenzano, 1998]. Экспериментально доказана эффективность этих орудий. Сфера их использования, скорее всего, была широкой. Не все следы свидетельствуют о работе с древесиной, например, кончик образца, приведенного на рис. 2, 10, вероятно, был смят в результате повторяющегося контакта с более твердым, чем дерево, материалом.

Орудия с поврежденными краями.

Два целых орудия изготовлены из длинных трубчатых костей (большеберцовая и плечевая), скорее всего, бизона; шесть изделий, разных по размерам и морфологии, были фрагментированы до высыхания кости. Размеры двух самых больших изделий $16,1 \times 21,5 \times 1,0$ и $11,1 \times 3,5 \times 1,0$ см. У них на поперечном крае, примыкающем к боковой рабочей кромке, выявлены типичные для орудий-посредников следы износа (рис. 7, *a*), что свидетельствует о многофункциональности изделий.

У всех орудий на одном продольном крае имеется ретушь. На целых предметах она занимает 1/3 длины. Ретушь двусторонняя, краевая с дорсальной стороны и захватывающая костно-мозговую канал или губчатое вещество на вентральной поверхности (рис. 7, *в*). На двух изделиях ретушь бифасиальная. Одно изделие по форме напоминает резцовый скол (рис. 7, *г*), полученный, возможно, случайно в процессе утилизации или подправки орудия. О назначении ретуши свидетельствует ряд продольных снятий – результат использования орудия в качестве ножа. Атрибуцию подтверждают легкое закругление и блеск режущей кромки, которые появились, возможно, при срезании растений (рис. 7, *б*).

Упоминания о таких орудиях встречаются редко. Наиболее известными костяными ретушированными изделиями являются ашельские бифасы из слоновой кости, найденные в Африке, Европе и на Ближнем Востоке [Zutovski, Barkai, 2016]. Это полностью оформленные изделия.

Среднепалеолитические орудия из кости с ретушированными краями известны по артефактам со стоянок Вофре [Vincent, 1993], Комб-Греналь и Ля Ферраси [Tartar, Costamagno, 2016] во Франции, Акслор [Mozota, 2012] и Болмор [Blasco et al., 2013] в Испании, а также по находкам из позднемустьерского горизонта в пещере Фумане в Италии [Romandini, Cristiani, Peresani, 2014]. На большинстве объектов, как и в Денисовой пещере, костяные ретушированные артефакты обнаружены в одном контексте со шлифованными остроконечниками и с орудиями-посредниками.

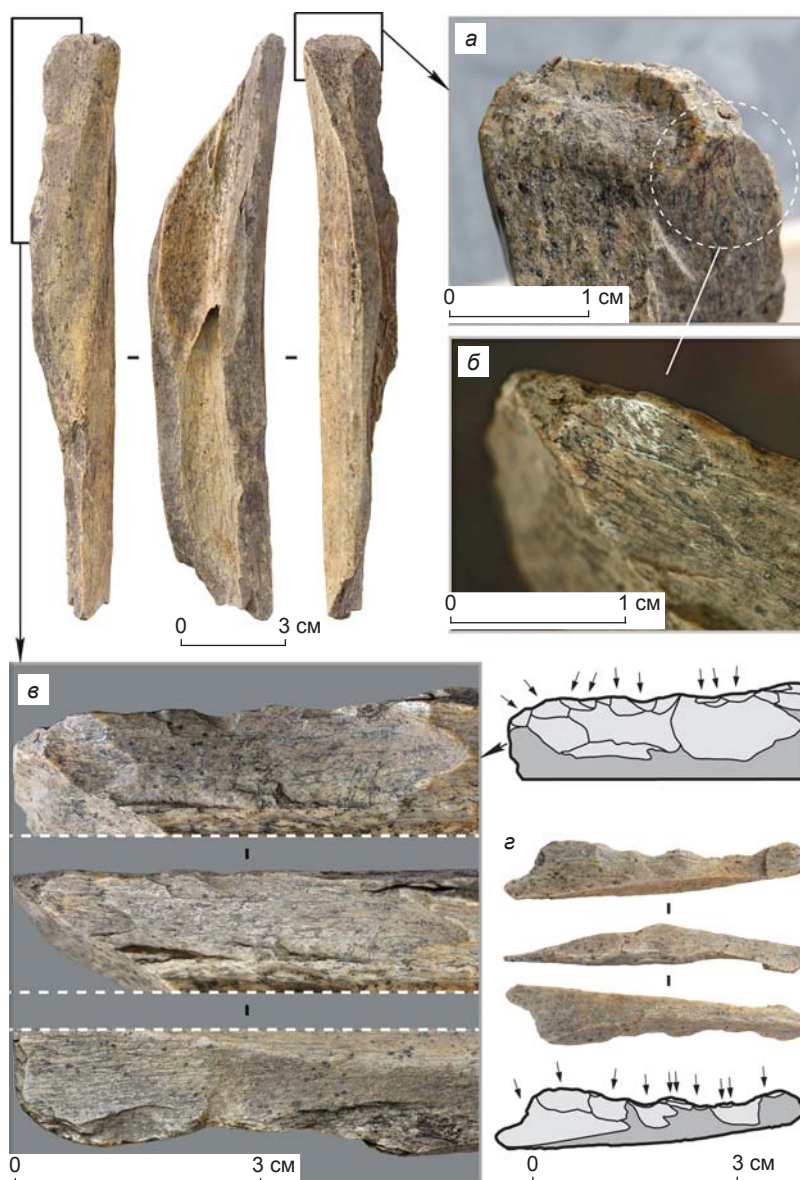
Рис. 7. Орудия с поврежденными краями из слоев 11.2 (а, б) и 11.4 (в, г) в восточной галерее Денисовой пещеры. Фото и рисунки М. Боманн.

а – следы износа на дистальном крае; б – заполировка режущего края; в – ретушированный край; г – режцовый скол с ретушированного края.

Обсуждение

Слабомодифицированных костяных орудий в слоях 11.4–11.2 в восточной галерее Денисовой пещеры обнаружено немного, но это не случайно подобранные осколки костей, оставшиеся после разделки туш животных и использовавшиеся для ретуширования каменных орудий, а свидетельства существования полноценной индустрии. Согласно морфологии орудий, они использовались при работе с различными материалами – пошиве одежды из кожи, срезании или нарезке растений, расщеплении, ошкуривании и резьбе древесины. Чтобы определить функции каждого орудия необходимо расширить базу данных экспериментальных исследований. Разнообразие заготовок, рабочих кромок и следов микроизноса позволяет считать данный орудийный набор частью сложившейся производственной системы. То, что эти орудия были изготовлены только с помощью ударной техники, нельзя считать основанием для отказа от термина «индустрия», в противном случае этот термин также не следует применять, когда речь идет о каменных орудиях, полученных раскалыванием. В связи с вопросом об отсутствии стандартизации неформальных изделий, которое подчеркивается многими исследователями, не признающими слабомодифицированные костяные орудия как индустрию, необходимо отметить, что удлиненные заготовки из кости использовались при изготовлении этих изделий в принципе так же, как каменные пластины.

Каменные индустрии Денисовой пещеры отражают не только непрерывность развития в целом, но и становление традиций верхнего палеолита на местной среднепалеолитической основе. В материалах из литологических слоев 11.4–11.2 в восточной галерее пещеры наряду со среднепалеолитическими орудиями представлены верхнепалеолитические формы. Если

в слое 11.4 среди орудий позднего среднего палеолита костяные изделия обращали на себя внимание только как свидетельства использования нового вида сырья, то в слое 11.2 слабомодифицированные орудия раннего верхнего палеолита вместе с иглами с ушком, пронизками, подвесками и другими украшениями образуют часть развитой индустрии. Костяные изделия имеют очень хорошую сохранность, что исключает вероятность механического воздействия и значительного перемещения в толще пещерных отложений.

Антропологические материалы и палеогенетические данные, относящиеся к этим отложениям, позволяют связывать инновации с деятельностью, скорее всего, денисовцев, хотя в отложениях слоя 11.4 отмечено присутствие и неандертальцев. Следы человека современного анатомического типа на ранней стадии верхнего палеолита в Денисовой пещере отсутствуют.

Заключение

До недавнего времени слабомодифицированные орудия не удавалось зафиксировать в костяных индустриях ввиду сложности выделения изделий этого типа из массового фаунистического материала. Такие находки можно атрибутировать как орудия только по следам использования – сколам, уплотненным участкам, забитости, сглаженности, вдавлениям и др. Уникальная сохранность органического материала в Денисовой пещере во многом упрощает идентификацию данных следов. Результаты анализа слабомодифицированных орудий эпохи среднего палеолита из восточной галереи позволяют сделать вывод о том, что изделия указанного типа были достаточно архаичными. Начиная со среднепалеолитического времени их изготавливали на оббитых фрагментах кости, но при этом не использовали, например, технику скобления; она получила распространение в последующую эпоху верхнего палеолита. Рассматриваемая костяная индустрия, как и каменная, отражает непрерывный процесс развития культуры и становления традиций верхнего палеолита на местной среднепалеолитической основе. Поскольку какие-либо свидетельства обитания людей современного анатомического типа в эпоху палеолита в Денисовой пещере, как и на Алтае в целом, отсутствуют, полученные результаты позволяют связывать изготовление костяных орудий и развитие верхнепалеолитических традиций на этой территории с культурой денисовцев.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Франко-Российского центра исследований в Москве (2015), постдокторской стипендии фонда FYSSEN (2016), Лаборатории мультидисциплинарных исследований древнего искусства Евразии АРТЕМИР (2015–2018) и гранта РФФИ (проект № 18-09-40100).

Список литературы

Деревянко А.П. Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту. Сценарий первый: переход к верхнему палеолиту на территории Северной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 3. – С. 3–17.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 13–25.

Семёнов С.А. Первобытная техника. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 240 с. – (МИА; № 54).

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Персональные украшения ранней стадии верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных

территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 198–202.

Щелинский В.Е. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита. – Л.: Наука, 1983. – С. 72–133.

Backwell L.R., d’Errico F. Palaeolithic bone tools // Encyclopedia of global archaeology. – N. Y.: Springer, 2014. – P. 950–962.

Backwell L.R., d’Errico F., Wadley L. Middle Stone Age bone tools from Howiesons Poort layers, Sibudu Cave, South Africa // J. of Archaeol. Sci. – 2008. – Vol. 35. – P. 1566–1580.

Baumann M. A l’ombre des feuilles de laurier, l’équipement osseux solutréen du Sud-ouest de la France: Apports et limites des collections anciennes: Ph.D. dissertation, Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne. – P., 2014. – 593 p.

Baumann M., Maury S. Ideas no longer written in antler // J. of Archaeol. Sci. – 2013. – Vol. 40. – P. 601–614.

Blasco R., Rosell J., Cuartero F., Peris J.F., Gopher A., Barkai R. Using Bones to Shape Stones: MIS 9 Bone Retouchers at Both Edges of the Mediterranean Sea // PLoS One. – 2013. – Vol. 8, Iss. 10. – P. 1–10.

Blumenshine R.J., Selvaggio M.M. On the marks of marrow bone processing by hammerstones and hyenas; their anatomical patterning and archaeological implications // Cultural Beginnings: Approaches to Understanding Early Hominid Lifeways in the African Savanna. – Bonn: GMBH, 1991. – P. 17–32.

Bourguignon L. Apports de l’expérimentation et de l’analyse techno-morpho fonctionnelle à la reconnaissance de processus d’aménagement de la retouche Quina // Préhistoire et Approche Expérimentale. – Montagnac: Monique Mergoïl, 2001. – P. 35–66.

Burke A., d’Errico F. A Middle Palaeolithic bone tool from Crimea (Ukraine) // Antiquity. – 2008. – Vol. 82. – P. 843–852.

Camps-Fabrer H., Cattelain P., Choï S.-Y., David E., Pascual-Benito J.-L., Provenzano N., Ramseyer D. Fiches typologiques de l’industrie de l’os préhistorique. – Treignes: Cedarc, 1998. – Cah. VIII: Biseaux et tranchants. – 128 p.

Camps-Fabrer H., Ramseyer D., Stordeur D. Fiches typologiques de l’industrie de l’os préhistorique. – Aix-en-Provence: Université de Provence, 1990. – Cah. III: Poinçons, pointes, poignards, aiguilles. – 200 p.

Chauvet G. Os, ivoire et bois de renne ouvrés de la Charente, Hypothèses palethnographiques. – Angoulême: E. Constantin, 1910. – 191 p.

Christidou R., Legrand-Pineau A. Hide working and bone tools: experimentation design and applications // From Hooves to Horns, from Mollusc to Mammoth. Manufacture and Use of Bone Artefacts from Prehistoric Times to the Present. – Tallinn: Tallinn Book Printers, 2005. – P. 385–396.

Costamagno S., Bourguignon L., Soulier M.-C., Meignen L., Beauval C., Rendu W., Mussini C., Mann A., Maureille B. Bone retouchers and site function in the Quina Mousterian: The case of Les Pradelles (Marillac-Le-France, France) // The Origins of Bone Tool Technologies: Retouching the Palaeolithic: Becoming Human and the Origins of Bone Tool Technology. – Mainz: RGZM-Tagungen, 2018. – P. 1–31.

Daleau F. Sur des lésions que présentent certains os de la période paléolithique // Congrès de l’Association Française pour l’Avancement des Sciences. – Rouen: Comptes-Rendus, 1883. – P. 600–602.

D'Errico F., Henshilwood C.S. Additional evidence for bone technology in the Southern African Middle Stone Age // *J. of Hum. Evol.* – 2007. – Vol. 52. – P. 142–163.

D'Errico F., Julien M., Liolios D., Vanhaeren M., Baffier D. Many awls in our argument. Bone tool manufacture and use in the Châtelperronian and Aurignacian levels of the Grotte du Renne at Arcy-sur-Cure // *The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications.* – Lisbon: Inst. Português de Arqueologia Publ., 2003. – P. 247–270.

D'Errico F., Julien M., Liolios D., Baffier D., Vanhaeren M. Les poinçons en os des couches châtelperroniennes et aurignaciennes de la grotte du Renne (Arcy-sur-Cure, Yonne): comparaison technologiques, fonctionnelles et décor // *Approches fonctionnelles en Préhistoire: XXV Congrès préhistorique de France, Nanterre, 24–26 novembre.* – P.: Société préhistorique française, 2004. – P. 46–65.

D'Errico F., Borgia V., Ronchitelli A. Uluzzian bone technology and its implications for the origin of behavioral modernity // *Quaternary Intern.* – 2012. – Vol. 259. – P. 59–71.

Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey C.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Mafessoni F., Kozlikin M.B., Li B., Grün R., Comeskey D., Devièse T., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R.G., Pääbo S., Kelso J., Higham T. Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave // *Nature.* – 2019. – Vol. 565, N 7741. – P. 640–644.

Doyon L., Li Z., Li H., d'Errico F. Discovery of circa 115,000-year-old bone retouchers at Lingjing, Henan, China // *PLoS One.* – 2018. – Vol. 13. – P. 1–16.

Fisher W.J. Bone Surface Modifications in Zooarchaeology // *J. of Archaeol. Method and Theory.* – 1995. – Vol. 2. – P. 7–68.

Guadelli A., Fernandez P., Guadelli J.-L., Miteva V., Sirakov N. The retouchers from the Gravettian Levels in Kozarnika Cave // *The sound of Bones, 8th Meeting of the ICAZ Worked Bone Research Group, Salzburg 2011.* – Salzburg: ArchaeoPlus, 2013. – P. 155–162.

Henshilwood C.S., Marean C.W. The Origin of Modern Human Behavior: Critique of the Models and Their Test Implications // *Current Anthropol.* – 2003. – Vol. 44. – P. 627–651.

Hoffmann D.L., Angelucci D.E., Villaverde V., Zapata J., Zilhão J. Symbolic use of marine shells and mineral pigments by Iberian Neanderthals 115,000 years ago // *Sci. Advances.* – 2018. – Vol. 4, N 2. – P. 1–6.

Jacobs Z., Li B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasiliev S.K., O'Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia // *Nature.* – 2019. – Vol. 565, N 7741. – P. 594–599.

Julien M.-A., Hardy B., Stahlschmid M.C., Urban B., Conard N.J. Characterizing the Lower Paleolithic bone industry from Schöningen 12 II: A multi-proxy study // *J. of Hum. Evol.* – 2015. – Vol. 89. – P. 264–286.

Kolfschoten T.V., Parfitt S.A., Serangeli J., Bello S.M. Lower Paleolithic bone tools from the 'Spear Horizon' at Schöningen (Germany) // *J. of Hum. Evol.* – 2015. – Vol. 89. – P. 226–263.

Kuhn S.L., Stiner M. Middle Palaeolithic 'creativity': reflections on an oxymoron? // *Creativity in Human Evolution and Prehistory.* – N. Y.: Routledge Publ., 1998. – P. 143–164.

Lartet É., Christy H. Reliquiae Aquitanicae: Being Contributions to the Archaeology and Palaeontology of Perigord and the Adjoining Provinces of Southern France. – L.: Jones, Ruppert, 1865. – 204 p.

Li Z.Y., Shen C. Use-wear analysis confirms the use of Palaeolithic bone tools by the Lingjing Xuchang early human // *Chinese Sci. Bull.* – 2010. – Vol. 55. – P. 2282–2289.

Maigrot Y. Tracéologie des outils tranchants en os des Ve et IVe millénaires av. J.-C. en Bassin parisien, Essai méthodologique et application // *Bull. de la Société préhistorique française.* – 1997. – Vol. 94. – P. 198–216.

Maigrot Y. Etude technologique et fonctionnelle de l'outillage en matières dures animales, La station 4 de Chalain (Néolithique final, Jura, France): Ph.D. dissertation, Université Paris I Panthéon-Sorbonne. – P., 2003. – 284 p.

Martin H. Maillets ou enclumes en os provenant de la couche moustérienne de la Quina (Charente) // *Bull. de la Société préhistorique française.* – 1906. – T. 3, N 4. – P. 155–162.

Mithen S. From domain specific to generalized intelligence: a cognitive interpretation of the Middle/Upper Paleolithic transition // *In the Ancient Mind: Elements of Cognitive Archaeology.* – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994. – P. 29–39.

Mozota M.M. El hueso como materia prima: El utillaje óseo del final del Musteriense en el sector central del norte de la Península Ibérica: Ph.D. dissertation, Universidad de Cantabria. – Santander, 2012.

Pickering T.R., Egeland C.P. Experimental patterns of hammerstone percussion damage on bones: implications for inferences of carcass processing by humans // *J. of Archaeol. Sci.* – 2006. – Vol. 33. – P. 459–469.

Provenzano N. Fiche générale des objets à biseau distal // *Fiches typologiques de l'industrie osseuse préhistorique.* – Treignes: Cedarc, 1998. – Cah. VIII: Biseaux et tranchants. – P. 5–16.

Rigaud A. Utilisation du ciseau dans le débitage du bois de Renne à La Garenne-Saint-Marcel (Indre) // *Gallia Préhistoire.* – 1984. – Vol. 27. – P. 245–253.

Rigaud A. Retouchoirs sur éclats diaphysaires ou "affûtoirs" de la Labastide (Hautes-Pyrénées) // *Archéologie des Pyrénées Occidentales.* – 2007. – Vol. 26. – P. 193–200.

Romandini M., Cristiani E., Peresani M. A retouched bone shaft from the Late Mousterian at Fumane cave (Italy). Technological, experimental and micro-wear analysis // *Comptes Rendus Palevol.* – 2014. – Vol. 14. – P. 63–72.

Slon V., Hopfe C., Weiß C.L., Mafessoni F., de la Rasilla M., Lalueza-Fox C., Rosas A., Soressi M., Knul M.V., Miller R., Stewar J.R., Derevianko A.P., Jacobs Z., Li B., Roberts R.G., Shunkov M.V., de Lumley H., Perrenoud C., Gušić I., Kučan Z., Rudan P., Aximu-Petri A., Essel E., Nagel S., Nickel B., Schmidt A., Prüfer K., Kelso J., Burbano H.A., Pääbo S., Meyer M. Neanderthal and Denisovan DNA from Pleistocene sediments // *Science.* – 2017. – Vol. 356, iss. 6338. – P. 1–12.

Smith G.M. Taphonomic resolution and hominin subsistence behavior in the Lower Palaeolithic: differing data scales and interpretive frameworks at Boxgrove and Swanscombe (UK) // *J. of Archaeol. Sci.* – 2013. – Vol. 40. – P. 3754–3767.

Soressi M., McPherron S.P., Lenoir M., Dogandžić T., Goldberg P., Jacobs Z., Maigrot Y., Martisius N.C., Miller C.E., Rendu W., Ricahrds M., Skinner M.M.,

Steeles T.E., Talamo S., Texier J.P. Neanderthals made the first specialized bone tools in Europe // PNAS. – 2013. – Vol. 110. – P. 14186–14190.

Stout D., Apel J., Commander J., Roberts M. Late Acheulean technology and cognition at Boxgrove, UK // J. of Archaeol. Sci. – 2014. – Vol. 41. – P. 576–590.

Tartar E. The recognition of a new type of bone tools in Early Aurignacian assemblages: implications for understanding the appearance of osseous technology in Europe // J. of Archaeol. Sci. – 2012a. – Vol. 39. – P. 2348–2360.

Tartar E. Réflexion autour de la fonction des retouchoirs en os de l'Aurignacien ancien // Bull. de la Société préhistorique française. – 2012b. – T. 109. – P. 69–83.

Tartar E. La fracturation du bois de renne à l'Aurignacien, mise en évidence d'une nouvelle modalité d'exploitation // A coup d'éclats! La fracturation des matières osseuses en préhistoire. – P.: Société Préhistorique Française, 2018. – P. 119–138.

Tartar E., Costamagno S. L'utilisation des matières osseuses au Moustérien // Néandertal à la loupe. – Les Eyzies: Musée National de Préhistoire, 2016. – P. 89–97.

Taute W. Retoucheure aus Knochen, Zahnbein, und Stein vom Mittelpaläolithikum bis zum Neolithikum // Fund-berichte aus Schwaben. – 1965. – Vol. 17. – P. 76–102.

Villa P., Bartram L. Flaked bone from a hyena den // Paléo. – 1996. – Vol. 8. – P. 143–159.

Villa P., Mahieu E. Breakage patterns of human long bones // J. of Hum. Evol. – 1991. – Vol. 21. – P. 27–48.

Villa P., d'Errico F. Bone and ivory points in the Lower and Middle Paleolithic of Europe // J. of Hum. Evol. – 2001. – Vol. 41. – P. 69–112.

Villa P., Castel J.-C., Beauval C., Bourdillat V., Goldberg P. Human and carnivore sites in the European Middle and Upper Paleolithic: Similarities and differences in bone modification and fragmentation // Revue de Paléobiologie. – 2004. – Vol. 23. – P. 705–730.

Vincent A. L'outillage osseux au Paléolithique moyen: une nouvelle approche: PhD dissertation, Université Paris X. – P., 1993. – 274 p.

Wadley L. What is Cultural Modernity? A General View and a South African Perspective from Rose Cottage Cave // Cambridge Archaeol. J. – 2001. – Vol. 11. – P. 201–221.

Zutovski K., Barkai R. The use of elephant bones for making Acheulian handaxes: A fresh look at old bones // Quaternary Intern. – 2016. – Vol. 406. – P. 227–238.

Материал поступил в редколлегию 04.07.19 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.1.029-040
УДК 903.01

С.В. Маркин, К.А. Колобова

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: markin@archaeology.nsc.ru; kolobovak@yandex.ru*

Сартанские комплексы верхнего палеолита Северо-Западного Алтая

В статье освещаются результаты комплексных исследований сартанских верхнепалеолитических материалов из пещерных и открытых стоянок (МИС 2) на северо-западе Алтая, в отложениях которых имеются суглинистые осадки, зачастую обогащенные продуктами дезинтеграции коренных пород. Рассматриваются вопросы хронологии, основанные на определениях абсолютного возраста и данных об относительном залегании литологических тел в разрезах многослойных памятников, для которых реконструирована последовательность ландшафтно-климатических изменений на различных этапах плейстоцена. Установлено, что сартанские объекты региона представляют собой жилище стоянки с полным циклом обработки камня. Такое совмещение стоянки и мастерской было возможно при наличии в непосредственной близости от места обитания источников сырья. Основными объектами охотничьей деятельности ископаемого человека являлись разнообразные животные, обитавшие в условиях неоднородных ландшафтов. Объекты, относящиеся к разным климато-стратиграфическим подразделениям сартанского оледенения, содержат каменные и костяные индустрии заключительной стадии верхнего палеолита региона. Определены петрографические свойства каменного инвентаря и источники происхождения горных пород, представлены типологические и технологические характеристики технокомплексов. В орудийных наборах зафиксировано сочетание верхнепалеолитических и архаичных форм изделий, что соответствует концу верхнего палеолита Южной Сибири. Сделан вывод о сохранении на значительном отрезке верхнего палеолита сартанского оледенения Северо-Западного Алтая устойчивой культурной традиции древнего социума. Изученные индустрии близки к технокомплексам местонахождений Центрального, Юго-Восточного, Северо-Восточного Алтая и сопоставимы по облику с материалами синхронных стоянок Южной Сибири.

Ключевые слова: сартанское оледенение, заключительная стадия верхнего палеолита Северо-Западного Алтая, каменные, костяные индустрии, петрографический состав горных пород, типология артефактов.

S.V. Markin and K.A. Kolobova

*Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: markin@archaeology.nsc.ru; kolobovak@yandex.ru*

The Sartan Upper Paleolithic Assemblages of the Northwestern Altai

This article highlights the results of comprehensive studies at Sartan cave and open-air sites (MIS 2) in the northwestern Altai. Their stratigraphic profiles include loam layers, often with geest. We discuss absolute dates and relative stratigraphic position of lithological layers within profiles of stratified Pleistocene sites with available paleoenvironmental data. The Sartan sites of the region are base-camps with a complete sequence of raw material reduction. Such combination of base-camp and workshop features indicates proximity of raw material sources. The main hunting targets were animals inhabiting mosaic landscapes. Sites correlating with various stages of the Sartan glaciation have yielded stone and bone assemblages of the final stage of the regional Upper Paleolithic. Petrographic characteristics of lithic assemblages and sources of raw material are evaluated. Typological and technological properties of industries are listed. The Late Upper Paleolithic of southern Siberia reveals a combination of Upper and Middle Paleolithic features, evidencing cultural conservatism. These industries are rather similar to those of central, southeastern, and northeastern Altai and to contemporaneous industries of southern Siberia.

Keywords: Sartan glaciation, Final Upper Paleolithic, northwestern Altai, lithic assemblages, bone assemblages, petrographic composition, artifact typology.

Введение

На Алтае известно немало объектов заключительной стадии верхнего палеолита, большая часть которых не имеет надежного хронологического обоснования [Павленок, 2018]. Исключение составляют стоянки в северо-западной части региона: установлена их

Рис. 1. Памятники верхнего палеолита на территории Северо-Западного Алтая.

связь с различными климато-стратиграфическими подразделениями сарганской эпохи (рис. 1). Это многослойные стоянки в пещерах (слои 9, 9.1, 6, 5 в центральной камере и на предвходовой площадке Денисовой; слои 14б–11а в Каминной; слои 5б, 4в в Искре) и на открытых пространствах (слои 4–2 стоянки Усть-Каракол I, горизонты 5–3 стоянки Ануй-2) в бассейне р. Ануй. В разрезах Денисовой и Каминной пещер сарганские материалы залегают выше технокомплексов различных стадий палеолита и перекрываются материалами эпохи неолита – времени сложения традиционной культуры современных этносов. В пещере Искра финальнопалеолитические индустрии, содержащиеся в основании рыхлой толщи, включают материальные комплексы культур эпох неолита и палеометалла. На стоянке Усть-Каракол I в сарганских культуросодержащих отложениях, которые подстилаются литологическими телами, обнаружены технокомплексы начиная с эпохи раннего палеолита. На стоянке Ануй-2 ниже сарганских расположены каргинские культуросодержащие отложения. Региональные памятники, в т.ч. многослойные объекты нижнего и среднего палеолита, являются базой для реконструкции последовательного освоения ранними и поздними гоминидами территории Российского Алтая и определения границ пространственно-временной трансформации традиций на начальном и финальном этапах развития культуры [Деревянко, 2012].

Хронология культурных отложений стоянок

Климато-стратиграфическое подразделение	Денисова пещера			Каминная пещера			Пещера
	Стратиграфическое подразделение	OSL-дата, л.н.	Источник	Стратиграфическое подразделение	¹⁴ C-дата, л.н.	Источник	Стратиграфическое подразделение
Норильская стадия (≈11500–10500 л.н.)	–	–	–	11а 11б	10310 ± 330 10860 ± 360	Деревянко, Маркин, 2003	4в ? 5б ?
Таймырское потепление (≈11800–11500 л.н.) похолодание ?	–	–	–	–	–	–	–
Кокоревское потепление (≈13000–12000 л.н.)	–	–	–	11в	12160 ± 225	Деревянко, Маркин, 2003	–
Ньяпанская стадия (≈15000–13000 л.н.)	–	–	–	11г 12 13 14а	13550 ± 140 13870 ± 390 14120 ± 95 14550 ± 230	Там же	–
Интерстадиал (≈16000–15000 л.н.)	5 ? 6 ?	–	Природная среда..., 2003	14б	15350 ± 240	»	–
Гыданская стадия (≈22000–16000 л.н.)	9.1 9	21000 ± 800	Jacobs et al., 2019; Шуньков, Козликин, 2014	–	–	–	–

Сартанские отложения в пещерах – это суглинки, обогащенные продуктами дезинтеграции известняков. Иногда заполнителем пещерных отложений является разнообразный по минералогическому составу материал, поступавший в карстовую полость с внешней поверхности [Дервянко и др., 1995; Археология..., 1998; Природная среда..., 2003]. Рыхлые толщии открытых стоянок включают лессотипные суглинки, незначительно обогащенные обломочным материалом, который появился в результате разрушения близко расположенных выходов коренных пород и иногда образует глыбово-щебнистые фрагменты разрезов склонов и низких террас [Природная среда..., 2003].

Хронология памятников основана на результатах абсолютного датирования и данных об относительном залегании рыхлых пород в разрезах, для которых установлена климатическая последовательность плейстоцена [Археология..., 1998; Природная среда..., 2003; Болиховская и др., 2011; Дервянко, Шуньков, Маркин, 2008]. Необходимо отметить, что с учетом седиментационных перерывов в отложениях некоторых стоянок соотношение ряда объектов с климато-стратиграфическими стадиями сартанской эпохи, предложенное Н.В. Кинд [1974], произведено с долей условности (см. таблицу). Например, на принадлежность к ньяпанской стадии слоев 4 и 3 стоянки Усть-Каракол I, перекрывающих каргинскую почву, воз-

можно, указывают установленный на уровне слоя 2 экскурс Гетеборг (11–13 тыс. л.н.) и комплекс данных, свидетельствующих о накоплении осадков в достаточно холодных условиях. К интерстадиальному потеплению между волнами похолодания сартанского оледенения – гыданской и ньяпанской – условно отнесены и два слоя предвходовой площадки Денисовой пещеры. Основанием для этого послужила интерпретация перекрывающих слой 5 осадков с развитыми глыбово-щебнистыми отложениями максимально холодной фазы сартанского гляциала, кровля которых датирована временем менее 11 тыс. л.н. Что касается пещеры Искра, то два слоя в основании разреза, сопоставимые с норильской стадией и содержащие обильный крупнообломочный материал, который является результатом активизации процессов выветривания, перекрыты иными осадками с неолитическими материалами.

Начало сартанского времени в регионе отмечено ухудшением природной обстановки, обусловившим, согласно спорово-пыльцевым показателям разреза Ануя-2, значительное снижение верхней границы ареала темнохвойных лесов. В последующий кратковременный период, по данным спорово-пыльцевого и фаунистического анализа материалов Денисовой и Каминной пещер, господствовали холодные и сухие условия, способствовавшие увеличению площади нивальных и степных биоценозов. На последую-

сартанского времени на Северо-Западном Алтае

Искра	Ануя-2			Усть-Каракол-1		Пещера Страшная			
	Источник	Стратиграфическое подразделение	¹⁴ C-дата, л.н.	Источник	Стратиграфическое подразделение	Источник	Стратиграфическое подразделение	¹⁴ C-дата, л.н.	Источник
Маркин, Антипов, 2012	–	–	–	–	–	–	–	–	–
–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
–	–	–	–	2	Природная среда..., 2003	–	–	–	–
–	–	–	–	3 ? 4 ?	Там же	–	–	–	–
–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
–	3 (10.1) 4 (10.2) 5 (10.3)	21280 ± 440 21502 ± 584	Природная среда..., 2003	–	–	3 _{1a}	19150 ± 80		Krivoshapkin et al., 2018

шей ньяпанской стадии, по результатам исследования материалов из пещеры Каминной, климат стал более мягким. Климатическая осцилляция, связанная с кокоревским интерстадиалом, обусловила развитие горно-степных биоценозов на фоне некоторого увеличения влажности климата (по данным анализа материалов стоянки Усть-Каракол I) и развитие перигляциальных лесостепей (по данным анализа материалов из разреза в Каминной пещере). Норильская стадия, как свидетельствуют материалы из пещеры Каминной, характеризуется несколькими ландшафтно-климатическими изменениями. Начало похолодания – это время формирования перигляциальных степей. Далее, согласно палиноспектрам, были две кратковременные, различающиеся по степени сухости субстадии – термоксеротическая с межстадиальными степями и термогигротическая, на которую приходится развитие лесостепей. В конце норильской стадии в регионе формируется пояс перигляциальных горно-лесных ландшафтов.

В сартанское время на территории региона из числа крупных млекопитающих преобладали животные, приспособленные к ландшафтам холодных и малоснежных степей [Природная среда..., 2003; Васильев, Деревянко, Маркин, 2006]. Мелких млекопитающих представляли животные, обитавшие в условиях сухих остепненных ландшафтов [Археология..., 1998; Природная среда..., 2003].

Археологические материалы

Материал из русловых галечников р. Ануй и его притоков являлся сырьевой основой для изготовления каменных изделий сартанского времени региона [Природная среда..., 2003; Кулик, Маркин, 2001, 2005]. На стоянках Усть-Каракол I, в пещерах Искра и Денисова использовались в основном осадочные породы – сероцветные алевролиты и разнозернистые песчаники, реже – эффузивные и контактово-измененные разности (ороговиковые алевролиты, роговики). Литоресурсами в пещере Каминной служили вулканические, осадочные породы, роговики, представленные вблизи карстовой полости. На всех памятниках обнаружено небольшое количество изделий из яшмоидов. Это самое высококачественное сырье. Из него сделана большая часть мелких удлиненных сколов в коллекциях Каминной пещеры. Использование сургучных яшмоидов, отсутствующих в галечном материале бассейна Ануй, свидетельствует об их целенаправленном отборе. Ближайшие выходы этих пород, образующих засурьинскую свиту кембро-ордовика, расположены в местах, значительно удаленных (до 30 км) от стоянок. Отметим, что засурьинские яшмоиды были известны среднепалеолитическому населению Горного

Алтая [Деревянко и др., 2015]. Большую часть индустрий Каминной пещеры составляют грубые изделия, изготовленные из порфировых разностей вулканических пород. Это сырье характеризуется излишней трещиноватостью, вместе с тем его отличают высокая твердость и вязкость.

С гыданской стадией сартанского времени связаны немногочисленные материалы из верхнего отдела, включающего горизонты 5 (слой 10.3), 4 (слой 10.2) и 3 (слой 10.1), культурных отложений стоянки Ануй-2. В них имеются нож с обушком, образованный ретушью; угловое острие, долотовидное и выемчатое изделия, продольные и поперечные чопперы [Природная среда..., 2003; Колобова, 2006]. Индустрию слоя 9.1 центральной камеры Денисовой пещеры [Jacobs et al., 2019] представляют плоские одно- и двуплощадочные ядрища продольного и продольно-поперечного расщепления, а также радиальные нуклеусы с приподнятой поверхностью скальвания. Среди орудий, сформированных на коротких и удлиненных сколах, – скребки (концевые, в т.ч. высокой формы, боковые, двойные, с ретушью по периметру), резцы (угловые, срединные, поперечные), проколки с выделенной рабочей частью, скребла (продольные одинарные и двойные, конвергентные, угловатые), ножи с искусственным обушком, клювовидные и зубчато-выемчатые изделия, обломок листовидного бифаса, орудие с черешком (рис. 2, 3–5, 7, 9–11). Пластинки с прямыми притупленными краями и асимметричный сегмент образуют микроинвентарь комплекса. В состав костяных изделий входят обломки игл с ушком, острия, подвеска из зуба и трубчатые кости оленя с биконическим отверстием, фрагмент с симметричными поперечными нарезками [Природная среда..., 2003]. Технокомплекс слоя 9 восточной галереи Денисовой пещеры отражает параллельную технологию расщепления сырья. Он содержит плоские одноплощадочные формы нуклеусов, двуплощадочные со встречным скальванием заготовок, торцовые и, возможно, подпризматические. В составе скребел имеются одинарные и двойные продольные разновидности с прямовыпуклыми кромками, лицевой и брюшковой отделкой, поперечные, диагональные, угловатые. Верхнепалеолитические орудия включают концевые скребки, кромка которых иногда смещена на угол заготовки; угловые резцы, долотовидные орудия, ретушированные пластинки и пластины, единичные микропластинки с притупленным краем. Редко встречаются комбинированные изделия с элементами скребел, анкошей, шиповидных орудий [Шуныков, Козликин, 2014]. Среди немногочисленных материалов из двух горизонтов слоя 3_{1а} пещеры Страшной – плоские и призматические нуклеусы для пластинок и отщепов, пластинки и микропластинки, боковые и концевые скребки, костяное орнаментированное острие и игла [Кривошап-

кин, Зенин, Шалагина, 2014; Шалагина и др., 2018; Krivoshapkin et al., 2018].

К интерстадиалу, вероятно, относятся индустрии из верхней части отложений на предвходовой площадке Денисовой пещеры и одного из слоев Каминной [Деревянко, Шуньков, Анойкин, 1998; Природная среда..., 2003; Деревянко, Маркин, 2003]. Инвентарь из слоя 6 Денисовой пещеры, включающий торцовые и клиновидные ядрища, многочисленны удлиненные заготовки с параллельной огранкой, в т.ч. микропластинчатые сколы, свидетельствует о широком распространении пластинчатого раскалывания пород. Среди вторично преобразованных артефактов, из которых 2/3 – выполненные на отщепках, преобладают скребки концевые, боковые, стрельчатые и высокой формы. Имеются проколки, клювовидные и шиповидные изделия, редкие поперечные резцы, продольные, диагональные, конвергентные скребла, части остроконечников, ножи с гладкими обушками, тронкированные и ретушированные сколы, зубчато-выемчатые изделия, часть овального бифаса (рис. 2, 1, 6, 10, 11, 13, 15, 18). Коллекцию орудий дополняют микроизделия в виде пластинок с притупленным краем, иногда с косоретушным концом заготовки. Костяной инвентарь состоит из фрагментов игл с ушком, цилиндрических бусин-пронизок из костей птиц, колец из скорлупы яиц страуса. В набор орудий из слоя 5 Денисовой пещеры входят концевые, боковые скребки, многочисленные зубчато-выемчатые изделия и сколы с ретушью, клювовидные и шиповидные артефакты, ножи с естественным и гладким обушками. Обнаружены также трансверсальный резец, поперечное скребло и чоппер (рис. 2, 2, 6, 8). Интерес вызывают пластинки с притупленным дугообразным краем. В составе костяных артефактов из слоя 5 – иглы, острие-проколка, фрагмент двояковыпуклого пазового изделия, крупное прямоостное орудие с заостренным концом и утолщенным основанием из трубчатой кости крупного млекопитающего. Инвентарь из слоя 14б в пещере Каминной включает

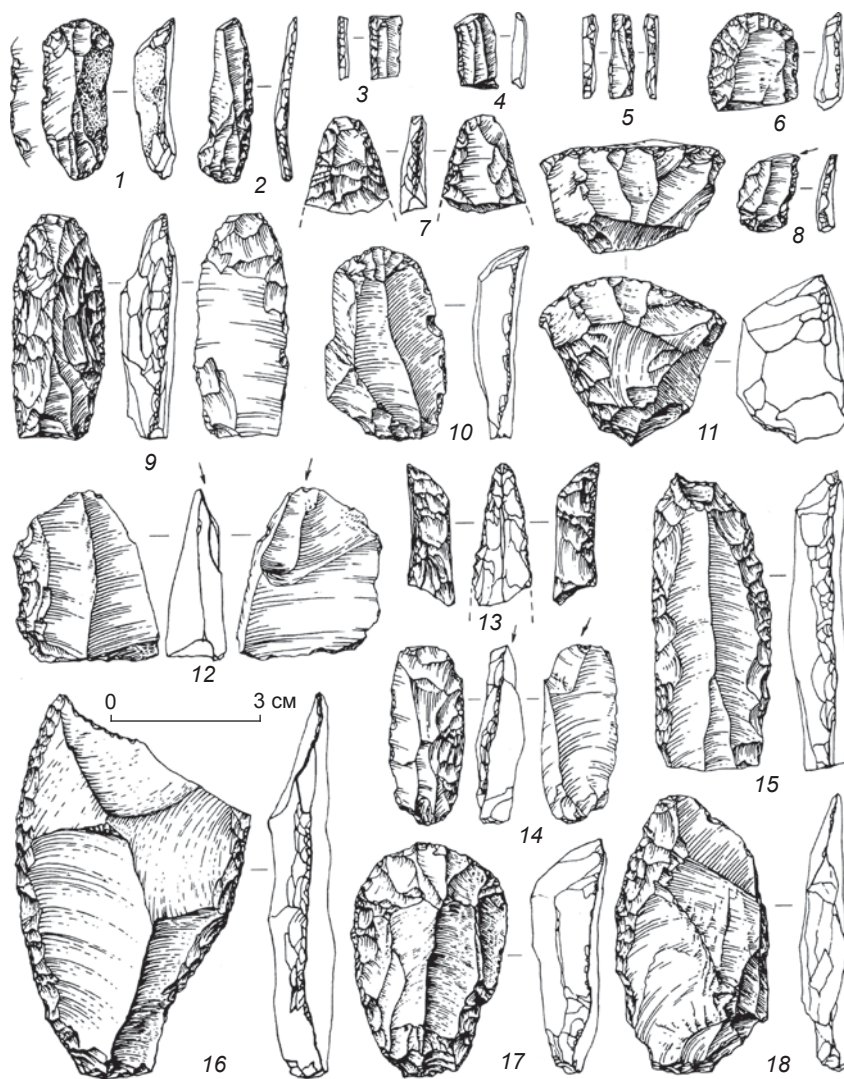

Рис. 2. Артефакты из слоев 9 (3–5, 7, 9–11) центральной камеры, 5 (2, 6, 8) и 6 (1, 13, 15, 18) предвходовой площадки Денисовой пещеры, слоев 2 (12, 14) и 3 (16, 17) стоянки Усть-Каракол I [Природная среда..., 2003].

1, 6, 10, 11, 13, 15, 17 – скребки; 8, 12, 14 – резцы; 2–5 – пластинки с притупленным краем; 7 – бифас; 9, 16, 18 – скребла.

выразительные параллельные ядрища, среди которых – плоские одно- и двуплощадочные двусторонние со следами продольно-поперечного раскалывания. Выделяются массивные торцовые нуклеусы. Среди технических продуктов имеется круто изогнутый скол с рабочей поверхностью клиновидного нуклеуса, свидетельствующий об использовании микропластинчатых технологий. В набор орудий, выполненных на пластинах и отщепках, входят концевые скребки (иногда с ретушированным краем заготовки), угловые резцы с обработанным ретушью краем, долотовидное орудие, пластины и пластинки с лицевой и брюшковой ретушью, продольные скребла, зубчато-выемчатые орудия. Обнаружены тронкированное изделие и пластинки с притупленным и выпуклым концом.

К ньяпанской стадии сартанского времени относятся материалы, близкие к технокомплексам 14а, 13, 12, 11г из пещеры Каминной [Деревянко, Маркин, 2003; Маркин, 2005]. Параллельные способы расщепления горных пород представлены плоскими одноплощадочными одно- и двусторонними продольно-поперечными ядрищами, массивными торцовыми нуклеусами, а также укороченными сколами, которые по огранке и параметрам похожи на пластины. Радиальная техника отражена в дисковидных односторонних нуклеусах и угловатых сколах. Результатами использования микропластинчатых технологий являются пластинки и микропластинки с параллельными краями и гранями, а также технические сколы с фронтальной поверхности клиновидных ядрищ. В качестве заготовок для орудий использовались пластины и отщепы, в редких случаях – галечные желваки. Среди орудий многочисленны сколы, прежде всего пластины с лицевой, брюшковой, двусторонней ретушью краев, реже – концов заготовок, иногда с элементами утончения нижней поверхности. Выразительны концевые, боковые скребки на широких, треугольных и удлинённых сколах, округлых отщепах. Встречены угловые и боковые атипичные резцы, угловые проколки, долотовидные орудия на треугольных сколах. В числе скребел имеются поперечные, продольные, диагональные изделия; некоторые из последних – с ретушью на нижней поверхности, оформляющей прямые и дугообразные кромки. Выемчатые изделия оформлены ретушью или глубоким одинарным лицевым сколом; некоторые орудия с зубчатыми кромками имеют утолщенный обушок. Представлены ножи с искусственными упорами, остроконечники с ретушью по краям, галечные односторонние орудия, редкие овальные и подтреугольные бифасы. Предварительно к ньяпанской стадии отнесены материалы слоев 4 и 3 стоянки Усть-Каракол I (рис. 2, 16, 17). Среди орудий выделяются концевой скребок с широким выпуклым лезвием, оформленным на сколе с краями, покрытыми ретушью; срединный резец, пластины с ретушированными краями, одинарное скребло, нож с естественным обушком.

С кокоревским интерстадиалом предварительно соотнесены немногочисленные находки из слоя 2 стоянки Усть-Каракол I [Природная среда..., 2003]. Среди них имеются мелкие односторонние нуклеусы, скребок на отщепе, шиповидное орудие с выделенным концом на углу широкого скола (рис. 2, 12, 14). Более представительной является индустрия из слоя 11в пещеры Каминной [Маркин, 2005]. Среди параллельных ядрищ выделяются массивные, плоские, односторонние одноплощадочные формы, предназначенные для скалывания крупных узких и широких пластин. К двусторонним двуплощадочным относятся нуклеусы с соприкасающимися площадками и сле-

дами продольно-поперечного расщепления, с противоположащими площадками и признаками встречного скалывания заготовок. Коллекция включает призматические остаточные продукты с гладкими площадками, покрытые негативами снятия пластинок и микропластинок, а также торцовые ядрища и заготовки клиновидных. Выразительные пластинки и микропластинки являются свидетельствами использования призматических и микропризматических технологий. Несколько нуклеусов отражают радиальные способы раскалывания камня, в результате использования которых люди получали угловатые сколы. Среди изделий со следами вторичной обработки выделяются верхнепалеолитические орудия. Это концевые скребки на пластинах, в т.ч. с расходящимися ретушированными продольными краями, а также концевые скребки на отщепах и с ретушью на части периметра заготовки. Группа резцов состоит из угловых разновидностей, некоторые с обработанной ретушью краем. Имеются проколки на пластинах, острия с косым основанием на пластинках, концы которых образованы сходящимися ретушированным и необработанным краями заготовки, а также долотовидные орудия, ретушированные сколы, среди которых выделяются узкие естественно заостренные и широкие пластины с краями, оформленными лицевой и противоположающей ретушью; пластинки с притупленным краем. В коллекцию орудий входят ножи с естественными обушками, скребла (продольные, диагональные, конвергентные, с ретушью с брюшка), мелкие «скреблышки». Имеются тронкированные изделия, образованные на широких пластинах со скошенным концом и ретушью по продольному краю, а также анкоши, зубчатые орудия, чоппер. Костяные изделия представлены обломками игл.

К норильской стадии сартанского времени относятся материалы слоев 11б, 11а пещеры Каминной и, возможно, нижней части разреза пещеры Искра [Там же; Маркин, Антипов, 2012]. Комплексы из пещеры Каминной свидетельствуют о широком использовании технологии параллельного расщепления камня. Представлены нуклеусы плоские одноплощадочные, двуплощадочные двусторонние со следами снятия заготовок в продольном и поперечном направлениях, трехплощадочные с признаками встречного и поперечного снятия заготовок на разных рабочих поверхностях. Имеются мелкие призматические четырехугольные нуклеусы с прямой площадкой, клиновидные, как правило, фрагментированные; торцовые, выполненные на сколах. Среди орудий выделяется группа скребков на пластинах и отщепах (рис. 3). Выявлены концевые скребки с ретушью по краям, в т.ч. высокой формы, боковые, с диагонально расположенным лезвием. Один из артефактов имеет элементы концевого скребка и проколки. Обнаружены обработанные ско-

лы и пластины с параллельными и расходящимися краями, покрытые лицевой, реже брюшковой и противоположной ретушью; в их числе – единичные изделия с утонченной нижней поверхностью в бугорковой части. Выделяется группа концевых и боковых проколов с вытянутыми жальцами. Единичны шиповидные изделия, выполненные на углу заготовки, острия на треугольном сколе с брюшковой ретушью по краям и долотовидные орудия на отщепе. Группа микроинвентаря включает пластинки с притупленным краем и противоположными ретушированными лезвиями, а также атипичные микрорезцы. Набор орудий дополняют продольные, поперечные и угловатые трехлезвийные скребла, некоторые с оббитой нижней поверхностью заготовки; зубчатые, выемчатые орудия, ножи с естественными обушками. Яркие находки – листовидный фрагментированный плоско-выпуклый бифас, часть леваллуазского остроконечника и чоппер. Набор костяных изделий состоит из левого нижнего резца взрослой особи сурка с многочисленными параллельными нарезками, нанесенными вдоль большой кривизны резца, а также фрагмента острия иглы округлого сечения.

В коллекции слоя 5б пещеры Искра параллельную технологию расщепления горных пород представляют двуплощадочный трехсторонний нуклеус с признаками продольно-поперечного снятия заготовок и одноплощадочное двустороннее ядрище. О широком использовании торцовых нуклеусов свидетельствуют технические крутоизогнутые удлиненные сколы. Среди орудий показательны обработанные ретушью пластины и пластинки. Имеются пластины с утонченными концами заготовки и пластинки с притупленным прямым и слабовыпуклым краем. Выявлены единичные образцы концевых и боковых скребков, зубчатых и выемчатых орудий, фрагмент продольного скребла. Костяные изделия: наполовину расчлененная трубчатая кость представителя копытных с залощенным прямым концом и фрагмент пластинки с косыми нарезками.

Индустрия слоя 4в пещеры Искра характеризуется плоскими и слабовыпуклыми ядрищами (рис. 4). Выделяются одноплощадочные одно- и двусторонние,

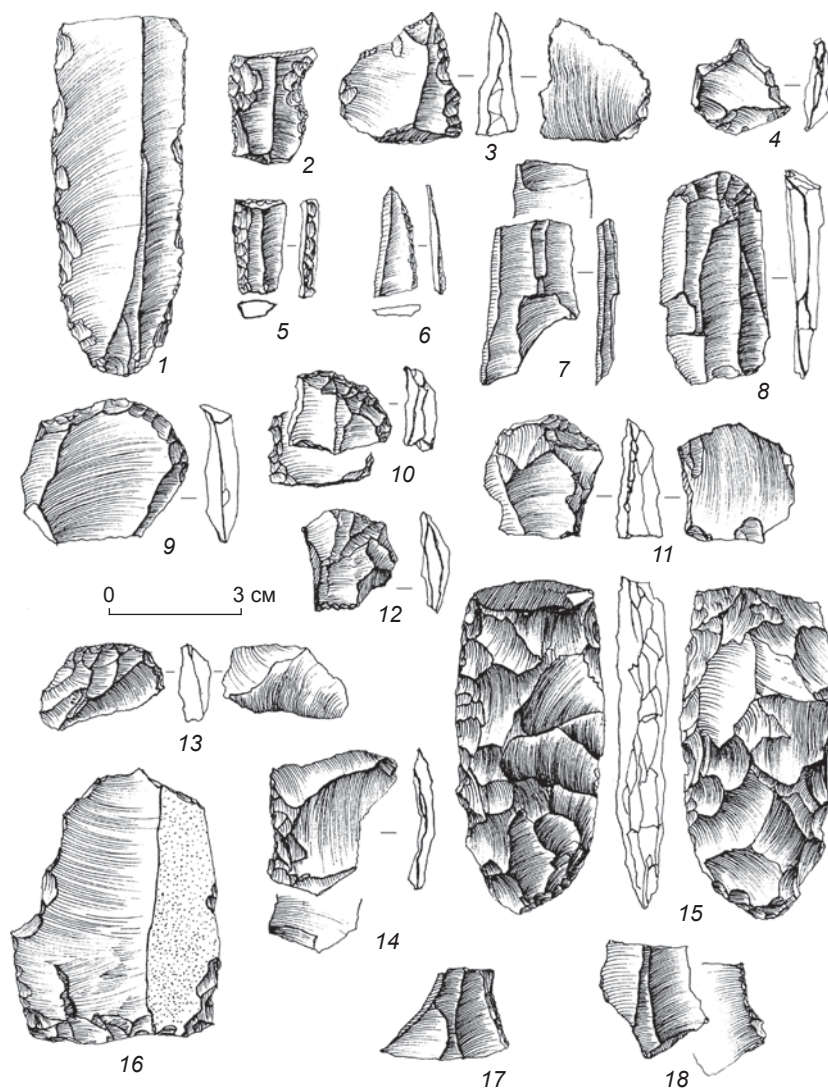

Рис. 3. Артефакты из слоя 11б пещеры Каминной.

1, 5, 17, 18 – пластины с ретушью; 2, 14 – анкоши; 3 – острие; 4 – проколка; 6 – пластинка с притупленным краем; 7 – пластина; 8–10, 12 – скребки; 11 – отщеп с ретушью; 13 – долотовидное орудие; 15 – бифас; 16 – скребло.

двуплощадочные трехсторонние нуклеусы. Массивные уклонившиеся снятия свидетельствуют об использовании торцовых разновидностей нуклеусов. Коллекция сколов помимо отщепов, пластин и пластинок содержит овальные отщепы с радиальной огранкой и угловатые артефакты. Орудийная часть коллекции включает концевые скребки на широких пластинах, в т.ч. со сплошь обработанными расходящимися краями, единичные угловые резцы, долотовидные изделия, отщепы с мелкой брюшковой ретушью, выемчатые изделия на пластинах. Разнообразна группа обработанных пластин и пластинок. Это изделия с лицевой и противоположной ретушной отделкой, с притупленными краями и концами заготовки. Имеется тщательно обработанный листовидный бифас с выпуклым основанием. В числе микроизделий – микроострие и пла-

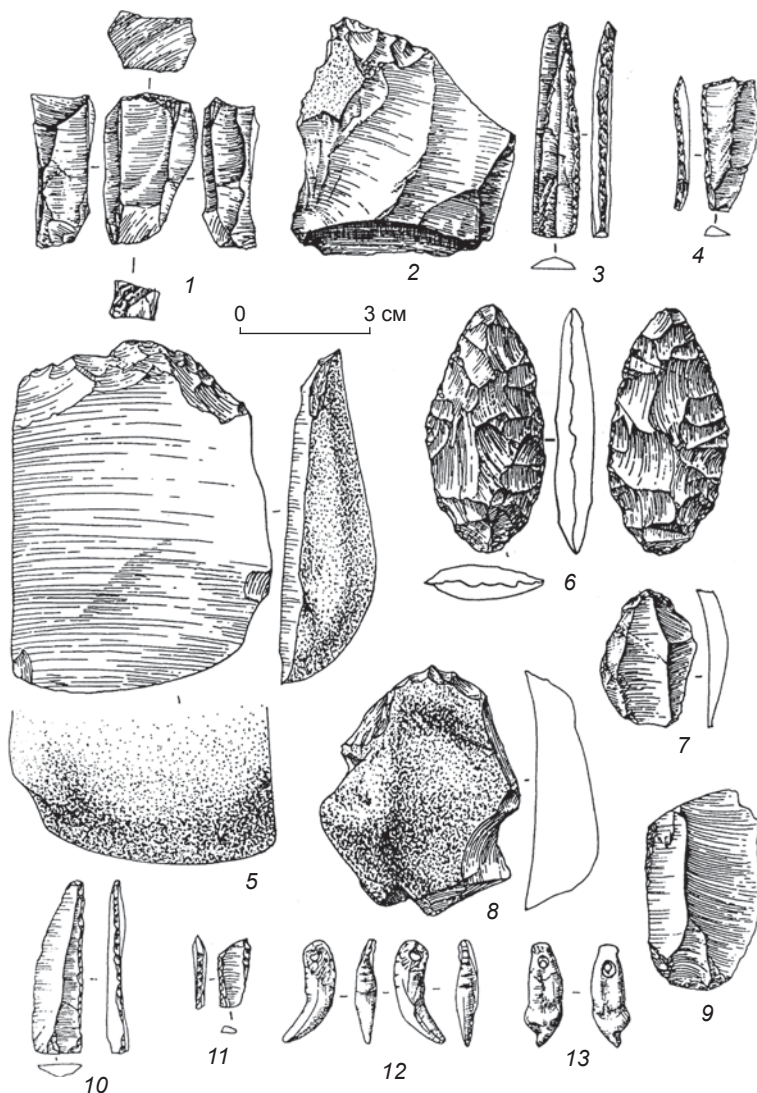

Рис. 4. Каменные (1–11) и костяные (12, 13) артефакты из горизонтов 1 (1–4) и 2 (5–13) слоя 4в пещеры Искра.

1 – ядрище; 2 – скребло в начальной стадии оформления; 3, 4, 10, 11 – пластинки с притупленным краем; 5 – скребло с брюшковой ретушью; 6 – бифас; 7, 8 – скребки; 9 – ретушированная пластина; 12, 13 – костяные подвески.

стинки с одним, реже двумя притупленными краями. Коллекцию дополняют скребла продольные, поперечные, диагональные, конвергентные, с брюшковой ретушью. К костяным изделиям относятся две подвески: одна представляет собой просверленный клык лисицы, орнаментированный по торцам параллельными насечками, другая с биконическим отверстием сделана из коренного зуба лисицы.

Обсуждение результатов

Рассмотренные индустрии сарганских объектов близки к технокомплексам стоянок других регионов Алтая. Сходство проявляют материалы памятников Цен-

трального Алтая (Усть-Сема (нижний слой), Усть-Куюм (слой 4), Тыткескень-3 (слой 6), Каратурук и др.) и предгорий Северного (Сростки (слои 2, 3), Урожайная, Майма (нижний слой), Куяк-5 и др.) [Деревянко, Петрин, Рыбин, 1992; Кадиков, Лапшин, 1978; Кунгуров, 1993, 1995; Кунгуров, Кадиков, 1985; Лапшин, Кадиков, 1981; Окладников, Владыкин, 1967; Сосновский, 1941]. Для них характерна техника параллельного скалывания заготовок с массивных галечных ядрищ, редки радиальная и иные технологии расщепления горных пород. Способы получения микропластин отражены в торцовых и клиновидных нуклеусах. Из сколов преобладают отщепы, пластины редки. Среди орудий представлены разнообразные скребла, иногда с частичной двусторонней отделкой. Выразительны скребки (округлые, овальные, концевые, веерообразные, нуклеидные, микроформы). Встречаются угловые проколки с массивным или утонченным выступом, резцы, остря, долотовидные орудия, остроконечники, зубчато-выемчатые изделия, ножи, редкие треугольные бифасы с выпуклым основанием. В материалы памятников Усть-Сема, Усть-Куюм входят галечные орудия. В поверхностных сборах имеются кинжал, пазовые наконечники копий; гарпуны, выполненные из костей бизона; на стоянке Тыткескень-3 (слой 6) обнаружено костяное острие.

Близкие к рассматриваемым сочетания наборов инвентаря обнаружены в индустриях погребенных стоянок Юстыд I (слои 1–4) и Юстыд II на юго-востоке Алтая [Деревянко, Маркин, 1987]. В них представлены плоские параллельные, клиновидные, карандашевидные ядрища, ретушированные пластины, скребки (концевые, боковые, на округлых отщепках), угловые резцы, зубчатые, галечные орудия, продольные, угловатые скребла, единичные леваллуазские сколы.

Аналогии с изучаемыми проявляют материалы памятников северо-восточного Алтая (Ушлеп-2–6, Школьная Гора I, Дмитриевка и др.). Индустрии этой части региона содержат плоские параллельные, призматические и клиновидные ядрища. Орудийные наборы включают зубчато-выемчатые изделия, концевые скребки, угловые резцы, долотовидные орудия, скребла, остря, рубящие артефакты. На ряде стоянок обнаружены пластины и пластинки с ретушью,

микроинвентарь в виде пластинок с притупленным краем и косым, усеченным ретушью концом, а также микроострия [Барышников и др., 2005].

Параллели прослеживаются между индустриями Алтая и технокомплексами различных районов Южной Сибири. Стадиальное сходство с алтайскими материалами демонстрируют коллекции верхнепалеолитических памятников западной части Центральной Азии, прежде всего стоянок Кульбулак (слой 2.1), Додекатым-2 (слои 5–2) и Шугноу (слой 1). Кареноидные изделия, зафиксированные в комплексе стоянки Ануй-2, в единичных экземплярах встречаются во многих сибирских коллекциях [Колобова и др., 2013; Kolobova, Krivoshapkin, Shnaider, 2019].

Заключительная стадия верхнего палеолита Кузнецкой котловины и Горной Шории представлена материалами стоянок Бедарево II, Ильинка II, Шорохово I, Шумиха I и др., в которых преобладают продукты параллельного расщепления – одно- и двуплощадочные одно- и двусторонние плоские ядрища. Имеются торцовые микронуклеусы, редкие клиновидные ядрища. Встречаются артефакты, отражающие леваллуазские и радиальные способы расщепления пород. Основной заготовкой для изготовления орудий служили удлиненные снятия; повсеместно представлены микропластинки. В наборе орудий доминируют пластины и пластинки с ретушью по краям, иногда на концах. Редки пластинки с притупленным краем. Представительны группы выемчатых, зубчатых изделий, скребков (концевые, боковые, с ретушью по всему периметру и его части, двойные, стрельчатые, с «носиком», микроскребки), выполненных на пластинах и отщепах, резцов (двугранные, угловые). Меньше скребел (продольные, поперечные, угловатые), обушковых ножей, галечных орудий. Единичны долотовидные изделия, проколки, остроконечники, овальные бифасы [Маркин, 1986].

Большое количество сарганских стоянок, инвентарь которых отражает две разновидности культуры, различающиеся прежде всего по способам расщепления камня [Палеолит Енисея, 1991], сосредоточено в бассейне верхнего и среднего Енисея. В афонтовском варианте (Афонтова Гора II, Кокорево II, III, Таштык I, II, Майнинская, Кантегир, Лиственка (слои 14, 4–1)) представлены аморфные площадочные ядрища и микронуклеусы – клино-, кельто-, карандашевидные, торцовые на осколках и др. Основной заготовкой для орудий служили отщепы. Для кокоревского варианта (Кокорево I, Новоселово VI, VII, XII, Лиственка (слои 5–13)) характерны крупные параллельные одно- и двуплощадочные нуклеусы для снятия пластин и микронуклеусы, близкие к продуктам афонтовских памятников. Основная часть изделий изготовлена на пластинах. Различия между афонтовскими и кокоревскими орудиями определяются их процент-

ным соотношением. В разных пропорциях представлены разнообразные ретушированные пластины, в т.ч. пластинки с притупляющей ретушью по краям. Обнаружены резцы (двугранные, боковые, поперечные), скребки (концевые на пластинах и отщепах, боковые, сегментовидные, с ретушью по всему периметру или на его половине, двойные, микроскребки, реже стрельчатые, с черешком, выемкой в основании), микродолотовидные и долотовидные орудия, некоторые с ретушью на продольных краях, проколки и микропроколки, клювовидные изделия. Многочисленны скребла на отщепах и пластинах (одинарные боковые, двойные, конвергентные, поперечные, обработанные по периметру, реже угловатые, образованные на галках или нуклеусах); меньше остроконечников (удлиненные, широкие укороченные), острий, галечных орудий (чопперы, топоры, тесла). Большую группу составляют зубчатые и выемчатые изделия. Наборы костяных и роговых орудий включают наконечники (пазовые, беспазовые, игловидные), вкладышевые изделия, мотыги из рога оленя, молотки, острия, шилья, иглы, «жезлы начальников» и др. Коллекция украшений включает подвески из зубов животных и мягкого камня, фрагменты налобных обручей. В одном из слоев Майнинской стоянки обнаружена антропоморфная статуэтка из обожженной глины.

Некоторое сходство с сарганскими индустриями Алтая имеет инвентарь стоянок Приангарья, относящихся к концу верхнего палеолита. Небольшая коллекция с местонахождения Федяево на Ангаре включает клиновидные нуклеусы, продольные и поперечные скребла на отщепах, долотовидные изделия [Астахов, 1963]. Более представительны индустрии стоянок Кулаково I и Черемушник II на Ангаре (культурный горизонт 2). Технику расщепления характеризуют одно- и двуплощадочные призматические и клиновидные ядрища. В числе орудий, изготовленных на отщепах и пластинах, – скребки (боковые, концевые, с ретушью на части периметра, микроформы), долотовидные изделия, диагональные резцы, двусторонние острия. Характерны скребла (одинарные, двойные, конвергентные, с ретушью по периметру), обушковые ножи, галечные орудия. Костяной инвентарь стоянки Черемушник II содержит обломок шила, подвеску из зуба оленя, фрагменты костей с поперечными насечками [Леженко, 1974].

Заключительной стадии верхнего палеолита Забайкалья соответствует серия объектов, расположенных в западной и восточной части региона. Для каменного инвентаря стоянки Ошурково (Западное Забайкалье) характерны плоские одноплощадочные ядрища, микронуклеусы, в т.ч. клиновидные. Орудия представлены скребками на отщепах и пластинах (концевые, боковые, высокой формы, с ретушью по всему периметру и на его части), резцами (косо-

ретушные, поперечные), ретушированными сколами, а также дугообразными скреблами и галечными изделиями [Абрамова, 1989]. Среди костяных артефактов имеются основы вкладышевых орудий, плоский гарпун, обломок иглы.

Большая группа стоянок, датированных 18,0–10,8 тыс. л.н., сосредоточена в Восточном Забайкалье (Студеное I (слои 19–14), Студеное II (слои 3, 4), Усть-Менза I (слои 21–25), Усть-Менза II (слои 4–24), Усть-Менза III (слои 2–5), Усть-Менза IV (слои 2, 3), Косая Шивера I (слой 14), Алтан (слои 16–19)) [Константинов, 1994]. Их инвентарь включает подпризматические, плоские и ортогональные ядрища, клиновидные микронуклеусы. Орудия представлены концевыми и боковыми скребками из пластин и отщепов, микроскребками, пластинами и микропластинками с ретушью, резцами (поперечные с ретушью по краям, угловые, боковые, срединные), проколками, долотовидными изделиями, а также скреблами (поперечные, продольные одинарные и двойные, с двусторонней отделкой), галечными артефактами (чопперы, тесла), редкими остроконечниками, ножами. Среди изделий из кости – ложило, вкладышевый нож, шило, острие, рукоятка и молоток из рога.

Заключение

Материалы заключительной стадии верхнего палеолита Северо-Западного Алтая свидетельствуют о преемственности и последовательном развитии ранних технокомплексов, существовавших в этой части региона 28–23 тыс. л.н. В 12–6 горизонтах стоянки Ануй-2 обнаружены плоские, призматические и клиновидные ядрища, разнообразные скребла, скребки, резцы, выразительные серии микроострий, пластинок с притупленным краем и усеченными с помощью ретуши концами [Деревянко, Шуньков, Постнов, 1998].

В отличие от среднепалеолитических сартанских объекты Северо-Западного Алтая, представляющие собой жилые стоянки с полным циклом обработки камня, характеризуются более сложными сырьевыми стратегиями с использованием сырья, которое добывалось в непосредственной близости, а также вдали от стоянок. Анализ распределения археологического материала на вскрытых участках большинства объектов региона не выявил зон концентрации. Лишь в некоторых слоях Каминной пещеры зафиксированы скопления (?) немногочисленных ядрищ и более выраженные скопления мельчайших сколов, что предполагает наличие специализированных участков по расщеплению сырья и дальнейшей отделке заготовок [Маркин, 2006]. Сооружения в виде простых овальных очагов представлены лишь в горизонтах 4 и 3 стоянки Ануй-2 [Природная среда..., 2003].

Далеко не простой задачей является реконструкция охотничьей деятельности ископаемого человека региона. Основная масса остатков мегафауны обнаружена в пещерных толщах [Там же; Васильев, Деревянко, Маркин, 2006]. Это были животные открытых ландшафтов – лошадь, шерстистый носорог, бизон, архар, сайгак и др. В Каминной пещере найдено много костей сибирского горного козла – обитателя скальных биотопов. Остатков таежных обитателей (соболь) гораздо меньше. Немногочисленны кости представителей мегафауны – лося, марала, косули, которые предпочитали полуоткрытые лесостепные ландшафты. Заметное место в тафоценозе пещер занимали пещерная гиена и пещерный лев. Высокая степень раздробленности костей, наличие на их фрагментах погрызов, многочисленность костей и зубов со следами кислотной коррозии являются результатом пищевой активности пещерной гиены и других хищников. На ряде фрагментов трубчатых костей отмечены порезы, свидетельствующие об участии первобытного человека в пещерной аккумуляции остатков костей. Видимо, основными объектами его охоты были массово представленные в отложениях виды животных, характерных для горных ландшафтов, – горные козлы, архары, сайгаки, лошади.

Палеолитические технокомплексы Северо-Западного Алтая, относящиеся к разным климатическим стадиям сартанской эпохи, обладают общими признаками. Варибельность инвентаря выражается по большей части лишь в объемах разновидностей артефактов. Способы расщепления горных пород на всех стоянках основаны на параллельном раскалывании; их результатом были плоские типологически простые одно- и двуплощадочные, одно- или двусторонние, реже трехсторонние ядрища со следами встречного или продольно-поперечного скалывания заготовок. Во всех комплексах имеются торцовые и редкие клиновидные нуклеусы, свидетельствующие о применении микропластинчатых технологий. В качестве заготовок служили пластины, пластинки и отщепы, в отдельных случаях – небольшие валуны галек. Пластинчатая направленность технокомплексов характерна для стоянок в низкогорной части региона (Искра, Денисова, Усть-Каракол I), население которых использовало в основном осадочные породы (алевролиты, песчаники). Для индустрий Каминной пещеры, приуроченной к среднегорью Алтая, удлиненные заготовки менее характерны, что можно объяснить преимущественным использованием порфировых разностей вулканических пород. Очевидно, сырьевой фактор определял варибельность индустрий. В орудийных наборах всех стоянок сочетаются артефакты верхнепалеолитической типологии и изделия, широко представленные в комплексах среднего палеолита. Немалую долю среди орудий составля-

ют разнообразные скребки, ретушированные сколы и резцы. Имеются долотовидные изделия, проколки, единичные бифасы, орудия с черенком. Во многих технокомплексах сарганских объектов зафиксирован микроинвентарь, чаще в виде пластинок с притупленным прямым или дугообразным краем, реже с притупленным концом. В слое 9 Денисовой пещеры обнаружен геометрический микролит, не характерный для палеолита Алтая. Индустрии памятников содержат скребла различной типологии, зубчатые орудия, анкоши, редкие остроконечники, галечные артефакты, ножи с обушками, шиповидные и клювовидные орудия. Костяные изделия включают иглы овального и округлого сечения, проколки, подвески с отверстием из зубов крупных животных, пронизки цилиндрической формы из трубчатых костей птиц, кольца из скорлупы яиц страуса, пластины с насечками, орудия с уплощенным основанием [Природная среда..., 2003; Krivoshapkin et al., 2018].

В целом, материалы заключительной стадии палеолита Алтая имеют большое сходство. Оно проявляется в технологиях расщепления камня и в типологии вторично преобразованных артефактов. Алтайские памятники по облику индустрии, как отмечал еще А.П. Окладников [1981], близки к синхронным стоянкам юга Сибири (в Кузнецкой впадине, Приангарье, Забайкалье, на Енисее). Следовательно, в конце верхнего палеолита технокомплексы Алтая являлись частью единой культуры позднепалеолитического человека Южной Сибири.

Благодарность

Работа выполнена в рамках проекта НИР № 0329-2019-0001.

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолит Северной Азии // Палеолит Кавказа и Северной Азии. – Л.: Наука, 1989. – С. 143–243.

Астахов С.Н. Позднепалеолитическая стоянка у д. Федеево на Ангаре // СА. – 1963. – № 3. – С. 209–215.

Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая / А.П. Деревянко, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, М.И. Дергачева, Т.А. Дупал, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, В.И. Молодин, С.В. Николаев, Л.А. Орлова, В.Т. Петрин, А.В. Постнов, В.А. Ульянов, И.К. Феденева, И.В. Форонова, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 176 с.

Барышников Г.Я., Кунгуров А.Л., Маркин М.М., Семибратов В.П. Палеолит Горной Шории. – Барнаул: Аз Бука, 2005. – 279 с.

Болиховская Н.С., Деревянко А.П., Шуньков М.В., Маркин С.В., Соболев В.М. Палеогеографические особенности развития плейстоценовой растительности и климата

Алтая и Восточного Предкавказья в эпоху обитания древнего человека // Проблемы палеогеографии и стратиграфии плейстоцена. – М.: Геогр. фак. Мос. гос. ун-та, 2011. – С. 373–418.

Васильев С.К., Деревянко А.П., Маркин С.В. Фауна крупных млекопитающих сарганского времени Северо-Западного Алтая (по материалам пещеры Каминная) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 2. – С. 2–22.

Деревянко А.П. Новые археологические открытия на Алтае и проблема формирования *Homo sapiens*. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 132 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Палеолит Чуйской котловины. Горный Алтай. – Новосибирск: Наука, 1987. – 113 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Среда обитания и культура человека верхнего палеолита среднегорного пояса Северо-Западного Алтая (по результатам комплексного исследования пещеры Каминная) // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 398–400.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Барышников Г.Я., Феденева И.Н. Пещера Искра – новый многослойный памятник в предгорном Алтае // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 68–70.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Кулик Н.А., Колобова К.А. Эксплуатация каменного сырья представителями сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 3. – С. 3–16.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П. Комплекс каменной индустрии палеолитического памятника Сопка Урожайная. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. – 53 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Анойкин А.А. Археологическая характеристика верхнепалеолитического комплекса Денисовой пещеры // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 153–161.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Маркин С.В. Климатические и палеогеографические сценарии в неоплейстоцене Северо-Западного Алтая // Глобальные изменения климата и природной среды позднего кайнозоя в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 249–322.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Постнов А.В. К характеристике среднего этапа верхнего палеолита Алтая // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 174–184.

Кадиков Б.Х., Лапшин Б.Н. Каратурук – новая стоянка каменного века Горного Алтая // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 3–10.

Колобова К.А. Приемы оформления каменных орудий в палеолитических индустриях Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 135 с.

Колобова К.А., Флас Д., Деревянко А.П., Павленок К.К., Исламов У.И., Кривошапкин А.И. Кульбулакская мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Цен-

тральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 2. – С. 2–25.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ: Ин-т обществ. наук БНЦ СО РАН, Чита: Чит. гос. пед. ин-т, 1994. – 180 с.

Кинд Н.В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. – М.: Наука, 1974. – 255 с.

Кривошапкин А.И., Зенин В.Н., Шалагина А.В. Результаты полевых исследований пещеры Страшная в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 54–56.

Кулик Н.А., Маркин С.В. К петрографической характеристике каменной индустрии пещеры Каминная (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 136–141.

Кулик Н.А., Маркин С.В. Петрографический состав индустрии финального палеолита из пещеры Искра (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 121–125.

Кунгуров А.Л. Палеолит и мезолит Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. – 88 с.

Кунгуров А.Л. Палеолитическая стоянка Куяк-5 на Чумыше // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. – Вып. V, ч. 2. – С. 3–7.

Кунгуров А.Л., Кадиков Б.Х. Многослойное поселение Усть-Сема // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1985. – С. 29–50.

Лапшин Б.И., Кадиков Б.Х. Позднепалеолитическая стоянка у села Майма в Горном Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 9–21.

Лежненко И.Л. Итоги исследований позднепалеолитических памятников Кулаково I и Черемушник II // Древняя история народов Юго-Восточной Сибири. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1974. – Вып. 2. – С. 65–115.

Маркин С.В. Палеолитические памятники бассейна реки Томи. – Новосибирск: Наука, 1986. – 176 с.

Маркин С.В. Заключительная стадия верхнего палеолита Алтая и культурное единство Южной Сибири и северных регионов Центральной Азии // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 81–87.

Маркин С.В. Среда и культура Северо-Западного Алтая в период заключительной стадии верхнего палеолита // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. I. – С. 185–190.

Маркин С.В., Антипов А.С. Пещера Искра – стоянка заключительной стадии верхнего палеолита Северо-Западного Алтая // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 81–93.

Окладников А.П. Палеолит Центральной Азии. Мойлтын-Ам (Монголия). – Новосибирск: Наука, 1981. – 461 с.

Окладников А.П., Владыкин В.А. Древнее поселение на р. Куюме (Алтай) по раскопкам 1964–1965 гг. // Изв. Лаборатории археологических исследований. – Кемерово: Кем. гос. пед. ин-т, 1967. – Вып. 1. – С. 66–79.

Павленок Г.Д. Методические подходы к изучению материалов заключительной стадии верхнего палеолита Алтая // Теория и практика археологических исследований. – 2018. – Вып. 4 (24). – С. 7–19.

Палеолит Енисея. – Л.: Наука, 1991. – 158 с.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая // А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Сосновский Г.П. Палеолитическая стоянка у с. Сростки на р. Кагуни // Палеолит и неолит СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 109–125. – (МИА; № 2).

Шалагина А.В., Боманн М., Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Костяные иглы из верхнепалеолитических комплексов Страшной пещеры (Северо-Западный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. – 2018. – № 1 (21). – С. 84–93.

Шуньков М.В., Козликин М.Б. Каменная индустрия заключительной стадии верхнего палеолита из восточной галереи Денисовой пещеры // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 180–188.

Jacobs Z., Li Bo, Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasiliev S.K., O’Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia // Nature. – 2019. – Vol. 565. – P. 594–599.

Kolobova K., Krivoshapkin A., Shnaider S. Early Geometric Microlith Technology in Central Asia // Archaeol. and Anthropol. Sci. – 2019. – Vol. 11 (4). – P. 1407–1419.

Krivoshapkin A., Shalagina A., Baumann M., Shnaider S., Kolobova K. Between Denisovans and Neanderthals: Strashnaya Cave in the Altai Mountains // Antiquity. – 2018. – Vol. 92 (365). – P. 1–7.

Материал поступил в редколлегию 16.09.19 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.1.041-051
УДК 903

И.Ю. Понкратова

Северо-Восточный государственный университет
ул. Портовая, 13, Магадан, 685000, Россия
E-mail: ponkratova1@yandex.ru

Этапы заселения территории вокруг Большого Ушковского озера на Камчатке в конце плейстоцена – голоцене

В статье представлены результаты исследований четырех многослойных и одной несмешанной стоянки Ушки на территории вокруг Большого Ушковского озера на п-ове Камчатка. Стоянки были открыты и изучались в 1961–1990 гг. Н.Н. Диковым и М.А. Диковой. Материалы комплексных исследований стоянки Ушки V, проводившихся экспедицией Северо-Восточного государственного университета в 2004–2011 гг., позволили расширить информацию о заселении полуострова в конце плейстоцена – голоцене. Приводятся данные по хронологии стоянки, технико-типологическая характеристика археологических находок. Установлено, что стоянки Ушки на рубеже плейстоцена – голоцена заселялись не менее 8 раз. Большое внимание уделяется изучению каждого этапа заселения, дается хронология: ранний период перехода от палеолита к неолиту (~13320–12022 кал. л.н.), поздний период перехода от палеолита к неолиту (12225–10131 кал. л.н.), начальный неолит (~8608–8297 кал. л.н.), ранний неолит (~6679–4406 кал. л.н.), средний неолит (~2809–1516 кал. л.н.), поздний неолит (~1059–996 кал. л.н., или 960–1020 гг. н.э.), первый (806–597 кал. л.н., или 1200–1400 гг. н.э.) и второй (~564–55 кал. л.н., или 1650–1700 гг. н.э.) периоды древнеительменской культуры. Выделены особенности орудий первого периода заселения (бифасиальные наконечники стрел и дротиков с черешком) и второго (микропластинчатая технология изготовления каменных изделий – техника юбецу). Отмечается, что в эпоху начального неолита появляются орудия на пластинах, распространяется вкладышевая техника, возможно, упряжное собаководство. Для раннего неолита характерны керамика, призматические и конические нуклеусы, наконечники и резцы на пластинах. В эпоху тарьинской культуры среднего и позднего неолита распространяются трехгранные наконечники стрел, посуда из дерева; грубо оббитые односторонние тесла сменяются на шлифованные, появляются лабретки. Седьмой и восьмой этапы представлены материальным комплексом культуры древних ительменов. На основе результатов исследования выдвигается предположение о том, что древнейшие жители ушковских стоянок сыграли немаловажную роль в миграционных процессах на территориях северо-востока и юго-востока Азии, северо-запада Америки. С учетом уточненных данных предложены новые наименования первого – четвертого этапов заселения ушковских стоянок.

Ключевые слова: Камчатка, переход от палеолита к неолиту, неолит, тарьинская, древнеительменская культура.

I.Y. Ponkratova

Northeastern State University,
Portovaya 13, Magadan, 685000, Russia
E-mail: ponkratova1@yandex.ru

Stages in the Late Pleistocene and Holocene Peopling of Lake Bolshoye Ushkovskoye Shore, Kamchatka

This article outlines the findings of excavations at the Ushki sites (four multi-layered and one single-layered) near Lake Bolshoye Ushkovskoye on the Kamchatka Peninsula. The sites were discovered and excavated by N.N. Dikov and M.A. Dikova in 1961–1990. Multidisciplinary studies conducted at Ushki V in 2004–2011 by the Northeastern State University extended our knowledge of the Late Pleistocene and Holocene peopling of the peninsula. Information about the chronology of the site and the technological and typological characteristics of lithics are provided. Results suggest that the habitation history of the sites included at least eight stages. Each one is described, and their absolute dates are provided: early stage of the Paleolithic to Neolithic transition (~13,320–12,022 cal BP), late

stage of the Paleolithic to Neolithic transition (12,225–10,131 cal BP), Initial Neolithic (~8,608–8,297 cal BP), Early Neolithic (~6,679–4,406 cal BP), Middle Neolithic (~2,809–1,516 cal BP), Late Neolithic (~1,059–996 cal BP, or 960–1020 AD), First Old Itelmen Period (~806–597 cal BP, or 1200–1400 AD), and Second Old Itelmen Period (~564–55 cal BP, or 1650–1700 AD). Lithics from the first habitation stage are bifacial arrowheads and stemmed projectile points, those of the second stage are tools on microblades, made in the Yubetsu technique. In the Initial Neolithic, tools on blades appear; inserts become common, and, possibly, dogs began to be bred for drafting. The distinctive traits of the Early Neolithic are pottery, prismatic and conic cores, and projectile points and burins on blades. The Tarya culture of the Middle and Late Neolithic is marked by trihedral arrowheads and wooden vessels; crude unifacial adzes give way to polished ones, and labrettes appear. The seventh and eighth stages represent the Old Itelmen culture. The findings suggest that the earliest inhabitants of Ushki played an important role in the migratory processes connecting Northeast and Southeast Asia with northwestern America. Based on more accurate dates, a new nomenclature for stages 1–4 of Ushki is proposed.

Keywords: Kamchatka, Paleolithic–Neolithic transition, Neolithic, Tarya culture, Old Itelmen culture.

Введение

Эталонными для разработки хронологии археологических культур Камчатки считаются стоянки Ушки. Они расположены в центральной части полуострова, на южном берегу Большого Ушковского озера, на окраине пьедестала крупной и высокой конусообразной вулканической постройки Ключевской группы вулканов, перекрытой ледниковыми флювиогля-

циальными и пролювиальными рыхлыми осадками (рис. 1). Толща почвенно-пирокластического чехла (ППЧ), входящего в ряд покровных образований, датируется верхним плейстоценом – голоценом [Титов, Казакова, 1985]. Стоянки находятся на высоте 37 м надур.м. и 3–5 м над ур. реки.

В 1961–1990 гг. четыре многослойные и одна несмешанная стоянки Ушки исследовались Н.Н. Диковым [1977, 1979, 1993] и М.А. Диковой [Goebel, Waters, Dikova, 2003]. На основе полученных результатов им были выделены семь этапов заселения изученной территории. Они соответствовали ранней стадии ушковской верхнепалеолитической культуры (13600 ± 250 л.н. (ГИН), 14300 ± 200 л.н. (ГИН 167)), поздней (10360 ± 350 л.н. (МО 345), 10760 л.н. (МАГ 219)), «финально-палеолитической» (8790 ± 150 л.н. (МАГ 231)), первой ушковской «мезолитической», раннеолитической культуре (4200 ± 100 л.н. (МАГ 132)), тарьинской культуре среднего неолита (2070 ± 190 л.н. (МО 354), 2160 ± 290 л.н. (МАГ 5), 2440 ± 80 л.н. (РУЛ 607)), позднему неолиту (1052 ± 25 л.н. (МАГ 32)) и «пережиточному» (220 ± 140 л.н. (МО 353), 235 ± 145 л.н. (МО), 675 ± 80 л.н. (ЛЕ 70)) [Диков, 1977, с. 43–44, 65, 73, 75, 242, 244].

В 2004–2011 гг. экспедицией Северо-Восточного государственного университета (г. Магадан) проводились комплексные исследования стоянки Ушки V, которые позволили расширить информацию о заселении полуострова в конце плейстоцена – голоцене [Диков, 1977, 1979, 1993; Пономаренко, 2014; Goebel, Waters, Dikova, 2003, p. 502], выделить четыре этапа заселения указанной стоянки и с учетом данных, полученных Н.Н. Диковым [1977, 1979, 1993], уточнить периодизацию всех стоянок Ушки и особенности этапов.

Материалы и методы

На стоянке Ушки V вскрыты отложения на территории площадью 148 м², найдено более 12 тыс. артефактов, изучено 30 стратиграфических профилей. В выявленном в позднеплейстоценовых отложениях культурном слое VII исследована часть жилища с очагом, входом

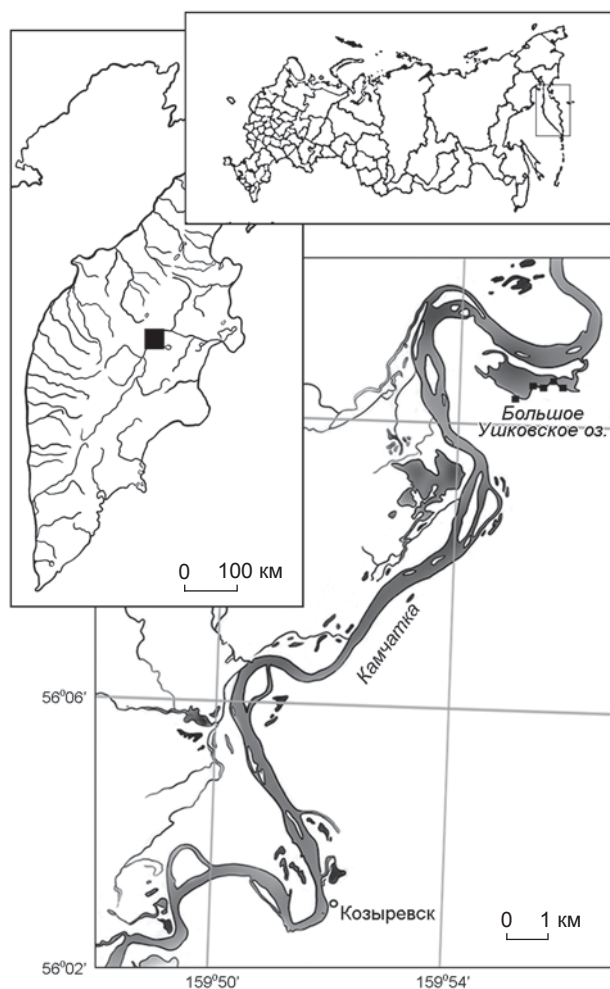

Рис. 1. Карта расположения стоянок Ушки.

и рабочей зоной. В слое обнаружены каменный инвентарь, украшения (подвески, бусины), лопата из кости, обломки костей животных, рыб, семечко растения, скорлупа кедрового ореха, гастролиты. В культурном слое VI изучена межжилищная площадка, на которой найдены клиновидные нуклеусы, пластины, пластинки и микропластины, отщепы, технические сколы, бифасиальные наконечники стрел, ножи-бифасы, пластины с ретушью, скребла, микроскребки, комбинированные орудия, отбойник. В культурном слое V исследован жилищный (?) котлован размерами 4 × 3 м, содержащий призматические нуклеусы, отщепы, пластины, обсидиановые скребки на пластинах и отщепах, технические сколы, галечное орудие и др. В культурном слое IV выявлены три жилищных (?) котлована, из которых извлечены призматические, конические макро- и микронуклеусы, отщепы, сколы, пластинки и их фрагменты, ретушированные наконечники на пластинах, скребловидные орудия из обсидиана и базальта, резцы, отбойники из песчаника, керамика, амулеты, а также орехи кедрового стланика и многочисленные фрагменты костей животных.

Историю вулканических отложений на стоянке Ушки V позволили восстановить данные тефрохронологических исследований ППЧ. Подробная тефрохронология Камчатки, основанная на сотнях радиоуглеродных дат, была «спроецирована» на археологические профили [Брайцева и др., 1997; Пономарева, 2010; Ponomareva et al., 2016]. В ППЧ стоянки Ушки V обнаружены 18 пепловых слоев, из которых 12 соотношены с конкретными вулканическими извержениями. При составлении хроностратиграфической шкалы учитывались возрасты маркеров пепла [Braitseva et al., 1997], а также ¹⁴C-даты, полученные по образцам из культурных слоев (табл. 1).

Исследование выполнено с использованием традиционных научных методов (планиграфический, описательный, технологический), а также методов относительного и абсолютного датирования (стратиграфический, тефрохронологический, радиоуглеродный анализ, калибровка радиоуглеродных дат). При обобщении материалов применялся проблемно-хронологический метод.

Этапы заселения ушковских стоянок

В конце плейстоцена Большое Ушковское озеро было частью обширного древнего ледникового водоема между современными руслами рек Козыревка и Камчатка, образованного ок. 25–20 тыс. л.н. [Брайцева и др., 1968]. Первое заселение исследуемой территории произошло, вероятно, не ранее 13300 л.н. Дата по углю из плейстоценовых отложений (предположительно вулканического пепла из неизвестного ис-

точника, условно названного нами «ржавый пепел») мощностью 2–3 см на стоянке Ушки V, залегающих ниже самого раннего культурного слоя VII, 11196 ± 59 л.н. (KIA 40603), ок. 13000 кал. л.н.

Переход от палеолита к неолиту

Временные рамки начального периода заселения соответствуют эпохе перехода от конца плейстоцена к голоцену. Начало голоцена на Камчатке по ¹⁴C датируется 9800–10000 л.н., 12000–11000 кал. л.н. [Певзнер, 2015, с. 10]. Пыльцевые спектры из отложений ушковских стоянок свидетельствуют о том, что во время, предшествовавшее началу голоцена, был сухой холодный климат, господствовали тундростепи [Егорова, 2008]. Типичные представители тундровых травянисто-кустарниковых сообществ – ольховник, береза, василистник, мареновые, зеленые мхи, папоротники [Ложкин, Матросова, Корзун, 2004]. Фауну этого периода представляли: бизон, снежный баран, плейстоценовая лошадь, лемминг, северный олень, лось, а также птицы (вероятно, утки), рыба лососевых пород (кижуч и др.), заяц, суслик [Верещагин, 1979, с. 18–19; Железнов-Чукотский, Частухина, 2005], возможно, мамонт, чьи кости обнаружены в долине Камчатки.

В это время заселение берега водоема происходило дважды.

Раннему этапу заселения стоянки соответствует культурный слой VII. Радиоуглеродные даты (табл. 1) позволяют предположить, что этап длился с 11330 ± 50 до 10350 ± 50 л.н., 13320–12022 кал. л.н. (табл. 2). В это время были в основном сезонные промысловые стоянки, на территориях которых создавались наземные одно- и двухкамерные жилища с открытыми, без каменной обкладки очагами, а также мастерские по изготовлению каменных орудий и украшений и погребения. Каменный инвентарь представлен орудиями для охоты и обработки ее продуктов (бифасиальные наконечники стрел и дротиков с черешком, скребки и скребла, проколки, тесловидные изделия, ножи для разделки туш). Для хозяйственных целей использовались отщепы и пластинчатые сколы, не подвергавшиеся вторичной обработке, а также лопаты из кости. Симметричные и асимметричные листовидные бифасы применялись при обработке дерева, кости, камня, разделке рыбы, изготовлении украшений. Маркирующими элементами данного периода принято считать бифасиальные наконечники стрел и дротиков с черешком (рис. 2, 8), каменные украшения (подвески, бусины). В качестве сырья использовались, как правило, халцедон и кремль, реже – обсидиан и базальт. Известны погребения в жилищах с инвентарем; наличие в них охры и украшений свидетельствует о проведении при погребении ритуалов. Микроскопический анализ украшений выявил следы красок, вероятно,

Таблица 1. Хроностратиграфическая шкала стоянок Ушки

Период	Культурный слой, код и маркер возраста вулканического извержения*	¹⁴ C-дата, л.н.	Лабораторный номер	Калиброванная дата, л.н. ±2σ	Источник
Время существования древнеильменской культуры	I б	220 ± 140 235 ± 145	МО 353 МО	266–55 564–122	Диков, 1977, с. 65, 75, 242 Там же
Время отсутствия обитателей	Ш ₁	250 ± 60 (250)	Нет свед.	317–305	Пономарева, 2010, с. 33
Время существования древнеильменской культуры	I а	675 ± 80	ЛЕ 70	806–597	Диков, 1977, с. 65, 242
Время отсутствия обитателей	Ш ₂	965 ± 16 (950)	Нет свед.	938–893	Braitseva et al., 1997, p. 129
Поздний неолит	II	1052 ± 25	МАГ 32	1059–996	Диков, 1977, с. 73
Время отсутствия обитателей	Ш ₃	1404 ± 27 (1400)	Нет свед.	1419–1356	Braitseva et al., 1997, p. 129
	ОП	1478 ± 18 (1500)	Нет свед.	1468–1388	Ibid.
	КС	1806 ± 16 (1800)	Нет свед.	1866–1771	»
	БЗ	2300	Нет свед.	Нет свед.	Braitseva et al., 1990, p. 8
Средний неолит	III	2070 ± 190	МО 354	2491–1562	Диков, 1977, с. 84 Там же »
		2160 ± 290	МАГ 5	2809–1516	
		2440 ± 80	РУЛ 07	2723–2346	
Время отсутствия обитателей	Ш ⁵	2553 ± 46 (2550)	Нет свед.	2645–2487 2758–2647	Braitseva et al., 1997, p. 129 Там же
Ранний неолит	IV	4055 ± 75	BINP NSU 1400	4828–4406	Данные автора статьи Диков, 1977, с. 242 Данные автора статьи То же
		4200 ± 100	МАГ 132	4971–4498	
		4382 ± 79	BINP NSU 1398	5090–4836	
		5725 ± 90	BINP NSU 1399	6679–6315	
Время отсутствия обитателей	КС ₂ IAB ⁵ ХГ	6007 ± 38 (6000)	Нет свед.	6944–6747	Braitseva et al., 1997, p. 129
		6500	Нет свед.	Нет свед.	Певзнер, 2015, с. 132
		6957 ± 30 (6900)	Нет свед.	7853–7694	Braitseva et al., 1997, p. 129
Начальный неолит	V	7642 ± 81	AA 457212	8598–8316	Goebel et al., 2003, p. 503 Данные автора статьи То же
		7645 ± 94	BINP NSU 1401	8608–8297	
		7705 ± 38	KIA 35662	8557–8413	
Время отсутствия обитателей	Ш ₈₃₀₀ ПЛ	8340 ± 120 (8300)	Нет свед.	9073–9529	Пономарева, 2010, с. 33 Ponomareva et al., 2013, p. 1678
		8610 ± 60 (8600)	Нет свед.	9703–9486	
Переход от палеолита к неолиту	VI	9485 ± 275	AA 41387	11643–10131	Goebel et al., 2003, p. 502 Ibid.
		10240 ± 75	AA 41386	12225–11700	
	VII	10350 ± 50	GrA 37279	12406–12022	Данные автора статьи То же » » » » » »
		10810 ± 50	GrA 37278	12856–12582	
		10960 ± 50	GrA 37277	12979–12654	
		11005 ± 115	AA 41388	13125–12645	
		11060 ± 25	SR 7175	13098–12759	
		11320 ± 30	UCIAMS 32199	13299–13117	
			SR 7173		
		11330 ± 50	UCIAMS 32198	13320–13109	
SR 5810					
Поздний Дриас	«Ржавый пепел»	11195 ± 60	KIA 40603	13267–12888	Данные автора статьи

Примечание. ¹⁴C-дата для пеплов округлена. Переход на календарный возраст произведен с помощью Calib Radiocarbon Calibration Program [Stuiver, Rimer, 1993; Rimer et al., 2009]. Периодизация геологических эпох разработана с учетом схемы Блитта-Сернандера [Нейштадт, 1982].

*Римскими цифрами обозначен культурный слой, прописными буквами без индекса – код, прописными буквами с верхним или нижним индексом – маркер возраста вулканического извержения.

Таблица 2. Этапы заселения стоянок Ушки

Период	Этап заселения	Культурный слой	Геологическая эпоха	Климатические периоды	Дата, л.н.	
					¹⁴ C	кал.
Время существования древнеителменской культуры	Восьмой	I б	Поздний голоцен	Субатлантический	235 ± 145 ÷ 220 ± 140	564–55
	Седьмой	I а			675 ± 80	806–597
Поздний неолит	Шестой	II			1052 ± 25	1059–996
Средний неолит	Пятый	III			2440 ± 80 ÷ 2070 ± 190	2809–1516
Ранний неолит	Четвертый	IV	Средний голоцен	Суббореальный	5725 ± 90 ÷ 4055 ± 75	6679–4406
Начальный неолит	Третий	V	Ранний голоцен	Атлантический	7705 ± 38 ÷ 7642 ± 81	8608–8297
Переход от палеолита к неолиту	Второй	VI	Конец плейстоцена – начало голоцена	Бореальный и пребореальный	10240 ± 75 ÷ 9485 ± 275	12225–10131
	Первый	VII			11330 ± 50 ÷ 10350 ± 50	13320–12022

органического происхождения [Понкратова, Губар, Лбова, 2019].

Поздний этап переходного от палеолита к неолиту периода заселения ушковских стоянок, длившийся с 10240 ± 75 до 9485 ± 275 л.н., 12225–10131 кал. л.н. (табл. 2), представлен находками из культурного слоя VI. Возможно, в это время на территорию Большого Ушковского озера пришло новое население, которое по традициям отличалось от предыдущего. На данном этапе увеличиваются площади стационарных поселений (более 40 жилищ с населением не менее 100–150 чел.), изменяются конструкции жилищ и облик каменного инвентаря. К нему относятся первые свидетельства одомашнивания собаки и произведения искусства в виде каменных полизидонических изображений и граффити. Жилищные конструкции были трех типов: углубленные в землю (0,3–0,5 м) грибовидной формы площадью 12–48 м², с входным коридором и одним закрытым очагом; наземные площадью 8–16 м², без входного коридора, с очагом и каменной обкладкой; наземные площадью 40–140 м² неправильно-овальной, округлой или подтрапециевидной формы, с одним или несколькими кострищами. В составе каменного инвентаря – бифасиальные наконечники стрел иво-, лавролистной или каплевидной формы, однолезвийные скребла на массивных отщепах, микроскребки, микронуклеусы и микропластины, симметричные бифасы, отщепы. Обработка камня производилась с помощью отбойников, которыми служили удлиненные овальные гальки. Маркером данного периода являются признаки применения микропластинчатой технологии – техники юбецу (рис. 2, 7). В качестве сырья использовались в основном обсидиан и кремь. Для этого этапа характерны представления о загробном мире (в захоронениях имеются погребальный инвентарь и охра) и тотемистические представления (обнаружен геоглиф в виде рыбы, вылепленный из красной охры на земляном полу), имела место обрядовая деятельность.

Хозяйственная жизнь обитателей стоянок переходного от палеолита к неолиту времени базировалась на добыче различных видов животных, птиц, рыболовстве и собирательстве.

Начальный неолит

Данный период в истории стоянки Ушки V представлен материалами культурного слоя V, длился с 7705 ± 38 до 7642 ± 81 л.н., 8608–8297 кал. л.н. (табл. 2). Это было время ландшафтной перестройки: тундростепи сменялись болотистыми тундрами, господствовал мягкий влажный климат [Ложкин, Матросова, Корзун, 2004]. На территории исследования формировалась первая надпойменная терраса с покровными отложениями и вулканическими пеплами [Титов, Казакова, 1985]. На данном этапе по сравнению с предыдущим уменьшились площади стоянок. Обнаружены жилища в виде наземных шалашей-чумов с очагами без кольцевых кладок, с несколькими приочажными камнями [Диков, 1993, с. 21–22]. Каменная индустрия включает продукты первичного расщепления (призматические нуклеусы снятия ножевидных пластин, отщепы, пластины) и орудийный набор (бифасиальные изделия, отщепы и пластины с ретушью, скребки, галечное орудие и др.). Маркирующим элементом этого этапа являются обсидиановые скребки на пластинах и отщепах (рис. 2, б). Сырьем служили обсидиан, кварцит, кремь, базальт, песчаник. Согласно тефрохронологическим исследованиям, в это время произошли катастрофическое извержение и мощный пеплопад вулкана Хангар (6900 л.н.).

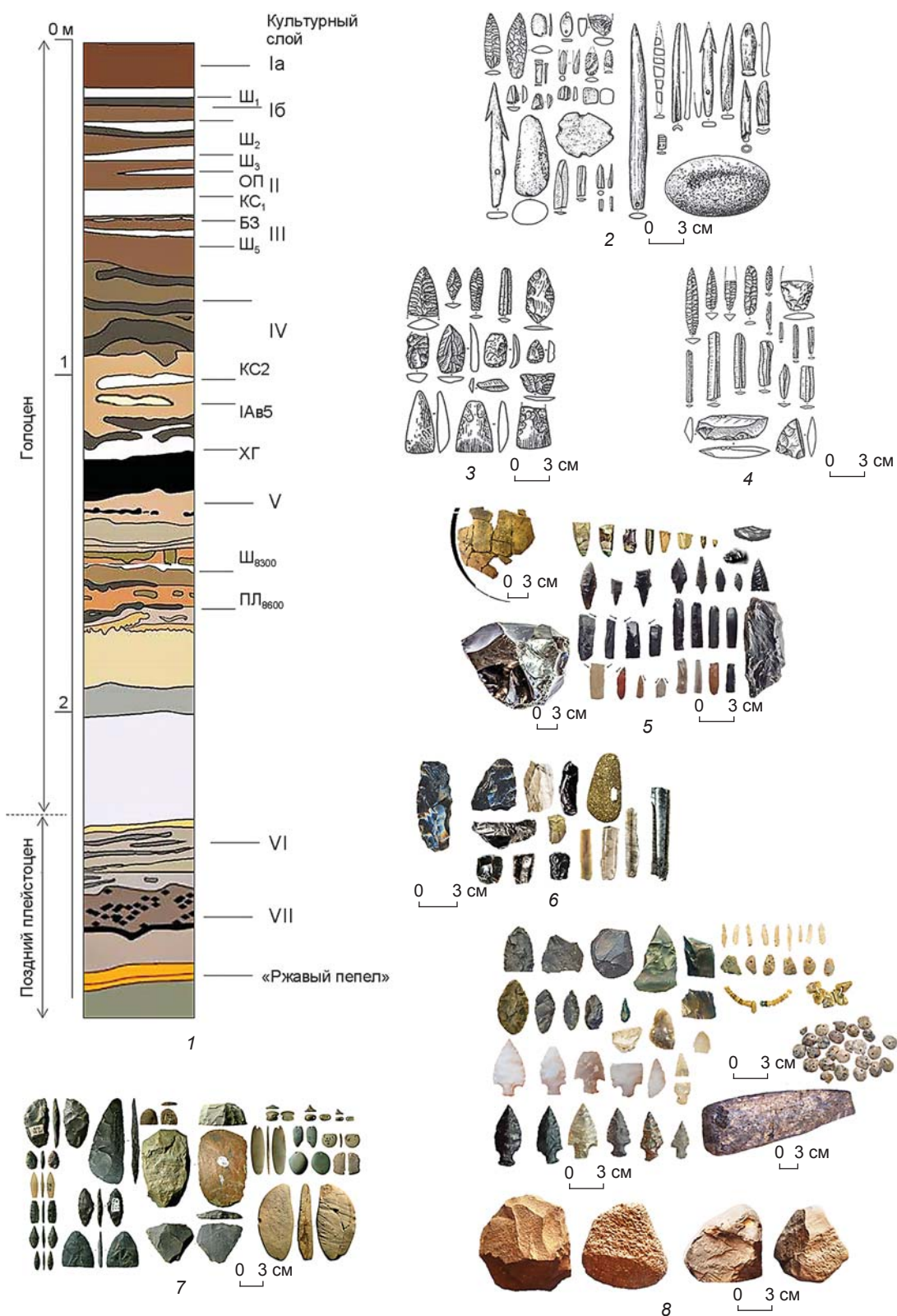

Рис. 2. Сводная тефростратиграфия с указанием маркеров и индексов вулканических извержений, культурных слоев (1); артефакты из культурных слоев (2–8) стоянок Ушки.

2 – слой I [Диков, 1977, с. 272, табл. 10; с. 279, табл. 20]; 3 – слой II [Там же, с. 278, табл. 19]; 4 – слой III [Там же, с. 277, табл. 17]; 5 – слой IV (материалы из раскопок автора); 6 – слой V (материалы из раскопок автора); 7 – слой VI [Gómez Coutouly, Ponkratova, 2016, p. 323, 325, 326]; 8 – слой VII (материалы из раскопок автора).

Ранний неолит

Период между ~7400 и 5000 л.н. был самым теплым в голоцене Камчатки [Дирксен, 2017, с. 35]. Его характеризует распространение ольхи, березовых лесов с обильным травостоем [Ложкин, Матросова, Корзун, 2004]. Около 5000 л.н. на смену мягкому пришел холодный и сухой климат, обусловивший снижение биологической продуктивности экосистем [Дирксен, 2017, с. 35]. Для стоянки Ушки I имеется ^{14}C -дата 4200 ± 100 л.н. [Диков, 1977, с. 242]. В ранне-неолитическом культурном слое IV стоянки Ушки V находки залегали между пеплами вулканов КС₂ и Ш₅. Радиоуглеродные даты (см. табл. 1) позволяют предположить, что он длился с 5725 ± 90 до 4055 ± 75 л.н., 6679–4406 кал. л.н. (см. табл. 2)*. Жилища были наземные, в виде чума или шалаша, с очагами без обкладки. На поселениях имелись площадки-мастерские и хозяйственные ямы. Каменный инвентарь неолитического облика включает: нуклеусы (призматические и конические снятия ножевидных пластин), продукты первичного расщепления (отщепы, пластинки), орудийный набор (ретушированные наконечники на пластинах, пластинки и пластины, которые применялись как ножи; фрагменты пластин со следами утилизации, использовавшиеся во вкладышевых орудиях; скребловидные орудия из обсидиана и базальта, резцы, отбойники из песчаника) и фигурки рыбок. Особого внимания заслуживают ножи в виде пластин с выемками для разделки рыбы (рис. 2, 5). В качестве сырья служили обсидиан, кремль, базальт, редко – яшма. Тотемистические представления связаны в основном с культом рыбы, который позднее будет широко представлен в тарьинской культуре ительменов Камчатки [Пономаренко, 2014]. Важнейшей инновацией этого периода следует считать керамику. Стратегия жизнеобеспечения общества связана с охотой, рыболовством и собирательством, о чем свидетельствуют фаунистический комплекс, орехи кедрового стланика и пр.

Средний неолит

(первый этап тарьинской культуры)

Это время на Камчатке по сравнению с предыдущим характеризуется более прохладным климатом; отмечен второй (малый) максимум распространения лесов (~2200–1700 л.н.) [Дирксен, 2017, с. 36]. Хронологические рамки этапа: 2440 ± 80 – 2070 ± 190 л.н., 2809–1516 кал. л.н. Обитатели стоянок Ушки-I–III жили в наземных жилищах площадью ок. 50 м², а также

в землянках с деревянными стенами, крышей и очагами без обкладки внутри. Каменный инвентарь составляют: нуклеусы (призматические снятия ножевидных пластин), продукты первичного расщепления (ножевидные пластины разных размеров без ретуши, с ретушью по краю и с обеих сторон), орудийный набор (сплошь ретушированные вкладыши, пластинчатые черешковые наконечники стрел, листовидные ножи-бифасы, остроконечные односторонне ретушированные ножи на пластинах, скребки с выпуклым лезвием, грубо оббитые односторонне выпуклые тесла, проколки, боковые резцы на пластинках, грузила) (рис. 2, 4). Распространяются трехгранные наконечники с черешком и без него, деревянная посуда. Стратегия жизнеобеспечения населения в этот период связана с охотой, рыболовством и собирательством [Диков, 1977, с. 84; 1979, с. 113–119].

Поздний неолит

(второй этап тарьинской культуры)

Этому времени (1052 ± 25 л.н., 1059–996 кал. л.н. (см. табл. 2) соответствуют наземные жилища, возможно, балаганы* «ительменского типа». Продолжают использоваться каменные трехгранные и пластинчатые черешковые наконечники стрел, боковые резцы, ножевидные пластины, двусторонне ретушированные вкладыши, листовидные ножи-бифасы, шлифованные тесла, скребки с выпуклым лезвием, проколки, лабретки (рис. 2, 3). Необычны найденные на стоянке Ушки I чашевидные округлые ямы, устланные в четыре слоя берестой. В основе палеоэкономики населения – охота, рыболовство и собирательство [Диков, 1977, с. 61–62, 72–74; 1979, с. 113–119].

Время существования

древнеительменской культуры

Согласно хронологической схеме Н.Н. Дикова [1977, с. 43], во время бытования древнеительменской культуры стоянки Ушки-I, II заселялись дважды: 675 ± 80 л.н., 806–597 кал. л.н. (культурный слой Ia) и 235 ± 145 – 220 ± 140 л.н., 564–55 кал. л.н. (культурный слой Ib). Границу между периодами заселения маркирует пепел вулкана Шивелуч извержения 250 ± 60 л.н., ок. 1700 г. н.э. С учетом этих дат можно предполагать, что второе заселение стоянок на этом этапе произошло ок. 1650–1700 гг. н.э. Поселения площадью ок. 120 м² были сезонные (зимние), с жилищами земляночного типа, в которых имелись боковой кори-

*Данные получены с использованием УНУ «УМС ИЯФ СО РАН» Института ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН.

*Балаган – строение на сваях, приспособленное для хранения зимой вяленой рыбы, продуктов собирательства, летом – предметов зимнего использования (зимняя одежда, собачья упряжь и пр.) [История..., 1990, с. 16, 37–38].

дор и служившее входом дымовое отверстие в крыше «ительменского типа», жертвенное сооружение, а также хозяйственные ямы для заготовки продуктов. В комплексе инвентаря – костяные ножи, двусторонний зубчатый костяной наконечник простого гарпуна, листовидные двусторонне обработанные ножи, концевые скребки, призматические нуклеусы и ножевидные пластинки, рыболовные грузила с выемками из галек (рис. 2, 2). Основу жизнеобеспечения населения в это время составляли охота, рыболовство и собирательство. Тотемистические представления связаны с рыболовством [Диков, 1977, с. 62–65, 74–75].

Жилища, остатки которых найдены в культурном слое Ia, вероятно, пострадали в результате вулканического извержения. Пришедшие на эту территорию люди (культурный слой Ib), скорее всего, были знакомы с русскими казаками. Первый острог казаков построен в 1649 г. Ф. Поповым на Охотском побережье Камчатки, а в 1703 г. В. Атласовым в нижнем течении реки Камчатки основан Нижнекамчатский острог [Алексеев, 1982]. В пользу предположения о том, что местное население взаимодействовало с казаками, свидетельствуют обнаруженное в верхнем слое стоянки Ушки II изделие из меди [Диков, 1977, с. 279, табл. 20, б], а также этнографические описания, в которых упоминаются урочище Ушки и река Ус Кыг*, переименованная казаками в Ушки [Крашенинников, 1994, с. 17].

Обсуждение результатов

Сравнительный анализ рассматриваемого инвентаря и комплексов сопредельных территорий

Материалы стоянок Ушки переходного периода от палеолита к неолиту – наиболее ранние свидетельства заселения Камчатки. Сходные с ушковскими черешковые наконечники, являющиеся своеобразными хронологическими и культурными маркерами этого времени, имеются в ряде позднплейстоценовых комплексов, обнаруженных на территориях к югу от Камчатки. Это комплексы стоянок Суянге (слой 4, 15410–15350 л.н.) [Ли Юн Джо, Ким Чжэюн, 2010] и Косанри [Ли Хену, 2010, с. 42] на Корейском п-ове, Пирика I на о. Хоккайдо в Японии (см.: [Василевский, 2008, с. 351]), Огоньки-5 (горизонт 1, 13–11 тыс. лет) на о. Сахалин [Там же, с. 140, 353]. Материалы этих памятников отражают сходство в характере адаптационных стратегий их обитателей (преобладание сезонных промысловых стоянок,

комплексность хозяйства, ориентация на рыболовство, использование не только местного, но и высококачественного принесенного с удаленных площадок сырья). На севере от зоны исследования чертами сходства с ушковскими объектами обладают стоянки Апвард Сан Ривер Сайт на Аляске (~11500 кал. л.н.). Аналогии прослеживаются в каменном инвентаре (бифасы), системе жизнеобеспечения населения (ориентация на рыболовство), захоронениях (погребение в жилищах) [Potter et al., 2011, p. 1061, fig. 4, F, G, H]. Черешковые наконечники, напоминающие ушковские, встречаются и в археологических комплексах арктической зоны Северной Америки (культуры алеутов, атапасков, Тукту/Пэлиса и др.), датированных от 6000 до 200 л.н. [Projectile...].

Некоторые аналогии с каменным инвентарем из культурного слоя VI стоянки Ушки (орудия изготовлены в технике юбецу) выявлены в материалах Якутии (Дюктайский верхнепалеолитический комплекс, 17–13 тыс. кал. л.н.) [Gómez Coutouly, 2016], Дальнего Востока (Приамурье, осиповская культура, 13–10 тыс. л.н.) [Шевкомуд, 2005, с. 5–10], о. Сахалин (стоянки Сокол, Олимпия-5, 13–9 тыс. л.н.) [Василевский, 2008, с. 115–121], Аляски (Сван Пойнт CZ4, 14 тыс. кал. л.н.) [Gómez Coutouly, 2012]). Наиболее древние каменные индустрии, созданные в технике юбецу, известны в Японии на о. Хоккайдо (Пирика I, Кашивадай I) и Корее (Суянге I, Хопиенг-донг) [Ли Юн Джо, Ким Чжэюн, 2010; Gómez Coutouly, Ponkratova, 2016]. Параллели между ушковскими находками и комплексами этих территорий позволяют предполагать, что каменная индустрия второго периода заселения ушковских стоянок была связана с обширной восточно-азиатско-американской культурной традицией. Наиболее тесная близость ушковских материалов этого слоя и более ранних комплексов Приамурья и Японии, возможно, обусловлена их генетическим единством.

Орудия на пластинах и отщепях (скребки, вкладыши) третьего этапа заселения ушковских стоянок (начальный неолит) обнаруживают сходство с изделиями новопетровской культуры Западного Приамурья (12630–8590 л.н.) [Кузьмин, Нестеров, 2010, с. 105, 107], а также с материалами, выявленными на островах Сахалин (Огоньки-5, горизонт 1, 13000–11000 л.н., стоянка Костромское, ранний неолит) [Василевский, 2008, с. 104, 315, 362] и Жохова (7450 ± 220 (ЛЕ 4534), 8200 ± 40 л.н. (ГИН 6399), 7940 ± 170 л.н. (ЛУ 4533а), 7930 ± 40 л.н. (ГИН 6400) [Гиря, Лозовский, 2014; Макеев, Питулько, Каспаров, 1992]). С учетом радиоуглеродных дат комплексов памятников можно предположить, что в этот период территория Дальнего Востока заселялась группами людей, двигавшимися, скорее всего, с запада или юга. Согласно историческим данным, в XVIII в. Камчатку и Якутию соеди-

*Название *Ус Кыг* от ительменского *ус* или *усх* – «поле», поляна», *кыг* – «море, большая вода».

няли Якутско-Охотский и Охотско-Петропавловский тракты протяженностью более 2 600 км [Казарян, 2012]. Возможно, эта дорога была известна местному населению и ранее. Обитатели территории близ Большого Ушковского озера, вероятно, покинули стоянку, спасаясь от извержения вулкана Хангар, и направились на север в сторону о. Жохова. От ушковских стоянок до о. Жохова (по прямой линии ок. 2 250 км) они двигались, скорее всего, на собачьих упряжках. В пользу этой версии свидетельствуют найденные в охотничьем лагере на о. Жохова кости и копролиты собак, а также фрагменты нарт [Pitulko et al., 2019]. Не исключено, что появление упряжного собаководства на Камчатке может быть датировано начальным неолитом, ок. 8500 кал. л.н.

Комплекс четвертого этапа заселения ушковских стоянок находит аналогии в археологических комплексах сумнагинской культуры (IX–V тыс. до н.э.) и ранних этапов раннеолитической сыалахской культуры (4870 ± 170–3490 ± 150 гг. до н.э.) Якутии, в которых отмечено появление керамических сосудов округлой формы со сквозными отверстиями под венчиком, насечками, а также широкое распространение наконечников стрел, резцов на пластинах; в хозяйстве большую роль играло рыболовство [Алексеев, Дьяконов, 2009]. Некоторые элементы сходства с ушковскими материалами имеются в раннеолитических комплексах с орудиями на пластинах и отщепях и керамикой гломатухинской культуры среднего Амура [Шевкомуд, 2005, с. 10–11], мариинской культуры нижнего Амура [Медведев, 2008], стоянок на Сахалине (Славная-5, Пугачево-1, пункт 3; Стародубское-3 (раннеолитический период), поселение Славная-4 и др.) [Василевский, 2008; Грищенко, 2011]. Возможно, аналогии с рассматриваемыми материалами имеет керамика арктических районов Северной Америки, где ее появление датируется ок. 2800–2500 л.н. и совпадает с развитием хозяйства, специализированного на добыче морепродуктов [Anderson, Tushingham, Buonasera, 2017].

Аналоги изделиям тарьинской культуры (средний и поздний неолит), обнаруженным на ушковских стоянках, Н.Н. Диков предлагал искать в комплексах стоянок на Северной и Южной Камчатке, Чукотке, Охотском побережье, Курильских о-вах, Сахалине, в Восточной Сибири, Якутии, Японии, связанных, по его мнению, с предками ительменов [1979, с. 126–127]. Памятники тарьинской культуры были исследованы А.К. Пономаренко. Он отметил непрерывность формирования тарьинской культуры с 5200 ± 100 л.н. до XVII–XVIII вв. и выделил ее локальные этапы и варианты [2014, с. 138–144].

К вопросу о наименовании этапов заселения ушковских стоянок

Результаты анализа новых материалов позволили уточнить характеристики этапов заселения ушковских стоянок и предложить некоторые новые их наименования.

«Переходный от палеолита к неолиту период» – переименование (ранее – «верхний палеолит» [Диков, 1977, с. 47; 1979, с. 31, 54; 1993]) связано с уточнением данных о стоянках финала плейстоцена – начала голоцена. Такие стоянки размещались на окраине пьедестала вулканической постройки Ключевской группы вулканов, а не на высоких террасах, как памятники эпохи палеолита на сопредельных территориях. Нижняя часть толщи ППЧ с культурными слоями VII и VI датируется верхним плейстоценом, для которого получены новые определения – 13–10 тыс. кал. л.н. Каменная индустрия свидетельствует о формировании навыков изготовления и использования наконечников стрел, копий, тесел, применении технологии шлифования, сверления, соответствующих переходному этапу от палеолита к неолиту на сопредельных территориях. В это время люди создавали котлованные сооружения (культурный слой VI), при транспортировке сырья из отдаленных источников, вероятно, использовали плавательные средства; имели представления о загробном мире и совершали обряды, связанные с тотемистическим верованиями; изготавливали специальные красители (культурный слой VII). Основой жизнеобеспечения населения являлось рыболовство. Не исключено, что по мере накопления новых материалов необходимо будет уточнить наименование этапа.

«Начальный неолит» (ранее – «финальный палеолит» [Диков, 1977, с. 58; 1979, с. 76; 1993]) – переименование обосновано тем, что содержащий артефакты данного этапа культурный слой V залегает выше предыдущего. Инновационные черты – появление орудий на пластинах (скребки, ножи) и распространение вкладышевой техники. В это время, возможно, зарождается упряжное собаководство, характерное для последующих эпох на Камчатке, где приручение собаки, вероятно, произошло ок. 11000–12000 л.н. (культурный слой VI) [Диков, 1979, с. 60]. В дальнейшем использование собак в упряжке получает широкое распространение у ительменов [История..., 1990, с. 21].

«Ранний неолит» (ранее термин предлагал ввести Н.Н. Диков [1979, с. 106]) – предлагаем отказаться от термина «мезолит», т.к. полученные данные не соотносятся с современными представлениями о мезолите прибрежных территорий, островов и полуостровов Дальнего Востока [Василевский, 2008].

«Древнеительменная культура» – предлагаем отказаться от устаревшего термина «пережиточный неолит», т.к. в этот период культура ительменов уже имеет черты идеологически сформированного сообщества [Там же].

Заключение

Комплексное изучение стоянки Ушки V показало, что на рубеже плейстоцена – голоцена заселение территории, прилегающей к Большому Ушковскому озеру, происходило как минимум 8 раз. Выявление критериев для каждого этапа заселения позволило предложить их периодизацию: переход от палеолита к неолиту (ранний (~13320–12022 кал. л.н.) и поздний (12225–10131 кал. л.н.) периоды); начальный (~8608–8297 кал. л.н.), ранний (~6679–4406 кал. л.н.), средний (~2809–1516 кал. л.н.) и поздний (~1059–996 кал. л.н., или 960–1020 гг. н.э.) неолит; время существования древнеительменной культуры (~806–55 кал. л.н., или 1200–1700 гг.) В числе особенностей орудий первого этапа заселения – бифасиальные наконечники стрел и дротиков с черешком; второго – микропластинчатая техника изготовления каменных изделий техникой юбецу. В эпоху начального неолита появляются орудия на пластинах, распространяется вкладышевая техника, возможно, упряжное собаководство. Для раннего неолита характерны керамика, призматические карандашевидные нуклеусы, наконечники и резцы на пластинах. В эпоху тарьинской культуры среднего и позднего неолита распространяются трехгранные наконечники стрел, посуда из дерева; грубо оббитые односторонние тесла сменяются на шлифованные, появляются лабретки. Для седьмого и восьмого этапов характерен материальный комплекс культуры древних ительменов.

Аналогии с материалами сопредельных территорий позволяют предположить, что миграционные процессы, имевшие место на северо-востоке азиатского, северо-западе американского континентов в конце плейстоцена и голоцене, происходили не одновременно. Темп и направления миграций в разные периоды, вероятно, были различны, как был различен и состав мигрирующего населения, но, безусловно, немаловажную роль в этих процессах сыграли и древнейшие жители полуострова Камчатка, оставившие следы интереснейших культур на берегах Большого Ушковского озера.

Благодарности

Благодарим Т. Гебела, М. Уотерса (США), П. Грутса (Германия), Х. Плихта (Нидерланды), Я.В. Кузьмина (Рос-

сия), Е.В. Пархомчук (Россия), В.В. Пархомчука (Россия), С.А. Растигеева (Россия) за помощь в получении радиоуглеродных дат; В.В. Пономареву, М.М. Певзнер, И.В. Мелекесцеву за консультации при идентификации вулканических пеплов. Особая благодарность И. Клаузену, М. Вебер, А. Сиглофу (Германия) за совместную работу в полевых и лабораторных условиях.

Список литературы

- Алексеев А.И.** Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. – М.: Наука, 1982. – 288 с.
- Алексеев А.Н., Дьяконов В.М.** Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3. – С. 26–40.
- Брайцева О.А., Мелекесцев И.В., Евтеева И.С., Лупикина Е.Г.** Стратиграфия четвертичных отложений и оледенений Камчатки. – М.: Наука, 1968. – 228 с.
- Брайцева О.А., Мелекесцев И.В., Пономарева В.В., Сулержицкий Л.Д., Певзнер М.М.** Геохронология и параметры крупнейших взрывных извержений на Камчатке за последние 10 000 лет // Российская наука: Выстоять и возродиться. – М.: Наука, 1997. – С. 237–244.
- Василевский А.А.** Каменный век острова Сахалин. – Южно-Сахалинск: Сах. кн. изд-во, 2008. – 412 с.
- Верещагин Н.К.** Остатки млекопитающих из палеолитического слоя VI стоянки Ушки I // Новые археологические памятники севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1979. – С. 12–17.
- Гиря Е.Ю., Лозовский В.М.** Сравнительный морфологический анализ полноты технологических контекстов каменных индустрий // Каменный век: от Атлантики до Пацифики: Замятин. сб. – СПб.: МАЭ РАН: ИИМК РАН, 2014. – Вып. 3. – С. 52–84.
- Грищенко В.А.** Ранний неолит острова Сахалин. – Южно-Сахалинск: Сах. гос. ун-т, 2011. – 184 с.
- Диков Н.Н.** Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы: (Азия на стыке с Америкой в древности). – М.: Наука, 1977. – 391 с.
- Диков Н.Н.** Древние культуры Северо-Восточной Азии: (Азия на стыке с Америкой в древности). – М.: Наука, 1979. – 352 с.
- Диков Н.Н.** Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1993. – 68 с.
- Дирксен В.Г.** Эволюция климата и природной среды Камчатки в голоцене по данным изучения озерных отложений // Вулканизм и связанные с ним процессы. – Петропавловск-Камчатский: Ин-т вулканологии и сейсмологии ДВО РАН, 2017. – С. 34–37.
- Егорова И.А.** Краткий очерк истории формирования современной растительности Камчатки // Камчатка: события, люди: мат-лы XXV Крашенинник. чтений. – Петропавловск-Камчатский, 2008. – С. 88–93.
- Железнов-Чукотский Н.К., Частухина С.А.** Дикие полезные растения Берингии, фитотерапия и здоровье человека. – М.: ГЕОС, 2005. – 615 с.

История и культура ительменов. Историко-этнографические очерки. – Л.: Наука, 1990. – 208 с.

Казарян П.Л. Сухопутные сообщения Северо-Восточной России (XVII в. – 1920 г.). – Якутск: Изд. дом СВФУ, 2012. – 147 с.

Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. – СПб: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камчат, 1994. – Т. 1. – 439 с.

Кузьмин Я.В., Нестеров С.П. Хронология неолитических культур Западного Приамурья // Традиционная культура Востока Азии. – Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2010. – Вып. 6. – С. 103–110.

Ли Юн Джо, Ким Чжэюн. Геоархеологическая матрица многослойной стоянки Суянги, Корея // Первоначальное освоение человеком континентальной и островной части Северо-Восточной Азии. – Южно-Сахалинск: Сах. гос. ун-т, 2010. – С. 82–84.

Ли Хену. Наконечники метательных орудий и их назначение // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 3. – С. 41–49.

Ложкин А.В., Матросова Т.В., Корзун Ю.А. К палинологической характеристике отложений Ушковской стоянки на Камчатке // Пространственная и временная изменчивость природной среды Северо-Восточной Азии в четвертичный период. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2004. – С. 98–105.

Макеев В.М., Питулько В.В., Каспаров А.К. Природная среда архипелага Де-Лонга в конце плейстоцена – начале голоцена и древний человек // Изв. Рус. геогр. об-ва, 1992. – Т. 124, вып. 3. – С. 271–276.

Медведев В.Е. Мариинская культура и ее место в неолите Дальнего Востока // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале, 2008. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. 1. – С. 244–248.

Нейштадт М.И. К вопросу о некоторых понятиях и разделении голоцена // Вопр. геологии голоцена: к II конгрессу INQUA: симпозиум голоцен. комиссии. – Ереван, 1982. – С. 20–27.

Певзнер М.М. Голоценовый вулканизм Срединного хребта Камчатки. – М.: ГЕОС, 2015. – 252 с.

Понкратова И.Ю., Губар Ю.С., Лбова Л.В. Спектральный анализ окрашенных артефактов слоя VII стоянки Ушки V (полуостров Камчатка) // Universum Humanitarium. – 2019. – № 1. – С. 56–71.

Пономарева В.В. Крупнейшие эксплозивные вулканические извержения и применение их тефры для датирования и корреляции форм рельефа и отложений: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. – М., 2010. – 53 с.

Пономаренко А.К. Тарьинская культура неолита Камчатки // Тихоокеанская археология. – 2014. – Вып. 30. – С. 7–230.

Титов Э.Э., Казакова Г.П. Геоморфология и условия накопления рыхлых осадков на многослойной археологической стоянке Ушки V (Центральная Камчатка) // Новейшие данные по археологии Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1985. – С. 24–34.

Шевкомуд И.Я. Археологические комплексы финала плейстоцена – начала голоцена в Приамурье и проблема древнейшей керамики // Вестн. Камчат. регион. ассоц. «Учебно-научный центр». Гуманитар. науки. – 2005. – № 2. – С. 3–18.

Anderson Sh.L., Tushingam Sh., Buonasera T.Y. Aquatic adaptations and the adoption of Arctic pottery technology: Results of residue analysis // Am. Antiquity. – 2017. – Vol. 82. – P. 452–479.

Braitseva O.A., Ponomareva V.V., Sulerzhitsky L.D., Melekestsev I.V., Bailey J. Holocene key-marker tephra layers in Kamchatka, Russia // Quaternary Sci. Rev. – 1997. – Vol. 47, N 2. – P. 125–139.

Goebel T., Waters M.R., Dikova M.A. The Archaeology of Ushki Lake, Kamchatka, and the Pleistocene Peopling of the Americas // Scie. – 2003. – Vol. 301. – P. 501–505.

Gómez Coutouly Y.A. Pressure microblade industries in Pleistocene-Holocene Interior Alaska: Current data and discussions // The Emergence of Pressure Knapping: From Origin to Modern Experimentation. – N.Y.: Springer, 2012. – P. 347–374.

Gómez Coutouly Y.A. Migrations and interactions in prehistoric Beringia: the evolution of Yakutian lithic technology // Antiquity. – 2016. – Vol. 90, iss. 349. – P. 9–31.

Gómez Coutouly Y.A., Ponkratova I.Y. The Late Pleistocene Microblade Component of Ushki Lake (Kamchatka, Russian Far East) // PaleoAmerica. – 2016. – Vol. 2. – P. 303–331.

Pitulko V.V., Kuzmin Y.V., Glascock M.D., Pavlova E.Yu., Grebennikov A.V. «They came from the ends of the earth»: long-distance exchange of obsidian in the High Arctic during the Early Holocene // Antiquity. – Vol. 93, iss. 367. – 2019. – P. 28–44.

Ponomareva V., Portnyagin M., Derkachev A., Pendea F., Bourgeois J., Reimer P., Garbe-Schönberg D., Krasheninnikov S., Nürnberg D.E. Holocene M~6 explosive eruption from Plosky volcanic massif (Kamchatka) and its tephra as a link between terrestrial and marine paleoenvironmental records // Intern. J. of Earth Scie., 2016. – Vol. 102, N 6. – P. 1673–1699.

Potter B.A., Irish J.D., Reuther J.D., Gelvin-Reymiller C., Holliday V.T. A terminal Pleistocene child cremation and residential structure from Eastern Beringia // Scie. – 2011. – N 331 (6020) – P. 1058–1062.

Projectile Point Identification Guide. – URL: <http://www.projectilepoints.net> (дата обращения: 07.02.2019).

Reimer P.J., Baillie M.G.L., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Burr G.S., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hajdas I., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., McCormac F.G., Manning S.W., Reimer R.W., Richards D.A., Southon J.R., Talamo S., Turney C.S.M., van der Plicht J., Weyhenmeyer C.E. IntCal09 and Marine09 radiocarbon age calibration curves, 0–50,000 years – cal BP // Radiocarbon. – 2009. – N 51. – P. 1111–1150.

Stuiver M., Reimer P.J. Extended ¹⁴C database and revised CALIB radiocarbon calibration program // Radiocarbon. – 1993. – Vol. 35. – P. 215–230.

*Материал поступил в редколлегию 20.03.19 г.,
в окончательном варианте – 23.03.19 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.1.052-060
УДК 903.12 "624/627"

А.М. Кузнецов¹, Е.О. Роговской¹, Д.Н. Лохов¹, В.М. Новосельцева²

¹Иркутский государственный университет
ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия
E-mail: golos_siberia@list.ru; eor127@yandex.ru; bisaagan@yandex.ru
²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: archeovalent@gmail.com

Рыболовство в системе жизнеобеспечения древнего населения Северного Приангарья в раннем голоцене (по материалам многослойных памятников в низовьях Ангары)

Археологические работы в зоне затопления Богучанской ГЭС в 2007–2012 гг. предоставили исследователям уникальный материал для изучения вопросов древнего рыболовства в Северном Приангарье, в т.ч. датирования первых этапов развития этого хозяйственного вида деятельности. Следы рыболовного промысла зафиксированы в раннеголоценовых отложениях стоянок Остров Лиственичный, пункт 1 и 2, Усть-Ёдарма II, Усть-Кеуль I, Усть-Игирма, Усть-Кова I и Воробьево, однако на последних трех местонахождениях они единичные. На остальных перечисленных объектах следы этого вида хозяйственной деятельности более представительны и дают возможность установить его роль в системе и стратегиях жизнеобеспечения древнего населения Северного Приангарья. Рассмотрены в статье местонахождения входили в Братско-Илимский участок р. Ангары и располагались от бывшего устья р. Илим до устья р. Каты: в двух случаях – на приустьевых участках притоков Ангары, в одном – на острове с двумя пунктами дислокации стоянок древних охотников-рыболовов. В результате анализа видового состава ихтиофауны выявлены две различные стратегии вылова рыбы, предположительно связанные с сезонностью стоянок. Первая была ориентирована на добычу осетровых в предзимнее время. Основным способом являлась поколка. Вторая стратегия была направлена на ловлю налима и щуки в весенне-летний сезон методом ужения и постановки ловушек. Предложена гипотеза связи этих стратегий с сезонной изменчивостью состава хозяйственных групп древнего населения Северной Ангары.

Ключевые слова: Северное Приангарье, ранний голоцен, рыболовство, стратегия ловли, система жизнеобеспечения, ихтиофауна.

A.M. Kuznetsov¹, E.O. Rogovskoi¹, D.N. Lokhov¹, and V.M. Novoseltseva²

¹Irkutsk State University,
Karla Marksa 1, Irkutsk, 664003, Russia
E-mail: golos_siberia@list.ru; eor127@yandex.ru; bisaagan@yandex.ru
²Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: archeovalent@gmail.com

Fishing in the Early Holocene Human Ecosystem of the Northern Angara Region: Findings from Stratified Sites

Archaeological excavations in the flood zone of the Boguchany hydroelectric plant in 2007–2012 resulted in important findings relevant to the study of prehistoric fishing in the northern Angara basin and to the chronology of its initial stages. Evidence of fishing was recorded at the Early Holocene layers of Ostrov Listvenichny points 1 and 2, Ust-Yodarma II, Ust-Keul I, Ust-Igirma, Ust-Kova I, and Vorobyev. Such evidence is scarce at the latter three sites, but is more abundant elsewhere, providing an opportunity to assess the role of fishing in the subsistence strategy of the northern Angara foragers. The sites on which this study focuses are located on

the Bratsk-Ilim stretch of the Angara River, from the former Ilim mouth to the Kata mouth (two sites are in the lower stretches of the Angara tributaries, and two on an island). The composition analysis of the ichthyofauna has revealed two fishing strategies, apparently related to seasonality. The first consisted in harpooning sturgeon during the pre-winter time. The second strategy was to procure burbot and pike in spring and summer by hook and line fishing and by setting traps. We hypothesize that these strategies evidence seasonal changes in the composition of foraging groups.

Keywords: Northern Angara region, Early Holocene, fishing, fishing strategy, human ecosystem, ichthyofauna.

Введение

С учетом региональных разработок хронологические рамки раннего голоцена на территории юга Средней Сибири определяются интервалом ~10,3–8,0 тыс. некал. л.н., включающим фазы пребореала (РВ) и бореала (ВО) [Воробьева, 2010, с. 95]. К настоящему времени в Северном Приангарье зафиксировано 17 местонахождений, содержащих материалы финальноплейстоценового – раннеголоценового возраста [Абдулов Т.А., Абдулов А.Т., 2015; Абдулов Т.А., Абдулов А.Т., Алтухов, 2013; Бердников и др., 2014; Гурулев, 2014]. Археологически фиксируемые следы рыболовного промысла обнаружены на семи из них: Остров Лиственичный, пункт 1 и 2, Усть-Ёдарма II, Усть-Кеуль I, Усть-Игирма, Усть-Кова I и Воробьево (рис. 1). В материалах последних трех местонахождений находки, традиционно связываемые с рыболовством, представлены роговой «колодушкой» (Усть-Игирма) [Васильевский, 1978, с. 135, 136, рис. 4], фрагментом зубчатого наконечника (Воробьево) [Там же, с. 136] и единичными остатками ихтиофауны (Усть-Кова I) [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988, с. 95]. На остальных перечисленных объектах свидетельства рыболовного промысла представлятельны и позволяют не только зафиксировать наличие данного вида хозяйственной деятельности, но и установить его роль в системе и стратегиях жизнеобеспечения древнего населения Северного Приангарья. Финальноплейстоценовые – раннеголоценовые горизонты этих местонахождений содержали сравнительно многочисленные диагностируемые остатки ихтиофауны и рыболовный инвентарь. Кроме того, для большинства рассматриваемых комплексов получены радиоуглеродные даты.

Все рассматриваемые местонахождения затоплены водами Богучанского водохранилища. Возможности дальнейшего исследования этих объектов с целью уточнения или получения новых коррелирующих данных безвозвратно утрачены. Единственными источниками по древнейшей истории значительной части Северного Приангарья являются полевые материалы, полученные в основном в ходе работ Богучанской экспедиции 2007–2012 гг. Вполне вероятно, что авральный и форс-мажорный характер этих спасательных работ повлиял на качественный состав добытого археологического материала. При общей плохой сохра-

няемости и малых размерах рыбьих костей вскрытие большими площадями не способствовало фиксации всей ихтиофауны. Еще одной проблемой является видовая недиагностируемость части коллекции [Роговской, Кузнецов, 2013б, с. 23]. Однако можно надеяться, что и зафиксированные остатки дают общие, фоновые значения соотношения добываемых видов.

Рассмотренные местонахождения входили в Братско-Илимский участок р. Ангары и располагались от бывшего устья р. Илим до устья р. Каты: в двух случаях – на приустьевых участках притоков Ангары, в одном – на острове с двумя пунктами дислокации стоянок древних охотников-рыболовов. Долина реки на этом участке преимущественно V-образная, шириной 4–6 км. Пойма односторонняя, встречалась короткими участками в устьях притоков, ее ширина 70–150 м, у р. Ката – до 400 м. Поверхность поймы ровная, луговая. Берега почти везде сливаются со склонами долины, а там, где они выражены, крутые, высотой до 6–8 м. Дно галечное, на перекатах крупнокаменистое; у берегов на ширину 10–40 м зарастало водной растительностью [Ресурсы..., 1972, с. 295–296].

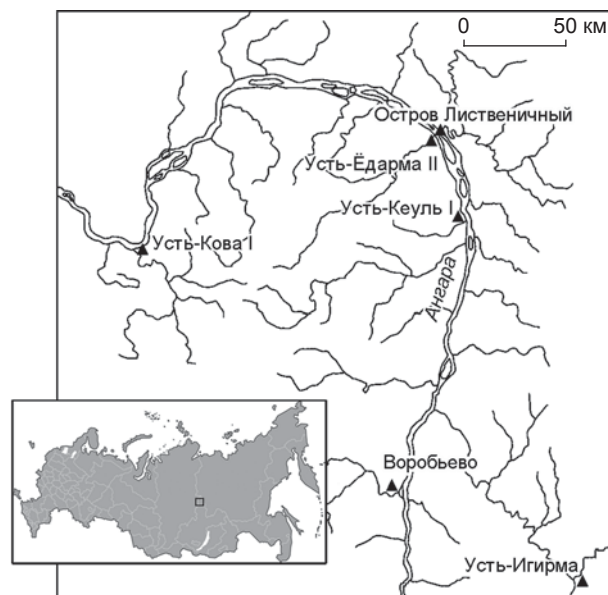

Рис. 1. Раннеголоценовые местонахождения Северного Приангарья, где были зафиксированы следы рыболовного промысла.

Братско-Илимский участок характеризовался наличием множества островов аккумулятивного, скульптурного и смешанного генезиса, параллельно-рукавным течением с чередованием порогов и обширных плесов, многочисленными протоками с разной скоростью течения [Чалов Р.С., Чалов С.Р., 2009, с. 105–106]. Данные ландшафтно-гидрологические особенности обеспечивали наилучшие условия для донной фауны и, соответственно, высокую рыбопромысловую ценность этого участка Ангары [Кожов, 1950, с. 50]. Стоит также отметить, что до строительства каскада ангарских ГЭС основные места добычи осетровых располагались именно здесь [Егоров, 1943, с. 5–6; Кожов, 1950, с. 51].

Методологическая составляющая исследования включает анализ остатков ихтиофауны, состава рыболовного инвентаря, планиграфического распределения на территории стоянки следов рыболовного промысла, корреляции полученных данных между собой, а также с материалами Южного Приангарья и западного побережья оз. Байкал. Необходимо отметить, что прежние результаты анализа состава ихтиофауны подверглись некоторой корректировке в связи с более детальной работой с коллекциями.

Материалы

Остров Лиственичный. Располагался на половине расстояния между устьями Каты и Ёдармы. Долины этих рек, являющихся соответственно правым и левым притоками Ангары, находятся практически напротив друг друга, образуя Като-Ёдарминское расширение. Местонахождение дислоцировалось в верхней части острова в двух пунктах: на приверхе и в 0,5 км ниже по течению на правом берегу, обращенном к Катской протоке.

Пункт 1 (на приверхе) представлял собой пологую островную террасу с площадью распространения находок ок. 150 м², расположенную в непосредственной близости от выраженного прируслового вала высотой 2,0–2,5 м. На момент раскопок расстояние от поверхности реки до вершины вала составляло ок. 7 м. Судя по данным микростратиграфии, древняя поверхность обитания представляла собой площадку, слабо наклоненную в сторону береговой линии.

Раннеголоценовый культурный слой (2-й) зафиксирован в отложениях, подстилающих толщу голоценового оптимума и представленных серовато-бурым легким заиленным суглинком с включениями мелких галек. В нем были два микрогоризонта залегания археологических остатков, частично разделенные стерильной прослойкой. Согласно стратиграфическому положению и данным радиоуглеродного датирования, возраст слоя ок. 9 тыс. лет [Кузнецов, Роговской, 2019, с. 182].

Большая часть фаунистических материалов слоя – остатки ихтиофауны (79 % всех определяемых по единицам находок), причем их соотношение с остальными костными остатками, в т.ч. неопределимыми, одинаковое в обоих микрогоризонтах (50,8 и 50,9 % соответственно) [Там же, с. 183, 186]. Учтено 277 ед. Основную часть составляют такие виды, как осетр и стерлядь *Acipenser* (16 %), щука *Esox lucius* (13 %), налим *Lota lota* (59 %). Доля тайменя *Hucho taimen*, сига *Coregonus lavaretus pidschian*, плотвы *Rutilus rutilus lacustris*, язя *Leuciscus idus*, ельца *Leuciscus leuciscus baicalensis* и окуня *Perca fluviatilis* колеблется от 1 до 5 % [Мамонтов, Роговской, 2013, с. 26, таблица]. В планиграфическом отношении остатки ихтиофауны локализируются вокруг и внутри кострищ, образуя зоны повышенной концентрации, в разной степени насыщенные находками [Кузнецов, Роговской, 2019, с. 185–186].

Рыболовный инвентарь представлен единственным составным рыболовным крючком*. Несмотря на то что его стерженек и жало разнесены по разным микрогоризонтам, аппликация дает метрически согласованное полное орудие. В планиграфии артефакты также тяготеют к кострищам. Костяной стерженек округлый в поперечном сечении, брюшко уплощено шлифовкой (рис. 2, 4). Длина изделия 28 мм, диаметр – 5 мм. На верхнем конце кольцевидными нарезками оформлена головка. На нижнем конце шлифовкой и уплощением выделена основа для фронтального крепления жала под углом 25° к основанию и вырезана шишечка. Жальце длиной 20 мм изготовлено из мелкого фрагмента рыбьей кости (рис. 2, 3). Острие притуплено, вероятно, в результате утилизации. Нижний край выгнут и имеет ряд мелких параллельных насечек, интерпретируемых как место крепления обмоткой.

В пункте 2 (ниже по течению) с раскопанной площадью ок. 1,2 тыс. м² выделено шесть культурных слоев, вмещенных в четко выделяемые литологические горизонты. Раннеголоценовый слой (5-й) был зафиксирован в подстилающих толщу голоценового оптимума отложениях возрастом ок. 8,5 тыс. лет [Кузнецов, Роговской, 2016, с. 92]. Местонахождение непосредственно примыкало к береговой линии и на момент раскопок располагалось в 4,0–4,5 м от уреза воды. Согласно данным микростратиграфии, поверхность обитания в раннем голоцене не слишком отличалась от современной и представляла слабонаклоненную островную террасу с резким обрывом в сторону реки.

*Зубчатый наконечник, ранее относимый к раннеголоценовому горизонту пункта 1 [Роговской, Кузнецов, 2013а, с. 109, 111, рис. 3, 7], в результате проведенных дополнительных микростратиграфических исследований отнесен к культурному слою 1, датированному среднеголоценовым временем [Кузнецов, Роговской, 2019, с. 182].

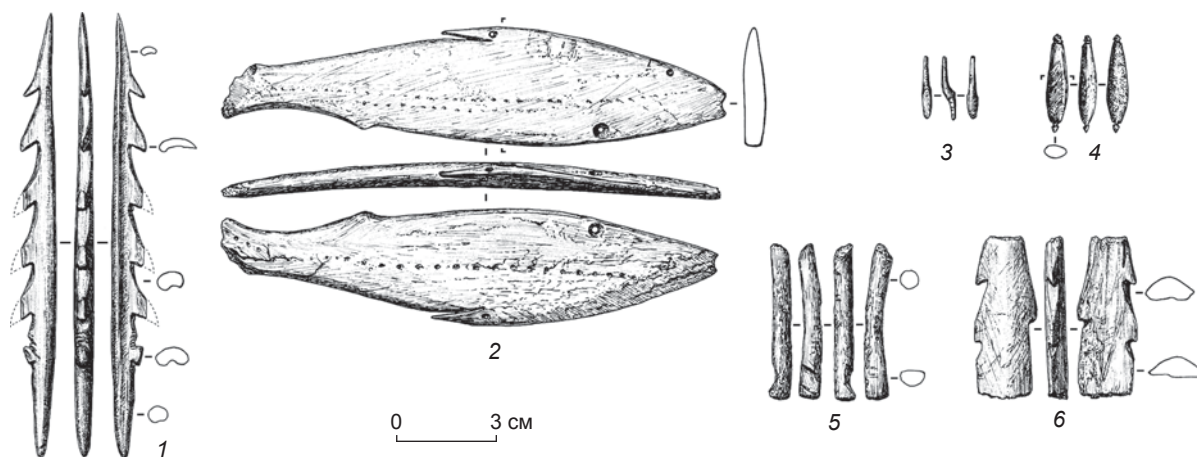

Рис. 2. Орудия рыболовного промысла.

1–5 – Остров Лиственичный: 1, 2, 5 – пункт 2 (слой 5), 3, 4 – пункт 1 (слой 2); 6 – Усть-Ёдарма II (слой 9).

Остатки ихтиофауны в 5-м слое зафиксированы в количестве 148 ед., для 85 ед. установлена видовая принадлежность. На осетра и стерлядь *Acipenser* приходится 59 %, щуку *Esox lucius* – 26 %, налима *Lota lota* – 8 %, окуня *Perca fluviatilis* – 6 %, нельму *Stenodus leucichthys nelma* – 1 % [Мамонтов, Роговской, 2013, с. 26]. В количественном отношении ихтиофауна составляет 4,5 % общего количества фаунистических остатков. В планиграфии она образует три локальных скопления в западной части раскопанной площади; одно из них приурочено к кострищу.

Рыболовный инвентарь представлен большой серией зубчатых наконечников (15 ед.), рыбкой-приманкой и стерженьком составного рыболовного крючка. Все наконечники односторонние, зубцы врезаны в тело, имеющее округлое поперечное сечение. Артефакты изготовлены из кости и рога. Семь изделий представлены дистальными, медиальными и дистально-медиальными фрагментами. Толщина пера варьирует у большинства наконечников от 6 до 9 мм, ширина – от 14 до 19 мм. По этим линейным характеристикам из общей картины выбивается только один фрагмент дистальной части изделия с толщиной пера 3 мм и шириной 6 мм. Шесть артефактов – проксимальные и проксимально-медиальные фрагменты разной сохранности. Насад во всех случаях приостренный, подовальный по контуру, с асимметричной П- и М-образной боковой выемкой, расположенной как сразу под первым зубцом (1 ед.), так и в медиальной (2 ед.) или дистальной (1 ед.) части базы. Она врезана в тело базы под углом ок. 80–90°. Длина насада у двух артефактов хорошей сохранности составляет 44 мм. Максимальная ширина насада 8–11 мм.

Два целых наконечника заслуживают более подробного описания. Один является самым крупным в коллекции (рис. 3). Его длина 258 мм, максимальная ширина 22 мм, толщина 8 мм. Изготовлен из ме-

таподии копытного. Наконечник тщательно зашлифован с двух сторон, на одной имеется продольный желоб – особенность материала заготовки. Зубцов пять, в медиальной части их шаг 23–25 мм, в дистальной (один зубец) – 45 мм. База длиной 107 мм имеет

Рис. 3. Зубчатый наконечник. Остров Лиственичный, пункт 2 (слой 5).

приостренный подовальный контур. В ее дистальной части, на расстоянии 36 мм от крайней точки, расположена М-образная боковая выемка, врезанная в тело наконечника под углом ок. 80°.

Другой зубчатый наконечник выбивается из общей серии своей морфологией (см. рис. 2, 1). Он также обработан шлифовкой и имеет на одной стороне желоб – особенность материала заготовки. Пять зубцов врезаны в тело наконечника под углом 70°, тогда как на остальных орудиях – 40–50°. Кроме того, жало на данном изделии дополнительно заострено: если у других наконечников его контур со стороны зубцов прямой, то здесь вогнутый. База имеет не выемку, а П-образный выступ. Насад округлый в поперечном сечении, заостренный. Длина изделия 129 мм, максимальная ширина – 10, толщина – 5 мм.

Исходя из наличия таких морфологических особенностей, как небольшое количество крупных зубцов, изогнутый в двух плоскостях профиль и приостренные насады, изделия предположительно относятся к гарпунному типу орудий, под которым подразумевается *modus operandi* артефакта, т.е. функция удержания добычи [Petillon, 2008, p. 77]. Дистальная дислокация М-образной выемки на первом наконечнике в совокупности с большими размерами изделия позволяет предположить, что он крепился непосредственно к древку либо через переходник с помощью гибкого линия. При жестком креплении (вариант остроги) наконечник такой длины и толщины при ударе мог сломаться от линейной динамической нагрузки.

Рыбка-приманка (см. рис. 2, 2) изготовлена из трубчатой кости крупного млекопитающего способом двусторонней шлифовки. Туловище имеет вытянутую форму. Морфология характеризуется плавностью контуров, профилирующих спинку и брюшко рыбы, переход к хвосту за счет постепенного сужения тела и затем расширение в месте хвостового плавника (он частично обломан). Голова заострена под углом 35°. Спинной плавник тщательно выполнен узким глубоким косым врезом и имеет отверстие посередине; небольшой выступ в нижней части фигурки, ближе к хвосту, скорее всего, передает анальный плавник. С одной стороны изделия оформлен глаз в виде маленькой (не более 1,5 мм в диаметре) лунки. На брюшной части, ближе к голове, располагается круглое биконическое сквозное отверстие, предположительно предназначенное для крепления имитатора жаберного плавника. На теле фигурки от морды к хвосту идут пунктирные линии, причем на одной стороне – в два ряда. Вероятно, они имитируют боковую линию сиговых пород рыб. В поперечном сечении скульптура имеет изогнутый в двух плоскостях профиль, повторяющий форму заготовки – трубчатой кости – и обеспечивающий, по всей видимости, планирование в водной среде, т.е. имитацию поведения рыбы. Дли-

на скульптурного изображения 145 мм, ширина – 33, толщина – ок. 6,6 мм.

Стерженек составного рыболовного крючка представляет собой круглый в сечении, слегка изогнутый костяной цилиндр (см. рис. 2, 5). Судя по сохранившейся поверхности, конечная форма орудию придана шлифовкой. Проксимальный сегмент обломан. На дистальном конце имеется неглубокий (1 мм) паз шириной 6 мм, расположенный под острым углом к продольной оси изделия. Вероятно, это место латерального крепления к стерженьку жала рыболовного крючка. Длина изделия 45 мм, толщина – 6 мм.

В планиграфическом отношении основная часть зубчатых наконечников (9 из 15 ед.) концентрировалась в юго-восточном секторе стоянки, в «рекреационной» зоне [Кузнецов, Роговской, 2016, с. 93], причем они не были приурочены к кострищам или скоплениям. Два наконечника зафиксированы в составе орудийно-сырьевых депозитов, компактных структурированно-организованных скоплений артефактов [Роговской, Кузнецов, 2014]. Остальные орудия были рассеяны по площади стоянки. Рыбка-приманка также находилась в «рекреационной» зоне. В 1,0–1,5 м от нее располагались скопление остатков ихтиофауны и фрагменты трех зубчатых наконечников. Стерженек рыболовного крючка был найден в прибрежной, северо-восточной части стоянки, в «хозяйственной» зоне [Кузнецов, Роговской, 2016, с. 93]. В радиусе 2 м от него находились немногочисленные остатки ихтиофауны и фрагмент зубчатого наконечника.

Усть-Ёдарма II. Многослойное местонахождение входит в ансамбль археологических памятников в устье р. Ёдармы (левый приток Ангары), который представляет собой близко расположенные, частично перекрывающие друг друга разновременные объекты, локализованные вдоль левого и правого берега реки [Богучанская археологическая экспедиция, 2015, с. 385–386]. Стоянка занимала оконечность правого приустьевых мыса Ёдармы и прибрежный участок вверх по Ангаре (общая протяженность ок. 1 тыс. м) и представляла собой наклоненную в сторону Ангары пологую поверхность с относительными отметками 1–10 м [Лохов, Роговской, Дударёк, 2013, с. 118].

К эпохе раннего голоцена относятся материалы 9-го культурного слоя возрастом ок. 8,2 тыс. лет [Липнина, Лохов, Медведев, 2013, с. 86]*. В них присутствуют многочисленные остатки ихтиофауны. Определена видовая принадлежность 223 ед. На осетровых *Acipenser* приходится 52,2 %, на щуку *Esox lucius* – 26,1 %, на налима *Lota lota* – 21,7 % [Мамонтов, Лохов, 2013, с. 129, табл. 1]. Остатки ихтиофауны со-

*В 10-м культурном слое, для которого получена ¹⁴C-дата 10150 ± 190 л.н. (СОАН-8907) [Бердников и др., 2014, с. 55, табл. 1], остатки ихтиофауны единичные.

ставляют ~32 % фаунистических материалов слоя 9. В планиграфическом отношении практически все они были представлены небольшими скоплениями, приуроченными к заполнениям немногочисленных кострищ. Большая часть костей подвергалась термическому воздействию, в связи с чем имела плохую сохранность.

К рыболовному инвентарю можно предварительно отнести медиальный фрагмент костяного зубчатого наконечника (см. рис. 2, б). Орудие двухстороннее, в поперечном сечении полуовальное. Обработано разнонаправленной шлифовкой с двух сторон. На одной имеется неширокий продольный желоб, предположительно естественный элемент заготовки – трубчатой кости. Зубцы расположены асимметрично, врезаны в тело под углом 40–50°. Ширина фрагмента (зубчатой части) 18 мм, толщина – 7 мм. Исходя из контура сечения артефакта, можно предположить, что он не является фрагментом законченного орудия, а представляет собой остатки заготовки.

Усть-Кеуль I. Многослойное местонахождение располагалось на пологом левом приустьевом участке р. Кеуль (левый приток Ангары) с относительными отметками 9–10 м [Новосельцева, Соколова, 2012, с. 137]. Стоянка входит в ансамбль разновременных памятников Усть-Кеуль (Левый) [Богучанская археологическая экспедиция, 2015, с. 470]. Раскопанная площадь стоянки составляет ок. 2,2 тыс. м².

Согласно стратиграфической ситуации и данным радиоуглеродного датирования, к раннеголоценовому времени относятся культурные слои 8–10. Возраст 8-го слоя ок. 8,3 тыс. лет [Клементьев, 2014, с. 34], 9-го – ок. 10 тыс. лет. Слой 10 датирован в интервале от 10005 ± 190 л.н. (СОАН-8644) до 11280 ± 170 л.н. (СОАН-8643) [Новосельцева, Соколова, 2012, с. 141, 144].

Следы рыболовного промысла в указанных слоях представлены исключительно остатками ихтиофауны, причем в 9-м – единичным экземпляром. Выборка из слоя 8 насчитывает 181 ед., причем более 70 % (128 ед.) было зафиксировано в хозяйственной яме. Распределение по видовому составу следующее: осетровые *Acipenser* – 64,1 %, щука *Esox lucius* – 17,1 %, налим *Lota lota* – 16 %; окунь *Perca fluviatilis*, таймень *Hucho taimen* и нельма *Stenodus leucichthys nelma* – от 0,55 до 1,7 %. Среди 15 ед. остатков ихтиофауны из слоя 10 на осетровых *Acipenser* приходится 26,7 %, щуку *Esox lucius* – 53,3 %, налима *Lota lota* – 13,3 %, окуня *Perca fluviatilis* – 6,7 % [Мамонтов, Новосельцева, Соколова, 2013, с. 136, табл. 1; с. 137, табл. 2].

В планиграфии слоя 8, зафиксированного практически по всей раскопанной площади, читаются отдельные зоны повышенной концентрации находок наряду с небольшими скоплениями. Остатки ихтиофауны и хозяйственная яма были локализованы

в юго-восточной, наиболее приближенной к водотоку, приустьевой части стоянки. Площадь распространения археологического материала в слое 10 не превышает 100 м² и также приурочена к приустьевой части. Остатки ихтиофауны располагались внутри и около кострища.

Обсуждение

По результатам анализа остатков ихтиофауны были построены графики соотношения зафиксированных видов. Они продемонстрировали две различные стратегии вылова рыбы (рис. 4). Первая, объединяющая материалы стоянок Остров Лиственичный, пункт 2 (слой 5), Усть-Кеуль I (слой 8) и Усть-Ёдарма II (слой 9), показывает преобладание в составе уловов осетровых. Примерно одинаково представлены щука и налим. Доля окуня, тайменя и нельмы составляет 0,5–5,0 %. Такое соотношение достаточно хорошо коррелирует с данными из Южного Приангарья, где в мезолитических горизонтах стоянки Усть-Белая также преобладают осетровые [Медведев, 1971, с. 114]. Если в раннем голоцене на притоке Ангары первого порядка (р. Хайта) основу добычи в равных долях составляли сиг, щука и налим [Mamontov, Saveliev, Igumnova, 2006, р. 275, tabl. 2], на маломорских стоянках Байкала – окунь, сорога и елец [Номоконова, Лозей, Горюнова, 2009, с. 15, рис. 4А], то на Ангаре это были осетр и стерлядь. Обращает на себя внимание диф-

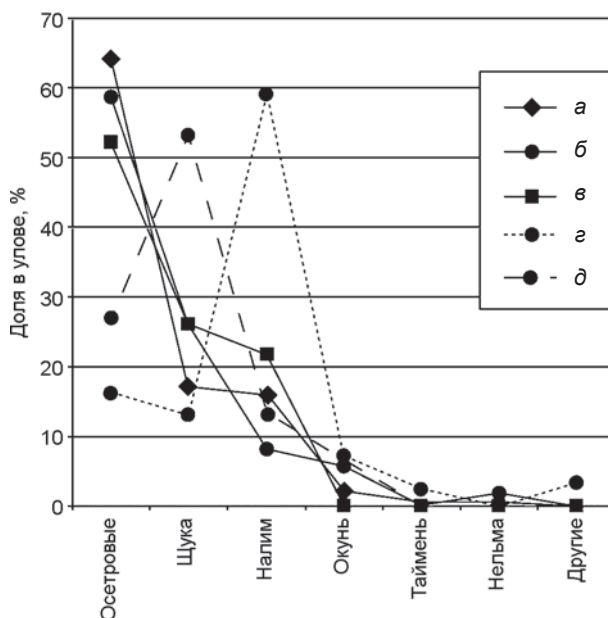

Рис. 4. Соотношение видов в улове древнего населения Северного Приангарья в раннеголоценовое время. а – Усть-Кеуль I, слой 8; б – Остров Лиственичный, пункт 2, слой 5; в – Усть-Ёдарма II, слой 9; г – Остров Лиственичный, пункт 1, слой 2; д – Усть-Кеуль I, слой 10.

ференциация относительных размеров осетровых: если в Северном Приангарье основная часть остатков принадлежала особям массой 4,0–11,5 кг [Мамонтов, Роговской, 2013, с. 26–27], то в Южном – в среднем ок. 20 кг и вплоть до 90-килограммовых [Медведев, 1971, с. 114]. По-видимому, в Северном Приангарье основу улова осетровых составляла стерлядь, отличающаяся гораздо меньшими размерами, нежели осетр.

Вторая стратегия наблюдается на материалах стоянки Остров Лиственичный, пункт 1 (слой 2). Здесь в улове преобладал налим, а осетровые и щука играли второстепенную роль. Кроме того, в этом комплексе зафиксированы костные остатки тайменя, окуня, сига, плотвы, язя и ельца, причем четыре последних вида на других раннеголоценовых местонахождениях отсутствуют. Сюда же можно отнести данные по 10-му слою стоянки Усть-Кеуль I, где наблюдается почти идентичная картина, но с преобладанием щуки.

Подобная ситуация с соотношением добываемых видов может быть связана с сезонными годовыми циклами хозяйствования древних охотников-рыболовов. В качестве определяющей сезонной модели для стратегии первого типа наиболее предпочтительны данные по местонахождению Остров Лиственичный, пункт 2. Сезонность обитания здесь древнего человека была косвенно установлена на основе анализа состояния зубной системы четырех особей копытных: сезон добычи продолжался с сентября по декабрь [Клементьев, 2014, с. 36]. Исходя из этого можно заключить, что период функционирования стоянки Остров Лиственичный, пункт 2, в раннеголо-

ценовое время ограничивался осенне-зимними месяцами. Единственным свидетельством, указывающим на другую сезонность (весна–лето), являются отбитые от черепа рога косули, также обнаруженные в культурном слое. В рамках предлагаемой предзимней модели можно интерпретировать данный факт как сбор древним населением подъемного костного материала. Стратегия вылова первого типа только подтверждает эту модель. Преобладающими видами рыб, остатки которых зафиксированы на стоянках, были налим, щука и осетровые. Основной клев (жор) у щуки и налима приходится на сентябрь–октябрь [Сабанеев, 2009, с. 67–68], до начала зимы, когда эти рыбы ведут малоактивный образ жизни. Осетровые к осени скапливаются в ямах и незамерзающей части порогов [Егоров, 1943, с. 10].

Стратегия вылова второго типа скорее связана с летними месяцами. На это указывает широкая номенклатура добываемых видов на стоянке Остров Лиственичный, пункт 1. Специализированного промысла осетровых не фиксируется, в составе улова преобладает налим. Данные по слою 10 стоянки Усть-Кеуль I, несмотря на малый размер исходной выборки, только подтверждают гипотезу о разной сезонности.

Еще одним интересным различием стоянок с разными стратегиями вылова является планиграфическая ситуация. В культурных слоях, по материалам которых прослеживается стратегия первого типа, площадь распространения находок большая – от 1 тыс. м², а там, где фиксируется второй тип, – достаточно компактная, ок. 100–200 м² (см. таблицу). Такая ситу-

Видовой состав остатков ихтиофауны на местонахождениях раннего голоцена в Северном Приангарье, %

Стоянка, культурный слой	¹⁴ C-дата, л.н. (индекс лаборатории)	Площадь стоянки, м ²	Кол-во диагностируемых находок, шт.	Осетровые <i>Acipenser</i>	Щука <i>Esox lucius</i>	Налим <i>Lota lota</i>	Окунь <i>Perca fluviatilis</i>	Таймень <i>Hucho taimen</i>	Нельма <i>Stenodus leucichthys nelma</i>	Другие
Усть-Кеуль I, сл. 8	8370 ± 125 (СОАН-8906)	≥2 200	181	64,1	17,1	16	1,7	0,55	0,55	–
То же, сл. 10	Ок. 11–10 тыс.	~100	15	26,7	53,13	13,3	6,7	–	–	–
Усть-Ёдарма II, сл. 9	8200 ± 110 (СОАН-8651)	≥1 700	223	52,2	26,1	21,7	–	–	–	–
Остров Лиственичный, пункт 1, сл. 2	9375 ± 25 (UCIAMS-185870)	~150	277	16,24	13	59,21	5,78	2,53	–	3,24
То же, пункт 2, сл. 5	8575 ± 120 (СОАН-8646) 8480 ± 135 (СОАН-8647) 8510 ± 135 (СОАН-8911)	≥1 200	85	58,82	25,88	8,23	5,88	–	1,18	–

ация может быть связана с годовой изменчивостью структуры хозяйственных групп древнего населения: в периоды массовой добычи ресурса они концентрировались на местах сбора, а в остальные сезоны распадались на более мелкие единицы. Подобная система организации практикуется многими традиционными обществами (см., напр.: [Попов, 1948, с. 32–36; Дзенiskeвич, 1987, с. 30–33; Крупник, 1989, с. 75; и др.]).

Археологически фиксируемые орудия лова на стоянках, где выявлена стратегия первого типа, представлены зубчатыми наконечниками, рыбкой-приманкой и составными частями рыболовных крючков. Функциональная связь зубчатых наконечников с рыбками-приманками подробно описана и прослеживается на множестве примеров из практики рыболовного промысла этнографически фиксируемых сообществ охотников-рыболовов [Роговской, Кузнецов, 2013б, с. 27–28]. Она также косвенно подтверждает преддизмную сезонную модель стоянок. Учитывая мезолитические материалы стоянки Усть-Белая, где также обнаружены зубчатые наконечники, можно предварительно связать стратегию первого типа с поколкой рыбы [Медведев, 1971, с. 117]. Стерженек рыболовного крючка крупных размеров предположительно дополняет способы добычи применением самоловов.

Составной крючок со стоянки Остров Лиственичный, пункт 1, благодаря своим малым размерам ассоциируется с выловом рыбы, имеющей малую ротовую полость [Номоконова, Лозей, Горюнова, 2009, с. 17]. В данном случае к таковым можно отнести сига и плотву, зафиксированные здесь же. Однако широкий спектр представленных видов свидетельствует о массовой добыче рыбы с использованием изгородей и ловушек. Таким образом, можно предположить связь стратегии второго типа с ужением и постановкой ловушек.

Заключение

Рассмотренные материалы дают новую информацию для анализа системы жизнеобеспечения древнего населения Северной Азии. Речное рыболовство как составная часть послеледниковой специализированной стратегии добычи пищевых ресурсов значительно расширило и стабилизировало пищевую базу охотников-собираателей тайги в Байкальской Сибири. Первые следы этого вида хозяйственной деятельности (остатки ихтиофауны и орудия, традиционно связываемые с рыбозаготовкой) в Северном Приангарье фиксируются в раннеголоценовых горизонтах многослойных местонахождений Остров Лиственичный (пункт 1 и 2), Усть-Ёдарма II и Усть-Кеуль I. Концентрацию и расположение в ландшафте этих стоянок можно свя-

зать с рыбопромысловыми характеристиками Братско-Илимского участка долины Ангары.

В раннеголоценовый период в Северном Приангарье главными объектами рыболовного промысла были такие виды, как осетровые (сибирский осетр и сибирская стерлядь), щука и налим, причем первый преобладал на большинстве рассмотренных стоянок. Окунь, таймень, нельма и другие виды, судя по их доле в улове, являлись сопутствующей добычей.

По результатам анализа состава ихтиофауны на стоянках зафиксированы две различные стратегии вылова рыбы, обусловленные предположительно сезоном добычи. Первая была ориентирована на осетровые породы. Основным способом выступала поковка. Эта стратегия может ассоциироваться с периодами массовой добычи ресурса древним населением. Вторая стратегия была ориентирована на ловлю налима и щуки методом ужения и постановки ловушек. Она предположительно связана с хозяйствованием более мелких структурных единиц. Таким образом, можно предположить существование сложной круглогодичной системы дифференцированной эксплуатации рыбных ресурсов, включавшей различные приемы лова, у древнего населения Северного Приангарья в раннеголоценовое время (10,3–8,0 тыс. некал. л.н.).

Благодарность

Исследование выполнено в рамках госзадания № 33.2057.2017/4.6 Министерства науки и высшего образования РФ.

Список литературы

Абдулов Т.А., Абдулов А.Т. Результаты спасательных археологических работ на многослойном георхеологическом объекте Ручей Дубинский I // Евразия в кайнозое: Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2015. – Вып. 4. – С. 5–18.

Абдулов Т.А., Абдулов А.Т., Алтухов В.В. Результаты спасательных археологических работ на многослойном георхеологическом объекте Отико II // Евразия в кайнозое: Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2013. – Вып. 2. – С. 7–18.

Бердников И.М., Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., Роговской Е.О., Клементьев А.М., Уланов И.В., Лохов Д.Н., Дударёк С.П., Новосельцева В.М., Соколова Н.Б. Георхеологические комплексы раннего голоцена на юге Средней Сибири: Оценка данных и перспективы исследований // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Георхеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 9. – С. 46–76.

Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) / А.П. Деревянко, А.А. Цыбанков, А.В. Постнов, В.С. Славинский, А.В. Выборнов, И.Д. Зольников, Е.В. Деев, А.А. Присекайло,

Г.И. Марковский, А.А. Дудко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 564 с. – (Тр. Богучанской археологической экспедиции; т. 1).

Васильевский Р.С. Археологические исследования на Средней Ангаре (некоторые предварительные результаты работ Ангаро-Илимской экспедиции 1967–1974 гг.) // Древние культуры Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 131–150.

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 224 с.

Воробьева Г.А. Почва как летопись природных событий Прибайкалья: проблемы эволюции и классификации почв. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. – 205 с.

Гурулев Д.А. Мезолитические комплексы Северного Приангарья // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы V междунар. науч. конф. Кызыл, 15–19 сент. 2014 г. – Кызыл, 2014. – С. 28–32.

Дзенискевич Г.И. Атапаски Аляски: Очерки материальной и духовной культуры. Конец XVIII – XX в. – М.: Наука, 1987. – 152 с.

Егоров А.Г. Промысел красной рыбы на р. Ангара. – Иркутск: Обл. изд-во, 1943. – 39 с.

Клементьев А.М. Раннеголоценовая фауна северной Ангары (материалы археологических объектов) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 8. – С. 31–44.

Кожов А.А. Пресные воды Восточной Сибири. – Иркутск: Обл. изд-во, 1950. – 366 с.

Крупник И.И. Арктическая этноэкология: Северная Евразия. – М.: Наука, 1989. – 272 с.

Кузнецов А.М., Роговской Е.О. Некоторые аспекты жизнедеятельности населения Северного Приангарья в финальном мезолите (на примере стоянки Остров Лиственичный) // Экология древних и традиционных обществ. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2016. – Вып. 5: Материалы V Междунар. науч. конф., г. Тюмень, 7–11 нояб. 2016 г. – Ч. 2. – С. 91–93.

Кузнецов А.М., Роговской Е.О. Планиграфический анализ раннеголоценовых культурных слоев стоянки Остров Лиственичный (Северное Приангарье) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2019. – № 62. – С. 180–191.

Липнина Е.А., Лохов Д.Н., Медведев Г.И. О каменных топорах «с ушками» – цапфенных топорах Северной Азии // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – Т. 1. – С. 71–101.

Лохов Д.Н., Роговской Е.О., Дударёк С.П. Североангарский вариант керамики хайтинского типа // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – Т. 1. – С. 116–132.

Мамонтов А.М., Лохов Д.Н. Динамика видового состава рыб в голоценовых комплексах геоархеологического местонахождения Усть-Ёдарма II (в зоне затопления Богучанской ГЭС) // Евразия в кайнозое: Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2013. – Вып. 2. – С. 126–133.

Мамонтов А.М., Новосельцева В.М., Соколова Н.Б. Видовой состав рыб из голоценовых комплексов геоархеологического местонахождения Усть-Кеуль I (в зоне затопле-

ния Богучанской ГЭС) // Евразия в кайнозое: Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2013. – Вып. 2. – С. 134–139.

Мамонтов А.М., Роговской Е.О. Состав рыб в уловах на реке Ангаре в раннем голоцено по материалам местонахождения «Остров Лиственичный» (зона затопления Богучанской ГЭС) // Вестн. ИрГСХА. – 2013. – Т. 57, № 2. – С. 24–29.

Медведев Г.И. Хозяйственный уклад мезолитического населения Усть-Белой // Мезолит Верхнего Приангарья. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1971. – Ч. 1: Памятники Ангаро-Бельского и Ангаро-Идинского районов. – С. 113–126.

Новосельцева В.М., Соколова Н.Б. Новые данные по геохронологии комплексов многослойного геоархеологического местонахождения Усть-Кеуль I в Северном Приангарье // Евразия в кайнозое: Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2012. – Вып. 1. – С. 137–146.

Номоконова Т., Лозей Р., Горюнова О.И. Реконструкция рыбного промысла на озере Байкал (анализ икhtiофауны со стоянки Итырхей) // РА. – 2009. – Т. 3. – С. 12–21.

Попов А.А. Нганасаны: Материальная культура. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – Т. 1. – 116 с.

Ресурсы поверхностных вод СССР: Ангаро-Енисейский район / под ред. В.Г. Симова. – Л.: Гидрометеиздат, 1972. – Т. 16, вып. 2. – 592 с.

Роговской Е.О., Кузнецов А.М. Наконечники гарпунов многослойного местонахождения Остров Лиственичный в Северном Приангарье // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013а. – Т. 1. – С. 102–115.

Роговской Е.О., Кузнецов А.М. Рыболовство в раннем голоцено на многослойном местонахождении Остров Лиственичный (в зоне затопления Богучанской ГЭС) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013б. – Т. 2. – С. 15–32.

Роговской Е.О., Кузнецов А.М. Депозиты многослойного местонахождения Остров Лиственичный (Северное Приангарье) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 9. – С. 77–102.

Сабанеев Л.П. Исконно русская рыбалка: Жизнь и ловля пресноводных рыб. – М.: РИПОЛ классик, 2009. – 640 с.

Чалов Р.С., Чалов С.Р. Морфология скального русла реки Ангары на участках Богучанского и Мотыгинского водохранилищ // География и природные ресурсы. – 2009. – № 1. – С. 103–110.

Mamontov A.M., Saveliev N.A., Igunnova E.S. Species composition of fish from archeological site Ust'-Haita (Belaya River – Tributary of Angara River) // Hydrobiologia. – 2006. – Vol. 568. – P. 273–276.

Petillon J.M. What are these barbs for? Preliminary study on the function of the Upper Magdalenian barbed weapon tips // Proceedings of session C 83, 15th World Congress UISPP, Lisbon, September 4–9, 2006. – Lisbon, 2008. – Vol. 1. – P. 66–97.

DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.1.061-071
УДК 903.023

**В.И. Молодин¹, Д.В. Селин¹, Л.Н. Мыльникова^{1, 2},
И.А. Дураков³, Н.С. Ефремова¹**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru; selin@epage.ru; L.Mylnikova@yandex.ru;
efremova@archaeology.nsc.ru

²Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

³Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Вилуйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия
E-mail: idurakov@yandex.ru

Теплотехнические сооружения конца эпохи бронзы в Барабинской лесостепи (восточный вариант пахомовской культуры)

В статье представлены результаты исследования теплотехнических сооружений культового ансамбля восточного варианта пахомовской культуры памятника Тартас-1, расположенного на юге Западной Сибири. Ритуальный ансамбль – пока единственный объект, на котором специально отведенные производственные площадки с теплотехническими сооружениями связаны с культовыми комплексами. Культовый ансамбль включает столбовые, хозяйственные, ритуальные ямы. Зафиксировано сооружение в виде комплекса ям, различающихся по форме, глубине и размерам. В состав ансамбля входят также теплотехнические сооружения. В статье приводится их подробное описание. Выделены теплотехнические сооружения двух типов: сильно углубленные в материк, связанные с металлургическим циклом, и наземные (мало углубленные) с куполом, предназначенные для металлообрабатывающих операций. В статье приводится характеристика их конструкций. Установлено своеобразие сооружений первого типа; прямые аналоги этих устройств среди материалов поселенческих и культовых комплексов синхронных культур юга Западной Сибири конца эпохи бронзы не выявлены. Прослежена связь между рассматриваемыми сооружениями и сооружениями иткульской культуры раннего железного века Зауралья, предназначенными для металлургического цикла. Зафиксировано соответствие устройств второго типа местной позд-неирменской металлообрабатывающей традиции. Сделан вывод о том, что на территории Барабинской лесостепи, где отсутствует рудная база, в пределах ритуального ансамбля размещались объекты, характеризующие почти весь цикл производства металла. Отмечено, что появление в Барабе теплотехнических сооружений, связанных с металлургическим циклом, было вызвано миграцией в регион населения, имевшего соответствующие знания и навыки.

Ключевые слова: археология, эпоха бронзы, Барабинская лесостепь, Тартас-1, теплотехнические сооружения, очаги.

**V.I. Molodin¹, D.V. Selin¹, L.N. Mylnikova^{1, 2},
I.A. Durakov³, and N.S. Efremova¹**

¹Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru; selin@epage.ru; L.Mylnikova@yandex.ru;
efremova@archaeology.nsc.ru

²Novosibirsk State University,
Pirogova 1, Novosibirsk, 630090, Russia

³Novosibirsk State Pedagogical University,
Vilyuiskaya 28, Novosibirsk, 630126, Russia
E-mail: idurakov@yandex.ru

Late Bronze Age Smelting and Processing Furnaces of the Eastern Variant of the Pakhomovskaya Culture in the Baraba Forest-Steppe

We describe smelting furnaces found at the Tartas-1 ritual site in southwestern Siberia, representing the eastern variant of the Pakhomovskaya culture. This is so far the only known site where the ritual complex, which includes pits from pillars, utility and ritual pits, adjoins a special manufacturing area with furnaces for smelting copper ore and processing bronze. The pits, differing in form, depth, and size, belonged to a structure. Furnaces are of two types: deep ones, dug into virgin soil, and shallow ones with domes. The former were destined for smelting ore, and the latter, for processing metal. The construction of both types is described in detail. The smelting surfaces are peculiar and have no direct parallels in Late Bronze Age settlements and sanctuaries of southwestern Siberia while being somewhat similar to smelting furnaces of the Early Iron Age Itkul culture of the Trans-Urals. Furnaces of the second type resemble those of the local late Irmen culture. Apparently, in the Baraba forest-steppe, where no copper ore outcrops are available, the ritual complexes included furnaces destined for both smelting ore and processing metal. The bronze metallurgy in the region may have been introduced by immigrants practicing both copper ore smelting and metal processing.

Keywords: Archaeology, Bronze Age, Baraba forest-steppe, Tartas-1, smelting furnaces, hearths.

Введение

В конце эпохи бронзы в Барабинской лесостепи развивались процессы, серьезно изменившие культурно-историческую ситуацию в этой части Обь-Иртышья. Происходил распад андроновской общности, формировались новые андроновидные культуры, унаследовавшие черты материальной культуры андроновского и автохтонного населения. Под влиянием природных и культурных факторов на эту территорию мигрировали группы населения с запада – носители пахомовской и сузгунской культур, севера – атлымской культуры, юга – бегазы-дандыбаевской, алексеевско-саргаринской и берликской культур [Молодин, 2010; 2014; Чича..., 2009].

Рис. 1. Карта расположения памятника Тартас-1.

К финалу эпохи бронзы относятся формирование и функционирование уникального культового ансамбля восточного варианта пахомовской культуры, исследуемого в настоящее время на памятнике Тартас-1 (Венгеровский р-н Новосибирской обл.) (рис. 1). Памятник открыт в 2003 г. О.В. Софеевым. В результате полномасштабных раскопок, проводившихся в 2005–2019 гг. сотрудниками Западносибирского отряда Института археологии и этнографии СО РАН под руководством акад. В.И. Молодина, было установлено, что памятник представляет собой совокупность разновременных (от неолита до позднего Средневековья) погребальных, поселенческих и культовых объектов [Молодин, 2015].

Культовый ансамбль находится в восточной части памятника. Он примыкает к старице р. Тартас, которая в конце эпохи бронзы могла быть частью действующей речной системы. На площади 2 225 м² расположены столбовые, хозяйственные и ритуальные ямы (рис. 2). Столбовые ямы нередко составляют ряды, однако по ним трудно представить конфигурацию каркасно-столбовых конструкций, хотя попытки определить ее ранее предпринимались исследователями (см.: [Молодин, Наглер, Хансен и др., 2012; Молодин, Кобелева, Наглер и др., 2013; Молодин, Дураков, Кобелева и др., 2014; Ефремова, Мыльникова, Молодин и др., 2017]). Как остатки конструкции можно интерпретировать расположенный в кв. F^{III}–M^{III}/54–64 комплекс ям (рис. 2). Крупные ямы имели разную форму и глубину, содержали керамику с орнаментальными чертами восточного варианта пахомовской культуры (рис. 3) и фрагменты костей животных. В малых ямках зафиксированы также находки массовых категорий. В плане предполагаемая конструкция близка к прямоугольной, площадью 180,2 м² (10,6 × 17 м).

Особо следует отметить, что в непосредственной близости от ям № 532–535 вместе со скоплением костей коровы находились фрагменты тазовых костей человека. В заполнении небольшой овальной ямы № 517 вместе с фрагментами восточнопахомовской керамики

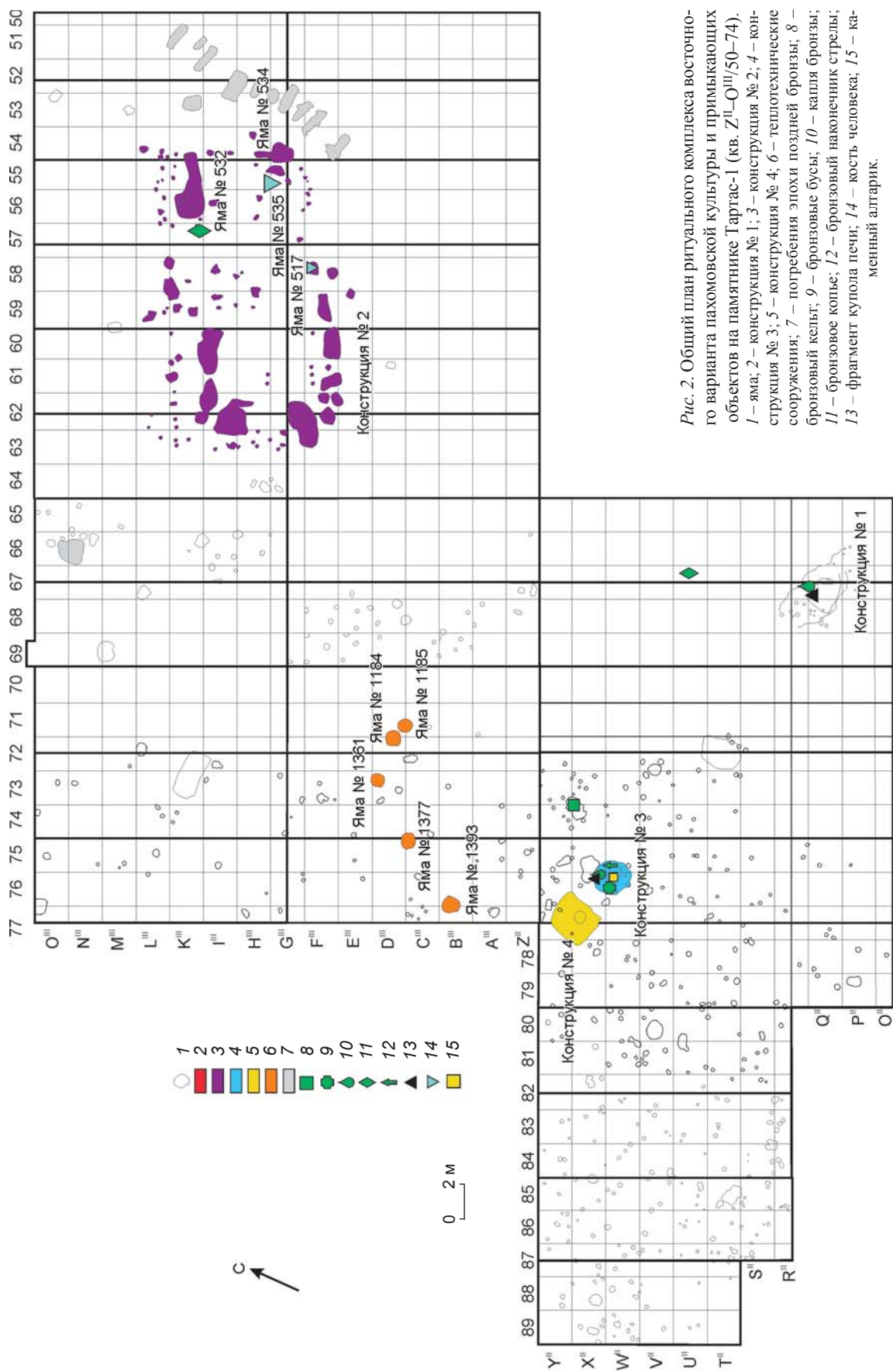

Рис. 2. Общий план ритуального комплекса восточного варианта паховосской культуры и примыкающих объектов на памятнике Таргас-1 (кв. Z^{II}-O^{III}/50-74). 1 – яма; 2 – конструкция № 1; 3 – конструкция № 2; 4 – конструкция № 3; 5 – конструкция № 4; 6 – теллотехнические сооружения; 7 – погребения эпохи поздней бронзы; 8 – бронзовый кельт; 9 – бронзовые бусы; 10 – калпа бронзы; 11 – бронзовое копье; 12 – бронзовый наконечник стрелы; 13 – фрагмент купола печи; 14 – кость человека; 15 – каменный алгарик.

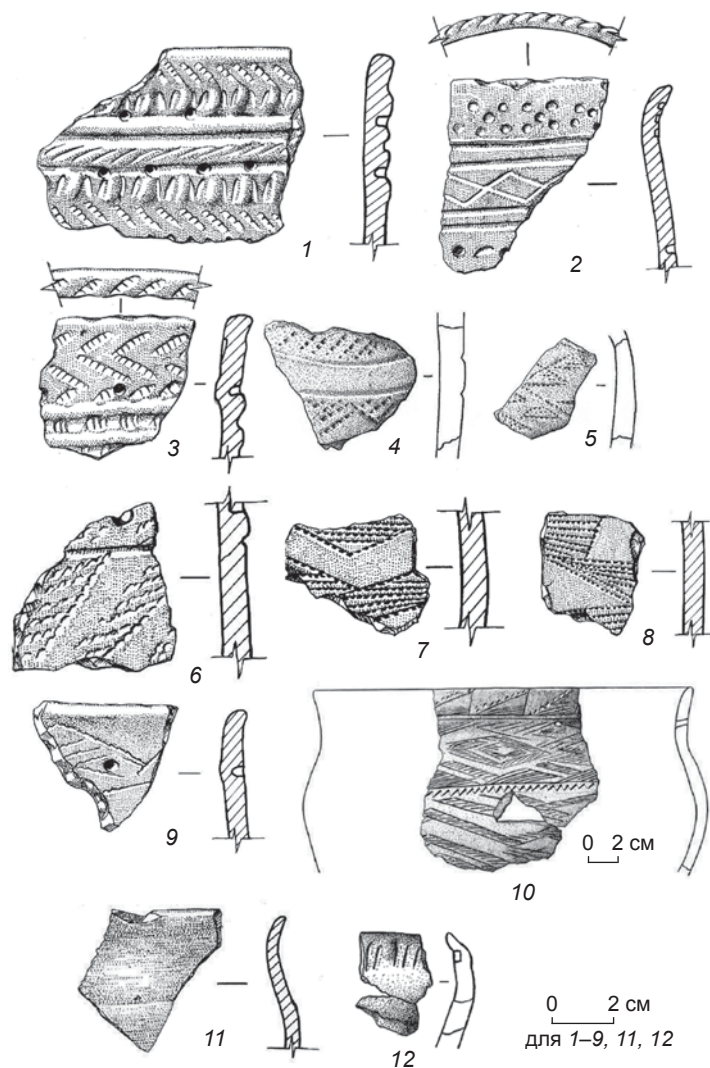

Рис. 3. Керамика из ритуального комплекса восточного варианта пахомовской культуры.

1–5, 11 – из культурного слоя; 6–9 – из ямы № 1442; 10 – из конструкции № 2; 12 – из конструкции № 4 [Молодин, Наглер, Хансен и др., 2012].

ки обнаружена пяточная кость взрослого человека [Молодин, Наглер, Хансен и др., 2012].

К ритуальному ансамблю относятся также другие ямы разной формы и глубины, аморфные конструкции, содержавшие бронзовые предметы (см. рис. 2). В двух ямах были наконечники копий, в одной – наконечник стрелы специфической формы [Там же; Молодин, Кобелева, Наглер и др., 2013; Молодин, Дураков, Кобелева и др., 2014; Ефремова, Мильникова, Молодин и др., 2017; Селин, 2018]. В состав ансамбля входят и теплотехнические сооружения (см. рис. 2).

Для всей территории, занимаемой ритуальным ансамблем, характерна высокая насыщенность слоя фрагментами керамической посуды, технической керамики (тигли, льячки, литейные формы, обмазка), кальцинированными костями животных, известняко-

выми конкрециями, мелкой охрой и бронзовыми изделиями.

Ансамбль атрибутирован как культовый, поскольку на его территории отсутствуют такие специфичные для поселений объекты, как очаги и хозяйственные ямы; имеются специально выделенная площадка для осуществления связанной с плавкой металла производственной или ритуальной деятельности, бронзовые вещи без следов использования, некоторые намеренно испорченные, а также фрагменты костей человека, которые могут быть связаны с ритуальными практиками или обрядами жертвоприношения. Кроме того, объект расположен в непосредственной близости от комплекса одновременных захоронений людей со следами помертвых манипуляций и некрополей синхронных и более ранних культур.

Результаты исследований

В пределах ритуального ансамбля на памятнике Тартас-1 зафиксированы теплотехнические сооружения двух типов: 1) сильно углубленные в материк, связанные, скорее всего, с металлургическим циклом; 2) наземные (мало углубленные) с куполом, предназначенные для металлообрабатывающих операций. Обнаружены также объекты, «имитирующие» теплотехнические устройства.

В юго-западной части ритуального ансамбля найдены пять теплотехнических устройств, расположенных в непосредственной близости друг от друга (см. рис. 2).

Яма № 1184 (рис. 4, 1, 2, 7–9; 5–8). Зафиксирована на уровне материка в виде пятна округлой формы темно-серого цвета с участком прокаленной почвы по всему краю. Заполнение

ямы представлено несколькими слоями (см. рис. 4, 2). В верхней части – черная почва (мощность до 0,1 м). Под ней находится слой почвы темно-серо-коричневого цвета (мощность до 0,15 м). Ниже размещалась черная почва с включениями пепла и древесного угля (мощность до 0,13 м). В стенках ямы отмечены линзы прокаленного суглинка. Заполнение выброса представлено черной почвой (мощность до 0,02 м), перекрывающей часть расположенного по периметру прокала.

Яма округлой формы, с неровным верхним краем, размерами по верхнему контуру 0,79 × 0,73 м, по нижнему – 0,83 × 0,77 м, глубиной от уровня материка до 0,33 м (см. рис. 4, 1). Стенки S-видной формы, дно ровное. Находки – известняковые конкреции (24 ед.; см. рис. 6, 2), фрагменты кальцинированных костей и фрагмент керамики восточного варианта пахомовской культуры.

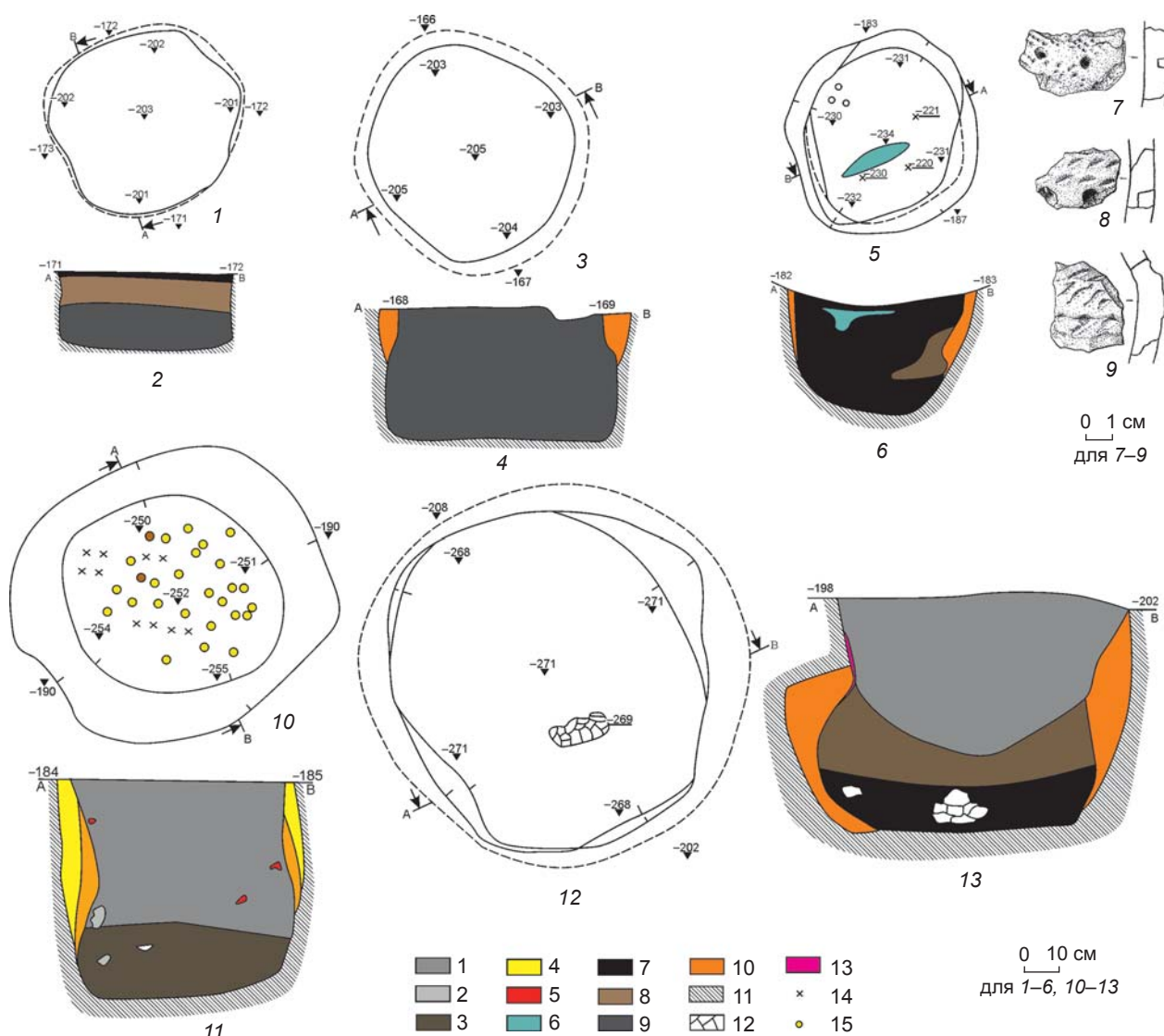

Рис. 4. Планы и разрезы ям № 1184 (1, 2), 1185 (3, 4), 1361 (5, 6), 1377 (10, 11), 1393 (12, 13), фрагменты керамики (7–9). 1 – темно-серая почва с включениями фрагментов обожженной глины; 2 – серо-белая золистая почва; 3 – почва черного цвета с включениями материкового суглинка; 4 – прокал; 5 – включения обожженной глины; 6 – область распространения костей рыбы; 7 – черная сажистая почва; 8 – темно-серо-коричневая почва; 9 – черная углистая почва; 10 – прокаленный материковый суглинок; 11 – материковый суглинок желтого цвета; 12 – известняковые конкреции; 13 – глиняная обмазка; 14 – фрагмент керамики; 15 – фрагмент кости.

Яма № 1185 (см. рис. 4, 3, 4; 8). Зафиксирована на уровне материка в виде пятна округлой формы темно-серого цвета с прокаленной почвой по краю. Заполнение ямы состояло из черной почвы с включениями пепла и древесных углей (мощность до 0,4 м) (см. рис. 4, 4). Яма округлой формы размерами по верхнему контуру 0,65 × 0,6 м, глубиной от уровня материка до 0,4 м (см. рис. 4, 3). Стенки наклонные, с прока-

Рис. 5. Яма № 1184 до выборки заполнения.

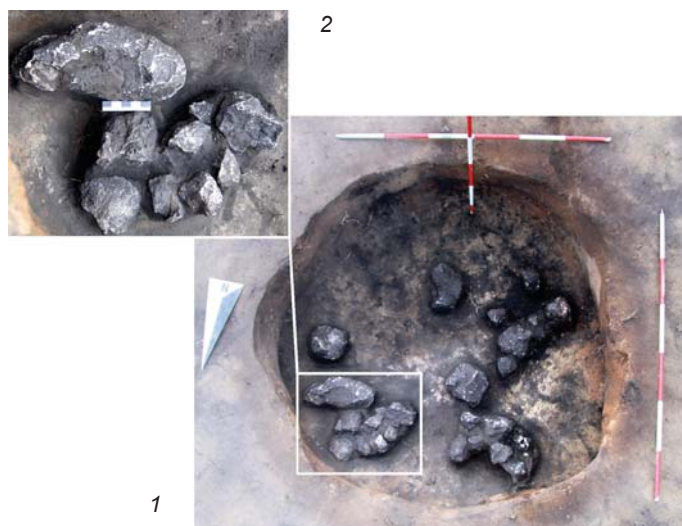

Рис. 6. Яма № 1184 в процессе выборки заполнения (1), известняковые конкреции в ее заполнении (2).

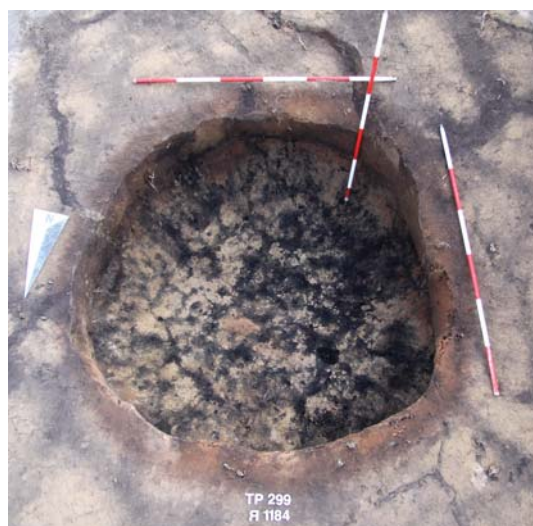

Рис. 7. Яма № 1184 после выборки заполнения.

Рис. 8. Ямы № 1184–1187 после выборки заполнения.

ленными участками чаще всего в верхней части, дно ровное. Находки – известняковые конкреции (22 ед.) и фрагменты кальцинированных костей.

Яма № 1361 (см. рис. 4, 5, 6). Основная часть заполнения состоит из темно-серой сажистой почвы (мощность до 0,52 м). В западной части на глубине 0,14 м от уровня материка отмечена линза мешаной коричнево-серой почвы (мощность до 0,18 м). Яма округлой формы диаметром 0,88 м. Стенки слегка наклонные, прокалены; дно ровное. Глубина от уровня материка 0,47–0,52 м. Находки – мелкие единичные фрагменты костей животных и мелкие фрагменты керамики, относящиеся к восточному варианту пахомовской культуры. На глубине 0,02 м от уровня материка в восточной половине ямы обнаружено скопле-

ние костей рыбы ($0,3 \times 0,3 \times 0,02$ – $0,1$ м) (см. рис. 4, 5).

Яма № 1377 (см. рис. 4, 10, 11). Заполнение в верхней части представлено темно-серой почвой с вкраплениями кирпично-оранжевой частично разложившейся обожженной глины. В нижней части прослежен слой угольно-черной супеси с редкими включениями мешаного серо-желтого материкового суглинка. Встречены мелкие угли и обожженные фрагменты деревянных плашек. Ближе к стенкам в средней части заполнения зафиксирована линза прокаленного суглинка оранжевого цвета мощностью до 0,11 м. Яма овальной формы, размеры $0,86 \times 1,02$ м. Стенки прямые, дно ровное. Диаметр по нижнему контуру составляет до 0,74 м, глубина от уровня материка до 0,68 м. Находки –

известняковые конкреции, 10 мелких фрагментов керамики и 25 фрагментов костей животных.

Яма № 1393 (см. рис. 4, 12, 13). Заполнение ямы в верхней части представлено однородной темно-серой почвой. Под ней прослежен слой серо-коричневой прокаленной почвы (мощность 0,22–0,3 м). В придонной части находилась черная сажистая почва, содержащая известняковые конкреции. Вдоль стенок ямы зафиксирован слой прокаленного (до оранжевого цвета) суглинка (мощность 0,08–0,02 м). В западной части отмечены следы глиняной обмазки. Яма округлой формы, размерами по верхнему контуру $1,03 \times 1,0$ м, в центральной части $1,15 \times 1,13$ м, на уровне дна $1,05 \times 0,95$ м (см. рис. 4, 12). Стенки неровные, от уровня материка вертикальные, на глубине

0,13–0,18 м имеют отрицательный уклон, затем слегка наклонные. Дно ровное; глубина 0,7 м. Находки – 77 обломков костей животных, 2 кости животных с окислами бронзы и 22 мелких фрагмента керамики восточного варианта пахомовской культуры. Второй слой содержал частицы оранжевой спекшейся глины. В придонной части выявлены известняковые конкреции.

Таким образом, обнаруженные сооружения близки планиграфически (см. рис. 2) и аналогичны по конструкции – это округлые (или подовальные) ямы размерами 0,79 × 0,73 × 0,6 м. У всех объектов специально оформленные S-видные стенки обмазаны глиной (рис. 9). Заполнение состоит из нескольких слоев. Сверху – черная почва мощностью до 0,1 м. Под ней

находится слой черной почвы с включениями пепла и древесных углей (мощность до 0,4 м). На стенках фиксируются участки прокаленной почвы (мощность до 0,22–0,35 м). В некоторых ямах между черной почвой и участками прокала имеются слои пепла (мощность до 0,03 м). Находки включают большое количество (до 25 ед.) фрагментов обожженных известняковых конкреций, залегающих на разных уровнях в каждом изученном объекте*.

Зафиксированы также мелкие фрагменты кальцинированных костей животных и древесный уголь. Наличие в заполнении печи № 1393 кальцинированных костей со следами окислов бронзы позволяет предположить, что теплотехнические объекты были частью бронзолитейного комплекса. Обращает на себя внимание малочисленность индивидуальных находок (кроме конкреций) в этих объектах. Вероятно, печи были очищены от отходов производства и подготовлены к дальнейшему использованию. Обнаруженные в заполнении объектов фрагменты керамики восточного варианта пахомовской культуры являются свидетельствами принадлежности данных теплотехнических сооружений к означенной культуре (см. рис. 4, 7–9).

По устройству вышеописанные теплотехнические конструкции напоминают металлургические горны второго класса, третьего подкласса иткульского очага металлообработки раннего железного века [Бельтикова, 1981, с. 123–124].

Исследователи неоднократно отмечали связь между бронзолитейной деятельностью и культовыми

Рис. 9. Следы глиняной обмазки на стенке в яме № 1393.

ми практиками (подробный обзор см.: [Черных, 2007, 2018]). Нам представляется вполне естественным расположение специально выделенной площадки для производства различных, в т.ч. бронзовых, изделий в непосредственной близости от культовых сооружений восточного варианта пахомовской культуры – она была частью этого ансамбля. Нельзя не отметить отсутствие следов воздействия огня на ирменском культовом комплексе, обнаруженном на могильнике Сопка-2. Это позволяет сделать вывод о том, что в культовых практиках носителей ирменской культуры и восточного варианта пахомовской огню отводились разные роли [Молодин, Ефремова, 2015, с. 75].

Анализ планиграфии культового комплекса показал, что печи находились за пределами построек на отдельной площадке, расположенной в естественной ложбине с перепадом высот ок. 1 м. В 4 м к востоку от них обнаружены ряды столбовых ям, возможно, связанных с созданием ограждения или ветрозащитных перегородок. Традиция сооружения тепло-, влаго- и ветрозащитных устройств вокруг производственных площадок хорошо известна по данным археологии и этнографии [Бобринский, 1991, с. 70–83].

С южной стороны от теплотехнических устройств располагались столбовые ямы, оставшиеся от одного или нескольких каркасно-столбовых сооружений. В настоящее время трудно интерпретировать конструктивные особенности этих построек, однако, судя по планиграфии, они были ориентированы по линии северо-запад–юго-восток и находились в некотором удалении от производственной площадки с печами.

Другой вид теплотехнического устройства на территории ансамбля представлен частью **конструкции № 1** (см. рис. 2). Она овальной формы, с неровными стенками, частично заглубленными в материк, сопровождалась системой ям с севера, запада и юга. Составными частями конструкции являлись бронзо-

*Согласно результатам технико-технологического анализа фрагментов сосудов, после дробления конкреции использовались как добавка в формовочную массу при изготовлении посуды [Селин, 2016, 2018; Ефремова, Селин, Молодин и др., 2017].

литейная площадка (выделена углублением) с наземным очагом и зольником.

Теплотехническое сооружение овальной формы (наземный очаг), по-видимому, было печью для плавки металла размерами 0,60 × 0,22 м. В верхней части сохранились остатки купола в виде обожженных кусков глины, под ними зафиксирован бронзовый всплеск. Толщина свода составляет 8–9 см. Наземные или слабо заглубленные очаги с глиняным сводом достаточно часто встречаются как в жилищах, так и на специальных площадках памятников ирменской культуры [Матвеев, 1993; Сидоров, Новикова, 1991; Дураков, 2009].

Ритуальный ансамбль характеризуют конструкции № 3 и 4. Лучше сохранились объекты, относящиеся к **конструкции № 3** (рис. 10). Это круглое чашеобразное углубление диаметром 1,95 × 2,2 м, глубиной от уровня материка 0,08–0,15 м. Дно слегка понижается к центру. Около северо-восточной стенки углубления находились два больших скопления предметов. Первое состояло из крупных обломков технической керамики. Второе скопление включало крупные фрагменты литейных форм и свода плавильной печи. Под ним найдены две бронзовые бусины и кость животного. В центре конструкции находилась овальная яма размерами 0,7 × 0,58 м, глубиной 0,2 м. На ее дне лежал большой плоский камень размерами 0,15 × 0,23 м, толщиной 0,03–0,04 м, служивший, по-видимому, алтариком. В заполнении выявлены окатанные известняковые конкреции, обломок литейной формы, кусочек

охры, кости животных. Слой насыщен золой и мелкими вкраплениями прокаленной почвы, однако на стенках устройства не имеется следов воздействия огня.

Все зафиксированные на данном объекте артефакты, связанные с бронзолитейным производством, были перемещены с производственных участков. Согласно результатам технико-технологического анализа, форма выполнена в западных и североказахстанских традициях без использования подмодельной плиты. Напомним, что автохтонные традиции использования подмодельной плиты фиксируются от раннего бронзового века до конца переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку (позднеирменская культура). Западная традиция изготовления форм характерна для мастеров красноозерской, иткульской, берликской культур [Дураков, 2009, с. 229]. Наличие свода печи без самой печи, отходов бронзолитейного производства, бронзовых бусин и каменного алтаря может указывать на сакральный характер объекта.

Обсуждение результатов

Ближайшие аналоги теплотехнических сооружений первого типа, как отмечено, имеются на памятниках раннего железного века иткульского очага металлообработки. Г.В. Бельтикова относит их к металлургическим горнам второго класса, третьего подкласса [1981, с. 123–124]. Они предназначались для тигельной переплавки руды.

Подобные сооружения обнаружены на памятниках пахомовской культуры Тоболо-Иртышского междуречья. Например, в северной части поселения Оськино Болото на берегу водоема выявлены система объектов, включающая очаги, хозяйственные и столбовые ямы, а также зольник, в котором были многочисленные фрагменты посуды, обожженные кости животных и фрагменты технической керамики [Ткачев Ал.Ал., 2014, 2017; Ткачев Ал.Ал., Ткачев А.А., 2017]. К сожалению, описания планов и разрезов обнаруженных очагов и находок из них пока не опубликованы. Можно констатировать, что создание специальных производственных площадок для бронзолитейной деятельности было характерно не только для носителей пахомовской культуры, но и для представителей ее восточного варианта.

Очаги внутри жилищ пахомовской культуры имеют вид неглубо-

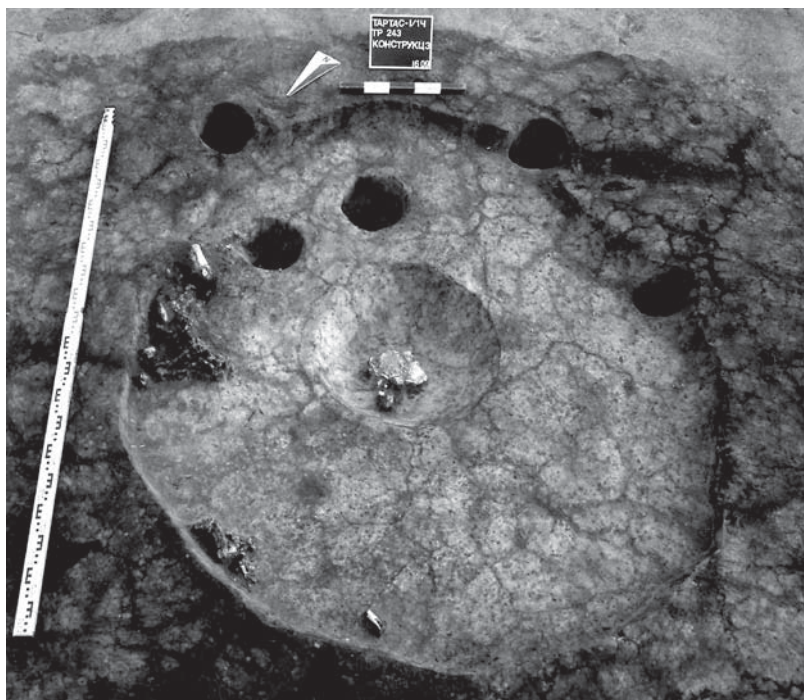

Рис. 10. Конструкция № 3. Вид с северо-запада.

ких ям овальной, округлой или подпрямоугольной формы, в некоторых фиксируются следы глиняной обмазки. Стенки ям наклонные, дно прямое или чашевидное, что совершенно не типично для описанных выше объектов [Корочкова, 2009, 2010; Нестерова, Ткачев, 2011, с. 65; Матвеев, Чикунова, 1999, с. 44]. На поселениях восточного варианта пахомовской культуры очаги внутри жилищ представлены округлыми или овальными прокалами, углубленными в небольших ямках или сооруженными на материке [Бобров и др., 2018, с. 220; Евдокимов, Стефанов, 1980; Татаурова, Полеводов, Труфанов, 1997].

Наличие специальных производственных площадок отмечено на поселенческих памятниках синхронных пахомовской культур, таких как городище Чича-1 (Бараба), поселение Линёво-1 (Предсалаирье), Березовый Остров (Новосибирское Приобье) [Дураков, 2009; Мыльников, Мыльникова, 2015; Мыльникова, Дураков, 2004, 2008]. На них имеются участки, на которых сконцентрированы очаги, печи и горны, предназначенные для выплавки бронзовых изделий. На поселениях ирменской и позднеирменской культур очаги в жилищах – это округлые или овальные в плане ямки, иногда со следами обмазывания стенок глиной [Молодин, 1985; Молодин, Чемякина, 1984; Матвеев, 1993; Сидоров, Новикова, 1991; Молодин, Ефремова, 2015]. Аналогом теплотехнических сооружений второго типа можно считать наземные теплотехнические объекты с глинобитным сводом. Например, близкая по конструкции печь найдена в сооружении № 3 поселения Быстровка-4 (Новосибирское Приобье) [Матвеев, 1993, с. 65]. Глинобитные своды имели очаги в жилищах № 3 и 9 поселения Милованово-3 (Новосибирское Приобье) [Сидоров, Новикова, 1991]. С куполом из обожженной глины был горн, обнаруженный на бронзолитейном участке из рвов «С» и «D» городища Чича-1 [Дураков, 2009, с. 216]. В Приобье очаги такого типа использовались до начала раннего железного века на поселениях большереченской культуры Ордынское-9, Милованово-3а и на кижировском городище Каменный Мыс (Новосибирское Приобье) [Троицкая, Дураков, 1999].

Носители сузгунской культуры сооружали очаги в ямах или непосредственно на полу жилищ. В некоторых случаях стенки очагов обкладывали глиняными «лепешками» [Матвеев, Горелов, 1991, 1993; Полеводов, 2003; Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995]. В еловских поселениях очаги располагались на материке. Их обкладывали камнями, служившими, вероятно, стенками, в овальных ямах или на материковых выступах [Матющенко, Игольникова, 1966; Матющенко, 1974, с. 107; Титова, Троицкая, 2008, с. 92]. На поселениях бегазы-дандыбаевской культуры известны кострища, расположенные на полу жилищ, четырех- и пятиугольные очаги с каменными

выкладками, очаги в ямах [Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014, с. 81; Маргулан, 1979]. В жилищах носителей красноозерской культуры были кострища на материковой поверхности, в редких случаях – очаги из глины со стенками, укрепленными вертикально установленными жердями [Борзунов, Матющенко, 1994; Нестерова, 2015]. Печи, сооруженные над шахтами колодцев, встречаются на памятниках синташтинско-петровского периода [Корякова, Пантелеева, 2019, с. 23].

Рядом со всеми обнаруженными на поселенческих комплексах производственными площадками эпохи поздней бронзы – переходного к раннему железному веку времени находились крупные зольники, насыщенные фрагментами посуды, обожженными костями животных, обмазки, технической керамики, или специально выделенные зоны для складирования отходов производства. Подобные объекты не обнаружены рядом с теплотехническими сооружениями первого типа на территории ритуального комплекса восточного варианта пахомовской культуры памятника Тартас-1, что может свидетельствовать об особом способе утилизации отходов производства или о другом назначении объектов. На сооружении второго типа имеется зольник.

Заключение

Анализ археологических материалов позволяет сделать вывод о том, что возведение выделенных производственных площадок с теплотехническими сооружениями, связанными с культовыми комплексами, является скорее исключением для культур конца эпохи бронзы – переходного к раннему железному веку времени. Ритуальный ансамбль восточного варианта пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 – пока единственное сооружение подобного рода.

В пределах ритуального ансамбля представлены теплотехнические сооружения двух типов: сильно углубленные в материк, связанные, скорее всего, с металлургическим циклом, и наземные (мелкие или мало углубленные) с куполом, предназначенные для металлообрабатывающих операций.

По конструкции изученные теплотехнические сооружения первого типа не находят прямых аналогов среди печей на поселенческих и культовых комплексах синхронных культур финала эпохи бронзы на юге Западной Сибири. Просматривается их связь с сооружениями иткульской культуры [Бельтикова, 1981, с. 123–124], предназначенными для металлургического цикла. Однако доставка медной руды в Барабинскую лесостепь требовала бы ее перемещения на значительные расстояния. На памятнике не обнаружены руда и отходы ее обработки. Конструкция очага вто-

рого типа соответствует местной позднеирменской металлообрабатывающей традиции.

Скорее всего, появление в Барабинской лесостепи, где отсутствует рудная база, среди объектов ритуального ансамбля сооружений, характеризующих почти весь цикл (металлургический и металлообрабатывающий этапы) производства металла, было связано с приходом новых групп населения. Можно предположить, что это были выходцы с территории, где не произошло разделение двух видов деятельности: мастер-литейщик одновременно был металлургом. Мигрировавшие в Барабу носители этой традиции перенесли сюда и весь производственный цикл.

Производственный комплекс, возможно, был создан на сакральной территории ансамбля в ритуальных целях. Не исключено также, что это «следы» начального этапа адаптации пришлой технологии к новым условиям реального производства. Возможно, дальнейшие раскопки памятника помогут разрешить проблему.

Благодарности

Работа выполнена за счет гранта РФФИ (проект № 18-09-40028).

Список литературы

- Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е.** Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. – Алматы: Изд-во Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. – 192 с.
- Бельтикова Г.В.** О зауральской металлургии VII–III вв. до н.э. // Вопросы археологии Урала. – Свердловск, 1981. – Вып. 15. – С. 118–125.
- Бобринский А.А.** Гончарные мастерские и горы Восточной Европы (по материалам II–IV вв. до н.э.). – М.: Наука, 1991. – 215 с.
- Бобров В.В., Моор Н.Н., Плац И.А., Фальман А.В.** Новые материалы на памятнике позднего бронзового века Ложка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 219–224.
- Борзунов В.А., Матющенко В.И.** Поселения и постройки бронзового и железного веков культур крестовой керамики // Очерки культуригенеза народов Западной Сибири. Поселения и жилища. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1994. – Т.1, кн. 1. – С. 190–203.
- Дураков И.А.** Цветная металлообработка городища Чича-1 // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 3. – С. 213–230.
- Евдокимов В.В., Стефанов В.И.** Поселение Прорва // Археология Прииртышья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1980. – С. 41–51.
- Ефремова Н.С., Мыльникова Л.Н., Молодин В.И., Васильев С.К., Дураков И.А., Селин Д.В.** Ритуальные комплексы восточного варианта пахомовской культуры: новые концепции интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 314–317.
- Ефремова Н.С., Селин Д.В., Молодин В.И., Мыльникова Л.Н.** Керамика ритуального комплекса восточного варианта пахомовской культуры: результаты исследований 2017 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 318–321.
- Корочкова О.Н.** Пахомовская культура // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3. – С. 75–84.
- Корочкова О.Н.** Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). – Екатеринбург: Уралюриздат, 2010. – 103 с.
- Корякова Л.Н., Пантелеева С.Е.** Колодцы укрепленного поселения Каменный Амбар // Урал. ист. вестн. – 2019. – № 1. – С. 17–28.
- Маргулан А.Х.** Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. – 360 с.
- Матвеев А.В.** Ирменская культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1993. – 180 с.
- Матвеев А.В., Горелов В.В.** Основные итоги исследования городища Ефимово-1 // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях: тез. докл. науч. конф. – Уфа, 1991. – С. 51–54.
- Матвеев А.В., Горелов В.В.** Городище Ефимово-1 / РАН. Сиб. отд-ние. ИПОС Препр. – Тюмень. 1993. – 75 с.
- Матвеев А.В., Чикунова И.Ю.** Поселение Ботники-1в на Нижней Исети // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 1999. – № 2. – С. 44–50.
- Матющенко В.И.** Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1974. – Ч. IV: Еловско-ирменская культура. – 239 с. – (Из истории Сибири; вып. 12).
- Матющенко В.И., Игольников Л.Г.** Поселение Еловка – памятник второго этапа бронзового века Средней Оби // Сибирский археологический сборник – Новосибирск: Наука, 1966. – С. 183–195. – (Материалы по истории Сибири; вып. 2).
- Молодин В.И.** Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 202 с.
- Молодин В.И.** Экологический «стресс» на рубеже II–I тыс. до н.э. и его влияние на этнокультурные и социально-экономические процессы у народов Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 22–24.
- Молодин В.И.** Этнокультурная мозаика в Западной Барабе (эпоха поздней бронзы – переходное время от эпохи поздней бронзы к железному веку. XIV–VIII вв. до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 4. – С. 54–64.
- Молодин В.И.** Тартас-1 – уникальный археологический комплекс на юге Западно-Сибирской равнины (краткий обзор исследований последних лет) // Вестн. Рос. фонда фун-

дамент. исслед. Сер.: Гуманитар. и обществ. науки. – 2015. – № 4 (81). – С. 172–184.

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Демахина М.С. Исследования культовых сооружений пахомовской культуры (восточный вариант) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 215–219.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Ритуальный комплекс ирменской культуры: семантические реконструкции (по материалам могильника Сопка-2) // Археологические изыскания в Западной Сибири и на сопредельных территориях: сб. науч.-исслед. работ по итогам конф., посвящ. 90-летию проф., д-ра ист. наук Т.Н. Троицкой. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. пед. ун-та, 2015. – С. 71–78.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Наглер А., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Мыльникова Л.Н., Хансен С. Культовые комплексы восточного ареала пахомовской культуры на многослойном памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 265–269.

Молодин В.И., Наглер А., Хансен С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Васильева Ю.А., Ковыршина Ю.Н., Кудинова М.А., Мосечкина Н.Н., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Сальникова И.В. Ритуальные комплексы восточного ареала пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 (Обь-Иртышская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 231–235.

Молодин В.И., Чемякина М.А. Поселение Новочёкино-3 – памятник эпохи поздней бронзы на севере Барабинской лесостепи // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1984. – С. 40–62.

Мыльников В.П., Мыльникова Л.Н. Жилые и хозяйственные постройки поселения переходного периода от бронзового к железному веку Линёво-1 (Присалаирье, Западная Сибирь) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 2. – С. 72–87.

Мыльникова Л.Н., Дураков И.А. Производственная площадка и изделия из металла ирменской культуры поселения Линёво-1 // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 217–221.

Мыльникова Л.Н., Дураков И.А. Производственная площадка поселения Березовый Остров-1 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. – Барнаул: Концепт, 2008. – С. 56–68.

Нестерова М.С. Очаги в поселенческих комплексах эпохи бронзы и раннего железного века Западной Сибири: дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2015. – 212 с.

Нестерова М.С., Ткачев Ал.Ал. Очажные устройства в структуре поселенческих комплексов пахомовской культуры // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 1. – С. 63–71.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2003. – 290 с.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). – М.: Наука, 1995. – 207 с.

Селин Д.В. Результаты анализа рецептов формовочных масс керамики населения восточного варианта пахомовской культуры памятника Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2016. – Т. 15. – № 7: Археология и этнография. – С. 60–73.

Селин Д.В. Эпоха финальной бронзы в правобережном Прииртышье (восточный вариант пахомовской культуры): дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2018. – 212 с.

Сидоров Е.А., Новиков О.И. Очаги ирменского поселения Милованово-3 // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1991. – С. 83–84.

Татаурова Л.В., Полеводов А.В., Труфанов А.Я. Алексеевка XXI – памятник эпохи поздней бронзы предтаежного Прииртышья // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1997. – С. 162–191.

Титова М.В., Троицкая Т.Н. К вопросу о связи между еловской и ирменской культурами // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. – С. 92–101.

Ткачев Ал.Ал. Комплексы металлообработки пахомовской культуры (Западная Сибирь) // Геоархеология и археологическая минералогия. – Тюмень: Ин-т минералогии УрО РАН, 2014. – С. 139–142.

Ткачев Ал.Ал. Культурно-исторические процессы в эпоху поздней бронзы на территории лесостепного и южнотаежного Тоболо-Иртышья: дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2017. – 402 с.

Ткачев Ал.Ал., Ткачев А.А. Особенности домостроительства населения пахомовской культуры эпохи поздней бронзы // РА. – 2017. – № 1. – С. 34–43.

Троицкая Т.Н., Дураков И.А. Бронзолитейное производство в Новосибирском Приобье в V–IV вв. до н.э. // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. – Барнаул: Барнаул. гос. пед. ун-т, 1999. – С. 131–139.

Черных Е.Н. Каргалы: феномен и парадоксы развития. Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – Т. V. – 200 с.

Черных Е.Н. Каргалы – забытый мир. – Оренбург: Оренбург. книга, 2018. – 248 с.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / В.И. Молодин, Г. Парцигер, С.К. Кривоногов, А.Ю. Казанский, М.А. Чемякина, Г.Г. Матасова, А.Н. Василевский, А.С. Овчаренко, А.Е. Гришин, Н.В. Ермакова, М.И. Дергачева, И.Н. Феденева, О.А. Некрасова, Л.Н. Мыльникова, И.А. Дураков, Л.С. Кобелева, А.В. Зубова, Т.А. Чикишева, Д.В. Поздняков, А.С. Пилипенко, А.Г. Ромашенко, И.В. Куликов, В.Ф. Кобзев, О.И. Новикова, С.К. Васильев, Й. Шнеевайсс, К. Приват, В.В. Болдырев, В.А. Дребущак, Т.Н. Дребущак, Е.И. Дервянко, А.П. Бородовский, Д. Боургарит, И. Реихе, С.В. Кузьминых, Ж.В. Марченко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 3. – 248 с.

Материал поступил в редколлегию 15.05.19 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.1.072-080
УДК 903.27

Ю.Н. Есин¹, С.Г. Скобелев²

¹Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия
E-mail: esin2006@yandex.ru

²Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: sgskobelev@yandex.ru

Петроглифы эпохи поздней бронзы на горе Унюк в Минусинской котловине

Статья посвящена памятнику наскального искусства Южной Сибири, изученному в 2016–2017 гг. на горе Унюк в Минусинской котловине. По стилистическим признакам основные петроглифы этого комплекса можно датировать эпохой поздней бронзы, т.е. концом II – началом I тыс. до н.э. Наибольший интерес среди них представляют редкие для наскального искусства региона изображения быков (волов) с закрепленным в носу поводом. В одном случае бык привязан к столбу, в другом его ведет человек. Композиция из движущихся в одном направлении человека и быка повторена трижды. Все выявленные к настоящему времени изображения человека с поводом, соединенным с носом быка, локализованы в петроглифах правобережья Енисея. Возможно, это отражает этнокультурное и хозяйственное своеобразие населения юго-восточной, лесостепной части Минусинской котловины. Одновременно изображения предложено рассматривать как локальный вариант композиции «передвижение пешего человека с быком», основной ареал которой связан с более южными территориями Саяно-Алтая. Еще один редкий образ, представленный на горе Унюк, – столб с тройной вершиной. Приведены аналоги этого изображения на других памятниках Минусинской котловины. Сделан вывод, что оно воспроизводит форму деревянного столба для привязывания транспортных животных, в т.ч. в ходе обрядов. Предложена гипотеза о связи таких композиций, с одной стороны, с реальной хозяйственной практикой, с другой – с представлениями о посмертном путешествии в иной мир.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Минусинская котловина, эпоха поздней бронзы, петроглифы, бык, вол, ритуальный столб.

Y.N. Esin¹ and S.G. Skobelev²

¹Khakass Research Institute of Language, Literature and History,
Shchetinkina 23, Abakan, 655017, Russia
E-mail: esin2006@yandex.ru

²Novosibirsk State University,
Pirogova 1, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: sgskobelev@yandex.ru

Late Bronze Age Petroglyphs of Unyuk Mountain, in the Minusinsk Basin

This study introduces a new Southern Siberian rock art site, situated on the Unyuk Mountain in the Minusinsk Basin, and studied in 2016–2017. Stylistically, the main petroglyphs date to the Late Bronze Age, late 2nd to early 1st millennium BC. Of special interest are images of oxen with ropes fixed in their noses. Such petroglyphs are rare in that region. In one case, the ox is tied to a pillar; in the other case, a man leads it. The composition consisting of a man and an ox walking in one direction is repeated thrice. All the known petroglyphic images of a man holding a rope attached to an ox's nose were found on the right bank of the Yenisei. This may be due to the cultural and economic specificity of the southeastern, forest-steppe part of the Minusinsk Basin. At the same time, these images may be a local variant of the composition "man walking with an ox", which occurs mainly in more southerly areas of the Altai-Sayan. Another rare petroglyph found on the Unyuk Mountain shows a pillar with a triple top. Its parallels, found at other petroglyphic sites in the Minusinsk Basin, are described. They may refer either to everyday practice or to beliefs about the dead person's travel to the nether world.

Keywords: Southern Siberia, Minusinsk Basin, Late Bronze Age, petroglyphs, ox, bull, ritual pillar.

Введение

Минусинская котловина является одним из особых регионов распространения наскального искусства в Азии. Большинство крупных памятников расположено здесь на скальных выходах песчаника по берегам Енисея и его притоков. Первые сведения о них были получены еще в XVII в., а целенаправленное изучение проводилось в XIX–XX вв. Однако, несмотря на длительную историю исследований, возможности для открытия новых небольших памятников, дополняющих имеющиеся материалы по культуре населения региона, по-прежнему остаются. К числу таких местонахождений относятся петроглифы горы Унюк на правом берегу Енисея чуть выше устья р. Сыда (рис. 1). В рамках современного административного деления это территория Красно-туранского р-на Красноярского края. Осмотр и изучение петроглифов были проведены авторами летом 2016 и весной 2017 г. Целью данной работы является введение в научный оборот полученных материалов, краткий анализ стиля, возраста и содержания рисунков.

Описание памятника

Гора Унюк занимает доминирующее положение в ландшафте правого берега Енисея к югу от устья р. Сыда. Здесь известно большое количество археологических памятников разного типа и времени. Среди них многослойное поселение на берегу Енисея с яркими материалами эпохи неолита и таштыкской культуры, тагарские и средневековые курганы, крепость с валами и рвами на самой горе [Зяблин, 1973; Скобелев, Рюмшин, 2015]. В целом данная местность в разное время была довольно плотно населена.

Гора имеет несколько логов и с восточной стороны частично покрыта сосновым бором. Западный и южный склоны сформированы скальными выходами, круто обрывающимися в воды Енисея (сегодня – Красноярское водохранилище). Расстояние от верхнего края скалистого обрыва до уреза воды составляет ок. 100–120 м. Эти скалы лишь частично просматриваются с соседних участков вершины горы, выглядят труднодоступными, сильно разрушенными и малопригодными для нанесения петроглифов. Но именно здесь на верхнем ярусе скал находится изученный нами памятник (рис. 2, а). От него открывается хороший обзор на долину Енисея. Наиболее удобный подход к рисункам возможен с северо-западной стороны, из внутреннего лога горы, где могли находиться и поселения, недоступные для наблюдения с Енисея и Сыды, защищенные от преобладающих здесь западных ветров.

Петроглифы расположены на коротком участке верхнего яруса скальных обнажений, на четырех плоскостях над обрывом (рис. 2, б). Каменные выхо-

Рис. 1. Унюк и другие памятники наскального искусства на правом берегу Енисея.

ды этого яруса сложены из красновато-коричневого песчаника, местами покрытого легкими беловатыми отложениями. Они вытянуты по линии ЮЗ – СВ с небольшим подъемом на северо-восток (к вершине). Плоскости с рисунками обращены на юго-восток. Центральной частью памятника можно считать расположенную под большим естественным каменным навесом плоскость 3, где выбито наибольшее количество изображений. Снизу ряда плоскостей имеются ниши.

Плоскость 1. Это самая западная точка памятника. От нее начинается проход к другим плоскостям, расположенным далее на северо-восток вдоль яруса скальных обнажений. Длина плоскости ок. 50 см, высота – 34 см. Она расположена наклонно под углом ок. 20°. Над плоскостью фиксируется небольшой навес, выступающий на 36 см. Расстояние от земли до него 78 см. Перед плоскостью имеется площадка («полка» на склоне горы вдоль основания скального яруса) шириной ок. 1 м (ниже нее и далее на северо-восток – многометровый обрыв скалы). Расстояние от земли до рисунка ок. 25 см. Здесь грубой выбивкой изображен бык головой вправо (19 × 9 см). Показаны четыре ноги, два уха или коротких и схематично переданных рога. Возможно, позднее на спину быка была добавлена фигура всадника, одна рука которого направлена вперед, другая назад и, вероятно, держит кнут; нога свисает ниже живота животного. Видимо, одновременно с нанесением этой фигуры всадника были удлинены и задние ноги быка (рис. 3, 1).

Плоскость 2. Расположена в 4 м к северо-востоку от первой. Размеры 60 × 83 см, наклон ок. 30°. Сверху небольшой навес, выступающий на 30 см. Расстояние

а

б

Рис. 2. Памятник наскального искусства на горе Унюк.

а – вид на гору с западного берега Красноярского водохранилища (стрелкой показано место расположения петроглифов). Фото С.Г. Скобелева; б – общий вид скального яруса с петроглифами с юго-востока (цифрами обозначены номера плоскостей). Фото Ю.Н. Есина.

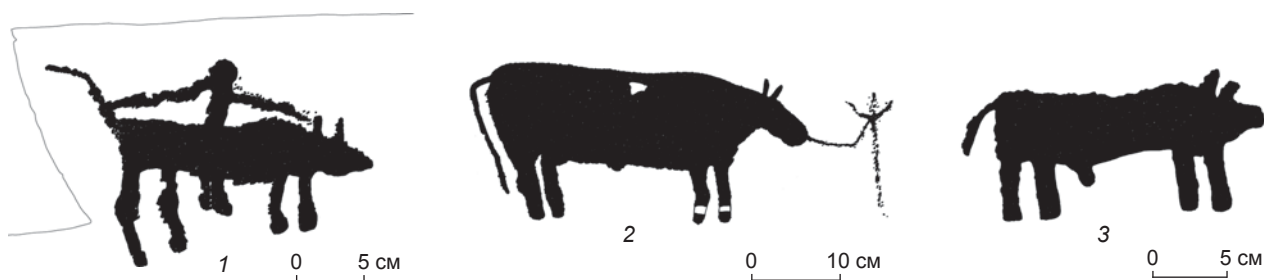

Рис. 3. Изображения на плоскостях 1 (1) и 2 (2, 3), Унюк. Прорисовка Ю.Н. Есина.

от земли до него ок. 1,15 м, до нижнего края плоскости 0,5 м. Под плоскостью имеется ниша глубиной ок. 0,5 м, перед ней площадка шириной ок. 0,8 м. Выбивкой нанесены два изображения.

Основное изображение на плоскости находится в верхней ее половине, это крупная фигура быка (37,5 × 17,0 см) головой вправо. Показаны четыре ноги, длинный хвост, два уха, выступающий препу-

циальный мешок; от носа быка вперед и вверх идет повод, привязанный к вертикальному столбу (высота 14 см) с тройной вершиной (рис. 3, 2).

В нижней правой части плоскости находится еще одна фигура быка (22 × 10 см), ориентированная так же, как предыдущая (рис. 3, 3). Она меньше по размеру и более схематична, но с теми же основными элементами при более коротком хвосте.

Плоскость 3. Расположена в 3,6 м к северо-востоку от второй. Размеры $1,3 \times 0,42$ м, наклон ок. 30° . Сверху большой навес, выступающий на 1,2 м. Расстояние от земли до него ок. 2,5 м, до нижнего края плоскости 0,95 м. Под плоскостью имеется ниша глубиной ок. 0,6 м, перед ней – площадка шириной ок. 1,5 м. Выбивкой нанесено несколько изображений (рис. 4).

В верхней левой части плоскости изображен олень головой вправо ($21,5 \times 12,0$ см). Показаны узкое и длинное прямоугольное туловище, четыре широко расставленные, как при быстром беге, ноги, вытянутая вперед и вверх шея, голова с двумя рогами с отростками (рис. 4, Б, 1). Под этим изображением находится грубо выбитая и плохо сохранившаяся фигура копытного ($13,5 \times 9,5$ см) головой вправо, с подогнутыми под туловище ногами (рис. 4, Б, 2).

Справа от фигуры оленя изображены человек ($13,5 \times 4,8$ см) и ведомый им за повод бык ($25,6 \times 12,5$ см), движущиеся влево (рис. 4, Б, 3). Туловище человека показано анфас с двумя опущенными вниз руками по бокам, а ноги – в профиль, носками стоп влево; на голове большой грибовидный головной убор; одной рукой человек держит повод, соединенный с носом быка, изображенного с четырьмя ногами, длинным хвостом и двумя ушами или рогами.

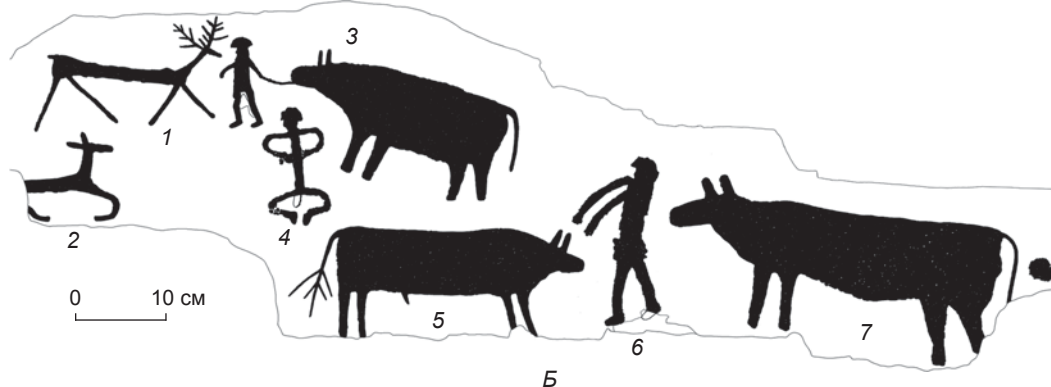
Справа от изображения копытного с подогнутыми ногами находится антропоморфная фигура ($12,6 \times 6,8$ см) с округлой головой, туловищем в виде вертикальной прямой линии, согнутыми в локтях и направленными к туловищу руками, согнутыми, как у сидящего человека, ногами с выделенными ступнями (рис. 4, Б, 4). Ниже этого изображения выбита фигура быка (32×12 см) головой вправо. Показаны четыре ноги, два уха, «пышный» (расходящийся на конце несколькими линиями) хвост, половой орган самца (рис. 4, Б, 5). Справа от этой фигуры изображены человек (18×10 см) и бык ($36,2 \times 16,0$ см), движущиеся влево. Туловище человека передано в профиль, с двумя опущенными вниз руками с левой стороны от него; ноги слегка расставлены и направлены носками стоп влево (рис. 4, Б, 6). У быка показаны четыре ноги, длинный хвост, два уха.

Плоскость 4. Расположена в 0,5 м к востоку от третьей. Размеры $0,5 \times 0,5$ м, наклон ок. 20° . Сверху навес, выступающий на 1,2 м. Расстояние от земли до нижнего края плоскости 1,15 м, до нижнего рисунка ок. 1,4 м. Под плоскостью имеется ниша глубиной ок. 1,1 м, перед ней – площадка шириной ок. 1,3 м. Выбивкой нанесены три изображения (рис. 5).

Фигура быка (20×10 см) ориентирована головой вправо. Показаны четыре ноги с раздвоенными копы-

А

Б

Рис. 4. Изображения на плоскости 3, Унюк. Фото и прорисовка Ю.Н. Есина.

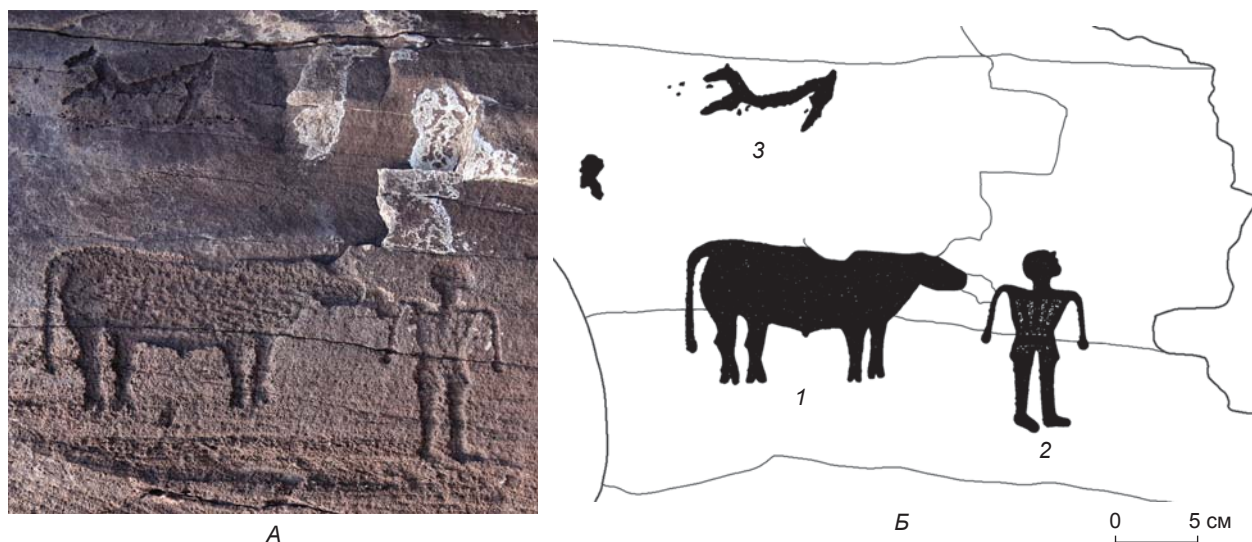

Рис. 5. Изображения на плоскости 4, Унюк. Фото и прорисовка Ю.Н. Есина.

тами, длинный хвост, препуциальный мешок; верхняя часть головы не сохранилась (рис. 5, Б, 1).

Справа от изображения быка находится фигура человека (11,5 × 6,8 см). Туловище показано анфас, с двумя опущенными вниз руками, на концах которых утолщения, обозначающие кисти, а ноги – в профиль, носками стоп вправо. Голова также изображена в профиль с лицом, обращенным вправо и вверх; показаны нос и губы; специально выделена шея. Внизу туловища имеются небольшие выступы, вероятно передающие нижний край куртки; а внутри его контура слабо прослеживается дополнительный рельеф, видимо связанный с показом бортов куртки и выреза для шеи (рис. 5, Б, 2).

Над изображением быка находится фигура копытного головой влево (10,0 × 5,5 см). Одной изогнутой линией переданы туловище и шея. Показаны две ноги, вытянутые вперед и вниз, ухо и небольшой (как у козули) хвост (рис. 5, Б, 3).

Основные образы, их стиль и возраст

Бык (вол). Выявлено семь фигур, принадлежащих к соответствующему подсемейству полорогих млекопитающих. В количественном отношении данный образ является основным на памятнике. Несмотря на различия в отдельных деталях, изображения стилистически близки и принадлежат к одной традиции. Показаны массивное подпрямоугольное туловище, небольшая голова, вытянутая вперед или слегка опущенная; ноги переданы четырьмя вертикальными параллельными линиями. Наиболее схематичные рисунки (см. рис. 3, 1, 3), судя по периферийному расположению на памятнике и плоскости 2, видимо,

созданы несколько позже более реалистичных и крупных. Стилистические особенности отличают фигуры быков на горе Унюк от изображений этих животных в искусстве окуневской культуры середины III – начала II тыс. до н.э., от более ранней минусинской традиции, а также от известных рисунков эпохи раннего железа и Средневековья. Наиболее близкие варианты представлены на расположенном неподалеку памятнике Бычиха (правый берег р. Сыда) и на горе Тепсей [Ковалева, 2011, табл. 1, 2, 18]. В связи с этим изображения на горе Унюк могут быть отнесены к позднему бронзовому веку. Стоит отметить, что образ быка нечасто встречается среди петроглифов данного времени, а фигуры с подобным туловищем еще реже. В эпоху поздней бронзы в наскальном искусстве Минусинской котловины существовало несколько традиций изображения животных, в т.ч. быков, что отражало сложившуюся этнокультурную ситуацию [Есин, 2013, с. 74].

Все изображенные быки, видимо, комолые, что является признаком домашнего животного. Об этом же свидетельствует повод, который отходит от носа двух фигур. Нет сомнений, что изображен повод для управления: один его конец закреплен в носовой перегородке быка, а другой находится в руке человека или показан привязанным к столбу. В традициях различных скотоводческих народов рабочий скот, которым управляли таким способом, было принято кастрировать для снижения агрессивности, поэтому изображенные на скале животные – волы. Это не противоречит тому, что у некоторых фигур показаны половые признаки самцов. Таких животных могли использовать с повозкой, волокушей, для перевозки вьюков и др.

Изображение повода, закрепленного в носу вола, характерно для искусства окуневской культуры, од-

Рис. 6. Некоторые изображения быков (волов) с поводом и кольцом в носу в наскальном искусстве Минусинской котловины.

1–4 – Тепсей; 5 – Седловина.

1 – по: [Советова, 2005, рис. 11] (без масштаба); 2–5 – прорисовка Ю.Н. Есина.

нако при этом всегда показана вставленная в нос деревянная петля, а конец повода пропущен между рогов животного или обвязан вокруг них [Миклашевич, 2003–2004; Есин, 2018а]. Композиция иного типа, где конец повода находится в руке человека, представлена четырьмя рисунками на горе Тепсей. Ранее считалось, что на одном из них (рис. 6, 1) изображение быка эпохи бронзы на позднем этапе тагарской культуры было дополнено двумя человеческими фигурами [Советова, 2005, с. 33, табл. 28, 11]. Однако железным веком может быть датирована лишь одна из них (позади быка). Фигура человека, держащего повод, синхронна изображению быка. Стилистически они весьма близки рисункам на плоскости 3 горы Унюк. Концом II – началом I тыс. до н.э. можно датировать и другие варианты изображения быков с поводом на Тепсее (рис. 6, 2, 3). У одной фигуры вола на этом памятнике (вероятно, начало I тыс. до н.э.) показаны крупное кольцо в носу и предположительно повод, обвязанный вокруг рогов (рис. 6, 4). По форме кольцо отличается от охуневских деревянных петель с перекрещенными концами и, возможно, передает предмет из металла. Еще один стилистический вариант изображения быка с поводом в носу, наиболее схематичный, выбит в эпоху поздней бронзы на горе Седловина (рис. 6, 5).

Значительно моложе две композиции в центральной части Шалаболинской писаницы (рис. 7). Довольно неожиданно, что один повод соединен с носом фигуры лося в ангарском стиле. Конец этого повода завершается петлей, и его держит в руке женщина (?), изображенная поверх соседней фигуры лося эпохи ранней бронзы (едет на нем верхом?) (рис. 7, 2). Возможно, изображение женщины с поводом добавлено в Средневековье [Заика, Дроздов, Макулов, 2005], од-

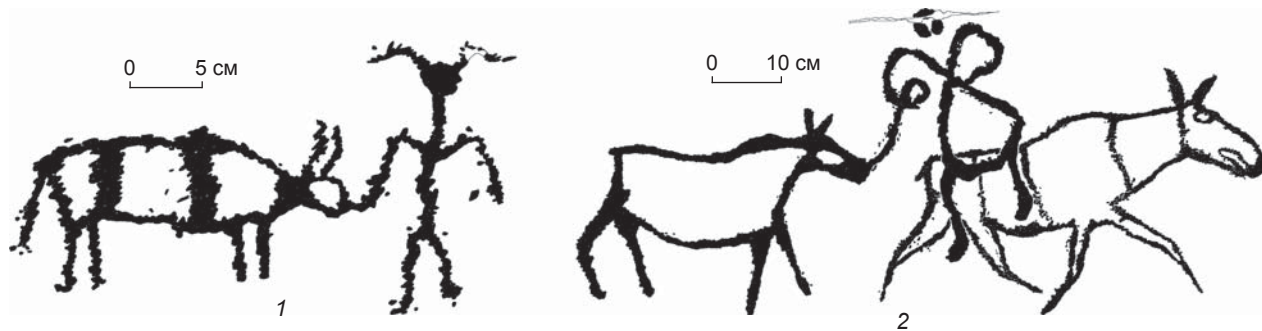
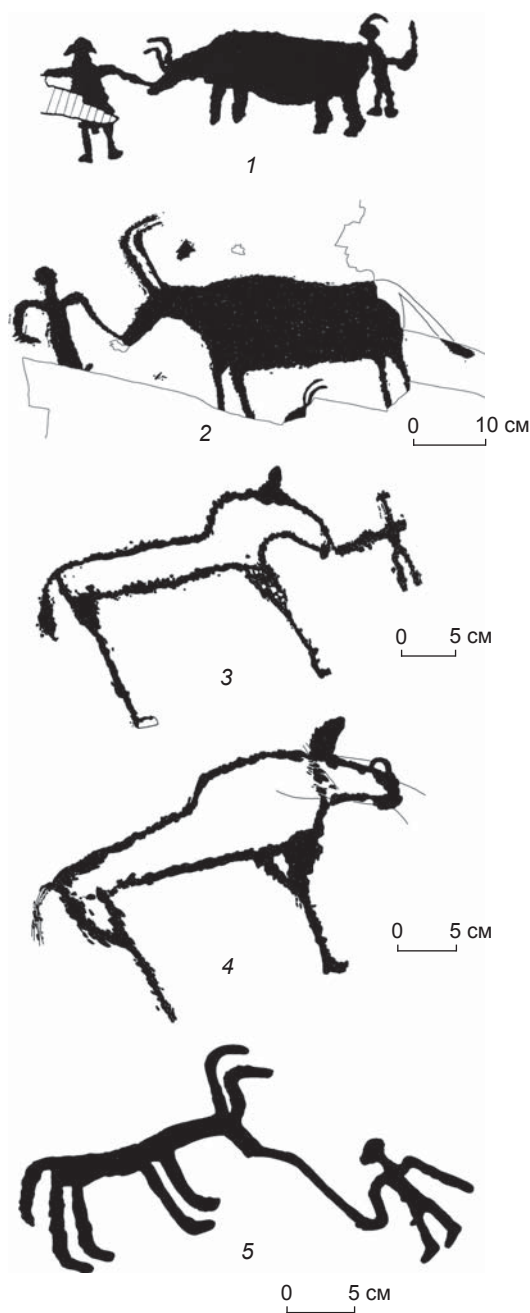

Рис. 7. Изображения животных с поводом в носу на Шалаболинской писанице. Прорисовка Ю.Н. Есина.

нако точный возраст обеих композиций требует специального изучения.

Столб. Особого внимания заслуживает изображение столба, к которому привязан бык, на плоскости 2. В более раннее время композиция «бык у столба» известна в окуневском искусстве. Однако там столб имел вид простой прямой линии. Изображение столба с тройной вершиной представлено лишь в петроглифах карасукской эпохи (рис. 8). При этом обычно возле него стоят лошади. Чаще всего они парные и, возможно, являются упряжкой колесницы [Есин, 2018б]. В одном случае такое изображение найдено на плите, использованной в качестве стенки карасукской гробницы могильника Северный Берег Варчи I

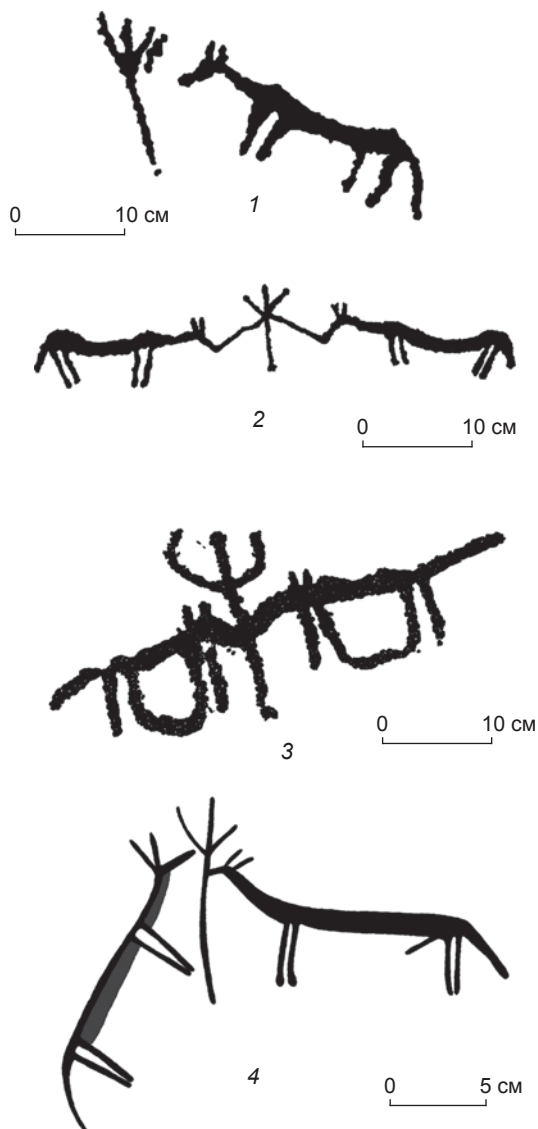

Рис. 8. Изображения столба с тройной вершиной в наскальном искусстве Минусинской котловины. 1, 2 – Тепсей (по: [Шер, 1980, рис. 74, 124]); 3 – Суханиха; 4 – Северный Берег Варчи I (3, 4 – прорисовка Ю.Н. Есина).

[Леонтьев, 1980]. Это еще один весомый аргумент в пользу предлагаемой датировки рисунков на горе Унюк. Очевидно, что вертикальная линия с двумя ответвлениями воспроизводит форму реального деревянного столба: центральная линия – это обрубленный ствол дерева, а боковые – оставленные нижние части двух симметричных ветвей. Судя по некоторым рисункам (рис. 8, 1–3), концы столба могли фигурно обрабатывать и закруглять. Столб использовался для привязывания домашних транспортных животных (прежде всего лошадей, учитывая всю совокупность известных изображений). Для этого конец повода перекидывался через оставленное основание одной из боковых ветвей.

В обыденной жизни столб для привязывания животных мог быть установлен возле жилища. Кроме этого, он имел важное ритуальное значение. Форма вершины столба могла быть обусловлена не только ее удобством для привязывания животных, но и ритуально-мифологическими представлениями, связанными с числом 3. Например, в искусстве кетов, ареал расселения которых когда-то включал территорию Саяно-Алтая, с тройной вершиной изображалось «шаманское дерево». Оно соединяло разные ярусы и части мира [Алексеев, 1967, рис. 25]. Аргументы в пользу ритуальной функции карасукского столба-коновязи, изображенного на скалах Тепсей, приводил Я.А. Шер [1980, с. 267].

Человек. Пять антропоморфных изображений могут быть разделены на три группы. Первая объединяет три относительно реалистичные фигуры (см. рис. 4, Б, 3, 6; 5, 2). Обращают на себя внимание выделенные ступни, утолщения на концах рук, головной убор, характерные для ряда изображений эпохи поздней бронзы в Минусинской котловине. Один из этих персонажей ведет за повод быка, два других изображены без повода, но также перед быками, двигающимися в одном с ними направлении, и, очевидно, образуют с животными единую композицию аналогичного содержания.

Четвертая фигура схематична, передает позу человека, сидящего с согнутыми руками и подогнутыми ногами (см. рис. 4, Б, 4). Она стилистически отлична от первой группы, однако тоже сопоставима с другими изображениями эпохи поздней бронзы в Минусинской котловине, в т.ч. на плите, использованной в качестве стенки гробницы карасукской культуры [Сунчугашев, 1971, рис. 1; Ковалева, 2011, табл. 91, 92].

Наибольшие вопросы вызывает пятая фигура человека – с раскинутыми в стороны руками, верхом на быке (см. рис. 3, 1). Она производит впечатление добавленной позднее, хотя по цвету загара выбивки не отличается от фигуры животного. Нога этого персонажа опущена ниже живота быка. Следует отметить, что в эпоху поздней бронзы и в искусстве та-

гарской культуры, как правило, нога всадника ниже живота лошади не показывалась. Возможно, фигура человека была добавлена в конце I тыс. до н.э., хотя этот вопрос остается открытым.

Олень. Имеется одно изображение самца. По форме туловища (узкое, длинное, подпрямоугольное, с небольшим треугольным выступом в области лопаток), шеи, головы, рогов оно соответствует стилю петроглифов эпохи поздней бронзы в Минусинской котловине [Ковалева, 2011, табл. 22, 104]. Несколько нетипичен лишь способ показа ног – широко раскинутыми в движении. Такой прием был характерен для изображений лосей и оленей раннего бронзового века. В эпоху поздней бронзы он мог сохраняться в качестве пережиточного явления.

Другие копытные. Фигуру копытного с подогнутыми ногами на плоскости 3 можно соотнести со схематичным изображением сидящего человека на той же плоскости и датировать аналогично [Там же, табл. 38, 65, 74]. Вариант этого стиля представлен фигурой копытного с вытянутыми вперед и вниз ногами. Возможно, ее следует отнести к рубежу эпох бронзы и железа.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод, что основные петроглифы небольшого памятника на скального искусства на горе Унюк появились в эпоху поздней бронзы. Они могут быть датированы концом II – началом I тыс. до н.э. Рисунки не одновременны и свидетельствуют о неоднократном посещении людьми этого места. Обращает на себя внимание определенное своеобразие изображений на горе Унюк с точки зрения набора образов, стиля и композиций на фоне многих других петроглифических комплексов той же эпохи в регионе.

Наиболее важным образом для создателей рисунков являлся домашний бык. В одном случае он изображен привязанным к столбу особой формы, вероятно использовавшемуся не только в обыденных хозяйственных, но и в ритуальных целях. Это позволяет связывать такую сцену с жертвоприношением животного. Трижды повторена композиция из фигур человека и быка, очевидно отражающая очень важную тему в жизни людей. Кто эти люди и куда они идут со своими животными не ясно, но заслуживает внимания то, что лицо одного персонажа обращено к небу. Данную тему можно сопоставить с образом другого транспортного средства эпохи поздней бронзы – колесницы. По одной из гипотез, изображения колесниц этого времени в Саяно-Алтае были связаны с погребальными обрядами и представлениями о переходе умершего в иной мир [Дэвлет, 1998, с. 183–185; Ки-

луновская, 2011, с. 44; Есин, 2013, с. 75]. Не исключено, что на горе Унюк тоже изображены умершие, отправившиеся в иной мир, но использующие другой вид транспорта. До широкого освоения езды верхом на лошади, которое произошло в эпоху раннего железа, это был удобный и распространенный способ передвижения в горной и лесистой местности, мало подходящей для колесных повозок. В Западной Туве он сохранялся вплоть до начала XX в., а в некоторых высокогорных районах Азии (Тибет, Памир и др.) распространен и поныне, но с использованием яков и их гибридов. Благополучный переход умершего в иной мир был очень важен для родственников и представлялся по аналогии с обычной жизненной практикой. Вполне вероятно, что часть наскальных рисунков могла создаваться именно в контексте таких представлений и периодически повторявшихся погребальных и поминальных обрядов.

Роль образа быка отличает петроглифы на горе Унюк от типичных наскальных рисунков эпохи поздней бронзы в степной части Минусинской котловины, занимающей в основном левобережье Енисея, где важнейшим образом являлась лошадь. Думается, не случайно основные параллели петроглифам горы Унюк расположены по соседству на правом берегу Енисея: на горах Бычиха, Тепсей и Седловина. Своеобразие данного памятника могло быть обеспечено отголосками традиции раннего бронзового века, развитие которой продолжалось в андроновскую эпоху на юго-восточной лесостепной периферии Минусинской котловины. В силу природных условий здесь, видимо, сохранялось важное хозяйственное (в т.ч. транспортное) и ритуальное значение быка. Этот местный немногочисленный этнокультурный субстрат вместе со своими традициями мог стать одним из компонентов новой культуры, распространившейся в эпоху поздней бронзы.

Наконец, следует отметить, что изображение человека, ведущего за повод быка, редкое на скалах Минусинской котловины, довольно типично для петроглифов эпохи бронзы в более южных районах Саяно-Алтая. Всю эту серию рисунков можно рассматривать как варианты изобразительного текста одного типа – «передвижение пешего человека с быком». Основной ареал такой композиции охватывает горные области к югу и юго-западу от Минусинской котловины. Он отражает близость природных условий и форм хозяйства, но также, возможно, и какое-то родство культур. Наряду с общим сходством композиции (иногда также головных уборов) имеются и существенные различия в отдельных ее элементах, стиле. В частности, в петроглифах к югу от Минусинской котловины на спине животного, как правило, изображены вьюки и пассажиры, а за повод его часто ведет женщина [Дэвлет, 1990; 1993, рис. 4, 4, 5; Кубарев, Цэвээндорж,

Якобсон, 2005, рис. 89, 90, 10–12, 93, 4–8; Кубарев, 2009, рис. 921, 980, 981]. Такие различия отражают автономность культурного развития населения по разные стороны крупных горных хребтов Саяно-Алтая.

Благодарности

Исследование проведено в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности. Авторы благодарны сотруднику Историко-этнографического музея Краснотуранского р-на Красноярского края В.С. Макиенко за информацию о местонахождении петроглифов на горе Унюк.

Список литературы

- Алексеев Е.А.** Кеты. – Л.: Наука, 1967. – 263 с.
- Дэвлет М.А.** Изображение женщины и быка в искусстве петроглифов Саяно-Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1990. – С. 34–41.
- Дэвлет М.А.** О наскальных изображениях быков в Туве // Современные проблемы изучения петроглифов. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1993. – С. 74–87.
- Дэвлет М.А.** Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 287 с.
- Занка А.Л., Дроздов Н.И., Макулов В.И.** Исследования Шалаболинских петроглифов (итоги работ 2004 г.) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2005. – С. 155–158.
- Зяблин Л.П.** Неолитическое поселение Унюк на верхнем Енисее // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 65–73.
- Есин Ю.Н.** Петроглифы «Шаман-камня» (гора Оглахты, Хакасия) // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2013. – № 1. – С. 66–81.
- Есин Ю.Н.** Древнейшее приспособление для управления тягловыми животными на востоке евразийского степного пояса // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2018а. – № 1. – С. 115–125.
- Есин Ю.Н.** Об истоках иконографии оленных камней // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: мат-лы IX Междунар. науч. конф. (г. Улан-Удэ, 10–14 сент. 2018 г.). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018б. – Т. 1. – С. 103–108.
- Килуновская М.Е.** Колесницы эпохи бронзы в наскальном искусстве Тувы // Наскальное искусство в современном обществе: К 290-летию научного открытия Томской писаницы. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – Т. 2. – С. 44–53.
- Ковалева О.В.** Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 160 с.
- Кубарев В.Д.** Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 420 с.
- Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э.** Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 640 с.
- Леонтьев Н.В.** Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее // Вопросы археологии Хакасии. – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1980. – С. 65–84.
- Миклашевич Е.А.** Некоторые дополнительные материалы в связи с публикацией плит из могильника Лебяжье // Вестн. САИПИ. – 2003–2004. – Вып. 6/7. – С. 17–27.
- Скобелев С.Г., Рюмшин М.А.** Осадный лагерь Алтынхана 1652 г. на горе Унюк (правый берег Енисея) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2015. – Т. 14. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 61–70.
- Советова О.С.** Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 140 с.
- Сунчугашев Я.И.** Есинский поминальный памятник карасукской культуры // СА. – 1971. – № 2. – С. 216–218.
- Шер Я.А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Материал поступил в редколлегию 10.01.20 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.1.081-090
УДК 902/908:94

Ю.А. Прокопенко

Гуманитарный институт Северо-Кавказского федерального университета
ул. Пушкина, 1, Ставрополь, 355009, Россия
E-mail: z_proko_15@mail.ru

Коллекция предметов тагарской культуры в Ставропольском государственном музее-заповеднике (собрание Г.Н. Прозрителева)

В статье рассматриваются 16 бронзовых вещей тагарской культуры (кинжал, десять ножей, удила, псалий, секира, кельт и зеркало) – предметы быта и конской упряжи из Минусинского у. Енисейской губ., поступившие в начале XX в. в собрание краеведа Г.Н. Прозрителева. Цель исследования – определить время бытования рассматриваемых тагарских вещей и ввести их в научный оборот. Кинжал и три ножа выполнены в зверином стиле V–IV вв. до н.э. Перекрестие кинжала оформлено в виде двух рельефно выполненных птичьих головок, обращенных в противоположные стороны, разделенных спиралевидным завитком. Навершия ножей украшены фигурками стоящих барана и осла, кольцом, валиком, каплевидной прорезью и др. Ручки двух ножей декорированы лентой из косых рельефных насечек, двумя продольными рядами треугольников и значком копыта. На основании полученных данных можно заключить, что часть тагарских вещей (кинжал, ножи, псалий, зеркало), представленных в собрании Ставропольского музея, относится к VI–IV вв. до н.э. Более ранними следует считать секиру, кельт, удила и, вероятно, массивный нож с изображением головки птицы в месте стыка рукояти и лезвия, датирующиеся (VIII)VII–VI вв. до н.э. Таким образом, значительный разброс дат рассматриваемых предметов позволяет сделать вывод о том, что коллекцию составляли находки из разновременных памятников. Возможно, вещи были подарены Г.Н. Прозрителеву в виде цельногоклада бронзовых изделий, включавшего предметы (VIII)VII–V вв. до н.э.

Ключевые слова: коллекция, тагарская археологическая культура, предметы, выполненные в зверином стиле; бронзовое оружие, конская упряжь.

Y.A. Prokopenko

Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University,
Pushkina 1, Stavropol, 355009, Russia
E-mail: z_proko_15@mail.ru

Tagar Artifacts at the Stavropol State Museum Reserve (G.N. Prozritelev's Collection)

This article introduces 16 bronze weapons and horse harness items representing the Tagar culture (a dagger, ten knives, bits, a cheek-piece, an axe, a celt, and a mirror) from the Minusinsk Region, collected by G.N. Prozritelev in the early 1900s. The objective of the study is to describe them and to assess their chronology. The dagger and the three knives exemplify the animal style of 500–300 BC. The guard of the knife is shaped like two oppositely facing bird heads separated by a spiral scroll. The tops of the knives are decorated with figurines of a standing ram, a standing donkey, a ring, a roll, a drop-shaped slit, etc. The hilts of two knives are decorated with a band consisting of oblique hatches, two rows of triangles, and a hoof sign. Based on the totality of criteria, certain artifacts (the dagger, the knives, the cheek-piece, and the mirror) date to 600–300 BC. The axe, the celt, the bits, and possibly a robust knife with a bird's head at the hilt and blade junction may date to 700–500 (possibly even 800–500) BC. A considerable scatter of dates suggests that artifacts come from different burials. They may have been part of a single hoard whose separate items span the chronological range between 700 or even 800 BC to 400 BC.

Keywords: Collection, Tagar culture, artifacts, animal style, bronze weapons, horse harness.

Введение

В 1905–1906 гг. известный археолог-краевед Г.Н. Прозрителев создает Ставропольский музей Северного Кавказа [Охонько, 2005, с. 103]. Его фонды комплектуются из материалов раскопок, подаренных предметов и целых коллекций артефактов, приобретенных у торговцев древностями. Тогда же археологу была показана коллекция из бронзовых предметов, обнаруженных в памятниках на территории Минусинского у. Енисейской губ. Его привлекли прекрасное качество бронзы, мастерство литейщиков и воплощенный в декоре изделий звериный стиль, и коллекция, включающая кинжал, десять ножей, секиру, кельт, комплект удил, псалий и зеркало, поступила в собрание музея. Поскольку эти предметы тагарской культуры были найдены в памятниках на довольно удаленной от Северного Кавказа территории, почти 100 лет местные археологи не обращались к ним как к объектам исследования. Задачей публикации является введение данной коллекции в научный оборот. В настоящее время она хранится в фондах Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе (далее – Ставропольский музей)*.

Описание коллекции

Коллекция состоит из 16 вещей, относящихся к вооружению, конской упряжи и бытовой утвари.

1. Бронзовый кинжал с навершием подтрапещевидной формы, зооморфно оформленным перекрестием и клинком, по форме близким к клиновидному с ребром (отличается более плавным переходом в зоне острия) (рис. 1, 1; 2), п. 9466 / инв. 585**. Длина изделия 282 мм, длина клинка – 176, ширина – 30, высота в ромбическом в сечении – 8 мм.

Рукоять плоская, овальная в сечении, высотой 8,9 мм, шириной 19 мм, декорирована двумя асимметрично сдвинутыми влево желобками.

Перекрестие кинжала – в виде двух головок птиц (грифонов?), обращенных в противоположные сторо-

ны и разделенных спиралевидным завитком (общее ухо?). Рельефные валики вокруг крупных округлых глаз, завиток между ними и верхние части вытянутых клювов выстроены в одну линию. У птиц рельефно выделены восковицы. Клювы на краях расширяются. Их заостренные части опущены ниже средней части перекрестия, нижний контур которого подчеркнут двумя криволинейными, направленными в противоположные стороны валиками (см. рис. 1, 1; 3).

Следует отметить, что перекрестие кинжала из Ставропольского музея имеет нехарактерную для тагарского оружия форму. В верхней части перекрестия – две головки грифонов, повернутые в противоположные стороны, с клювами, обращенными к острию. Данный тип не отмечен в типологиях тагарских кинжалов С.В. Киселева, Н.Л. Членовой, А.М. Кулемзина, А.И. Мартынова, Ю.С. Худякова, А.В. Субботина [Субботин, 2014, с. 12–16, рис. 2–7]. Ближе всего к описываемому изделию кинжал предложенного В.И. Козенковой типа III предскифского времени из памятников Предкавказья с перекрестием прямоугольной формы и дуговидной выемкой в части, обращенной к клинку [Козенкова, 1995, с. 46–47, рис. 5].

2. Бронзовый нож № 1 имеет расширенное лезвие и дугообразный обух (дугообразнообушковый по терминологии С.В. Киселева [1949, с. 208–213]) (см. рис. 1, 2), п. 9466 / инв. 585. Между лезвием и ручкой фиксируется небольшой уступ. Ручка немного уже лезвия и украшена объемным изображением стоящего на подставке козла. Длина изделия 210 мм, длина лезвия – 121, ширина – 13, ширина ручки – 11 мм.

Лицевая сторона выпуклая, обратная плоская. Ручка с лицевой стороны декорирована вдоль нижнего края рельефной лентой с косыми выпуклыми насечками. Лезвие треугольное в сечении, проковано.

Навершие представляет собой объемную фигурку козла (круглая скульптура) в застывшей спокойной позе. Высота изображения 14 мм, ширина – 18, толщина – 4 мм. Морда вытянутая, клювовидная. Сдвоенный рог с рельефными выступами закручен в округлую петлю. Верхняя часть туловища прямая. Между столбиками конечностей отсутствуют сквозные отверстия.

3. Бронзовый нож № 2 имеет расширенное лезвие и дугообразный обух (см. рис. 1, 3), п. 9466 / инв. 585. Кончик лезвия обломан. Между лезвием и ручкой фиксируется небольшой уступ. Ручка немного уже лезвия и украшена объемным изображением стоящего на подставке животного с длинными ушами и опущенной головой (кулан?). Длина сохранившейся части изделия 168 мм, длина лезвия – 83, ширина – 14, ширина ручки – 11 мм. С лицевой стороны ручка выпуклая, с обратной – плоская. Выпуклая поверхность вдоль нижнего края декорирована двумя параллельными рядами треугольников (нижний ряд состоит из рельефных изображений, верхний – из выгравиро-

*Приношу искреннюю признательность коллективу отдела археологии музея и его директору Н.А. Охонько за содействие в процессе изучения коллекции тагарских предметов и возможность ее публикации.

**Здесь и далее перед инвентарным номером указывается первоначальная маркировка предметов Ставропольского краевого музея краеведения, в который была передана коллекция после объединения губернского музея Северного Кавказа и городского музея наглядных пособий им. М.В. Пправе. У всех предметов коллекции один номер, видимо, по причине их планшетного размещения в 1920-х гг. XX в.

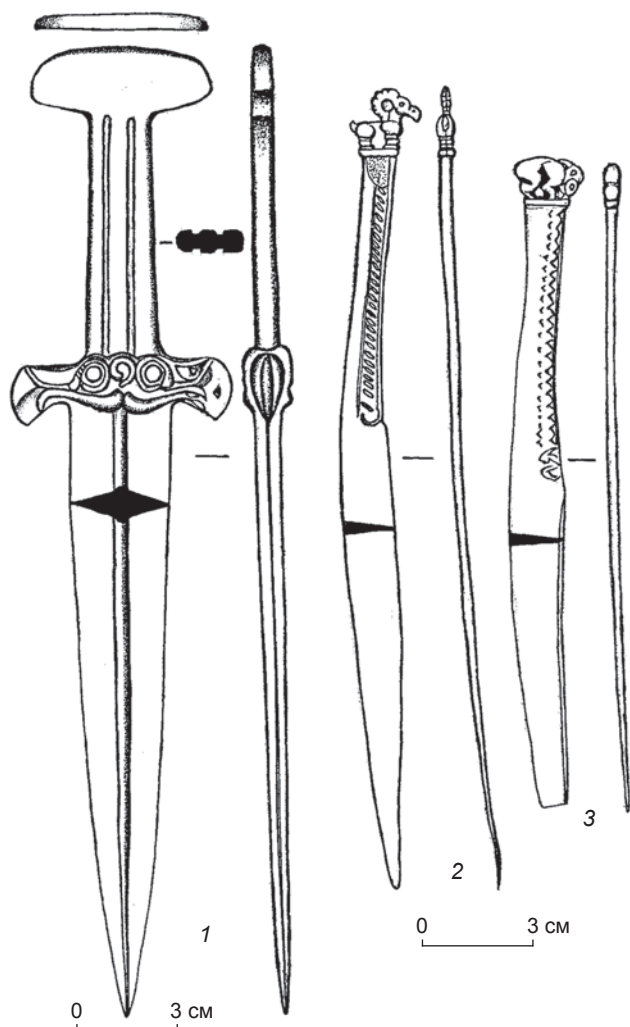

Рис. 1. Бронзовые кинжал (1) и ножи (2, 3) тагарской культуры.

Рис. 2. Бронзовый кинжал тагарской культуры.

ванных). В месте перехода ручки в лезвие находится знак в виде верхней части конского копыта. Лезвие треугольное в сечении, проковано.

Навершие представляет собой фигурку осла-кулана (?) (круглая скульптура) со слегка поджатыми конечностями. Высота 10 мм, ширина – 17, толщина – 4 мм. Морда состоит из двух овалов. Глаз и ноздри выделены ямками. Вытянутое ухо прижато к плечу. Спинка слегка выгнута. Между конечностями и головой имеются два сквозных отверстия подтреугольной формы.

4. Бронзовый нож № 3 имеет лезвие, слегка превосходящее по ширине ручку, и слабо выгнутый дугообразный обух (рис. 4, 4), п. 9466 / инв. 585. Между лезвием и ручкой фиксируется небольшой уступ. Ручка расширяется к треугольному навер-

Рис. 3. Фрагмент перекрестия кинжала.

шию. Длина ножа 208 мм, длина лезвия – 108, ширина – 13,5, ширина навершия – 21 мм. Обухная часть в середине расширяется. В расширенной части навершия фиксируется отверстие подпрямоугольной формы.

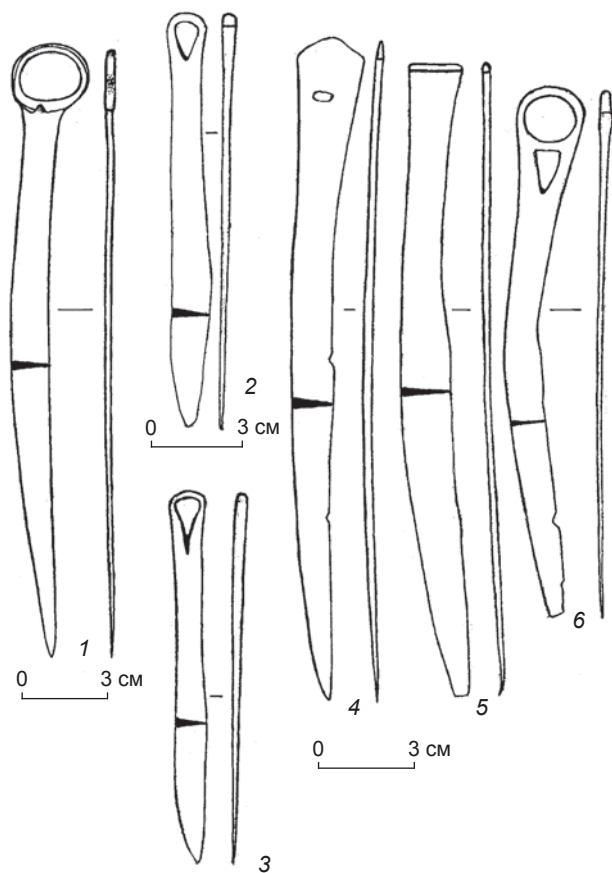

Рис. 4. Бронзовые ножи тагарской культуры.

5. Бронзовый нож № 4 имеет лезвие, превосходящее по ширине ручку, и выгнутый дугообразный обух (рис. 4, 5), п. 9466 / инв. 585. Кончик лезвия обломан. Между лезвием и ручкой фиксируется небольшой уступ. Длина сохранившейся части изделия 199 мм, длина лезвия – 108, ширина – 17,5, ширина рукояти – 17 мм. В торце рукояти имеется рельефный валик. Край лезвия прокован.

6. Массивный бронзовый нож № 5 имеет лезвие, превосходящее по ширине ручку, и дугообразный обух (рис. 5, 1), п. 9466 / инв. 585. Кончик лезвия и навершие обломаны. Между лезвием и ручкой фиксируется небольшой уступ, украшенный поперечно расположенным изображением головки хищной птицы. Рукоять вдоль нижнего края декорирована узким желобком. На ее поверхности в первой трети ближе к обуху фиксируется округлая выемка (каверна?). Длина сохранившейся части изделия 190 мм, ширина лезвия – 21, ширина рукояти – 14 мм. Головка хищной птицы на уступе между лезвием и ручкой выполнена в технике гравировки. Длина изображения 12 мм, высота – 10, длина глаза – 4 мм. Глаз, обведенный рельефным кантиком, и загнутый клюв оформлены округлыми выемками. Край лезвия отжат и прокован.

7. Бронзовый нож № 6 имеет слегка выгнутый обух, прямое лезвие (см. рис. 4, 1), п. 9466 / инв. 585. Ручка не выделена. Навершие кольцевидное. Длина сохранившейся части изделия 219 мм, ширина лезвия – 13, наибольшая ширина около навершия – 12 мм. Кольцо навершия асимметричное, овальной формы.

8. Бронзовый нож № 7 (см. рис. 4, 2), п. 9466 / инв. 585. Имеет почти прямой обух, прямую рукоять и зауженное лезвие. Край ручки декорирован каплевидной прорезью. Длина сохранившейся части изделия 129 мм, ширина лезвия – 13, наибольшая ширина около навершия – 13 мм.

9. Бронзовый нож № 8 имеет почти прямой обух, прямую рукоять и слегка расширенное лезвие (см. рис. 4, 3), п. 9466 / инв. 585. Ручка плавно расширяется к верхнему краю. В ней имеется отверстие подтреугольной формы. Между лезвием и ручкой фиксируется небольшой уступ. Длина сохранившейся части изделия 163 мм, ширина лезвия – 12, ручки (в месте навершия) – 13 мм.

10. Бронзовый нож № 9 имеет прямые обух и рукоять, зауженное лезвие (см. рис. 5, 3), п. 9466 / инв. 585. Край ручки декорирован каплевидной про-

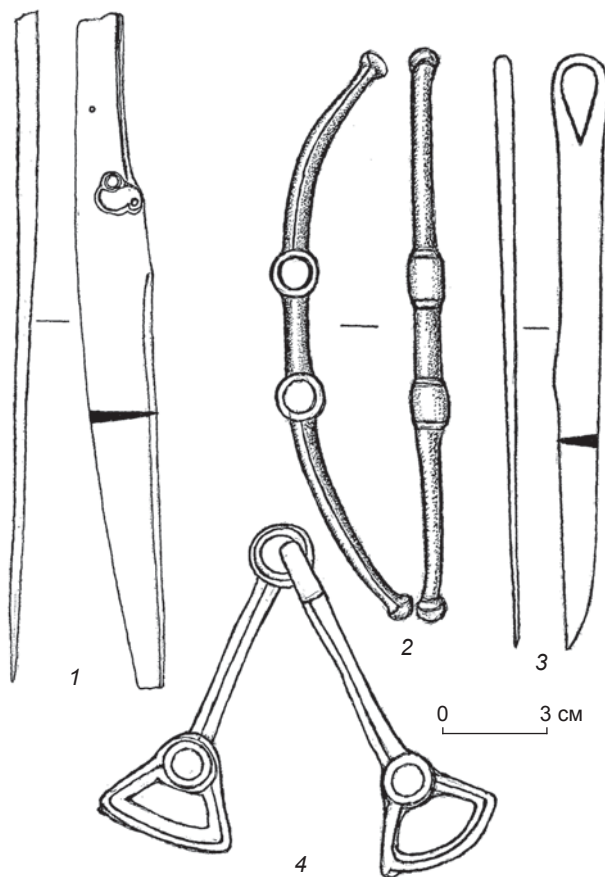

Рис. 5. Бронзовые ножи (1, 3), псалий (2) и удила (4) тагарской культуры.

Рис. 6. Бронзовые секира (1), кельт (2) и зеркало (3) тагарской культуры.

резью. Длина сохранившейся части изделия 129 мм, ширина лезвия – 13, ручки (около навершия) – 13 мм.

11. Бронзовый нож № 10 – коленчатый, по терминологии Н.Л. Членовой [1967, с. 187–188], змейчатообушковый по А.И. Мартынову [1979, с. 37, 71], с расширяющейся кверху ручкой, конец которой закруглен (см. рис. 4, 6), п. 9466 / инв. 585. Кончик лезвия обломан. Ручка прорезная, ажурная. Петля-прорезь каплевидной формы разделена поперечной перемычкой на две прорези округлой и подтреугольной формы. Длина сохранившейся части изделия 170 мм, ширина лезвия – 13, ручки – 22 мм.

12. Бронзовый двудырчатый псалий С-видной формы, дуговидной по П.И. Шульге [2013, с. 35, рис. 32, 1–3, 5–7; 33, 1, 3], выполнен из округлого в сечении прута с округлыми навершиями-шишечками на концах (см. рис. 5, 2), п. 9466 / инв. 585. В местах отверстий стержни расширяются в виде муфты. Длина изделия 159 мм, стержня – 7–8, ширина шишечек – 8, длина муфт – 13,5 мм.

13. Бронзовые литые двусоставные удила с подтреугольными окончаниями и дополнительным отверстием, с гладкими стержнями – грызлами (см. рис. 5, 4), п. 9466 / инв. 585. Окончания состоят из треугольной рамки и расположенного в ее вершине округлого отверстия – тип 2 по Н.А. Бокоченко [1986, с. 11], тип 2, подтип 1, подвариант 2 и подтип 2 по С.Б. Вальчаку [2009, с. 36, рис. 32, 2, 6], форма 2 по П.И. Шульге [2013, с. 26, рис. 17–22]. У звена № 1 окончание в виде треугольника (длина изделия 95, стержня – 7 мм), у звена № 2 – в виде сигмента (длина изделия 101 мм, стержня (деформирован) – 5–7 мм).

14. Бронзовая секира с клиновидным бойком (лезвие слегка расширенное, дуговидное), выступающим обухом и высокой усеченно-конической втулкой, овальной в сечении (рис. 6, 1; 7), п. 9466 / инв. 585. Длина изделия 126 мм, толщина – 18, ширина лезвия – 36, обуха – 29, высота обуха – 61,5, втулки – 31, длина втулки – 2,1–3,7 мм. Центральная часть корпуса и обух рифленые. Подпрямоугольная обушная часть сверху, внизу и в торце оформлена овальными шляпковидными выступами (длина изделия 14–16 мм, втулки – 11, в нижней части – 9–10 мм). Угол между бойком и втулкой занят сегментом из трех рельефных наплывов. Во втулке и обушной части имеются сквозные отверстия.

15. Бронзовый клиновидный двушуквый кельт с высокой овальной втулкой (см. рис. 6, 2; 8),

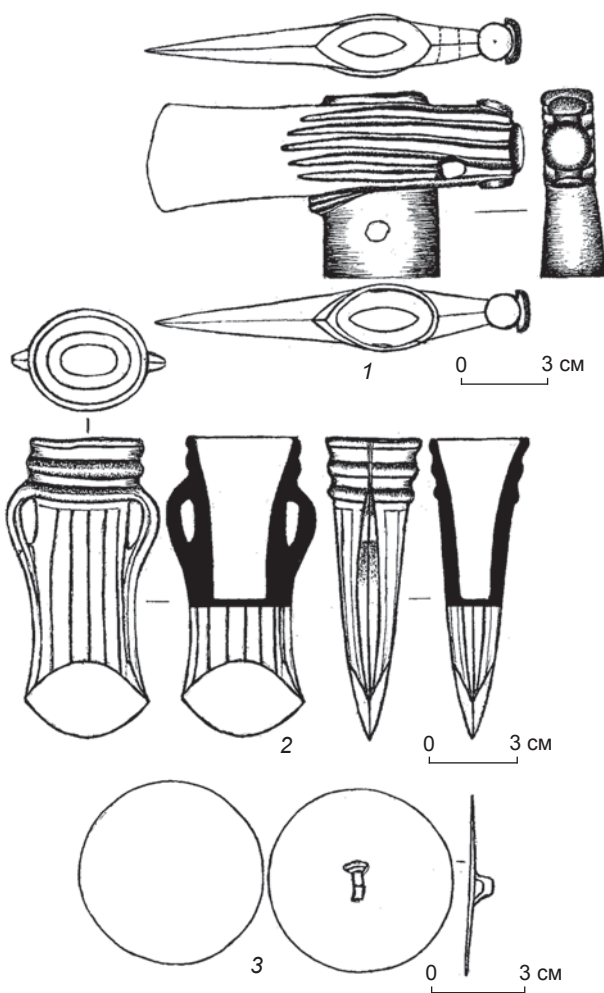

Рис. 7. Бронзовая секира.

Рис. 8. Боковая сторона кельта.

п. 9466 / инв. 585. Боковые ушки переходят в боковые валики линзовидной формы. Корпус предмета декорирован шестью слабо выраженными продольными гранями. Усеченно-коническая втулка с овальным в сечении основанием усилена тремя поперечными валиками. Длина изделия 101 мм, ширина – 51, ширина лезвия – 41, длина втулки – 32–41, высота ушек – 10, толщина – 4–5 мм. По форме кельт отдаленно напоминает изделия типа 4 по классификации М.П. Грязнова [1941, с. 250–260], типа I по А.И. Мартынову, но по размерам приближается к малым облегченным кельтам типа 3 по А.И. Мартынову [1979, с. 43–44]. Однако наиболее близкими по форме к описываемому оружию являются западные кельты вариантов П.2.18, П.2.19, П.2.20 и П.5.18 по классификации Е. Ушурелу [2010, с. 28, 31, 39, 47].

16. Бронзовое зеркало (см. рис. 6, 3), п. 9466 / инв. 585, относится к типу I – с петелькой на обороте по классификации Н.Л. Членовой [1967, с. 32], дисковым, петельчатым по типологии А.В. Субботина [2014, с. 52, табл. 27, 6]. Диаметр 58 мм, толщина диска 1 мм. Петля подтрапециевидной формы с широкой прямоугольной перекладиной припаяна к диску.

Обсуждение

Для определения возраста описанных вещей важен хронологический анализ морфологических особенностей кинжала (см. рис. 2). Для тагарской культуры характерно оформление «крыльев» бабочковидного перекрестия в виде зеркального изображения пары голов различных животных. Появление рельефных изображений головок хищной птицы относится к VII в. до н.э. [Членова, 1967, с. 114]. Изображения сдвоенных (зеркально расположенных) грифонных головок на территории распространения тагарской культуры впервые появляются на «неразвитых» перекрестиях кинжалов «красноярского» типа. К этой группе следует отнести кинжал из Верхне-Метляевского клада (Прибайкалье) с изображениями двух стилизованных головок птиц не только на перекрестии, но и на навершии (две головки птиц с одним общим глазом, направленные в противоположные стороны) [Максименков, 1960, рис. 2, 1]. Необходимо отметить, что, по наблюдениям Н.Л. Членовой, сюжет «двойные птичьи головки с одним общим глазом» на навершиях кинжалов появляется в Минусинской котловине в V в. до н.э. [Членова, 1967, с. 132]. Сокрытие Верхне-Метляевского клада относится к VII–V вв. до н.э. [Максименков, 1960, с. 10; Савинов, 2002, с. 228]. Несколько кинжалов (без перекрестий) с подобно оформленной зоной перехода от ручки к лезвию зафиксировано среди случайных находок из Минусинской котловины [Членова, 1967, с. 245, табл. 25, 15, 16].

Изображения двух птичьих (или грифонных) головок, обращенных либо друг к другу, либо в разные стороны, наиболее характерны для декора кинжалов Минусинской котловины с V в. до н.э. (датировка Н.Л. Членовой). На этих кинжалах в изображении птицы появляется новый элемент – восковица; в более раннюю эпоху в Минусинской котловине ее не изображали [Там же, с. 121; Моор, 2015, с. 32].

Н.Л. Членова рассматривала такие кинжалы в контексте кинжалов с навершием в виде пары грифонных голов. Она отмечала наличие клинков, аналогичных тагарским, на памятниках ананьинской культуры, но считала, что оформление минусинских изделий в алтайском зверином стиле свидетельствует об их западно-сибирском происхождении [Членова, 1981, с. 8–10].

Следует обратить внимание на то, что в непосредственной близости от ареала ананьинской культуры (Волго-Камье), в междуречье Волги и Урала – от Богоруслана на западе до Стерлитамака на востоке (Кунакбаево, Толмачево) и от Оренбурга на юге («Китайское поле») до Туймазы на севере, обнаружено десять железных акинаков «марычевского» типа (VII – первая половина VI в. до н.э.) с перекрестием в форме зеркального изображения голов хищной птицы [Исмагилов, Скарбовенко, 1977; Исмагил, 2011, с. 13–15].

Появление в зверином стиле изображений головы хищной птицы с ухом, по мнению Н.Н. Погребовой, связано с подражанием иконографии грифона [1948, с. 62, 66–67]. Такие головы, как считает А.Р. Канторович, соответствуют не грифонам, а птицам. С точки зрения исследователя, в европейской части скифо-сибирского мира (территории Северного Причерноморья, Среднего Поднепровья, Подонья, Северного Кавказа) изображения «ушастой» птицы, в частности, редуцированные, характерны для «скифской классики» V–IV вв. до н.э., хотя их появление на Саяно-Алтае возможно в середине VI в. до н.э. [Канторович, 2015, с. 120, 199–200].

Некоторые бронзовые кинжалы с навершием в виде двух птичьих (грифонных?) голов из памятников Приуралья и Западной Сибири имеют перекрестия в форме двух голов хищных птиц (сходные по изобразительному решению с мечами «марычевского» типа), которые напоминают таковые у орудий из Ставропольского музея. Кинжалы, близкие по оформлению перекрестия с зеркально изображенными головками хищной птицы, известны на территории Прикамья (Ядринский у. Казанской губ.) и Западной Сибири (Красноярский у. Енисейской губ.; Мариинско-Ачинский район) [Членова, 1981, рис. 4, 9, 14, 16]. Западно-сибирские образцы по форме перекрестия наиболее близки к кинжалу из Ставропольского музея. Верхний контур голов птиц аналогично выстраивается в прямую линию (см. рис. 3). Отмеченные клинки похожи

и по желобчатому (рубчатому по Н.Л. Членовой [1967, с. 16], струйчатому по А.И. Мартынову [1979, с. 48], каннелированному по А.В. Субботину [2014, с. 49, 99, табл. 25]) оформлению рукоятки. Кинжалы с такими рукоятками из Минусинской котловины и Тувы Н.Л. Членовой отнесены к V–IV вв. до н.э. [1967, с. 16].

Использование в качестве разделителя птичьих голов спиралевидного завитка на перекрестии клинка из Ставропольского музея, как и появление в Минусинской котловине самого сюжета, возможно, связано с влиянием ананьинской культуры. В Ананьинском могильнике обнаружен бронзовый кинжал с рукояткой, декорированной спиралевидными завитками. Такой завиток имеется в центре перекрестия данного предмета [Членова, 1981, рис. 3, 1].

Клинок с перекрестием, которое украшают изображения птичьих голов, разделенных завитком, из Ставропольского музея, видимо, датируется также V–IV вв. до н.э. Как отмечено выше, на этом изображении у птиц показана восковица. Ее включение в образ хищной птицы в Минусинской котловине в V в. до н.э. было связано с влиянием алтайского звериного стиля [Членова, 1967, с. 121]. Этой дате не противоречит желобчатая рукоять с подтрапещевидным навершием.

В рассматриваемой коллекции три из десяти ножей, как и кинжал, оформлены в зверином стиле.

Нож № 1 с выделенной ручкой и навершием в виде фигурки стоящего козла (см. рис. 1, 2) относится к разделу I, классу 1/8 по классификации Н.Л. Членовой [Там же, с. 184]. С точки зрения исследователя, такие ножи появляются в V в. до н.э. Нож с ручкой, аналогично украшенный лентой из рельефных косых насечек и навершием в виде стоящего козла, найден в Сарговом улусе на левом берегу Енисея [Там же, с. 184, табл. 39, 15]. Следует отметить, что статуарное изображение козла на ручке ножа из Ставропольского музея также имеет признаки звериного стиля V–IV вв. до н.э.: малый диаметр дуги рогов, вытянутая клювовидно-заостряющаяся морда, отсутствие подчеркнутой лопатки и сквозных отверстий [Там же, с. 132–133].

Нож № 2 с выделенной ручкой и навершием в виде трудно идентифицируемой горбатой фигурки осла или кулана с опущенной мордой, длинным прижатым к спине ухом и слегка подогнутыми ногами (см. рис. 1, 3), видимо, также датируется V–IV вв. до н.э. Появление такого сюжета, по мнению Н.Л. Членовой, связано с распространением в искусстве населения Минусинской котловины V в. до н.э. алтайского стиля. Характерно, что упрощение и схематизация зооморфных образов (например, трансформация изображений кабанов), как и образ копытного с подогнутыми ногами, также относится к данному периоду. Декор в виде двух параллельных рядов треугольников и значка в виде ко-

пыта – минусинский, по определению Н.Л. Членовой, появился в более ранний период, в V в. до н.э. был достаточно распространенным [Там же, с. 134, 139, 184].

Нож, близкий по оформлению рукоятки к рассматриваемому, с похожим навершием в виде фигурки животного со слегка подогнутыми ногами и длинным ухом опубликован Э.Б. Вадецкой в числе ножей – орудий труда тагарской культуры [1986, с. 88–89, табл. VII, 12].

Нож № 3 с выделенной ручкой, со слегка выгнутым обухом и расширенным угловидным навершием с отверстием (см. рис. 4, 4) (навершие трапециевидное треугольное дырчатое по А.В. Субботину [2014, с. 51, табл. 28]) напоминает ножи, которые Н.Л. Членова отнесла к V–IV вв. до н.э. Например, предмет с аналогично оформленным навершием обнаружен в кург. 1 (V в. до н.э.) могильника Малая Иня (Республика Алтай) [Членова, 1967, с. 250, табл. 39, 23]. Близкий по форме навершия нож отмечен в материалах IV–III вв. до н.э. из кург. 3 могильника Колок (Республика Хакасия) [Пшеницына, Поляков, 1989, с. 61, рис. 2, 21].

Нож № 4 с выделенной ручкой, со слегка выгнутым обухом и навершием в виде простого валика (см. рис. 4, 5) относится к разделу 1, классу 1/3 по типологии Н.Л. Членовой [1967, с. 168]. Подобные ножи характерны для памятников тагарской культуры второй половины VI в. до н.э. [Там же, с. 168]. Слабый изгиб обуха и миниатюрные размеры тонкого валика можно объяснить более поздним происхождением предмета из Ставропольского музея. Он датируется предположительно V в. до н.э.

Массивный нож № 5 с дуговидно выгнутым обухом, выделенной ручкой и украшением уступа между ручкой и лезвием изображением головки хищной птицы (см. рис. 5, 1) по причине отсутствия навершия сложно отнести к конкретному типу. Подобные изображения головок птиц имеются на ножах в VII–IV вв. до н.э. В данном предмете сочетаются ранний (массивность) и поздний (слабовыделенный уступ между лезвием и ручкой) элементы. Таким образом, нож из Ставропольского музея датируется, возможно, VII–V вв. до н.э.

Нож № 6 с невыделенной ручкой и кольцевидным навершием (см. рис. 4, 1) относится к разделу II типу II/19 по классификации Н.Л. Членовой. По мнению исследователя, такие предметы характерны для комплексов тагарской культуры V–IV вв. до н.э. (Тагарское озеро (Минусинский р-н Красноярского края), Торгашинский клад (окрестности г. Красноярск), Коркино (окрестности г. Красноярск) и др.) [Членова, 1967, с. 182, табл. 39, 18]. Подобные ножи обычны для памятников лесостепной зоны ареала тагарской культуры [Мартынов, 1979, с. 156, табл. 2]. Похожие изделия обнаружены в памятниках V в. до н.э. на террито-

рии Монголии, например, на Улангомском могильнике [Новгородова, 1989, с. 260, рис. 2]. Бронзовые ножи с кольцевидным навершием встречаются и в Верхнем Приобье (памятники VII–VI вв. до н.э.), но здесь у них лезвие от ручки отделено небольшим выступом [Могильников, 1997, с. 180, рис. 50, 8].

Ножи № 7–9 с прямым обухом, невыделенной ручкой и каплевидной прорезью в навершии относятся к классу П/2 (подкласс П/2а), разделу П по классификации Н.Л. Членовой [1967, с. 168]; к группе В (прямые), типу 12 по А.И. Мартынову [1979, с. 39–40]; к ножам с трапециевидным, каплевидным навершием по А.В. Субботину [2014, с. 51, № 4911]. Петлевидные изделия, подобные ножу № 8, по наблюдениям Н.Л. Членовой, появляются в V в. до н.э. Ножи, аналогичные изделиям № 7 и 9, использовались с VII по IV в. до н.э. [Членова, 1967, с. 168, 170]. Судя по миниатюрным размерам, ножи из Ставропольского музея были изготовлены, скорее всего, в V–IV вв. до н.э.

Коленчатые ножи с прорезной ажурной ручкой (навершие трапециевидное, овальное, с переключной в петле по А.В. Субботину [2014, с. 51, № 4912]), аналогичные ножу № 10 (см. рис. 4, б), отнесены Н.Л. Членовой к классу I/17 раздела I. Такие предметы характерны для V–III вв. до н.э. (могильники Батени – у пристани (левый берег Енисея), Малая Иня, кург. 2, мог. 2 (Республика Алтай), городище Частоостровское (Красноярский край) и др.) [Членова, 1967, с. 188]. Подобные изделия обнаружены также на памятниках в Верхнем Приобье [Могильников, 1997, с. 180, рис. 50, 14], Кемеровской обл., Кузнецком окр., Канске и Забайкалье [Членова, 1967, с. 188, табл. 39, 8, 13].

Бронзовый двудырчатый (муфтовый) псалий (см. рис. 5, 2) – дугообразный по Н.Л. Членовой [Там же, с. 73], слабоизогнутый, группы 5, варианта 1 по П.И. Шульге [2013, с. 35, 122–123, рис. 32, 1–3, 5–7; 33, 1, 3]. Б.Б. Бесетаев аналогичные псалии из памятников Восточного Казахстана связывает с третьим этапом развития конского снаряжения (конец VI – V в. до н.э.) [2015, с. 25]. В Минусинской котловине такие предметы упряжи вошли в обиход в VI в. до н.э., но использовались чаще всего в комплекте с удилами с большими овальными или округлыми кольцами в V–IV вв. до н.э. [Членова, 1967, с. 73; Шульга, 2013, с. 54–55].

В число предметов, которые хранятся в Ставропольском музее, как было отмечено, входят литые двусоставные удила с подтреугольными окончаниями и гладкими стержнями – грызлами (см. рис. 5, 4). Окончания состоят из рамки (у одной основание прямое, у другой заovalенное) и расположенного в ее вершине округлого отверстия. Аналогичные комплекты удил с различающимися окончаниями представлены в материалах комплексов из могильника Озна-

ченного (Саяногорск, Республика Хакасия) и долины Абакана [Членова, 1967, табл. 16, 9, 10].

Подобные удила из тагарских памятников Н.Л. Членова датировала VII в. до н.э. [Там же, с. 68; 1992, с. 215]. Как считает Б.Б. Бесетаев, стремевидные удила с дополнительным отверстием из комплексов Восточного Казахстана относятся ко второму этапу развития конского снаряжения – VII–VI вв. до н.э. [2015, с. 25].

Единичные подобные предметы зафиксированы в памятниках на юге Восточной Европы. Два изделия – случайные находки на территории Харьковской обл. (хранятся в Харьковском историческом музее). Еще один комплект выявлен на территории селища эпохи раннего железа у с. Песочин близ г. Харькова. Обнаруженные в данном регионе стремевидно-кольчатые удила рассматриваются как свидетельства контактов местного населения с пришельцами из Азии на протяжении предскифского периода, особенно в его конце, вероятно, в VIII – начале VII в. до н.э. [Вальчак, 2009, с. 34, 36, рис. 34, 2, 4].

Такие удила, по мнению П.И. Шульги, характерны для тагарской конской упряжи VIII–VII вв. до н.э. [2013, с. 54, 109; рис. 17–20]. Согласно данным исследователя, в Минусинской котловине было найдено 83 ед. удил. На Алтае и прилегающей территории Восточного Казахстана их выявлено 7 экз., а в Туве такие удила зафиксированы всего в двух уздечках из памятников Аржан-1, -2. На территориях Алтая, Восточного Казахстана, Тувы и др. похожие удила имеются в комплексах VIII–VII вв. до н.э. [Шульга, 2008, рис. 54; 2013, с. 24, рис. 47; 48, 1, 2]. Комплект подобных бронзовых удил, обнаруженный в одном из памятников саргатской культуры в окрестностях г. Омска, относится к V–IV вв. до н.э. [Могильников, 1992, табл. 121, 28].

Бронзовая секира с клиновидным бойком, слегка расширенным дуговидным лезвием, выступающим обухом (с тремя шляпковидными выступами) и высокой усечено-конической, овальной в сечении втулкой (см. рис. 6, 1; 7) не находит себе полных аналогов среди тагарских изделий. Однако по декорированию обуха она близка к секире из мог. 17 кург. 1 могильника Батени (левый берег Енисея), у которой обух украшен не грибовидными выступами сверху и снизу, а головками хищников [Членова, 1967, табл. 8, 5]. Основная часть тагарских секир, по мнению Н.Л. Членовой, датируется VI в. до н.э. [Там же, с. 30]. Возможно, изделие из Ставропольского музея принадлежит ко времени закладки Верхне-Метляевского клада (в его составе находилась секира с рифленным обухом) – VII–V вв. до н.э. [Максименков, 1960, с. 10; Савинов, 2002, с. 228].

Малые клиновидные кельты, по размерам близкие к образцу из Ставропольского музея, характерны

для памятников ареала тагарской культуры. Они обнаружены в окрестностях г. Красноярска и на территории к востоку от него – в районе г. Канска, имеются в материалах Верхне-Метляевского клада и др. [Максименков, 1960, с. 23, прилож. IX; Мартынов, 1979, с. 44]. По наблюдениям А.И. Мартынова, в основном малые клиновидные кельты встречаются в комплексах V–III вв. до н.э. [1979, с. 44], что согласуется с выводами М.П. Грязнова о принадлежности таких предметов ко второй половине периода существования минусинской курганной (тагарской) культуры [1941, с. 263–265]. Однако малые клиновидные кельты не являются полными аналогами образцу из Ставропольского музея (см. рис. 8). В числе тагарских изделий таких предметов нет. Оформление части предмета тремя поперечными выпуклыми валиками, как у кельта из Ставропольского музея, отмечается на единичных поздних восточных кельтах (например, таким образом был оформлен безушковый кельт из могильника III–II вв. до н.э. Быстровка-1 (лесостепное Приобье) [Троицкая, Бородавский, 1994, с. 36, 163, табл. XXXIII, 1]). Из этого следует, что кельт из ставропольской коллекции более раннего происхождения. Наиболее близки к нему по форме западные кельты вариантов II.2.18; II.2.19; II.2.20 и II.5.18 (по классификации Е. Ушурелу). К вариантам II.2.18; II.2.19; II.2.20 относятся предметы с приподнятой над ушками втулкой, окаймленной ободком и двумя (тремя) горизонтальными нервюрами (нижняя соединяется с ушками), с территории Северного Кавказа (случайные находки около аула Таухабль в Республике Адыгее и др.). Кельты варианта II.5.18 – с приподнятой над ушками втулкой, опоясанной тремя горизонтальными валиками, – характерны для Среднего Поволжья (клад из Сабанчево), датируются IX в. до н.э. [Ушурелу, 2010, с. 28, 31, 39, 47, рис. 4, 14–17; рис. 12, 11, 12].

Дисковые зеркала с петелькой на обороте, по размерам подобные зеркалу из Ставропольского музея (см. рис. 6, 3), соответствуют тагарским памятникам VI–IV вв. до н.э. [Членова, 1967, с. 82]. Например, изделия близкие к публикуемому по трапециевидной форме петельки, имеются в материалах IV–II вв. до н.э. курганного могильника Некрасово II [Савельев, Герман, 2015, с. 108, 112, рис. 3, 1–13] и IV–III вв. до н.э. кург. 3 могильника Колок (Республика Хакасия) [Пшеницына, Поляков, 1989, с. 61, рис. 2, 2]. Аналогичные зеркала обнаружены в памятниках V–IV вв. до н.э. в верховьях Лены, в Томской обл., Туве, Северо-Восточном Казахстане и др. [Членова, 1967, с. 83]. Однако такие зеркала зафиксированы и в более ранних комплексах. Например, два похожих изделия (одно с петелькой подтрапециевидной формы) найдены на памятнике Бийке на Алтае. Они относятся к заключительному периоду бийкен-

ской культуры, датируются второй половиной VII – второй-третьей четвертью VI в. до н.э. [Тишкин, Серегин, 2011, с. 8, рис. 1, 3, 4].

Заключение

Хронологический анализ тагарских вещей, представленных в собрании Ставропольского музея, позволяет отнести их часть – кинжал, ножи, псалий, зеркало – к V–IV вв. до н.э. Более ранними следует считать датируемые (VIII) VII–VI вв. до н.э. секиру, кельт, удила и, вероятно, массивный нож с изображением головки птицы в зоне между ручкой и лезвием. Значительный разброс дат рассматриваемых предметов свидетельствует о том, что коллекцию составляют находки из разновременных памятников. Возможно Г.Н. Прозрителев получил в дар сформированный клад бронзовых изделий, включавший предметы (VIII) VII–V вв. до н.э. Подобные клады известны. Один из них – Верхне-Метляевский клад, состоявший из бронзовых ножей, секиры, кельтов, кинжала и др.

Список литературы

- Бесетаев Б.Б.** Некоторые вопросы эволюции конского снаряжения скифо-сакского времени Восточного Казахстана // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2015. – Т. 14. – Вып. 7. Археология и этнография. – С. 24–29.
- Бокоренко Н.А.** Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1986. – 26 с.
- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1986. – 180 с.
- Вальчак С.Б.** Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н.э. на юге Восточной Европы. – М.: Таус, 2009. – 291 с.
- Грязнов М.П.** Древняя бронза Минусинских степей. Бронзовые кельты // Тр. отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. – Л.: ИИМК АН СССР, 1941. – Т. 1. – С. 237–271.
- Завитухина М.П.** Древнее искусство на Енисее. Скифское время. – Л.: Искусство, 1983. – 192 с.
- Исмагил Р.** Новый акинак марьчевского типа (Сашино, Башкортостан) // Уфим. археол. вестн. – 2011. – № 11. – С. 13–15.
- Исмагилов Р.Б., Скарбовенко В.А.** Новые находки савроматского оружия в междуречье Волги и Урала // Средне-волжская археологическая экспедиция. – Куйбышев: Изд-во Куйбыш. гос. ун-та, 1977. – С. 77–92.
- Канторович А.Р.** Образы синкретических существ в восточно-европейском скифском зверином стиле: классификация, хронология, иконографическая динамика // Исторические исследования. Журнал исторического факультета Моск. гос. ун-та. – М., 2015. – № 3. – С. 113–218.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.: Наука, 1949. – 364 с. – (МИА; вып. 9).

- Козенкова В.И.** Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. – М.: ИА РАН, 1995. – 162 с.
- Максименков Г.А.** Верхне-Метляевский клад. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1960. – 44 с.
- Маргьнов А.И.** Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 207 с.
- Могильников В.А.** Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 292–312.
- Могильников В.А.** Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. – М.: Пущ. науч. центр РАН, 1997. – 196 с.
- Моор Н.Н.** Изображения зверей на рукояти тагарских ножей // Вестн. Кемер. гос. ун-та. Сер.: История. Исторические науки. – 2015. – № 1/3 (61). – С. 30–35.
- Новгородова Э.А.** Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). – М.: Наука, 1989. – 380 с.
- Охонько Н.А.** Г.Н. Прозрителев и его вклад в основание Ставропольского краеведческого музея // Прозрителевские чтения: сб. мат-лов науч.-практич. конф. – Ставрополь, 2005. – Вып. 1. – С. 101–104.
- Погрехова Н.Н.** Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК. – 1948. – Вып. XXII. – С. 60–72.
- Пшеницына М.Н., Поляков А.С.** Погребения родоплеменной знати тагарского общества на юге Хакасии // Археологические исследования на новостройках. – М.: Наука, 1989. – С. 58–66. – (КСИА; вып. 196).
- Савельев А.С., Герман П.В.** Бронзы из курганного могильника тагарской культуры Некрасово II (по материалам раскопок 1970 г.) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2015. – № 6 (38). – С. 108–118.
- Савинов Д.Г.** К вопросу о датировке и историко-культурной интерпретации Верхне-Метляевского клада // Клады: состав, хронология, интерпретация: мат-лы тематич. науч. конф. (Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 года). – СПб., 2002. – С. 222–228.
- Субботин А.В.** Нелинейный характер развития тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников). – СПб.: ИИМК РАН, 2014. – 154 с.
- Тишкин А.А., Серегин Н.Н.** Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). – Барнаул: Азбука, 2011. – 142 с.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П.** Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.
- Ушурелу Е.** Генезис и эволюция двушковых топоров-кельтов Восточной Европы эпохи поздней бронзы // Revista Arheologica. Seri. nouă. – Chişinău, 2010. – Vol. V, nr. 1. – P. 22–68.
- Членова Н.Л.** Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 298 с.
- Членова Н.Л.** Связи культур Западной Сибири с культурой Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и начале железного века // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха железа. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та, 1981. – С. 4–42.
- Членова Н.Л.** Тагарская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 206–224.
- Шульга П.И.** Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. – Барнаул: Азбука, 2008. – Ч. I: Раннескифское время. – 276 с.
- Шульга П.И.** Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н.М. Мартыянова). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – 186 с.

*Материал поступил в редколлегию 18.12.18 г.,
в окончательном варианте – 13.06.19 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.1.091-100
УДК 902

П.К. Дашковский

Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия
E-mail: dashkovskiy@spn.asu.ru

Исследование кургана раннего этапа пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский Дол в Северо-Западном Алтае: хронология и атрибуция артефактов

Статья вводит в научный оборот результаты исследования кургана пазырыкской культуры, раскопанного на могильнике Ханкаринский Дол в Северо-Западном Алтае. На основе анализа погребального обряда, инвентаря, а также данных радиоуглеродного датирования он отнесен ко второй половине VI – началу V в. до н.э. В настоящее время это один из самых ранних курганов пазырыкской культуры, исследованных в Северо-Западном Алтае. В статье подробно анализируются основные категории погребального инвентаря: биметаллический кинжал, бронзовые закладки, колчаный крюк, зеркало, поясная пряжка, прорезная обойма, нож, гривна, обложенная фольгой. Особое внимание уделено изучению элементов снаряжения коня, которое включало бронзовые удила, две налобные костяные бляхи, псалии, четыре распределителя ремня, чумбурный блок, две застежки и костяную подпружную пряжку. На основе анализа зооморфных изображений на псалиях отмечено, что для скифо-сакского искусства характерна взаимозаменяемость образов волка и короткомордого хищника семейства кошачьих, поскольку для мировоззрения кочевников первостепенное значение имело само понятие «хищник», а не его видовая принадлежность. На основе полученных данных проведена реконструкция узды, которая использовалась на раннем этапе развития пазырыкской культуры. Результаты изучения погребального обряда и особенностей сопроводительного инвентаря позволили сделать вывод о высоком социальном статусе погребенных людей.

Ключевые слова: пазырыкская культура, Алтай, погребальный обряд, артефакты, радиоуглеродный анализ, снаряжение лошади.

P.K. Dashkovskiy

Altay State University,
Pr. Lenina 61, Barnaul, 656049, Russia
E-mail: dashkovskiy@spn.asu.ru

An Early Pazyryk Kurgan at Khankarinsky Dol, Northwestern Altai: Chronology and Attribution of Artifacts

This article introduces a Pazyryk kurgan, unearthed at Khankarinsky Dol, in the northwestern Altai. On the basis of funerary rite, burial goods, and radiocarbon analysis, the kurgan dates to the late 6th or early 5th centuries BC and is one of the earliest Pazyryk kurgans in this area known to date. A detailed description of artifacts is provided, including a bimetallic dagger, bronze hairpins, a quiver hook, a mirror, a belt buckle, a slotted clip, a knife, and a pectoral lined with foil. A special attention is paid to details of horse harness, which include bronze bits, two bone frontlets, cheekpieces, four belt distributors, a shackle, two clasps, and a bone girth buckle. The analysis of zoomorphic images on cheekpieces suggests that the images of wolf and a short-snouted feline carnivore are interchangeable in Scythian-Saka art. Evidently, the distinction between them mattered less for the nomads than did the fact that the animal was a carnivore. The reconstruction of the early Pazyryk horse harness is proposed. The burial rite and the burial goods indicate a high social status of those buried.

Keywords: Pazyryk culture, Altai, funerary rite, artifacts, radiocarbon analysis, horse equipment.

Введение

Могильник Ханкаринский Дол входит в состав Чинетинского археологического микрорайона, расположенного в окрестностях с. Чинета Краснощековского р-на Алтайского края (рис. 1) [Дашковский, 2016]. Памятник находится в восточной части второй надпойменной террасы на левом берегу р. Ини (левый приток р. Чарыш) в 1,0–1,4 км к юго-юго-востоку от с. Чинета. Начиная с 2001 г. раскопки на могильнике проводит Краснощековская археологическая экспедиция Алтайского государственного университета под руководством автора статьи. Исследованы курганы, относящиеся к афанасьевской, пазырыкской и сросткинской культурам. В настоящее время раскопано

Рис. 1. Месторасположение могильника Ханкаринский Дол.

28 курганов скифо-сакского периода. Данная статья посвящена результатам исследования кург. 25, относящегося к пазырыкской культуре.

Характеристика погребального обряда

Курган 25 выявлен в северной части могильника Ханкаринский Дол недалеко от края второй надпойменной террасы (рис. 2). Диаметр насыпи из мелких и средних по размеру камней, сложенных в три-четыре слоя, составлял 9,50 (З–В) – 9,75 (С–Ю) м. Высота сооружения из камня достигала 0,6 м, а вместе со слоем грунта – 0,8 м. В центральной части насыпи прослеживалась западина размером 2,25 м по линии С – Ю, 1,5 м по линии З – В. По окружности основания кургана зафиксирована кольцевая выкладка-крепида из более крупных камней. Под насыпью выявлено могильное пятно подпрямоугольной формы, ориентированное длинной осью по линии СЗ – ЮВ. Могильная яма имела размеры по уровню древнего горизонта 3,1 × 2,8 × 2,7 м. В отличие от других раскопанных курганов на могильнике Ханкаринский Дол здесь могила была заполнена только грунтом без камней. При этом заполнение было сильно спрессовано и визуально походило на материковый слой. На дне могилы на глубине 2,50–2,56 м вдоль южной стенки обнаружено парное погребение мужчины и женщины (рис. 3). Умершие были уложены в скорченном положении на правом боку и ориентированы головой на юго-восток.

Вдоль южной стенки находился мужской скелет. Рядом с левой берцовой костью обнаружен биметалли-

Рис. 2. Курган 25 могильника Ханкаринский Дол после зачистки насыпи.

ческий боевой кинжал в деревянных ножнах (рис. 4), а в районе пояса – бронзовые колчанный крюк (рис. 5, 7), пряжка-застежка (рис. 5, 1) и поясная обойма (рис. 5, 2). У погребенного отсутствовал верхний позвонок, возможно, из-за того, что голова была отрублена. Второй скелет принадлежал женщине. Под черепом обнаружены две бронзовые заколки (рис. 5, 3, 4), в районе шеи – бронзовая гривна, украшенная золотой фольгой (рис. 6, 2), у левой берцовой кости в районе таза – бронзовое зеркало (см. рис. 5, 6). В 15 см к северу от костей левой кисти второго скелета на глубине 2,55 м найден развал керамического сосуда, а в 25 см к востоку от него – остатки ритуальной пищи (кости барана) и бронзовый нож (см. рис. 5, 5). Погребение, вероятно, было перекрыто деревянными плахами, которые укладывались на уступы вдоль западной и восточной стенок могилы. Вдоль восточной стенки на глубине 1,9 м сохранились четыре деревянные плахи длиной до 20 см и шириной до 10 см.

Вдоль северной стенки могильной ямы на глубине 1,35–1,68 м на глиняном уступе обнаружено сопроводительное захоронение лошади, которая была уложена на живот и ориентирована головой на юго-восток (см. рис. 3). Задние ноги животного были подогнуты, а передние – полусогнуты, в результате чего казалось, что лошадь как бы приподнимается с земли. На лобной кости обнаружены две костяные бляхи (рис. 7, 2, 3), в зубах – бронзовые удила (см. рис. 6, 1) с костяными псалиями, украшенными зооморфными изображениями (рис. 8). В районе черепа лошади найдены костяные распределители ремня: три круглых (рис. 9, 5–7) и один в виде клыка животного (см. рис. 7, 1). У первого шейного позвонка обнаружен костяной чумбурный блок (см. рис. 9, 2), а в районе ребер – костяная подпружная пряжка (см. рис. 9, 1).

Атрибуция и датировка погребального инвентаря

Погребальный инвентарь включал различные категории вещей. Из предметов вооружения представлен биметаллический кинжал в деревянных ножнах плохой сохранности (см. рис. 4). Его общая длина 28,5 см, бронзовой рукояти – 11 см. Железная часть кинжала включает лезвие длиной 17,5 см и черенок, который хорошо фиксируется в прорези бронзовой рукояти. Ширина

Рис. 3. Погребение в кург. 25.

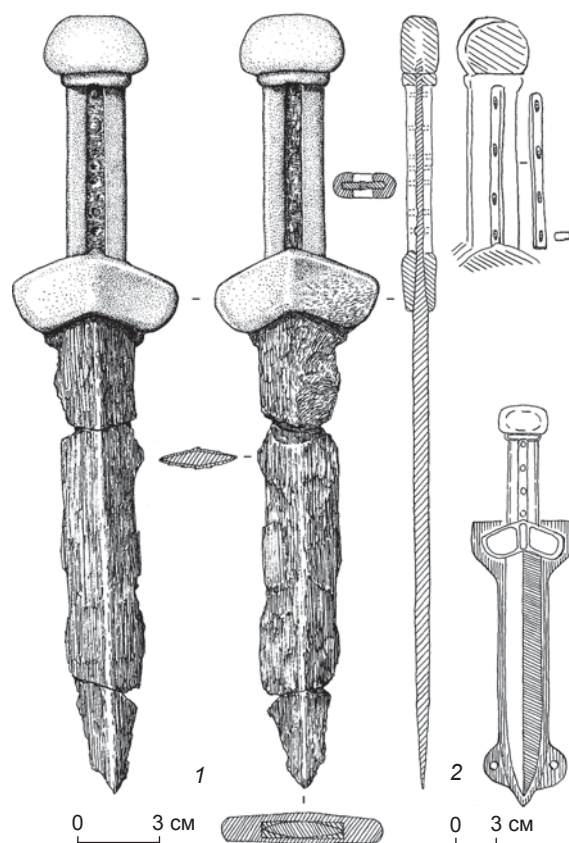

Рис. 4. Биметаллический кинжал (1) и реконструкция этого кинжала в деревянных ножнах (2).

ромбического клинка в перекрестии 3,5 см, толщина в самом широком месте 5,5 мм. Черенок длиной ок. 7 см от верхней части перекрестия был вставлен в его сквозное отверстие и задвинут в прорезь рукоя-

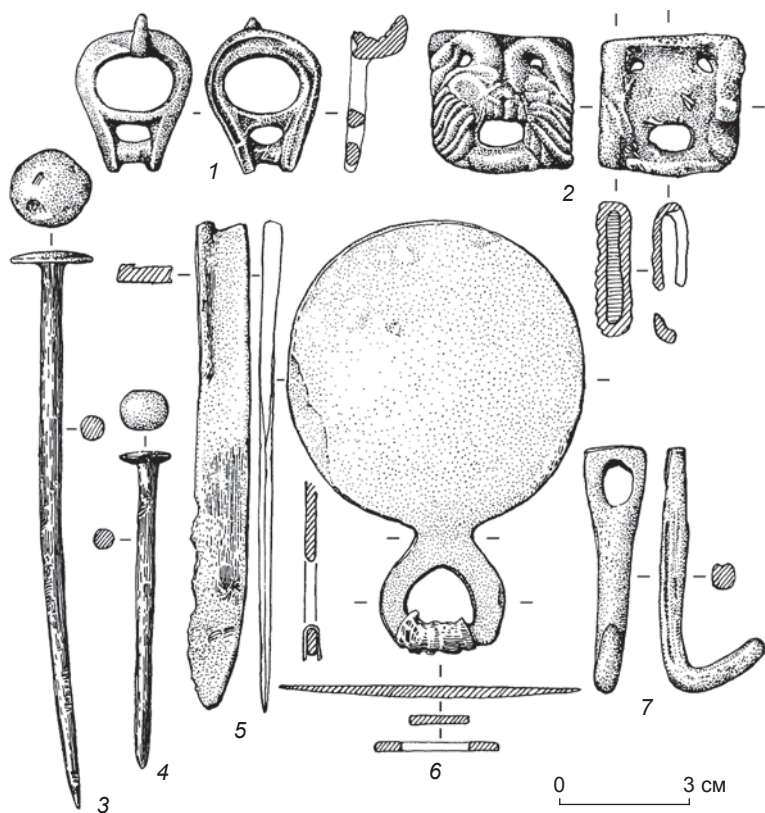

Рис. 5. Инвентарь.

1 – поясная пряжка; 2 – поясная обойма; 3, 4 – заkolки; 5 – нож; 6 – зеркало; 7 – колчаный крюк.

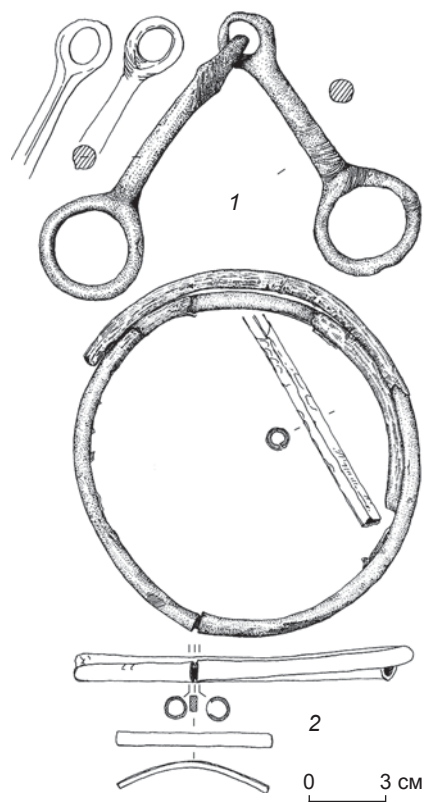

Рис. 6. Бронзовые удила (1) и гривна, обложенная золотой фольгой (2).

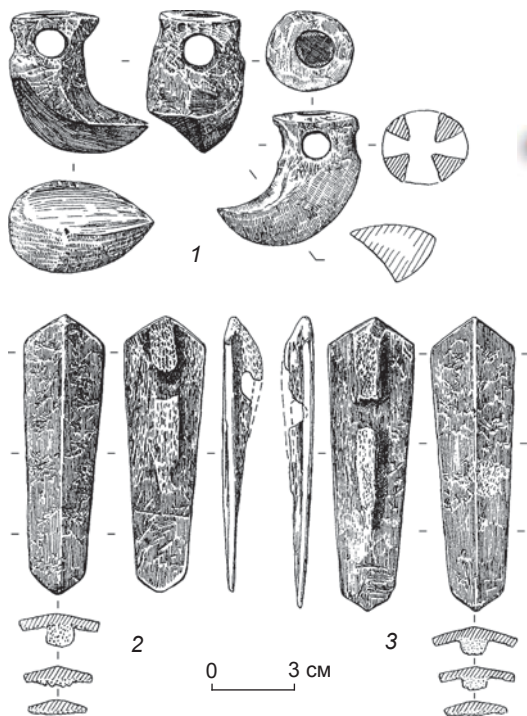

Рис. 7. Роговой распределитель (1) и костяные бляхи (2, 3).

Рис. 8. Роговые псалии.

ти, ширина которой на 4–5 мм меньше, чем черенка, поскольку его края входили в небольшие продольные пазы на внутренних сторонах прорези. Ширина ее видимой части 0,7 см, а с учетом пазов – 1,65 см. Вставленный в прорезь черешок фиксировался четырьмя железными заклепками, установленными в заранее подготовленные отверстия. Навершие кинжала имело грибовидную форму, а перекрестие – сердцевидную.

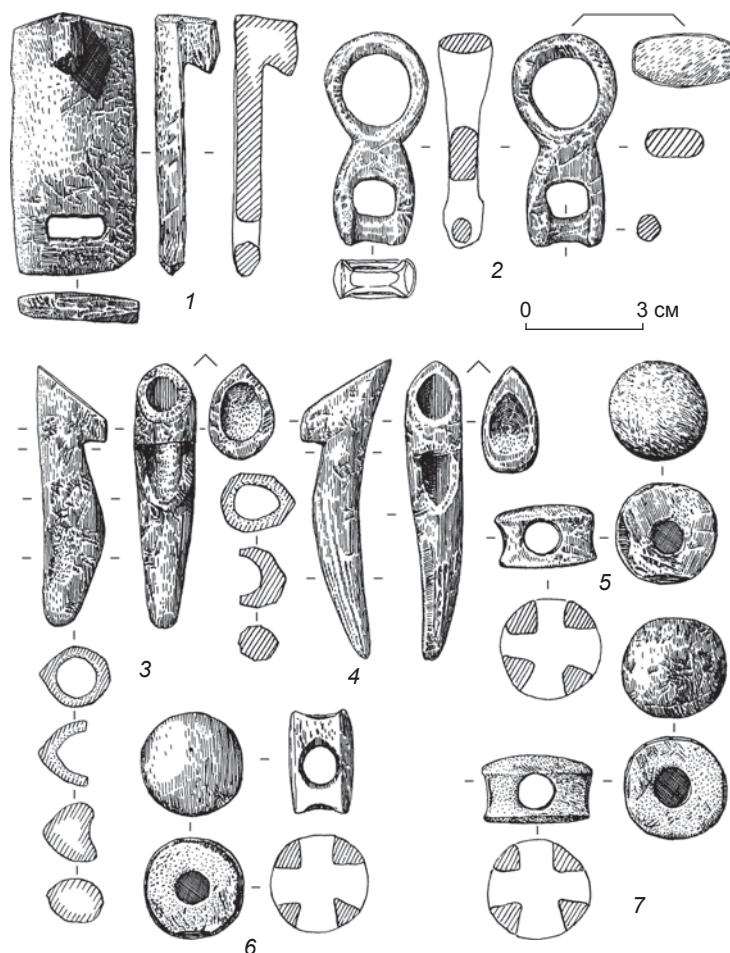
Биметаллические кинжалы встречаются достаточно редко не только на памятниках пазырыкской культуры Алтая, но и в целом в курганах скифской эпохи в Центральной Азии. Так, близкое по отдельным мор-

Рис. 9. Инвентарь.

1 – подпружная пряжка; 2 – чумбурный блок; 3, 4 – застёжки; 5–7 – распределители.

фологическим особенностям (в частности, наличие бронзовой рукояти с сердцевидным перекрестием, железного клинка с черенком и др.) оружие обнаружено в кург. 5 могильника Ала-Гаил-3 [Кубарев, Шульга, 2007, с. 5, рис. 27, 3]. Еще один полноценный биметаллический кинжал с бронзовой рукояткой, украшенной изображением грифона и бабочковидным перекрестием, найден в кург. 2 могильника Тавдушка [Там же, с. 75]. Кроме того, на Алтае в курганах пазырыкского периода известны кинжалы, у которых либо перекрестие, либо рукоять из бронзы. К их числу можно отнести находки из могильников Кош-Тал (кург. 9) [Суразаков, 1993, с. 32, рис. 29, 1], Кызыл-Джар I (кург. 8) [Могильников, 1983а] и Бураты IV (кург. 11) [Кубарев, Кочеев, 1983]. По мнению некоторых исследователей, кинжалы, у которых только один элемент (перекрестие или навершие) из бронзы, не стоит рассматривать как полноценные биметаллические [Кубарев, Шульга, 2007, с. 75].

Следует отметить, что биметаллические кинжалы известны и в курганах саглынской культуры в Туве. В частности, в кург. 13 могильника Саглы-Бажи II обнаружен экземпляр с железным клинком и прорезной бронзовой рукояткой [Грач, 1980, с. 33, рис. 30, 1]. Правда, исследователи справедливо обратили внимание на то, что в монографии А.Д. Грача помещено фото кинжала, который не совсем идентифицируется с биметаллическим [Кубарев, Шульга, 2007, с. 76], хотя это не исключает его наличие в принципе. Важным является вопрос о датировке таких изделий. Наиболее аргументированной представляется позиция В.Д. Кубарева и П.И. Шульги, которые рассматривали их в совокупности со всеми предметами вещевого комплекса. В результате они отметили, что, например, полноценный биметаллический кинжал из кург. 5 могильника Ала-Гаил-3 с учетом особенностей элементов снаряжения коня и других артефактов может быть датирован серединой – второй половиной VI в. до н.э. Экземпляр из кург. 13 могильника Саглы-Бажи II авторы отнесли к несколько более позднему времени, но не уточнили к какому именно [Там же]. Биметаллический кинжал из кург. 2 могильника Тавдушка датирован ими концом VI – первой половиной V в. до н.э. [Там же, с. 77]. Примечательно, что подобные находки с памятников саков в Средней Азии также относятся к достаточно

раннему периоду – VII–VI или скорее VI в. до н.э. [Литвинский, 1972, с. 113–114]. Таким образом, биметаллический кинжал из кург. 25 могильника Ханкаринский Дол с учетом других предметов вещевого комплекса, в т.ч. элементов снаряжения коня, следует датировать второй половиной VI – началом V в. до н.э.

В сопроводительном инвентаре представлен бронзовый колчаный крюк (см. рис. 5, 7), хотя исследователи отмечают, что предметы такого типа могли использоваться и для подвешивания ножен, чекана, зеркал, а также в качестве поясных застёжек [Суразаков, 1988, с. 59; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 66–67; Киселев, 1951, с. 294]. Однако с учетом присутствия в погребении бронзовой поясной застёжки это, вероятно, именно колчаный крюк. Его длина 5,7 см, максимальная ширина в верхней части 1,5 см. По подсчетам исследователей, в настоящее время известно более 50 колчаных крюков. Из них только четыре железные, два деревянные, а остальные бронзовые [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 68]. Экземпляр из кург. 25 могильника Ханкаринский Дол наиболее близок к крюкам с округлой или овальной петлей на стержне. При этом его верхняя часть, в которой сделано овальное отверстие, имеет

форму перевернутой трапеции. По ряду морфологических признаков данному экземпляру близок крюк из кург. 7 могильника Кок-Эдиган [Там же, рис. 29, 5]. Бронзовые колчаные крюки, в т.ч. указанного типа, встречаются преимущественно в памятниках конца VI – IV в. до н.э. в Туве, Приобье, Казахстане и Монголии [Суразаков, 1988, с. 59–60; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 67–70; Маннай-Оол, 1970, с. 52; Смирнов, 1961, с. 35; и др.].

Два бронзовых предмета относятся к поясной фурнитуре: пряжка с подчетыреугольным основанием и выступающим вперед язычком (см. рис. 5, 1) и прорезная обойма с изображением на лицевой стороне двух лебедей (см. рис. 5, 2). Бронзовые поясные застежки с выступающим или загнутым язычком, которые внешне напоминают подпружные пряжки из бронзы, достаточно редко встречаются в курганах пазырыкской культуры. В частности, они обнаружены в погребениях могильников Уландрык I (кург. 1) и IV (кург. 3) [Кубарев, 1987, с. 83, рис. 29, 3, 4, табл. IV, 2; LXXXVIII, 16], Юстыд I (кург. 4) и XXII (кург. 1) [Кубарев, 1991, с. 92, рис. 19, 5, 6, табл. IX, 4; LXIV, 3]. Бронзовая поясная застежка с выступающим язычком найдена в кург. 1 могильника быстринской культуры Юбилейный II [Суразаков, 1988, с. 71, рис. 46, 2]. Еще одна обнаружена в кург. 1 могильника Джержлиг-Ховуау I в Туве [Грач, 1980, с. 205, рис. 67]. Бронзовые поясные застежки, по форме аналогичные подпружным пряжкам из такого же материала, фиксируются с конца VI в. до н.э. [Суразаков, 1988, с. 2–3]. Некоторые из них обнаружены в курганах, датируемых IV–III вв. до н.э., в частности в кург. 1 могильника Юстыд XXII [Кубарев, 1991, с. 134].

Бронзовая поясная обойма имеет почти квадратную форму (3,4 × 3,3 см). Внизу расположено округлое отверстие для подвешивания предметов, прежде всего вооружения (см. рис. 5, 2). Бронзовые прорезные поясные обоймы появились в конце раннескифского периода, но наибольшее распространение получили на раннем этапе пазырыкской культуры в VI–V вв. до н.э. [Суразаков, 1988, с. 71–73; Кубарев, Шульга, 2007, с. 107]. Во второй половине V в. до н.э. они начали заменяться пластинчатыми костяными прорезными бляхами и их деревянными аналогами [Кубарев, Шульга, 2007, с. 107; Кубарев, 1987, с. 79–82; 1991, с. 85–91; 1992, с. 77–84].

Из предметов женского туалета представлены две бронзовые заколки гвоздевидного типа (см. рис. 5, 3, 4). Длина одной 13 см, другой 7,5 см, диаметр шляпки соответственно 1,9 и 1,1 см. Металлические, особенно бронзовые заколки (шпильки) нечасто встречаются в пазырыкских курганах [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 86–89]. Вероятно, более широко были распространены деревянные шпильки, но они редко сохраняются [Кубарев, 1991, с. 111; 1992, с. 93–95; и др.]. Бронзо-

вые гвоздевидные заколки не характерны для пазырыкской культуры Алтая. Они известны, но в ограниченном количестве, в материалах раннескифского времени (могильник Ак-Алаха II) [Полосьмак, 1993, с. 26, рис. 3]. В памятниках пазырыкского периода представлены железные заколки гвоздевидного типа. В частности они найдены в кург. 18 могильника Кок-Су I [Сорокин, 1974, с. 69], кург. 14 некрополя Тыткескень VI [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2004, с. 183, рис. 15, 6], кург. 25 памятника Малталу IV [Кубарев, 1992, с. 218, табл. LXX, 15]. Следует подчеркнуть, что первые два кургана относятся к раннему этапу пазырыкской культуры и датированы серединой VI – V в. до н.э., а последний – IV–III вв. до н.э. С учетом этого бронзовые гвоздевидные заколки из кург. 25 могильника Ханкаринский Дол можно датировать серединой VI – началом V в. до н.э.

Бронзовое зеркало из рассматриваемого кургана (см. рис. 5, 6), согласно классификации, предложенной Ю.Ф. Кирюшиным и Н.Ф. Степановой, относится к односоставным, у которых длина ручки меньше радиуса диска, а ручка имеет форму овальной или округлой петли (отдел 1, подотдел 2, группа 1, тип 1, вариант 2) [2004, с. 78]. Его аналогами являются экземпляры из кург. 18, 25 могильника Кок-Су I, кург. 14 некрополя Тыткескень VI, кург. 18, 23, 26, 27 памятника Юстыд XII [Сорокин, 1974; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 183, рис. 15, 1; Кубарев, 1991, табл. XLIII, LII, LVI, LIX] и др. Следует отметить, что зеркала такого типа встречены и в курганах, которые относятся к раннему этапу пазырыкской культуры – второй половине VI – V в. до н.э. (например, Кок-Су I, кург. 18, Тыткескень VI, кург. 14).

Среди находок из кург. 25 могильника Ханкаринский Дол особую социальную значимость имеет бронзовая гривна в полтора витка, покрытая золотой фольгой (см. рис. 6, 2). Ее диаметр 14,2 см, толщина 0,7 см. Важно обратить внимание на то, что основа гривны у «пазырыкцев» могла изготавливаться не только из бронзы, но и из дерева, железа, а после этого покрываться золотой фольгой. В погребениях могильника Ханкаринский Дол обнаружено восемь гривен. При этом в настоящее время в курганах скифского времени известно ок. 60 экз., в т.ч. 20 металлических [Степанова, 2001, с. 90; Кубарев, 2005]. Если учесть, что в Горном Алтае раскопано более 600 погребений пазырыкского периода, то захоронения с гривнами составляют меньше 10 %, а с металлическими – менее 3 %. В то же время на могильнике Ханкаринский Дол таких погребений 28 %. При этом гривны обнаружены как в мужских, так и в женских погребениях. Такая особенность в совокупности с другими показателями погребального обряда (топографическое и планиграфическое расположение могильника в пределах Чинетинского микрорай-

она, высокий процент сопроводительных захоронений лошадей, нахождение головных уборов и др.) свидетельствует о том, что кочевники, погребенные на могильнике Ханкаринский Дол, в т.ч. в кург. 25, занимали достаточно высокое социальное положение по отношению к остальному населению бассейна р. Ини.

Бронзовый нож из рассматриваемого кургана может быть отнесен к типу прямых пластинчатых, с прямой спинкой, без навершия (см. рис. 5, 5). Длина лезвия составляет 11,3 см. Ножи такого типа были достаточно широко распространены на всем протяжении существования пазырыкской культуры [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 70–71; Кубарев, 1987, с. 52–54; 1991, с. 69–70; 1992, с. 53–54; Суразаков, 1988, с. 16–23; и др.].

Радиоуглеродное датирование

Датировка кург. 25 могильника Ханкаринский Дол на основе анализа инвентаря дополняется результатами радиоуглеродного анализа, который осуществлялся в Аналитическом центре изотопных исследований Института мониторинга климатических и экологических систем СО РАН (ИМКЭС СО РАН, г. Томск). По образцу кости лошади получена ^{14}C -дата $2\,447 \pm 102$ л.н. (ИМКЭС-1151). Интервалы калиброванного календарного возраста определены старшим научным сотрудником ИМКЭС СО РАН канд. техн. наук Г.В. Симоновой с помощью программы, разработанной в Оксфордском университете (Великобритания): по 1σ (68 %) – 760–400 гг. до н.э., по 2σ (95 %) – 850–350 гг. до н.э. (рис. 10). Результаты радиоуглеродного датирования, как и анализа артефактов, указывают на то, что исследованный курган относится к раннему этапу пазырыкской культуры Алтая. Это дополняет ранее полученные данные для могильников Ханкаринский Дол и Чинета II Чинетинского археологического микрорайона [Тишкин, Дашковский, 2007; Дашковский, Тишкин, 2015; Дашковский, 2018]. В целом с учетом всех результатов комплексного датирования кург. 25 могильника Ханкаринский Дол можно отнести ко второй половине (возможно, к концу) VI – началу V в. до н.э.

Реконструкция снаряжения коня

Комплекс снаряжения коня, обнаруженный в кург. 25 могильника Ханкаринский Дол, включал два роговых

двухдырчатых псалия, бронзовые шарнирные удила, четыре роговых распределителя, роговые чумбурный блок, застежку подбородного ремня, подпружную пряжку и две костяные подвески. Псалии были изготовлены из отростков рога марала. Они круглые в сечении. На заостренных концах вырезаны изображения длинноклювой хищной птицы (мифический орел), а на расширяющихся – волка (см. рис. 8, 11). Следует отметить, что роговые псалии с зооморфными окончаниями достаточно хорошо известны в ранних памятниках пазырыкской культуры. При этом в качестве хищного животного мог быть изображен как волк, так и представитель семейства кошачьих. Изделия такого типа выявлены, например, в материалах могильников Ала-Гайл (кург. 19), Кок-Су I (кург. 26), Талдура I (кург. 4) [Шульга, 2015, с. 89; Сорокин, 1974; Могильников, Елин, 1982]. Следует подчеркнуть, что для скифо-сакского искусства характерна взаимозаменяемость образа волка и короткомордого хищника семейства кошачьих, поскольку в данном случае для мировоззрения кочевников первостепенное значение имело понятие хищника вообще, а не его видовой принадлежность [Королькова, 2006, с. 119; Переводчикова, 1994, с. 11].

Бронзовые кольчатые шарнирные удила (см. рис. 6, 1) встречаются преимущественно на памятниках раннего этапа пазырыкской культуры, хотя отдельные экземпляры известны и на последующих стадиях ее развития [Шульга, 2015, с. 95–96]. В качестве аналогов можно отметить удила из могильников Талдура I (кург. 4) [Могильников, Елин, 1982; Шульга, 2015, рис. 15, 9б], Башадар (кург. 10), Боротал I (кург. 82) [Шульга, 2015, рис. 21, 4; 22, 11] и др.

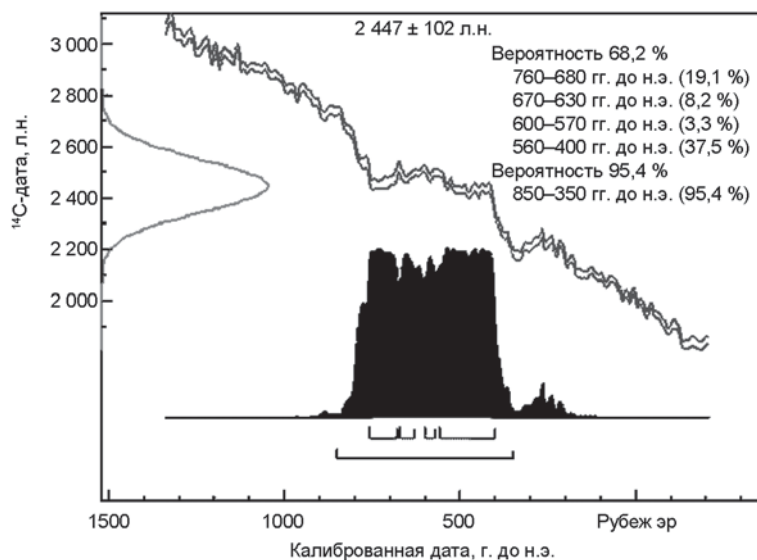

Рис. 10. Результаты радиоуглеродного датирования.

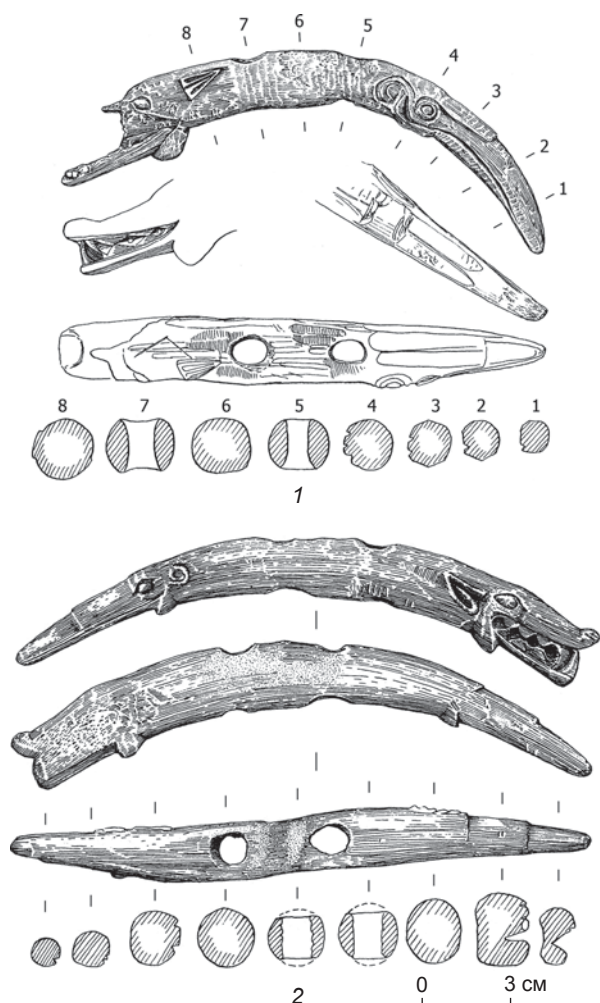

Рис. 11. Прорисовка псалий и их поперечные сечения.

Три роговых распределителя имеют низкоцилиндрическую форму и перекрещивающиеся отверстия (см. рис. 9, 5–7). Аналогии наблюдаются в материалах памятника Чемал-Карьер [Там же, рис. 17, 6] и кург. 2 могильника Кызыл-Джар II [Могильников, 1983б; Шульга, 2015, рис. 14, 20]. Четвертый роговой распределитель был сделан в виде клыка кабана (см. рис. 7, 1). Такие распределители встречаются только в курганах раннего этапа пазырыкской культуры и являются надежным хронологическим индикатором (вторая половина VI – начало V в. до н.э.) [Шульга, 2015, с. 103]. При этом они получили очень ограниченное распространение среди кочевников Горного Алтая. В частности, подобные распределители обнаружены только в малых туэктинских курганах [Киселев, 1951, с. 295], кург. 1 могильника Кок-Су I [Сорокин, 1974] и кург. 4 могильника Черновая [Шульга, 2015, рис. 17, 8, 9].

Роговой чумбурный блок (блок уздечного повода) был обнаружен с левой стороны скелета лошади. Это еще раз подтвердило вывод о том, что блоки

уздечного повода как в раннескифское, так и в пазырыкское время всегда крепились именно с этой стороны [Там же, с. 106–110]. По морфологическим признакам блок можно отнести к типу простых, которые были характерны для раннепазырыкского времени. Аналогии обнаружены, например, в кург. 2 могильника Кызыл-Джар VIII [Могильников, 1983а; Шульга, 2015, рис. 14, 18].

Роговая застежка подбородного ремня имеет небольшой изгиб, копытовидное кососрезанное основание и боковое отверстие на выгнутой стороне (см. рис. 9, 3). Изделия близкого типа известны в раннепазырыкских комплексах, например, в кург. 4 могильника Талдура I [Могильников, Елин, 1982]. На памятнике Чемал-Карьер I также найдена копытообразная роговая застежка подбородного ремня, но у нее боковое отверстие на вогнутой стороне [Шульга, 2015, рис. 17, 4]. Еще одно аналогичное изделие из рассматриваемого кургана выполняло функцию застежки суголовных ремней в районе затылка лошади (см. рис. 9, 4). П.И. Шульга отмечал, что такое использование застежек достоверно зафиксировано только при исследовании элитного кургана Пазырык I. Некоторые подобные изделия, возможно, были роговыми и выполняли функцию пуговиц [Шульга, 2015, с. 111–112; Грязнов, 1950, с. 55, рис. 20].

Две костяные подвески имеют одинаковую вытянутую форму с треугольными окончаниями (см. рис. 7, 2, 3). В верхней части, где на оборотной стороне находится элемент крепления, они расширяются, в нижней – сужаются. Крепились подвески одна под другой на налобный и наносный ремни в средней их части. Налобные бляхи из дерева и кости хорошо известны по элитным курганам пазырыкской культуры на могильниках Пазырык, Башадар, Туэкта и др. [Руденко, 1953, с. 154–156; 1960, с. 125; Шульга, 2015, с. 54, рис. 27, 1; рис. 33, 1; и др.]. Определенный интерес представляет круглая налобная бляха из золотой фольги, которая была обнаружена на черепе лошади в кург. 31 могильника Чинета II, расположенного в той же долине, что и Ханкаринский Дол [Дашковский, Мейкшан, 2015]. Вероятно, первоначально диск из золотой фольги крепился на основу из кожи (ткани) или дерева. По его краям зафиксированы небольшие отверстия. Налобные бляхи крепились с помощью двух тонких ремешков. Такой же принцип крепления зафиксирован в большинстве элитных курганов пазырыкской культуры [Шульга, 2015, с. 54, 64, рис. 33, 1].

Роговая подпружная пряжка представляет собой крупное подпрямоугольное пластинчатое изделие без отверстия для свободного конца ремня, с перпендикулярным к рамке «крючковидным» шпеньком (см. рис. 9, 1). Согласно классификации П.И. Шульги, она относится к типу 1, варианту 1. По данным

исследователя, из 105 подпружных пряжек, учтенных в материалах курганов пазырыкской культуры, выявлено 28 хорошо сохранившихся изделий данного типа [Там же, с. 124–125]. Наиболее близкими экземпляру из могильника Ханкаринский Дол являются пряжки из кург. 72 могильника Берель [Самашев, 2011, рис. 423; Шульга, 2015, рис. 47, 15], элитных курганов Туэкта I, Башадар II [Руденко, 1960, табл. LXV, 6; и др.], могильника Кастахта [Степанова, 1987, с. 168–183] и др.

На основе атрибуции артефактов из кург. 25 реконструирована узда (рис. 12) и установлено расположение всех элементов конской амуниции, обнаруженных в погребении (рис. 13). Полученные данные дополняют научные знания об особенностях снаряжения лошади на раннем этапе пазырыкской культуры и в целом достаточно хорошо согласуются с выводами других исследователей.

Заключение

Проведенное исследование показало, что кург. 25 могильника Ханкаринский Дол является одним самых ранних среди исследованных курганов пазырыкской культуры не только Чинетинского археологического микрорайона, но и в целом Северо-Западного Алтая. Согласно результатам анализа археологического материала и радиоуглеродного датирования, курган относится ко второй половине (возможно, к концу) VI – началу V в. до н.э. Наличие сопроводительного захоронения лошади, полного комплекта ее снаряжения, а также социально значимых артефактов (гривна, боевой биметаллический кинжал и др.) указывает на то, что в данном кургане были погребены мужчина и женщина, имевшие достаточно высокий статус в кочевом социуме. Обнаружение разнообразных предметов снаряжения коня позволило представить детальную реконструкцию узды раннего этапа пазырыкской культуры Алтая.

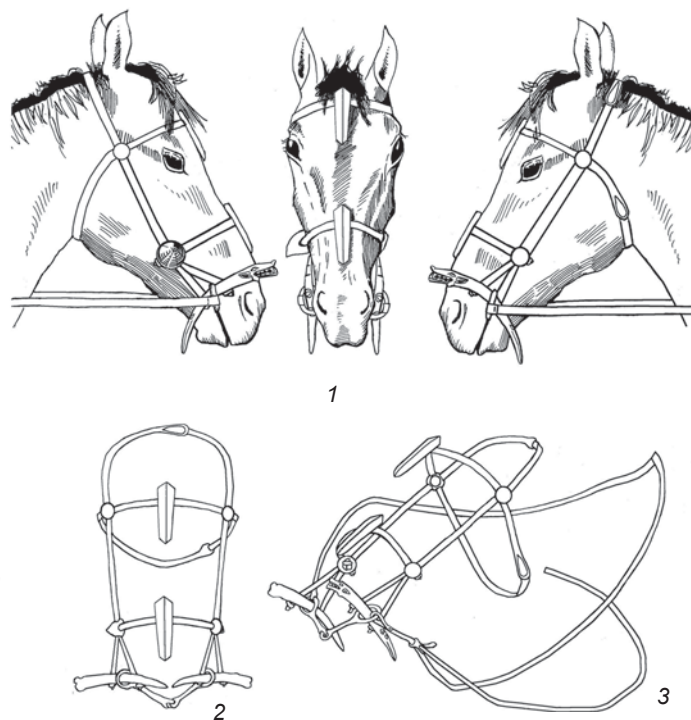

Рис. 12. Реконструкция узды.

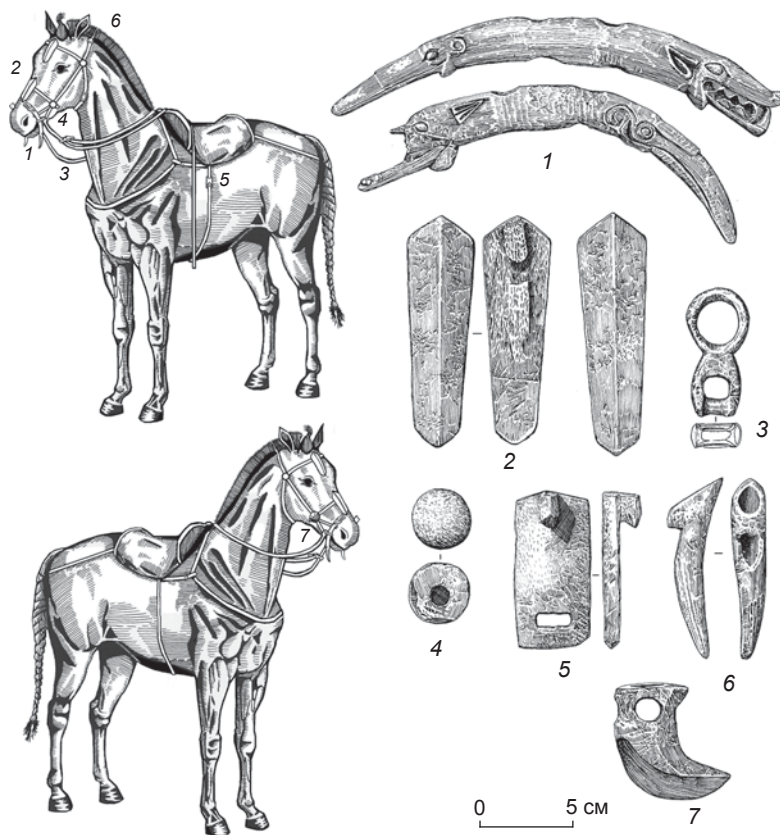

Рис. 13. Реконструкция расположения элементов снаряжения коня. 1 – псалии; 2 – бляха; 3 – чумбурный блок; 4, 7 – распределители; 5 – подпружная пряжка; 6 – застежка суголовного ремня.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проекты № 19-49-220002 и № 19-59-15001.

Список литературы

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. – Л.: Наука, 1950. – 90 с.

Дашковский П.К. Могильник пазырыкской культуры Ханкаринский Дол на Алтае: характеристика погребального обряда и основные направления междисциплинарных исследований // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2016. – Вып. IX. – С. 42–66.

Дашковский П.К. Радиоуглеродное и археологическое датирование погребения скифского времени на могильнике Чинета-II (Алтай) // Народы и религии Евразии. – 2018. – № 2 (15). – С. 9–23.

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Изучение региональной элиты кочевников Южной Сибири, Западного Забайкалья и Северной Монголии эпохи поздней древности (на примере пазырыкского общества и хунну) // Элита в истории древних народов Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. – С. 99–107.

Дашковский П.К., Тишкин А.А. Новые данные по радиоуглеродному датированию кургана № 5 могильника Ханкаринский Дол (Алтай) // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. – С. 119–125.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. – 292 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – 234 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Наука, 1951. – 642 с.

Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии: Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.): Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2006. – 272 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 302 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 220 с.

Кубарев В.Д. Диадемы и гривны из курганов Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 1. – С. 55–69.

Кубарев В.Д., Кочев В.А. Курганы урочища Бураты // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 90–109.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – 282 с.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – М.: Наука, 1972. – 270 с.

Маннай-Оол М.Х. Тува в скифское время. – М.: Наука, 1970. – 118 с.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар I, VIII – памятники пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983а. – С. 3–39.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар II–V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тыс. до н.э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983б. – С. 40–71.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура I // КСИА. – 1982. – Вып. 170. – С. 103–109.

Переводчикова Е.В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. – М.: Вост. лит., 1994. – 206 с.

Полосьмак Н.В. Исследование памятников скифского времени на Укоке // Altaica. – 1993. – № 2. – С. 21–31.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Наука, 1953. – 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Наука, 1960. – 359 с.

Самашев З.С. Берел. – Алматы: Таймас, 2011. – 236 с.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 162 с. – (МИА; № 101).

Сорокин С.С. Цепочка курганов времен ранних кочевников на правом берегу р. Кок-Су (Южный Алтай) // АСГЭ. – 1974. – Вып. 16. – С. 62–91.

Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кастахта // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1987. – С. 168–183.

Степанова Н.Ф. Гривны из погребений скифского времени Горного Алтая // Древности Алтая: Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2001. – № 7. – С. 89–94.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа: Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. – 165 с., 49 ил.

Суразаков А.С. Кош-Тал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1993. – С. 25–45.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Результаты радиоуглеродного датирования памятников пазырыкской культуры Ханкаринский Дол и Яломан III // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. – СПб.: Теза, 2007. – С. 291–299.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та, 2015. – Ч. II (VI–III вв. до н.э.). – 322 с.

*Материал поступил в редколлегию 30.05.19 г.,
в окончательном варианте – 28.08.19 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.1.101-109
 УДК 903.5(470.56):903'15:003.628

В.К. Фёдоров

Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
 Уфимского федерального исследовательского центра РАН
 ул. Карла Маркса, 6, Уфа, 450077, Россия
 E-mail: syyri@yandex.ru

Филипповские трикветры (Южный Урал)

Знак трикветра в культурах ранних кочевников встречается сравнительно нечасто. Он имеет распространение преимущественно в степных районах, расположенных к востоку от Южного Урала, где известен в петроглифах, на металлических предметах конской упряжи, бронзовых зеркалах, металлических бляхах, войлочных изделиях. В статье рассматривается серия изображений трикветра на изделиях из кург. 1 и 4 могильника Филипповка I, который принадлежит высшей знати ранних кочевников Южного Урала. Погребения, где они найдены, имеют «царский» статус. Там обнаружены золотые оковки в виде трикветра, 20 фигурок архаров и ручка сосуда в виде фигуры лошади, на бедрах которых нанесен этот знак. Наибольший интерес представляет железный меч, на инкрустированном золотом клинке которого изображены сцены с участием людей и животных. Трижды в этих инкрустациях встречается знак трикветра. На основе анализа изображений выдвинута гипотеза о том, что на мече представлены сцены из иранской мифологии, в которых трикветром обозначена Хварна (фарн). Они имеют аналогии в сасанидском искусстве: на серебряных блюдах часто встречается мотив добычи Хварны иранскими царями. Тот факт, что изображения трикветра в Филипповке I обнаружены только в материалах «царских» курганов и все они выполнены из золота или находятся на золотых предметах, указывает на принадлежность этого знака к символике, использование которой было прерогативой высшей знати ранних кочевников Южного Урала.

Ключевые слова: ранние кочевники, Южный Урал, «царские» курганы, символика, трикветр, Хварна.

V.K. Fedorov

Kuzeev Institute for Ethnological Studies,
 Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
 Karla Marksa 6, Ufa, 450077, Russia
 E-mail: syyri@yandex.ru

The Triquetras from the Filippovka Kurgans, Southern Urals

The triquetra sign is comparatively rare in early nomadic cultures. It occurs mostly in the steppe area east of the southern Urals, specifically on petroglyphs, metal details of horse harness, bronze mirrors, metal plaques, and felt items. This article describes a series of triquetra signs from kurgans 1 and 4 at Filippovka I, representing the culture of the early nomadic elite of southern Urals. Burials where they were found have a "royal" status. Finds include gold trimming of wooden vessels shaped as triquetra, 20 gold argali figurines, and a horse-shaped handle of a vessel. The thighs of animals are marked with triquetras. Of particular interest is an iron sword with a gold-inlaid blade, showing scenes with humans and animals. The triquetra sign occurs thrice in these inlays. The analysis suggests that the scenes are from the Iranian mythology, and that the triquetra marks the *Hvarnah (farn). Similar scenes are found on Sasanian silver dishes, featuring Iranian kings who receive *Hvarnah. The fact that triquetra signs in Filippovka I occur only in "royal" kurgans, and that all of them are made of gold or mark the objects made of gold indicates their connection with the symbolism, the use of which was the prerogative of the top-ranking nomadic elite of southern Urals.

Keywords: Early nomads, southern Urals, "royal" kurgans, art, symbolism, triquetra, *Hvarnah.

Введение

Знак триветра*, известный во многих культурных традициях древности, сравнительно редко встречается в памятниках скифского времени на территории Великого пояса степей. Специалисты чаще всего рассматривают его вместе со свастикой и «вихревыми розетками» [Королькова, 2009; Бейсенов и др., 2017; Джумабекова, Базарбаева, 2018], в которых видят преимущественно солярную символику. В археологических материалах встречаются как изображения собственно знака триветра, так и зооморфные изделия, в которых головы или тела различных животных образуют подобие этого знака. На Южном Урале знак триветра известен только в материалах царских кург. 1 и 4 могильника Филипповка I (рис. 1). В них встречено 31 его изображение, все из золота или на золотых изделиях. В Филипповке I нет свастик, «вихревые розетки» использованы в декоре только очень немногих предметов конской упряжи [Яблонский, 2013, кат. 45, 48, 49, 2741]. Триветры же представлены в золотых оковках деревянных сосудов, на нашивных бляшках и в золотых инкрустациях на мече. Между ними и «вихревыми розетками» в Филипповке I нет «точек соприкосновения», что позволяет сосредоточить свое внимание только на самом знаке триветра.

Объекты исследования и обсуждение результатов

В материалах Филипповки I, датированных в интервале от рубежа V–IV до третьей четверти IV в. до н.э. [Трейстер, Яблонский, 2012, с. 284], имеются следующие предметы с изображением триветра:

1) пять небольших плоских оволоков деревянных сосудов в виде триветра, кург. 1, тайник 1 [Коллекции..., 2018, кат. 540, 582–585] (рис. 2);

2) прорезная оковка сосуда, в нижней части которой вписано в круг изображение триветра с сильно изогнутыми серповидными ветвями, подчеркнутыми отверстиями в виде «запятой»-магатамы**, кург. 1, тайник 1 [Там же, кат. 335] (рис. 3);

3) полая ручка сосуда в виде фигурки лошади, на каждом бедре которой находится углубленное изоб-

*В литературе можно встретить наименования «триветр», «тривестр», «трискеле», «трискель», «трискелий», «трискелион», «трехлучевая свастика», «трехлучевая розетка» и просто «солярный знак». В наименовании этого знака триветром мы следуем за автором книги «Миф и символ» [Голан, 1994, с. 145, рис. 305, 306, 309, 311–313].

**Д. Маккензи называет подобные знаки «три магатамы» [Mackenzie, 1926, p. 148–152].

Рис. 1. Местоположение курганного могильника Филипповка I.

ражение триветра со спирально закрученными концами ветвей, кург. 1, тайник 1 [Там же, кат. 466] (рис. 4, 1);

4) 20 фигурок архаров с аналогичным изображением триветра, кург. 1, тайник 2 [Там же, кат. 785–804] (рис. 4, 2);

5) железный меч, на инкрустированном золотом клинке которого имеются три изображения триветров со спирально закрученными концами ветвей, кург. 4, погр. 2 [Яблонский, 2013, кат. 296] (рис. 5).

Пять оволоков из кург. 1 представляют собой изображения собственно триветра, лишённые какого-либо контекста. Они имеют небольшие размеры – от 1,1 × 1,3 см до 1,6 × 2,0 см. У четырех слегка изогнутые ветви триветра закручены вправо, у одной – влево (см. рис. 2). Среди других небольших оволоков, во множестве найденных в этом кургане и имеющих в основном вид разного рода завитков, они, собственно говоря, ничем не выделяются [Фёдоров, 2012, рис. 13, 5; 14, 5]. Похожая ситуация наблюдается в древностях Кубани среднесарматского времени, где золотые нашивные бляшки в виде триветра являются лишь одним из многих типов бляшек [Гущина, Засецкая, 1994, табл. 54, 6; Марченко, 1996, рис. 11, 72], но ввиду большого хронологического разрыва между ними и филипповскими скорее можно предполагать простое совпадение.

Остальные филипповские триветры явным образом связаны с другими изображениями, что делает небезнадежными попытки выявить их семантику. Оковка с триветром в круге плоская, размером 3,8 × 2,5 см (см. рис. 3). Знак выполнен гравировкой, посередине небольшая окружность, пространства между ветвями представляют собой отверстия в виде «запятой»-магатамы. Круг с вписанным в него триветром составляет единое целое с трапециевидной пластиной, на которой изображена голова грифона с сильно вытянутым сомкнутым клювом без вос-

Рис. 2. Золотые оковки деревянных сосудов в виде трикветров, могильник Филипповка I, кург. 1, тайник 1 (по: [Коллекции..., 2018, кат. 540, 582–585]).

Рис. 3. Золотая оковка деревянного сосуда с изображением вписанного в круг трикветра (по: [Коллекции..., 2018, кат. 335]).

ковицы, за затылком – два завитка. В Филипповке I известно несколько аналогичных изображений, например на окончании ручки деревянного сосуда [Коллекции..., 2018, кат. 453].

Подобные трикветры встречаются и в других культурах кочевников восточной части Евразийских степей эпохи раннего железа. В Северо-Западном Китае (Синьцзяне) в могильнике Яньбулакэ VII–VI вв. до н.э. найдено колесико, форма которого аналогична филипповскому знаку [Шульга, 2010, рис. 52, 25; 81, 32] (рис. 6, 2). Такой трикветр изображен на уздечной

Рис. 4. Золотые фигурки животных с углубленными изображениями трикветра на бедрах, Филипповка I, кург. 1. 1 – ручка сосуда в виде фигурки лошади, тайник 1 (по: [Коллекции..., 2018, кат. 466]); 2 – фигурка архара, тайник 2 (по: [Коллекции..., 2018, кат. 801]).

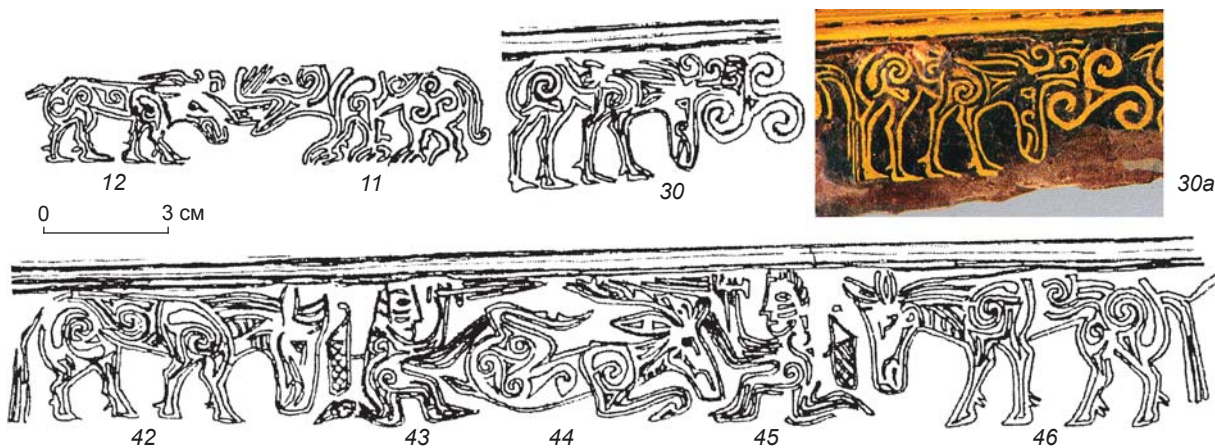

Рис. 5. Изображения на инкрустированном золотом лезвии железного меча (указаны их порядковые номера в линейных композициях), Филипповка I, кург. 4, погр. 2.

11, 12, 30, 42–46 – по: [Яблонский, Рукавишников, Шемаханская, 2011, рис. 5, 7, 8]; 30a – по: [Яблонский, 2013, с. 87, кат. 296].

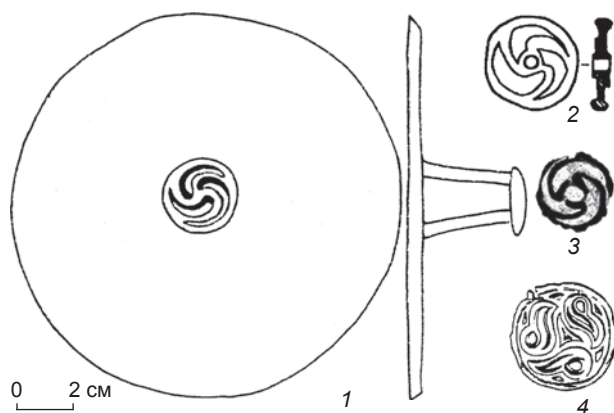

Рис. 6. Знак трикветра на предметах из Северного Казахстана и Восточной Сибири.

1 – бронзовое зеркало, с. Тесинское, Минусинская котловина, тагарская культура (по: [Членова, 1967, табл. 21, 1]); 2 – бронзовое колесико, могильник Ямбулакэ, Синьцзян (по: [Шульга, 2010, рис. 52, 25]); 3 – железная уздечная бляшка с золотой инкрустацией, могильник Тасмола-5, Северный Казахстан, тасмолинская культура (по: [Кадырбаев, 1966, рис. 72]); 4 – золотая «кокарда», могильник Дужерлиг-Ховузу I, Тува, саглынская культура (по: [Грач, 1980, рис. 68]).

Рис. 7. Фрагмент седельной покрывки, Второй Башадарский курган, пазырыкская культура (по: [Руденко, 1960, табл. CXVII, 2]).

бляшке из кург. 3 могильника Тасмола-5 того же времени [Кадырбаев, 1966, рис. 72] (рис. 6, 3). Достаточно много и других металлических изделий, несущих данный тип знака. Он есть на кнопках тагарских зеркал (рис. 6, 1), бляшках [Членова, 1967, с. 85, табл. 21, 1; Кунгурова, Оборин, 2013, рис. 3, 1; 9, 1], но никогда не сочетается с образом хищной птицы. Трикветры, связанные с этим образом, встречаются в разных регионах и в различные периоды. Более всего известны изделия с окончаниями всех ветвей в виде голов хищной птицы. Подобные изображения не имеют ничего общего с филипповским. Пожалуй, лишь у золотой «кокарды» из кург. 2 могильника саглынской куль-

туры Дужерлиг-Ховузу I VI–V вв. до н.э. можно уловить некоторое сходство. На ней трикветр составлен из трех изображений головы хищной птицы, вписанных в круг, причем эти головы по форме напоминают «запятые»-магатамы [Грач, 1980, с. 35–36, рис. 68] (рис. 6, 4).

Аналогии филипповскому трикветру, находящиеся в контекстуальной связи с образом хищной птицы, имеются в материалах пазырыкской культуры – на войлочном украшении седельной покрывки из Второго Башадарского кургана. На двух изображениях грифонов анфас объем груди передан тремя «запятыми»-магатамами из войлока другого цвета, образующими трикветр [Руденко, 1960, табл. CXVII, 2]. У одной фигуры направление ветвей по часовой стрелке, у другой – против (рис. 7). Круг с трикветром в сочетании с изображением головы грифона очень напоминает филипповское изделие.

Если происхождение знака с ветвями, образованными фигурами в виде «запятых»-магатамы, устанавливается легко – это степи к востоку от Южного Урала, то истоки изображения трикветров с узкими, спирально закрученными ветвями, наиболее распространенные в Филипповке I, не ясны. Такие знаки иногда встречаются в петроглифах, например на камне 40 у подножия горы Алды-Мозага на верхнем Енисее [Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005, рис. 197] (рис. 8, II), но их датировка затруднительна, они могут быть как старше, так и младше филипповских. Углубленные в металл изображения трикветров, т.е. такие, как на фигурках животных из Филипповки I, хорошо известны в кобанской культуре Северного Кавказа, на щитках полуовальных (сегментовидных) пряжек [Козенкова, 2013, табл. 35, 5, 7]. Несмотря на большое сходство с филипповскими, генетически их никак нельзя связать. Кобанские пряжки датируются XIII – первой половиной XII в. до н.э. [Там же, с. 75] и имеют только внутрикавказские аналогии [Там же, табл. 35, 10, 12].

Трем трикветрам, выполненным золотом на железном клинке меча, имеется единственная аналогия по способу исполнения – на уздечной бляшке из могильника Тасмола-5, но сам знак иного типа (см. рис. 6, 3). В специальной статье, посвященной этому мечу, авторы очень подробно рассмотрели все изображения людей и животных. Каждому из них были присвоены номера, на которые мы будем далее ссылаться. Авторы предполагают, что в сюжетных сценах, разворачивающихся на плоскостях клинка, изображено «сказание о воине-герое и воине-колдуне» [Яблонский, Рукавишников, Шемаханская, 2011, с. 240]. Но трикветрам в статье уделено очень мало внимания, между тем их роль в повествовании, с нашей точки зрения, одна из ключевых. Один трикветр, закрученный по часовой

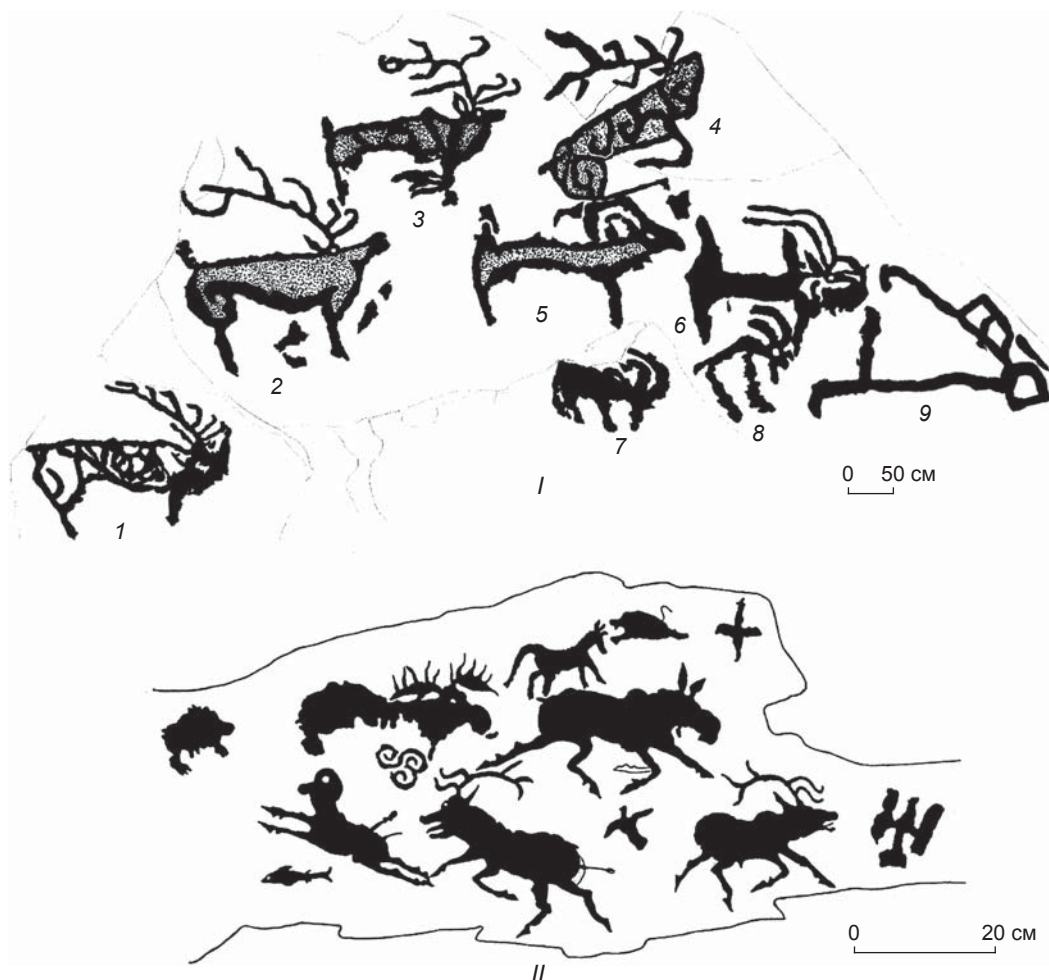

Рис. 8. Наскальные рисунки с изображениями трикветров на фигурах животных.

I – знак на плече оленя-вожака (4), петроглифы горы Хербис, группа 5 (по: [Килуновская, 2003, рис. 7, 4]); II – трикветр, проецирующийся на тело лося-самца, петроглифы у подножия горы Алды-Мозага, камень 40 (по: [Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005, рис. 197]).

стрелке, изображен на бедре хищника с когтистыми лапами (см. рис. 5, 11), раскрывшего пасть и старающегося схватить оленя (см. рис. 5, 12) за морду, но в пасть, по мнению авторов статьи, попадают направленные вперед оленьи рога. Если это так, то перед нами редчайший случай изображения успешного противостояния травоядного животного хищнику. Во всех остальных «сценах терзания», коих на клинке еще 10, хищник хватается за морду, что вообще характерно для филипповского искусства (только в одной из них второй хищник хватается оленя за зад). На рассматриваемом изображении морда оленя действительно направлена вниз, мимо пасти хищника, изгиб «шея–морда» образует достаточно крутую дугу, как у тех животных, на которых никто не нападает (см. рис. 5, 30, 30a). У оленей же, подвергшихся нападению, изгиб очень невелик (9, 17, 20, 31, 39, 41) либо эта линия практически прямая (22, 24). Рога у многих фигур сохранились плохо.

Там, где они хорошо различимы, рога откинута далеко назад и частично торчат прямо вверх, иначе бы они мешали изображению терзания. В интересующей нас сцене рога сохранились плохо. Виден один откинутый назад рог, один отросток торчит вверх, другой, короткий, направлен вперед и вниз. Что касается направления отростков прямо вперед, в результате чего «в пасти у хищника оказываются рога» [Там же, с. 233], то это не очевидно, линии инкрустации здесь как будто смещены, скорее всего, из-за плохой сохранности полотна меча в данном месте. На соответствующем участке оборотной стороны клинка находится совершенно разрушенное изображение 35. Так что, возможно, «сцена отражения оленем нападения хищника» [Там же] – результат огрехов реконструкции, и здесь изображена обычная «сцена терзания». Но полностью исключать более сложные «отношения» между оленем и хищником, по-видимому, нельзя. Это единственная сцена, где

на теле хищника изображен трикветр и, возможно, не случайно. На оборотной стороне меча он находится уже на фигуре оленя, причем закручен в противоположном направлении.

Изображение трикветра с ветвями, закрученными по часовой стрелке, имеется на свободном поле лезвия того же меча, между фигурками оленя и горного барана, причем он касается оленьих рогов (см. рис. 5, 30). Авторы статьи даже предполагают, что знак «является продолжением рогов наклоненной головы оленя» [Там же, с. 235]. Кажется, это не так, знак изображен отдельно, но очень близко к рогам. Трикветры, расположенные среди фигур животных (преимущественно травоядных), – достаточно известный мотив в петроглифах Саяно-Алтая. Иногда они находятся изолированно от других фигур, как, например, в Куйлуг-Хеме (камень VII) [Дэвлет, 2001, табл. 6], но иногда непосредственно взаимодействуют с ними. На камне VII Куйлуг-Хема среди изображений животных и людей размещено семь трикветров, причем два самых крупных касаются рогов горных козлов [Там же, табл. 4, 3; 5] (рис. 9). Мотив касания рогами трикветра, имеющийся и на филипповском мече, как бы подчеркивает, что этот знак и травоядные животные притягиваются друг к другу. На некоторых рисунках трикветр изображен на фигуре животного. Так, в группе 5 петроглифов горы Хербис (Тува) он нанесен на плечо одного из четырех оленей, который расположен выше всех, идет вперед и вверх, это явный вожак [Килуновская, 2003, рис. 7, 4] (см. рис. 8, I, 4). На камне 40 у подножия горы Алды-Мозага на верхнем Енисее выразительный трикветр со спирально закрученными ветвями проецируется на фигуру лося-самца примерно в районе плеча [Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005, рис. 197] (см. рис. 8, II).

Как уже отмечалось, в материалах Филипповки I наиболее часто встречается изображение трикветра на фигурах травоядных животных. О том, что это не просто орнамент, говорит как сам знак, так и его расположение на бедре центрального персонажа в сцене жертвоприношения оленя, изображенной на лезвии меча. Именно в этой сцене, возможно, кроется разгадка семантики знака у ранних кочевников Южного Урала. Вряд ли можно сомневаться в том, что в композициях на клинке олень, противостоящий хищнику с трикветром на бедре, олень, касающийся рогами трикветра, и олень с трикветром на бедре – одно и то же животное. Предлагавшиеся до сих пор толкования изображений на мече исходили из того, что главные герои этого «рассказа» – люди. «История оленя с трикветром» оставалась фактически за рамками истолкований.

Сцена жертвоприношения оленя (см. рис. 5, 42–46) привлекает наибольшее внимание среди всех, представленных на полотне меча. Два человека схватили лежащего оленя, один за вывернутую вверх ногу, другой за рога или ухо, и каждый направляет вперед вторую руку с кинжалом. Персонажи, схватившие оленя, во всем подобны друг другу, у них одинаковые позы, фигуры, лица, оружие (кинжалы и висящие за спиной колчаны с луками). Кони, стоящие позади каждого, тоже абсолютно одинаковые. Очевидно, правы В.Г. Котов и Р.Б. Исмагил, предположившие, что здесь изображено противостояние двух братьев, ведь персонажи направляют острия оружия не столько на оленя, сколько друг на друга [2013, с. 80]. Сюжет противостояния братьев весьма характерен для многих мифологий мира, и в частности иранской, где нередок мотив гибели праведного героя от руки его злобного и завистливого брата. Так погибают Йима и Эрадж. Причем эти

Рис. 9. Изображения горных козлов, касающихся рогами трикветров, петроглифы Куйлуг-Хема, камень VII (по: [Дэвлет, 2001, табл. 4, 3]).

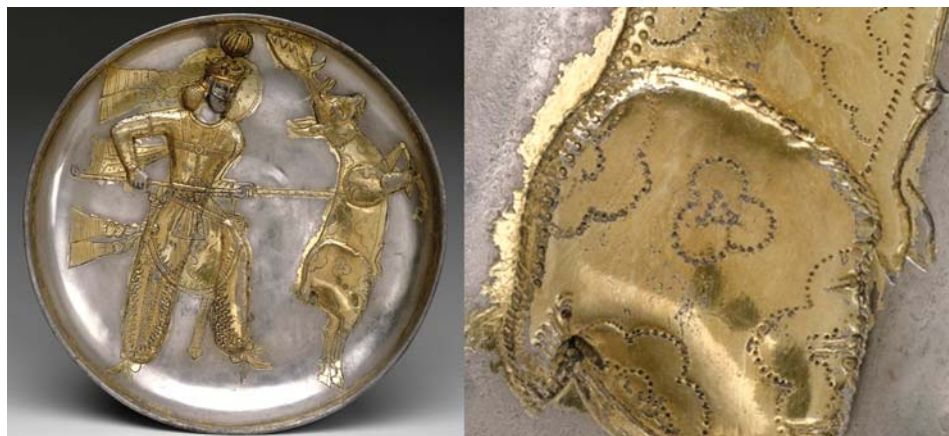

Рис. 10. Сасанидское блюдо с изображением шаха Йездигерда I, поражающего копьем оленя с трехчастной фигурой на бедре, Метрополитен-музей (по: [Plate...]).

события имеют глобальные последствия: после убийства Йимы на земле восторжествовало зло, а гибель Эраджа предопределила участь Турана быть вечным врагом Ирана. Предводители иранцев и туранцев в перипетиях этой вражды стремятся овладеть Хварной, потерянной их общим предком Йимой, причем вновь совершаются братоубийства: Франграсийан убивает своего брата Агрераса, а Рустам гибнет от рук своего брата Шагада*.

В сцене жертвоприношения оленя, может быть, представлена аллегория борьбы ариев и туранцев за Хварну, изображенную в виде оленя с трикветром на бедре. Каждый из персонажей тянет его в свою сторону и в то же время стремится поразить другого кинжалом. Добыча, поимка Хварны в виде дикого, преимущественно копытного, животного – один из частых мотивов иранского искусства. Так, на сасанидских блюдах нередко изображены иранские шахи, поражающие разных зверей – баранов, горных козлов, газелей, кабанов, львов, и это мотив добычи Хварны [Тревер, Луконин, 1987, с. 56–57]. В числе жертв есть и олени, причем в одной сцене (блюдо из собрания Метрополитен-музея) шах Йездигерд I поражает оленя с фигурой на бедре, состоящей из трех полукругов, т.е. родственной трикветру [Plate...] (рис. 10). Заметим, что на телах травоядных животных в сценах охоты, изображенных на сасанидских блюдах, известны и настоящие трикветры, например, на бедре и плече газели, которую схватил орел [Тревер, Луконин, 1987, с. 115] (рис. 11).

Рис. 11. Сасанидское блюдо с изображением орла, схватившего газель, на плече и бедре которой имеются знаки трикветра, Государственный Эрмитаж (по: [Тревер, Луконин, 1987, с. 115]).

Таким образом, на мече из погр. 2 кург. 4 запечатлена своеобразная «история Хварны». Потерянная Йимой, она пребывает в природе, находясь то на небе, то в глубине моря. На полотне меча происходящие с Хварной перипетии, вероятно, показаны в виде ее перехода от животного к животному – от мира мрака (волк) к миру света (олень). В то время, когда Хварна пребывает в «солнечном олене», за нее завязывается борьба между братьями – арием и туром. На мече не показан результат борьбы, но контекстуально он выражается в том, что Хварна теперь находится у того, в чьих руках меч.

Остальные изображения трикветра в материалах Филипповки I также могут быть истолкованы в рамках сюжетов, связанных с Хварной. Она отлетела от Йимы в виде птицы Варагн (орла, сокола) и в том

*Иранская мифология изложена в основном по: [Рак, 1998].

же обличье вернулась к Траэаоне. Трикветр с головой хищной птицы сверху, очевидно, изображает Хварну в этой ипостаси. В сказании об Ардашире Хварна сопровождает его в виде красивого барана, а потом оказывается на крупе коня Ардашира. И этому соответствуют изображения трикветров на фигурах баранов и коня.

Заключение

Поиск аналогий филипповским трикветрам показал, что основной ареал распространения знака, вписанного в круг и образованного при помощи углублений/отверстий в виде «запаятых», в VII–IV вв. до н.э. – степная полоса к востоку от Южного Урала. Здесь же находятся наскальные рисунки, на которых изображены трикветры, касающиеся рогов и помещенные на тело травоядных животных, – сюжеты, зафиксированные и в Филипповке I.

Не очень ясно происхождение трикветра со спирально закрученными концами, наиболее часто встречающегося в материалах памятника. Близкие по морфологии знаки известны в комплексах очень ранних могильников кобанской культуры, расположенных далеко на западе. В ранней и классической скифской культуре этот знак как будто совсем не представлен, равно как и в древностях савроматов Подонья и Поволжья. На Южном Урале, кроме Филипповки I, его тоже больше нигде нет. К востоку от Урала подобные трикветры известны только в петроглифах, точная датировка которых затруднительна. И все же восточное происхождение этого типа знака более вероятно, чем западное.

В Филипповке I изображения трикветра обнаружены только в материалах «царских» кург. 1 и 4, причем в значительном количестве – более 30 экз. Эти обстоятельства, а также то, что все они или выполнены из золота, или находятся на золотых предметах, указывают на принадлежность знака к символическому использованию которой входило в прерогативу лишь высшей знати ранних кочевников Южного Урала. Контекст изображений позволяет предположить, что знак трикветра является символом Хварны. Обладающий Хварной предводитель или военачальник попадал под особое покровительство богов и, как следствие, становился непобедимым, неуязвимым, удачливым. В военизированном обществе ранних кочевников Южного Урала, ориентированном во внешних связях на ахеменидский Иран, подобная идея могла иметь большую популярность. Сам трикветр, образ которого попал на Южный Урал из восточных по отношению к нему районов Великого пояса степей, в процессе контактов с Ираном мог быть переосмыслен как символ Хварны. Хотя нельзя исключить

и того, что подобные представления существовали и в собственно кочевнической среде, причем не только на Южном Урале, но и в районах, расположенных восточнее. При изучении семантики головного убора из Алучайдена китайский исследователь Чжен Зыминь пришел к выводу, «что в то время племена в Ордосе верили в зороастризм. На этом основании можно говорить о разнообразных культурных обменах и этнических взаимодействиях между кочевниками Евразии по трассе Шелкового пути» [Чжен Зыминь, 2015, с. 380]. Предположение о зороастризме в Ордосе, конечно, чересчур смелое. Но то, что ордосские кочевники могли исповедовать какую-то форму дозороастрийской религии, сходную с верованиями кочевников Южного Урала, исключать нельзя. Следует отметить и наличие среди находок в Алучайдене зооморфного трикветра [Ковалев, 1999, рис. 2, 11].

Благодарность

Работа выполнена в рамках НИОКТР № АААА-А19-119042490023-5 «Музей археологии и этнографии: коллекционные ресурсы, исследовательская деятельность и новые информационные технологии».

Список литературы

- Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К. Вихревые композиции в искусстве саков Центрального Казахстана // Археология і давня історія України. – 2017. – Вып. 2. – С. 40–58.
- Голан А. Миф и символ. – Иерусалим: Тарбут; М.: Русслит, 1994. – 376 с.
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. – СПб.: Фарн, 1994. – 172 с.
- Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Иллюстрация к эпосу об Алпамысе и некоторые параллели сюжету в искусстве древних кочевников: К изучению семантики вихревых композиций // Археология Казахстана. – 2018. – № 1/2. – С. 106–117.
- Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Мифы в камне: мир наскального искусства России. – М.: Алетей, 2005. – 472 с.
- Дэвлет М.А. Петроглифы Куйлуг-Хема // Мировоззрение древнего населения Евразии. – М.: Старый сад, 2001. – С. 370–438.
- Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.И. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. – С. 303–433.
- Килуновская М.Е. Наскальные изображения на горе Хербис (Пий-Хемский кожуун Республики Тыва) // Семенов Вл.А. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2003. – С. 214–237.

Ковалев А.А. О связях населения Саяно-Алтая и Ордо-са в V–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 75–82.

Козенкова В.И. Кобанская культура и окружающий мир: Взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде. – М.: Таус, 2013. – 252 с.

Коллекции Филипповских курганов из фондов Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН. – Уфа: Китап, 2018. – 400 с.

Королькова Е.Ф. Знаковая система, приемы композиции и некоторые устойчивые мотивы в искусстве звериного стиля (зооморфные свастики и вихревые розетки) // Нижне-волж. археол. вестн. – 2009. – Вып. 10. – С. 64–72.

Котов В.Г., Исмагил Р.Б. Семантика декорированного оружия ранних кочевников Евразии // Уфим. археол. вестн. – 2013. – Вып. 13. – С. 68–90.

Кунгурова Н.Ю., Оборин Ю.В. Клад, обнаруженный на р. Уйбат (Минусинская котловина) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 2. – С. 126–136.

Марченко И.И. Сираки Кубани: По материалам погребений Нижней Кубани. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1996. – 336 с.

Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). – СПб.: Журнал «Нева»; М.: Летний сад, 1998. – 560 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 360 с.

Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро: Собрание Государственного Эрмитажа: Художественная культура Ирана III–VIII веков. – М.: Искусство, 1987. – 156 с., 124 табл. ил.

Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. К вопросу об абсолютной дате могильника Филипповка I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.) / под

ред. М.Ю. Трейстера, Л.Т. Яблонского. – М.: Таус, 2012. – Т. 1. – С. 282–284.

Фёдоров В.К. Материалы к каталогу неизданных предметов из драгоценных металлов, найденных в кургане 1 Филипповского могильника // Пшеничнюк А.Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – С. 235–257.

Чжен Зыминь. К вопросу распространения и связи ордосских бронз в степях Великого Шелкового пути // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2015. – Т. I. – С. 377–385 (на кит., рус., монг., англ. яз.).

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 300 с.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э.: (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2010. – 240 с.

Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей: Элитный некрополь Филипповка I (по материалам раскопок 2004–2009 гг.): каталог коллекции. – М.: ИА РАН, 2013. – Кн. I. – 232 с.

Яблонский Л.Т., Рукавишникова И.В., Шемаханская М.С. «Золотой» меч из царского кургана № 4 могильника Филипповка I // ВДИ. – 2011. – № 4. – С. 219–250.

Mackenzie D.A. The Migration of Symbols. – L.: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd.; N.-Y.: Alfred A. Knopf, 1926. – 220 p.

Plate: the king Yazdgard I, slaying a stag, ca. A.D. 399–420. Metropolitan Museum of Art. – URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/326007> (дата обращения: 26.03.2019 г.)

*Материал поступил в редколлегию 16.05.19 г.,
в окончательном варианте – 30.07.19 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.1.110-119
УДК 903.01/09

В.П. Мыльников

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

Деревообрабатывающие инструменты плотников раннего железного века на Алтае и сопредельных территориях

В статье рассматриваются проблемы атрибуции орудий для обработки дерева, использовавшихся в раннем железном веке на Алтае и сопредельных территориях. Основой для исследования послужили находки из погребений и поселений, а также предметы из кладов и подъемных материалов. Определение вида орудия и состава инструментария древних плотников базируется на реконструкции, которая выполнялась по следам-признакам, оставленным лезвиями этих орудий на поверхностях деревянных предметов. Исследования проводились традиционными и специальными методами (трасологический, сравнительно-типологический, физический эксперимент), позволяющими раскрыть функции изделия, технику его изготовления, воссоздать организацию производства, технологические процессы и в какой-то мере оценить уровень мастерства древнего человека. На основе данных комплексного анализа выделены категории и виды инструментов: рубящие металлические (кельты, топоры, тесла), ударные деревянные (молоты, молоты-киянки, колотушки), универсальные режущие-строгающие (ножи разных размеров и профилей), ударно-режущие комплексного действия (долота, стамески), режущие-проворачивающие (сверла-перки, шила-колизавры, шила остроконечные). Результаты трасологического анализа следов работы инструментами по операциям (рубка, отеска, раскол) показали, что с эпохи ранней бронзы использовались три вида обработки поверхности дерева рубящими орудиями: в торец, вдоль волокон и поперек волокон. Выявлены факторы, влиявшие на эффективность и чистоту обработки материала.

Ключевые слова: ранний железный век, Алтай, инструменты для обработки дерева, проблемы выделения инструментов.

V.P. Mylnikov

Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

Early Iron Age Carpenter Tools from the Altai and Adjacent Territories

This article deals with the functional attribution of Early Iron Age woodworking tools from the Altai and adjacent areas. Finds come from burials, settlements, and hoards; some are random. The attribution was based on the analysis of traces left by tools on the surfaces of wooden items. The methods were both traditional and special (use-wear, typological, and experimental), enabling one to reconstruct the function of the tool, manufacturing technique, organization of the manufacturing process, technology, and, to some extent, skill. The totality of data suggests that tools were of several types: metal ones used for chopping (celts, axes, and adzes), wooden ones used for striking (hammers, mallets, and mauls), universal cutting and shaving tools (knives of various sizes and profiles), cutting and boring tools (flat drills, reamers, and awls). Results of use-wear analysis in terms of operations (chopping, shaving, and cleavage) suggest that since the Early Bronze Age, three types of processing surfaces with chopping tools have been used: butting, cutting with the grain, and cutting against the grain. Factors affecting efficiency and accuracy of woodworking are discussed.

Keywords: Early Iron Age, Altai, woodworking tools, tool attribution.

Введение

Составить представление о способах изготовления изделий из дерева и деревообработке как о сложившейся системе (совокупности) последовательных действий в раннем железном веке на Алтае и сопредельных территориях возможно на основе результатов комплексного анализа всех деревянных изделий, а также каменных и металлических инструментов, при помощи которых эти предметы были изготовлены. Источников указанного времени сохранилось очень мало. Все деревянные артефакты изучаемого периода обнаружены в основном в памятниках, содержащих мерзлотные образования. Орудия обработки выявлены преимущественно в подъемном материале и в кладах, поэтому связать их с конкретным временем и местом можно только предположительно.

На внешней и внутренней поверхностях деревянных предметов, извлеченных из памятников с мерзлотой, сохранились первичные признаки обработки – следы лезвий инструментов древних плотников и резчиков по дереву. Трасологическое изучение этих следов и сравнительно-типологический анализ данных изделий с орудиями из кладов и подъемного материала позволили представить примерные размеры и форму рабочих частей, лезвий орудий, а также приемы и способы работы ими, выделить виды деревообработки в раннем железном веке.

Подавляющее большинство деревянных артефактов со следами обработки – это находки из памятников периода поздней бронзы и раннего железного века [Мыльников, 2003, 2008; Мыльников, Бобров, 2011]. Результаты трасологического и сравнительно-типологического анализов следов разнообразных орудий,

позволившие выявить особенности обработки ими поверхности древесины, свидетельствуют о том, что в это время складывается основной набор инструментов для деревообработки из новых для представителей эпохи высококачественных материалов – бронзы и железа, совершенствуются приемы и способы изготовления предметов. Можно предположить, что именно в данный период формируются наиболее важные для данного региона или культуры традиции деревообработки. В связи с большим объемом работ усиливается кооперация деятельности, открываются широчайшие возможности для развития ремесленных форм производства предметов.

Материал (сырье), орудия обработки (инструменты), человек (специалист по деревообработке) образуют совокупность первичных средств, необходимых для организации работы по изготовлению предмета, это единое целое процесса любого древнейшего производства. Каждая из его составляющих имеет свои особенности, которые в совокупности с другими дают ясное представление о появлении готового продукта.

Методы и результаты исследования

Упорядоченно организованная система стадий и операций по изменению деревянных заготовок с применением всех видов инструментов с режущими лезвиями составляет процесс обработки дерева резанием [Борисов, 1999, с. 63]. В раннем железном веке обработка дерева включала несколько стадий, каждой из которой соответствовали свои операции (рис. 1). Каждая из стадий и операций требовала применения специально предназначенного для этого инструмента.

СТАДИИ		
ОТБОР МАТЕРИАЛА	ПОДГОТОВКА МАТЕРИАЛА К ОБРАБОТКЕ	ОБРАБОТКА МАТЕРИАЛА (ИЗГОТОВЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА)
ОПЕРАЦИИ		
Выбор породы дерева Рубка Сучкование (обрубание сучков) Окорение (ошкуривание) Сушка	Раскрой Раскол Разметка	Рубка Отеска Лицовка Разметка Долбление Сверление Сращивание Сплачивание Техника углового сопряжения Техника шипового соединения Гнутье Точение на токарном станке Резание-строгание (резьба)

Рис. 1. Процесс обработки дерева в раннем железном веке на Алтае.

Самые древние комплекты инструментов для первичной и вторичной обработки древесины зафиксированы среди предметов из камня с неолитических поселений Урала. «Черновая» – первичная – обработка дерева производилась при помощи топоров, долот, скребел, пил (пластины с зубренными краями).

Набор инструментов для «производства беловых отделочных и гравировальных работ», т.е. для вторичной отделки, состоял из струг, строгальных ножей, сверл, разверток, резчиков, резцов [Усачева, 1997]. Многообразие каменных орудий неолитического времени, свидетельствующее о высоком уровне деревообработки, позволяет реконструировать технологию вторичной обработки поверхности изделий и определить порядок главных операций этого цикла: грубое строгание, скобление-выравнивание, чистовое строгание, резьба и гравировка, заглаживание и полировка [Мыльников, 2003].

Воссоздание специфических приемов и деталей обработки дерева в раннем железном веке затруд-

нено тем, что инструменты этого времени находят, как правило, среди подъемного материала и кладов, не «привязанных» к культурам [Акишев А.К., 1984, с. 10; Моргунова, 1994, с. 167; Мыльников, 2003; Акишев К.А., Кушаев, 1963, с. 106–110; Popescu, Antonini, Vaipakov, 1998, p. 262, fig. 389–396]. Как отмечает Е.Н. Черных, в древности мастера очень бережно относились к своим инструментам, они хранили даже сломанные, пришедшие в негодность орудия, боясь того, что те «могут лишиться их мастерства и силы и наслать болезни на весь род за непочтительность к ним» [1972, с. 196].

При отсутствии самих инструментов источником информации о них являются следы, оставленные орудиями на предметах из дерева (рис. 2, 3). Сопоставление таких следов на археологических артефактах, экспериментальных образцах и этнографических изделиях позволяет реконструировать облик инструмента: форму, ширину и толщину рабочей части, конфигурацию профиля лезвия, степень остроты и угла заточки [Раев, 1976]. Данные о местоположении и характере следов орудий, их глубине, направлении хода лезвия составляют основу для реконструкции способов и приемов использования данного инструмента, технологических операций [Мыльников, 1999, 2008].

Для определения состава инструментария очень важны экспериментальные исследования. В раннескифском кургане Аржан в Туве на 560 бревнах погребального сооружения сохранились следы обработки, но самих инструментов обнаружить не удалось. Однако, опираясь на результаты трасологического анализа отпечатков лезвий, исследователи сделали вывод о том, что бревна комплекса были обтесаны орудиями двух типов – топором с лезвием шириной 4,9–6,1 см и теслом с лезвием шириной 3,5–4,5 см. Как показал технико-технологический анализ следов их применения, орудия были отлиты не менее чем в 72 формах [Немировская, 1975].

Экспериментально-трасологическое изучение орудий труда и их следов на предметах позволяет определить функцию изделия, технику его изготовления, рекон-

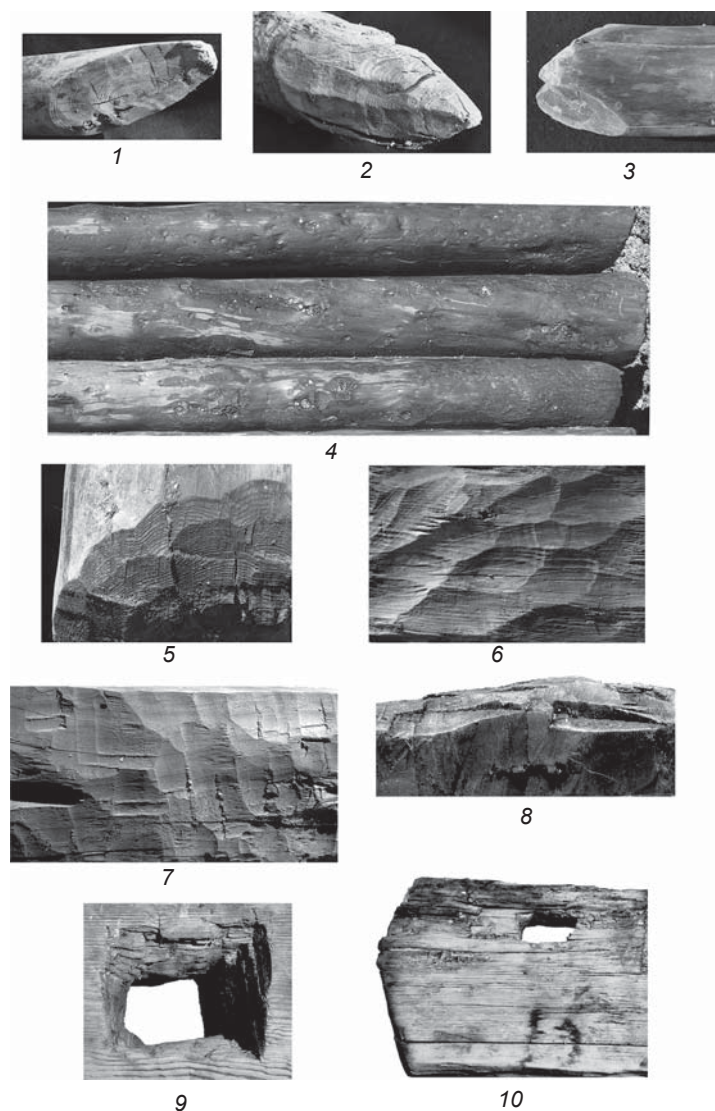
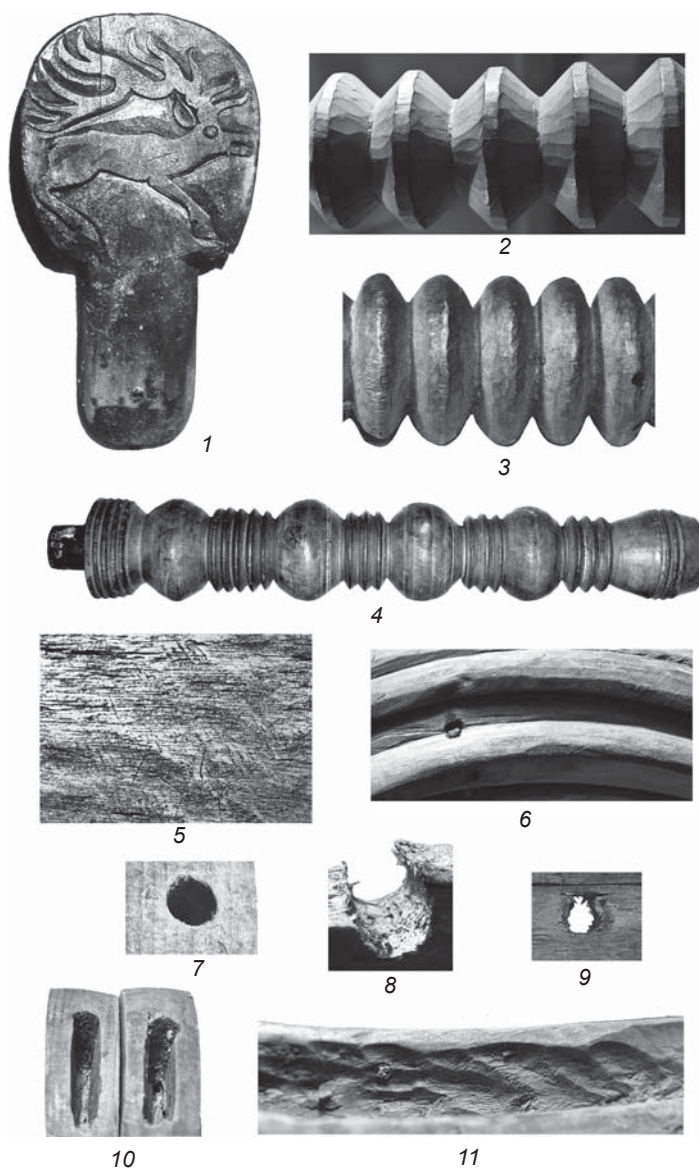

Рис. 2. Следы обработки металлическими орудиями на деревянных предметах раннего железного века. Алтай.

1–3 – рубка топором; 4 – ошкуривание бревна топором и теслом (снятие коры); 5–7 – отеска теслом; 8 – отеска топором; 9 – прорубание отверстия долотом и теслом; 10 – прорубание отверстия долотом и стамеской.

Рис. 3. Следы обработки металлическими орудиями на деревянных предметах раннего железного века. Алтай.

1, 2 – резьба ножом; 3 – заглаживание; 4 – точение на токарном станке; 5 – шабрение (обработка инструментом типа рашпиля); 6 – полировка; 7, 8 – сверление лучковым сверлом (круглый металлический стержень с раздвоенным концом – перка); 9 – сверление шилом с раздвоенным концом (колизавр); 10, 11 – прорезание углубления стамесками с плоским и полукруглым лезвиями.

структурировать организацию производства, технологические процессы и в какой-то мере оценить уровень мастерства древнего человека [Семёнов, Коробкова, 1983, с. 3–5; Волков, 2000; Мыльников, 2008, с. 22–26; 2011, с. 104–114; 2014, с. 55–59].

При выделении использовавшихся в раннем железном веке видов деревообрабатывающих инструментов по оставленным ими следам мы следовали определением: *деревообрабатывающий инструментарий* – набор специальных орудий для обработки материала; *обработка дерева* – система приемов и способов воздействия различными орудиями на поверхность материала с целью изменения ее первичной формы до заданных объема и размеров.

Древний умелец, вероятно, как и современный мастер, в зависимости от собственной квалификации и поставленной цели определял качественный и количественный состав инструментария, необходимого для выполнения той или иной технологической задачи. Скорее всего, сами рабочие части орудий деревообработки кузнец или литейщик изготавливал по желанию и мерке мастера (на это указывают разнообразие форм, видов, типов и количество элементов). Рукояти для инструментов деревообрабочки выстругивали сами, подгоняя «под свою руку», чтобы можно было максимально удобно и с высокой эффективностью выполнять любую операцию. Так делают и современные «традиционные мастера», посвятившие свою жизнь работе с деревом [Токунага Кёко, 1997; Токунага Кёко, Итакура Ёсико, 1997, с. 13].

Сведения об обработке дерева, содержащиеся в трудах М.П. Грязнова [1950, 1980], С.И. Руденко [1948, 1953, 1960, 1962], С.А. Семёнова [1956, 1957], С.А. Семёнова, Г.Ф. Коробковой [1983], К.А. Акишева, Г. Кушаева [1963], А.Д. Грача [1980], Е.Л. Немировской [1975], результаты наших собственных трасологических и сравнительно-типологических анализов артефактов из дерева со следами применения орудий, этнографические материалы и экспериментальные данные дают основание утверждать, что плотники

Алтая и сопредельных территорий в раннем железном веке при обработке дерева использовали следующие виды инструментов: рубящие, ударные, режущие и их разновидности, колюще-проворачивающие, комплексного действия.

Рубящие инструменты – *тесло, кельт, топор* – состояли из деревянной рукояти и металлической части с острым режущим лезвием различной ширины и профиля (рис. 4, 5). Топоры и тесла со времени верхнего палеолита и до энеолита изготавливались из самых крепких пород камня – кремневых, кварцевых, базальтовых, яшмовых, затем – из меди и бронзы, с VI–V вв. до н.э. – преимущественно из железа. В этой категории инструментов железный топор являлся самым сложным в изготовлении и универсальным орудием плотника [Завьялов, 1987, с. 156; Колчин, 1953, с. 100–110; 1985].

Рис. 4. Двухшковые кельты (1–6), литейная форма для отливки кельтов (7), втульчатый кельт с пещеркой (8), одношковые кельты (9, 10), плоские лицовочные тесла с черешковым насадом (11–14) переходного времени от бронзового к железному веку и раннего железного века. Алтай.

1, 2, 6–14 – Музей Алтайского государственного университета, г. Барнаул [Радлов, 1896]; 4 – Музей Сибирского федерального университета, г. Красноярск; 5 – Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова, г. Абакан.

На протяжении долгого времени наиболее распространенным орудием обработки древесины был кельт (см. рис. 4, 1–10; 5; 6, 8–11). В зависимости от насада (ориентация лезвия продольно или поперечно относительно оси рукояти) и сечения лезвия он использовался или как топор (при симметричном в сечении лезвии), или как тесло (при асимметричном лезвии).

В коллекциях бронзовых литых рубящих орудий выделены полифункциональные симметричные и асимметричные в сечении одно- и двухшковые кельты, кельты-лопатки и кельты-тесла с пещеркой, имеющие лезвия разных размеров и профилей [Бехтер, Хаврин, 2002, рис. 1, 1, 2, 10, 12, 14]. Трасологический анализ показал, что размеры следов лезвий кельтов на деревянных предметах раннего железного века Алтая и сопредельных территорий колеблются в пределах $3,7 \times 5,9$ см. Одно- и двухшковые кельты имели несколько функций (топор-тесло); кельты-лопатки и кельты-тесла с пещеркой использовались древними плотниками только как тесла, с полукруглой задней стенкой и вогнутой передней, а также с полукруглым, иногда полулунным лезвием (выборочные) применялись для захвата большого количества древесины при выборке полостей в процессе изготовления колод и болванок для производства посуды.

Предназначенные только для отески тесла были разного вида: с овальной задней стенкой и уплощенным лезвием (проходные) – для первичной обработки больших плоскостей с большим захватом древесины, с прямой задней и передней стенками и пло-

Рис. 5. Втульчатые кельты. Западная Сибирь.

1 – переходное время от бронзового к железному веку, Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН; 2 – ранний железный век, Музей Сибирского федерального университета, г. Красноярск; 3 – ранний железный век, Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова, г. Абакан.

Рис. 6. Стамески, долота (1–7), двушковый кельт (8), одношковые кельты (9, 10), кельт с пещеркой (11) из кладов переходного от бронзы к железу времени, XII–IX вв. до н.э. Казахстан.

1–5, 10, 11 – [Popescu, Antonini, Vaipakov, 1998, p. 262, fig. 389, 396]; 6, 7 – [Ibid., p. 123, fig. 48, 49]; 8 – [Ibid., p. 184, fig. 50]; 9 – [Ibid., p. 184, fig. 51].

ским, ровным лезвием (лицовочные) – для захвата малого количества древесины при окончательной выравнивающей подтеске и лицевке плоскостей деловой древесины в ходе строительства и создания заготовок для изготовления различных мелких деревянных хозяйственно-бытовых предметов, а также для резьбы (см. рис. 4, 11–14; 6, 8–11). Размеры следов лезвий плоских тесел с черешковым насадом составляют $3,7 \times 4,9$ см.

Рис. 7. Стамески-долота (1–5), ножи (6–9), шилья (10–14) из археологических памятников раннего железного века Алтая, Западной Сибири и Казахстана.

1–4, 12–14 – Музей Алтайского государственного университета, г. Барнаул; 5 – Музей с. Новоселово, Красноярский край; 6–11 – [Большой атлас Казахстана, 2011, с. 363, 364].

С развитием железообрабатывающего ремесла в III в. до н.э. – II в. н.э. бронзовые одно- и двушковые кельты полностью исчезли [Чернецов, 1954, с. 186]; на смену им пришли более удобные и эффективные орудия с разомкнутыми втулками [Соенов, Константинова, 2013], проушные тесла, а также топоры из железа и стали. При расчленении крупных бревен на пластины (раскол) использовались клиновидные топоры типа современных колунов с симметричным и асимметричным в сечении туловом. Для специальных столярных работ изобрели топоры-молоты, выполнявшие функции двух орудий – топора и молотка [Фролов, 1996; Кирюшин, Иванов, 1996; Абдулганеев, 1996, с. 132; Нелин, 1996; Иванов, Исаев, 1999].

Бронзовые кельты с асимметричным в сечении телом, кельты-лопатки и кельты-тесла с пещеркой трансформировались в классические проушные: выборочные, проходные и лицовочные тесла с различными по форме и размерам лезвиями из железа или стали. Топор и тесло – основные орудия труда и у современных плотников.

Ударные инструменты – молоты, молотки-киянки разных размеров, выполненные из дерева, коло-

тушки из дерева и рога с рукоятями – применялись древними плотниками как посредники для работы со стамесками и долотами, для подгонки узлов углового сопряжения и т.п.

Инструменты комплексного характера (ударно-режущие, приводимые в действие при помощи ударных) – в основном металлические *долота* (из бронзы и железа) и редко *стамески* – использовались для долбления с целью создания сквозных и глухих гнезд [Мыльников, 2003], соединения отдельных деталей из дерева и других материалов (см. рис. 6, 1–7; 7, 1–5). Размеры лезвий стамесок 9 × 25 мм.

Режущие инструменты – *резцы* для токарного станка из закаленного железа или стали [Там же] – применялись при изготовлении фигурных деталей – ножек для деревянных блюд, ножек и спинок кресел и украшений деревянных колесниц элиты.

Режущие-проворачивающие инструменты – *сверла-перки* (из бронзы и железа) с ручным и лучковым приводом, *шила-колизавры* – стержни с раздвоенным лезвием с заостренными гранями – использовались для

сверления сквозных и глухих отверстий, разных по диаметру и глубине, при изготовлении широкого круга предметов – от хозяйственно-бытовых до оружия.

Универсальные режущие-строгающие инструменты – разнообразные по форме *ножи* из бронзы и железа средних и малых размеров, чаще всего с узким обушком и очень острым тонким лезвием (см. рис. 7, 6–9; 8, 1–15), *стамески* небольших размеров с полукруглым или плоским лезвием (см. рис. 6, 1–7), *долота* с широким плоским лезвием – использовались для подготовки поверхности – лицевки заготовок для всех видов резьбы, выборки углублений, при изготовлении посуды и т.п.

Колюще-проворачивающие инструменты – *шила* – тонкие длинные заостренные на конце круглые стержни различного диаметра из бронзы или железа с деревянной рукоятью (см. рис. 7, 10–14) – использовались не только для прокалывания различных отверстий и углублений, но и для разметки рисунков и профилей на деревянных заготовках как чертежный разметочный инструмент.

Рис 8. Ножи (1–15), каменные абразивы (16–23) раннего железного века Алтая и Казахстана. 1–15 – Музей Алтайского государственного университета, г. Барнаул; 16–23 – Музей института археологии им. А.Х Маргулана, г. Алматы, Казахстан.

Результаты трасологического анализа свидетельствуют о том, что на Алтае уже в эпоху ранней бронзы мастера знали три вида обработки деревянных поверхностей рубящими инструментами – в торец, вдоль волокон и поперек волокон. В ходе экспериментов были выявлены некоторые особенности работы с крупномерной древесиной, которые подтверждают данными этнографии.

Эффективность обработки дерева зависит от угла заострения лезвия, угла наклона лезвия на несущей рукояти, угла рубки, отески или резания материала (наклон инструмента во время работы), направления рубки, отески или резания поверхности (рост и угол наклона мастера), ширины рабочего края лезвия, формы рабочего края лезвия (овальная, полукруглая, уплощенная), степени затупленности лезвия инструмента, трения лезвия о древесину (стружка), твердости и упругости древесины.

Чистоту обработки дерева определяют форма, целостность (сохранность) и острота заточки рабочего края лезвия металлического инструмента; глубина и угол рубки, отески или резания материала; величина прикладываемого физического усилия; пластичность, степень усушки и влажности древесины.

Чтобы обеспечить качественную обработку поверхности древесины, для оптимальной заточки и правки лезвий во время работы требовалось правильно подобрать абразивный инвентарь. Точилами и оселками служили чаще всего удлиненные прямоугольные или подтрапециевидные уплощенные бруски серого и бурого песчаника, глинистого сланца, мыльного камня. По степени зернистости структуры они подразделялись на грубые, средние и тонкие [Лукас, 1958, с. 670–680; Теофраст, 1951, с. 178]. В погребениях раннего железного века найдены целые наборы абразивных инструментов различных размеров и конфигураций (см. рис. 8, 16–23). В сечении точильные бруски были плоские, с закругленными торцами. В VI–V вв. до н.э. самые ценные абразивы могли использоваться в качестве символов власти – жезлов. Их оправляли в золотые футляры-рукояти, украшенные зернью. Ранее с учетом того, что оселки часто находили среди инвентаря, высказывалось предположение об их использовании в качестве амулетов [Грязнов, 1961]. Однако, согласно данным этнографических исследований, оселки служили не только точильными камнями, но и средством заживления ран [Королькова, 2001, с. 72, колл. 8; Галанина, 2001, с. 200, колл. 177].

При определении основных ступеней обработки дерева мы учитывали правило, выработанное многими поколениями специалистов деревообработчиков: для осуществления каждой определенной операции в первую очередь применялся инструмент, который был специально создан для нее. Принималось в расчет, что высокая квалификация позволяла отдельным

мастерам в некоторых случаях производить несколько последовательных операций одним инструментом. Например, практика строительного дела и домостроения у обских угров определила рациональный состав инструментария, отдельные виды которого (топор, тесло, долото, нож) полифункциональны с древнейших времен [Морозов, 1993, с. 198–199]. Современные плотники топором могут вначале производить рубку (валку) дерева, затем – сучкование (освобождение ствола от сучьев), окорение (стесывание коры), раскрой ствола на бревна, отеску бревна, а также его раскол на доски, используя металлическую рабочую часть топора как клин; долбить топором, а не долотом (грубое прорубание больших отверстий известно еще с древности) [Семёнов, 1956, с. 210] и даже выстругивать небольшие дощечки, палочки и колышки.

Комплексный анализ значительного массива первичных источников хорошей сохранности, имеющих многочисленные следы лезвий различных инструментов, и сравнительный анализ их со вторичными источниками дает основание утверждать, что в раннем железном веке на Алтае были три основные отрасли деревообработки: строительное дело, плотницко-столярные работы, резьба. Многочисленные погребальные конструкции из дерева (надсрубные сооружения, срубы, погребальные ложа и т.п.), в которых получила отражение богатая практика возведения жилых домов и хозяйственных построек, а также всевозможные мелкие деревянные предметы для хозяйственно-бытовых нужд, вооружения, украшения свидетельствуют об использовании деревообработчиками разнообразного специализированного инвентаря для каждой из отраслей деревообработки.

Выводы

Орудия для работы с древесиной являются одной из главных составляющих процесса деревообработки в древности. Проблема выделения их в составе инструментария для обработки дерева в раннем железном веке на территории Алтая, его идентификация, атрибуция и классификация заключается в том, что сами деревообрабатывающие инструменты, за редким исключением, не встречаются в археологических памятниках, «привязанных» к определенной культуре. Их аналоги обнаруживаются в подъемном материале,кладах и среди случайных находок.

Воссоздать внешний облик орудий, реконструировать приемы и способы работы ими, выделить специальные наборы деревообрабатывающих инструментов возможно при условии проведения ряда специальных исследований первоисточников – деревянных предметов того времени со следами обработки.

Результаты трасологического анализа следов обработки, сохранившихся на внутренних и внешних поверхностях деревянных предметов, сравнительно-типологического анализа косвенных источников – металлических орудий из близких по времени археологических памятников, из собраний случайных находок и кладов, а также данные экспериментальных работ с копиями этих орудий составляют основу для реконструкции всех стадий и операций обработки материала и изготовления предмета, а значит, всего процесса деревообрабатывающего производства и создания готового продукта с максимальной степенью соответствия прототипу.

Список литературы

- Абдулганеев М.Т.** «Неизвестные» памятники раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: мат-лы науч.-практич. конф. – Барнаул, 1996. – С. 128–134.
- Акишев А.К.** Искусство и мифология саков. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1984. – 175 с.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А.** Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. – 298 с.
- Бехтер А.В., Хаврин С.В.** Степные бронзы из провинции Ганьсу и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая и проблемы восточной линии синхронизации // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ; Чита: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2002. – С. 73–78.
- Большой атлас Казахстана.** – М.: Дизайн. Информация. Картография, Феория, 2011. – 888 с.
- Борисов И.Б.** Обработка дерева. – Ростов н/Д.: Феникс, 1999. – 320 с.
- Волков П.В.** Новые аспекты исследований в экспериментальной археологии палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 30–37.
- Галанина Л.К.** Скифское искусство Северного Причерноморья // Золотые олени Евразии. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. – С. 164–203.
- Грач А.Д.** Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Грязнов М.П.** Первый Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. – 85 с.
- Грязнов М.П.** Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР. – Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1961. – С. 139–144.
- Грязнов М.П.** Аржан. – Л.: Наука, 1980. – 80 с.
- Завьялов В.И.** Деревообрабатывающий инструментарий прикамских племен // Новые археологические исследования на территории Урала. – Ижевск: Изд-во Ур. гос. ун-та, 1987. – С. 156–161.
- Иванов Г.Е., Исаев Н.Н.** Бронзовый топор с поселения Крестьянское IV // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: мат-лы Всерос. науч.-практич. конф. – Барнаул, 1999. – Вып. X. – С. 82–85.
- Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е.** Новые находки металлических изделий из Шипуновского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: мат-лы науч.-практич. конф. – Барнаул, 1996. – С. 81–91.
- Колчин Б.А.** Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период). – М.: АН СССР, 1953. – 260 с. – (МИА; № 32).
- Колчин Б.А.** Ремесло. Древняя Русь: город, замок, село. – М.: Наука, 1985. – С. 243–297.
- Королькова Е.Ф.** Филипповские курганы и звериный стиль // Золотые олени Евразии. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. – С. 64–163.
- Лукас А.** Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. – М.: Иностран. лит., 1958. – 730 с.
- Моргунова Н.Л.** К вопросу об истоках сарматского элитарного погребального обряда (По материалам эпохи бронзы Южного Приуралья) // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху: мат-лы заседаний «круглого стола» (22–24 декабря 1994 г.). – СПб.: ИИМК РАН: Гос. Эрмитаж, 1994. – С. 166–169.
- Морозов В.М.** Домостроение у обских угров (по данным различных источников) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. – Екатеринбург: Наука, 1993. – С. 192–203.
- Мыльников В.П.** Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 232 с.
- Мыльников В.П.** Деревянные погребальные сооружения эпохи бронзы Западной Сибири // Социально-демографические процессы на территории Западной Сибири (древность и средневековье). – Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та, 2003. – С. 151–154.
- Мыльников В.П.** Деревообработка в эпоху палеометалла (Северная и Центральная Азия). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 364 с.
- Мыльников В.П.** Резьба по дереву в скифское время (Северная Азия). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 188 с.
- Мыльников В.П.** Изучение археологических деревянных предметов (погребальные памятники Алтая и сопредельных территорий). – М.: ИА РАН, 2014. – 160 с. – (Методика полевых археологических исследований; вып. 8).
- Мыльников В.П., Бобров В.В.** Деревянные погребальные сооружения эпохи бронзы Западной Сибири // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – 2011. – Т. 10. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 92–99.
- Нелин Д.В.** Топоры эпохи бронзы из фондов Челябинского областного краеведческого музея // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. – Челябинск: Творч. объедин. «Каменный пояс», 1996. – С. 183–187. – (Тр. музея-заповедника Аркаим).
- Немировская Е.Л.** Обработка дерева строителями кургана Аржан // Уч. зап. ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1975. – Т. 17. – С. 207–211.
- Радлов В.В.** Сибирские древности: Из путевых записок по Сибири / пер. с нем. графа А.А. Бобринского. – СПб.: [Тип. И.Н. Скороходова], 1896. – 70 с.
- Раев Б.А.** Техника фиксации следов древних орудий с помощью гипсовых слепков // СА. – 1976. – № 4. – С. 213–215.
- Руденко С.И.** Второй Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. – 73 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 205 с.

Семёнов С.А. Обработка дерева на древнем Алтае // СА. – 1956. – Т. XXVI. – С. 204–230.

Семёнов С.А. Первобытная техника. – М.; Л.: Наука, 1957. – 240 с. – (МИА; № 54).

Семёнов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. Мезолит – неолит. – Л.: Наука, 1983. – 255 с.

Соенов В.И., Константинова Е.А. Деревообрабатывающие инструменты из могильника Верх-Уймон (Алтай) // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013. – № 2. – С. 42–57.

Токунага Кёко. Традиционный дровосек // NIPPONIA. Discovering Japan. – 1997. – № 1. – С. 9.

Токунага Кёко, Итакура Ёсико. Мастера по дереву // NIPPONIA. Discovering Japan. – 1997. – № 1. – С. 10–13.

Усачева И.В. Комплекс каменных деревообрабатывающих орудий эпохи неолита // Урал. ист. вестн. – Екатеринбург, 1997. – № 4. – С. 118–124.

Феофраст. Исследование о растениях / пер. с древнегреч. – Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 548 с.

Фролов Я.В. Новые случайные находки предметов вооружения из Восточного Казахстана // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: мат-лы науч.-практич. конф. – Барнаул, 1996. – С. 91–94.

Чернецов В.Н. [Рецензия] // СЭ. – 1954. – № 2. – С. 183–187. – Рец. на кн.: Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.

Черных Е.Н. Металл – человек – время. – М.: Наука, 1972. – 208 с.

Popescu G.A., Antonini C.S., Baipakov K. L'uomo d'oro. La cultura delle steppe del Kazakhstan dall'età del bronzo alle grandi migrazioni. – Venezia: Electa, 1998. – 253 p.

*Материал поступил в редколлегию 21.03.19 г.,
в окончательном варианте – 06.07.19 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.1.120-128
УДК 904+550.8

И.В. Журбин

Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН
ул. Т. Барамзиной, 34, Ижевск, 426067, Россия
E-mail: zhurbin@udm.ru

Сравнительный анализ структуры и тенденций застройки крупнейших городищ чепецкой культуры Иднакар, Учкакар и Гурьякар (Предуралье)

Представлены результаты междисциплинарных исследований трех крупнейших средневековых городищ IX–XIII вв. н.э., расположенных в среднем течении р. Чепцы (северная часть Удмуртской Республики), – Солдырского I Иднакар, Кушманского Учкакар и Гординского I Гурьякар. Для определения общих тенденций и характерных особенностей их структуры и планировки проведена геофизическая съемка методами электро- и магниторазведки. Соотнесение карты геофизических аномалий с результатами раскопок позволило решить две взаимосвязанные задачи: получить археологические данные для исторических реконструкций и оценить достоверность результатов геофизических исследований. На всех поселениях выявлены неизвестные ранее линии обороны; установлено, что планировка внутренних частей городищ была близка к рядовой (линейной); выделены зоны преимущественно жилой, хозяйственной и производственной застройки. Показано, что при внешней схожести трех городищ они существенно различаются по структуре и тенденциям застройки. В частности, на Иднакаре и Гурьякаре «присоединенная» территория, защищенная новой линией оборонительных сооружений, использовалась как хозяйственно-производственная периферия; на Учкакаре – преимущественно для жилой и хозяйственной застройки, а хозяйственно-производственная периферия выносилась за границы защищенной территории поселения. Существенное отличие Учкакара состоит и в том, что на его мысовой части не выявлена зона жилой, хозяйственной или производственной застройки, традиционная для чепецких городищ. На Гурьякаре, в отличие от Иднакара и Учкакара, была сформирована эшелонированная система укреплений, которая не предполагала увеличение площади обитаемой части поселения.

Ключевые слова: средневековые поселения, чепецкая культура, структура и планировка поселений, оборонительные сооружения, геофизика.

I.V. Zhurbin

Udmurt Federal Research Center,
Ural Branch, Russian Academy of Sciences,
T. Baramzinoy 34, Izhevsk, 426067, Russia
E-mail: zhurbin@udm.ru

A Comparative Analysis of Structural and Developmental Trends at Major Cheptsa Fortified Sites in the Western Urals (Idnakar, Uchkakar, and Guryakar)

This article outlines the findings of interdisciplinary studies at three largest medieval fortified settlements (800–1300 AD) on the middle Cheptsa River; northern Udmurtia—Soldyr I Idnakar, Kushman Uchkakar, and Gordino I Guryakar. To assess the general trends and characteristic features of their structure and planning, a geophysical survey was carried out using electrical and magnetic prospecting methods. By correlating geophysical anomalies with excavation findings two interrelated tasks were completed: reconstructing past events on the basis of archaeological evidence, and assessing the reliability of geophysical findings. Previously unknown defense lines were revealed at all the sites. Inner layout was virtually linear. Settlements areas (residential, economic, and industrial) were identified. Despite external similarity, the three sites show significant differences in structure and development trends. Specifically, at Idnakar and Guryakar, the “annexed” territory protected by a new line of fortifications was used as an economic-

production periphery. At Uchkakar, this territory was used mainly for residential and economic activities, whereas the economic and production area was outside the enclosure. Another distinction of Uchkakar is that the promontory did not reveal a residential, economic or industrial development zone traditional for Cheptsa settlements. At Guryakar, in contrast to two other sites, an in-depth fortification system was revealed, but no annexed areas.

Keywords: Medieval settlements, Cheptsa culture, structure, layout, settlements, defense constructions, geophysics.

Введение

На территории Предуралья верхнее и среднее течение р. Чепцы составляет уникальный археологический район. В настоящее время здесь известно свыше 300 памятников, основную часть которых объединяют в две хронологически последовательные и генетически связанные культуры – поломскую (конец V – начало IX в. н.э.) и чепецкую (конец IX – начало XIII в. н.э.) [Археологическая карта..., 2004, с. 46–64]. По уточненным данным к последней отнесено 143 объекта. Ареал их распространения – северная часть современной Удмуртской Республики. Городища (укрепленные поселения) расположены по берегам Чепцы и ее притоков – на мысах между рекой и ручьем, рекой и оврагом или вблизи ручья между оврагами. Топографические особенности мысов предопределили единообразную систему укреплений, состоявших из одной или нескольких линий валов и рвов, которые защищали площадку с напольной стороны. Чепецкие городища существенно различаются по площади, структуре, мощности культурного слоя и, вероятно, играли разную роль в Средневековье [Иванова, 1998, с. 217–224]. Три крупнейших городища – Иднакар, Гурьякар и Уччакар (рис. 1) – рассматриваются как опорные средневековые центры в бассейне р. Чепцы.

С целью выявления общих тенденций и характерных особенностей формирования структуры и планировки данных поселений проведена геофизическая съемка методами электро- и магниторазведки. Принципиально важным являлось соотнесение карты геофизических аномалий с результатами раскопок. Это позволило решить две взаимосвязанные задачи: получить археологические данные для исторических реконструкций и оценить достоверность результатов геофизических исследований.

Городище Иднакар

Солдырское I городище Иднакар находится в 2 км к западу от д. Солдырь Глазовского р-на Удмуртской

Республики, в настоящее время включено в пределы административных границ г. Глазова. Оно занимает обширный мыс высокой коренной береговой террасы, образованной долинами р. Чепцы и ее правого притока р. Пызеп. С востока, с напольной стороны, визуально фиксируются два мощных вала, внешний ограничивает площадку, средний делит ее на две примерно равные части (рис. 2, в). В результате раскопок С.Г. Матвеева (1927–1928 гг.) была выявлена внутренняя линия обороны, не выраженная в рельефе. Контур внутренних оборонительных сооружений восстановлен по геофизическим данным.

Иднакар упоминается в переписях XVII в., первые описания его как археологического памятника содержатся в работах А.А. Спицына [1893, с. 73–74] и Н.Г. Первухина [1896, с. 66–70]. Большие раскопки методом взаимно перпендикулярных траншей в 1927–1928 гг. провел С.Г. Матвеев (результаты исследований не опубликованы). С 1974 г. памятник исследовала археологическая экспедиция Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН под руководством М.Г. Ивановой. В результате раскопок изучены все структурные части городища (внутренняя, средняя и внешняя) и линии укреплений (рис. 3).

С 1992 г. параллельно с археологическими исследованиями проводились геофизические измерения. Электропрофилирование и электротомография вы-

Рис. 1. Расположение поселений чепецкой культуры. 1 – укрепленные (городища); 2 – неукрепленные (селища).

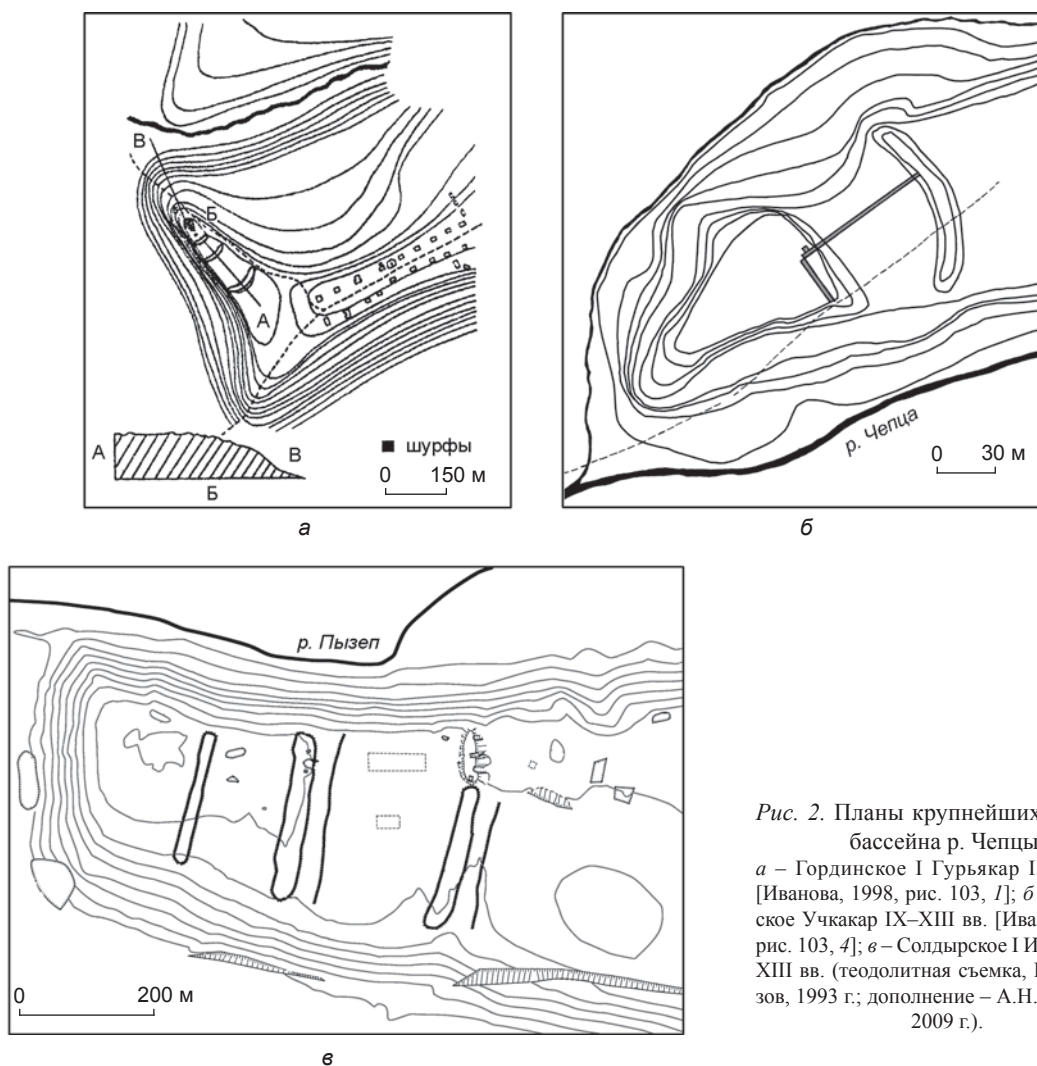

Рис. 2. Планы крупнейших городищ бассейна р. Чепцы.

a – Гординское I Гурьякар IX–XIII вв. [Иванова, 1998, рис. 103, 1]; *б* – Кушманское Учкар IX–XIII вв. [Иванова, 1998, рис. 103, 4]; *в* – Солдырское I Иднакар IX–XIII вв. (теодолитная съемка, В.И. Морозов, 1993 г.; дополнение – А.Н. Кириллов, 2009 г.).

полнены на участках, где не предполагались раскопки, в первую очередь на северной и южной периферии средней части городища [Иванова, Журбин, 2006, с. 72–74], а также вдоль всех трех линий оборонительных сооружений [Иванова, Журбин, Кириллов, 2013]. В некоторых местах геофизические данные были проверены раскопками (рис. 3). Таким образом, практически вся территория Иднакара, за исключением разрушенных участков, охвачена междисциплинарными исследованиями.

Сравнительный анализ комплекса данных показал, что планировка внутренней и средней частей городища была близка к рядовой (линейной). Постройки прямоугольной формы в большинстве случаев длинной стороной были ориентированы по линии север – юг. На внешней части явной закономерности в расположении сооружений не прослеживается.

Также определены тенденции застройки площадки городища. Во внутренней и средней частях (участки *A*, *B*; рис. 4, *a*; табл. 1) преимущественно находились жилые и хозяйственные постройки. При

этом жилища концентрировались в центре площадки, а хозяйственные и редкие производственные сооружения располагались вдоль южного и северного склонов мыса [Иванова, 1998, с. 29–30]. Поздние нежилые постройки обнаружены на участке разрушенного вала и рва внутренней линии укреплений (см. рис. 3; 4, *a*, линия 1). По археологическим данным, не позднее XI в. вал был выровнен, а ров заполнен глиной, срезанной с вершины вала [Там же, с. 20–22], после чего эта территория активно использовалась. Там вскрыты производственные сооружения, связанные с обработкой металлов. На границе вал–ров изучены очаг и яма, которая, судя по находкам, могла относиться к XI в. На внешней части Иднакара (участок *B*; см. рис. 4, *a*; табл. 1) культурный слой практически не сохранился – разрушен многолетней распашкой. При раскопках в основном выявлены ямы и основания очагов. В заполнении большинства ям найден производственный инвентарь.

При анализе динамики развития поселения прослеживаются схожие принципы организации. На за-

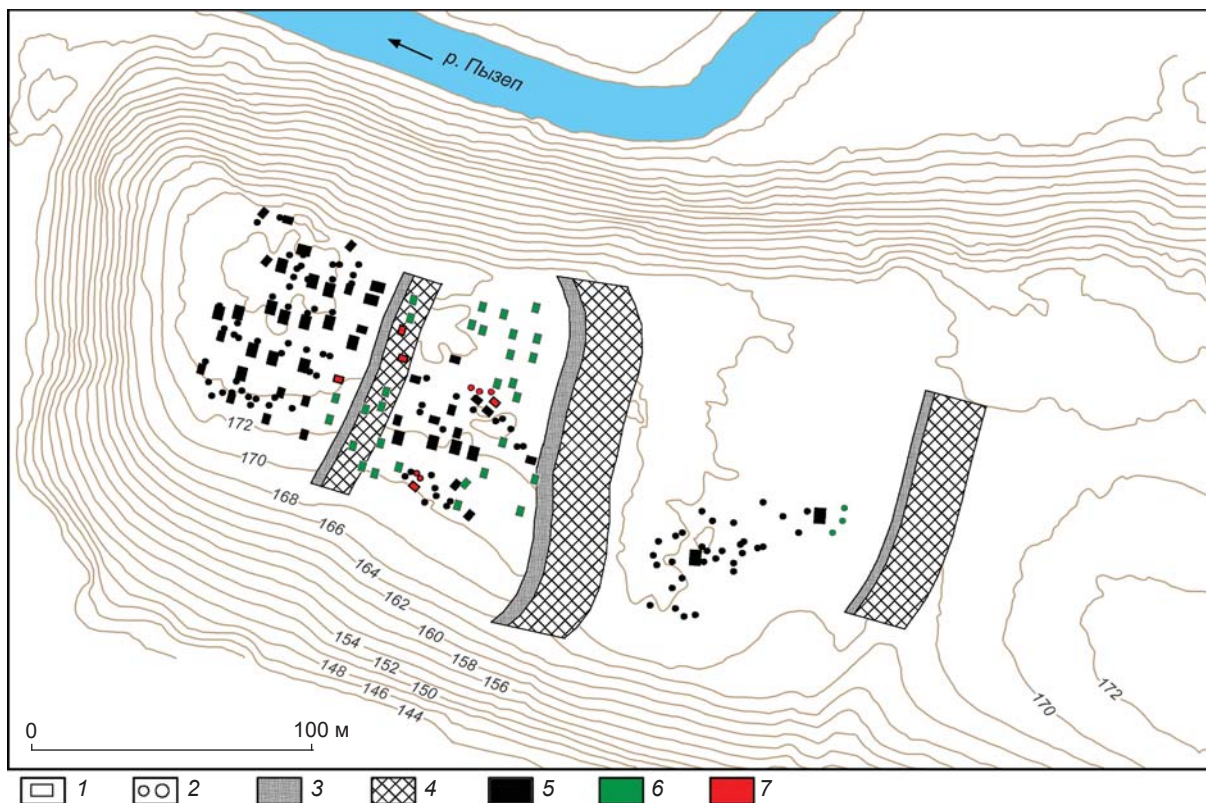

Рис. 3. Структура и планировка Иднакара.

1 – глиняные площадки; 2 – хозяйственные ямы; 3 – вал; 4 – ров; 5 – объекты, обнаруженные при раскопках; 6 – объекты, выявленные геофизическими методами; 7 – объекты, выявленные геофизическими методами и подтвержденные раскопками.

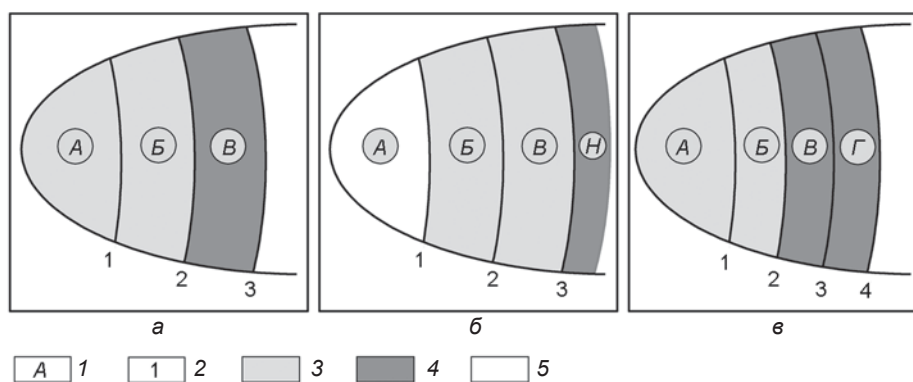

Рис. 4. Схематическое представление структуры и тенденций застройки городищ.

а – Иднакар; б – Учкакар; в – Гурьякар.

1 – обозначение структурных частей; 2 – обозначение линий оборонительных сооружений; 3 – участок преимущественно жилой и хозяйственной застройки; 4 – участок преимущественно хозяйственной и производственной застройки; 5 – принцип застройки не определен.

ключительном этапе существования Иднакара участки хозяйственной застройки во внутренней и средней частях располагались вдоль склонов. Однако, как показали раскопки, жилищам средней части предшествовали постройки хозяйственного и производственного назначения, залегавшие непосредственно на материке. Следовательно, до создания внешней линии укреплений (линия 3; см. рис. 4, а) эта тер-

ритория являлась производственной и хозяйственной периферией поселения, которая, видимо, после возникновения новых оборонительных сооружений «переместилась» на внешнюю часть Иднакара [Там же, с. 81].

В целом на городище прослеживается последовательное расширение его площадки. При этом границы «присоединенной» территории определяются новой

Таблица 1. Тенденции застройки городищ

Городище	Структурные части				
	А	Б	В	Г	Н
Иднакар	Жилая и хозяйственная	Жилая и хозяйственная	Хозяйственная и производственная	–	Не выявлена
Учкакар	Не определена	То же	Жилая и хозяйственная	–	Хозяйственная и производственная
Гурьякар	Жилая и хозяйственная	»	Хозяйственная и производственная	Хозяйственная и производственная	Не выявлена

линией оборонительных сооружений, а сам участок используется как хозяйственно-производственная периферия поселения. За пределами внешней линии укреплений культурный слой не выявлен.

Городище Учкакар

Кушманское городище Учкакар является самым западным памятником чепецкой культуры (см. рис. 1). Оно расположено на мысу, образованном берегом реки и глубокой долиной ручья (см. рис. 2, б). Поверхность ровная, хорошо задернована и покрыта высоким травостоем. На площадке просматриваются две линии укреплений [Археологическая карта..., 2004, с. 200–203]. Городище впервые упоминается в переписях XVII в. В начале 1880-х гг. памятник был обследован А.А. Спицыным, а в середине того же десятилетия Н.Г. Первухин провел пробные раскопки, снял топографический план и купил у крестьян значительную коллекцию вещей. В 1930 г. городище исследовал А.П. Смирнов. Заложенные им две взаимно перпендикулярные траншеи прорезали часть внутренней площадки перед валом и внешнюю часть поселения (см. рис. 2, б). Было вскрыто 20 сооружений: жилые дома, кладовые, очаги, горны, сараи, загоны для скота. Особенно интересными оказались сырдутные горны, описание которых в дальнейшем использовалось разными авторами, в т.ч. и Б.А. Колчиным [1953, с. 30–37]. Материалы городища долгое время оставались неопубликованными, впоследствии по инициативе А.П. Смирнова они были введены в научный оборот, датированы IX–XII вв., возможно, первой половиной XIII в. [Иванова, 1976].

Планомерное изучение Учкакара началось в 2011 г. Алгоритм междисциплинарных исследований отличался от принципов изучения Иднакара. Геофизическая съемка была проведена на всей территории поселения еще до начала раскопок [Журбин, Иванова, 2018]. Это позволило сформировать предварительные представления о его структуре и планировке. В результате последующих целенаправленных раскопок были изучены жилые и хозяйственные сооружения,

хозяйственные и производственные ямы, а также внутренняя линия укреплений (рис. 5). На всех структурных частях Учкакара были вскрыты разнообразные объекты планировки. Последующее соотнесение результатов раскопок (менее 2 % территории городища) со сводной картой геофизических аномалий позволило определить структуру поселения и восстановить планировку его структурных частей. Кроме того, получена оценка мощности культурного слоя и степени его сохранности. Впервые на чепецких городищах за пределами укреплений выявлена напольная часть (участок Н; см. рис. 4, б; табл. 1).

Структура Учкакара оказалась более сложной, чем представлялась по внешне выраженным топографическим параметрам. При геофизических исследованиях была выявлена внутренняя, не выраженная в рельефе линия обороны, что подтверждено раскопками [Модин, Журбин, Иванова, 2018]. Это позволило выделить четыре структурные части городища (см. рис. 4, б; табл. 1): внутреннюю (участок А, ограниченный линией укреплений 1, сnivelированной в древности), среднюю и внешнюю (участки Б и В, границы которых определяют оборонительные сооружения линий 2 и 3, выраженные в рельефе), напольную (участок Н за пределами внешней линии укреплений 3).

Планировка и тенденции застройки средней и внешней частей Учкакара (участки Б и В; см. рис. 4, б; табл. 1) схожи с внутренней и средней частями Иднакара (участки А и Б; см. рис. 4, а; табл. 1). Постройки располагались нечеткими рядами. При этом на участке В культурный слой практически утрачен в результате многолетней распашки, сохранились только заглубленные объекты – ок. 80 ям (см. рис. 5). Раскопки подтвердили наличие в центральной части участка Б выявленных геофизическими методами жилищ, а на участке В вблизи южного склона мыса – углубленных хозяйственных сооружений сложной конструкции. Обнаруженный очаг с подочажной ямой мог выполнять как отопительную, так и производственную функцию [Иванова, Модин, 2015]. Полученные данные согласуются с описанием результатов раскопок А.П. Смирнова [Иванова, 1976]. Большин-

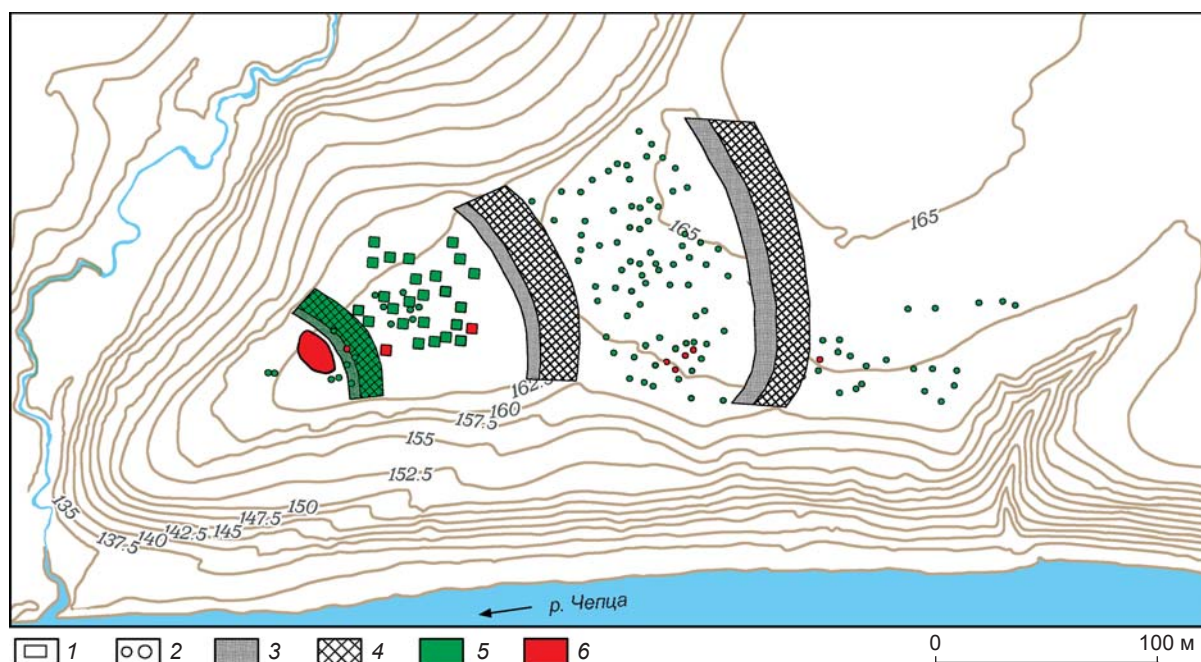

Рис. 5. Структура и планировка Уччакара.

1 – глиняные площадки; 2 – хозяйственные ямы; 3 – вал; 4 – ров; 5 – объекты, выявленные геофизическими методами; 6 – объекты, подтвержденные раскопками.

ство вскрытых им сооружений отнесены к жилым или хозяйственным (см. выше). К сожалению, планы этих раскопок не сохранились. Но поскольку большая часть траншеи была расположена в центральной части внешней площадки городища (см. рис. 2, б), приведенные данные согласуются с предположением о преимущественно жилой и хозяйственной застройке участка В.

В напольной части Уччакара (участок Н; см. рис. 4, б; табл. 1) выявлены хаотично расположенные заглубленные объекты. Большинству из них соответствуют биполярные аномалии на магнитограмме, что может быть связано с пирогенным заполнением ям [Скаун, Тарасов, 2000; Федорина, Красникова, Меснянкина, 2008]. Раскопки на месте одной из таких аномалий показали, что она вызвана углубленным производственным сооружением сложной конструкции (см. рис. 5). Кроме того, зафиксированы хаотично расположенные ямы меньшего размера (вероятно, хозяйственные). Выявленная ситуация согласуется с особенностями застройки внешней части городища Иднакар (участок В; см. рис. 3; 4, а). Принципиальное отличие Уччакара состоит в том, что достаточно развитая хозяйственно-производственная периферия вынесена за границы защищенной части поселения.

Другой отличительной чертой Уччакара является фрагментарная застройка его внутренней части (участок А; см. рис. 4, б; табл. 1). Она расположе-

на на стрелке мыса и ограничена линией обороны, не выраженной в рельефе (линия 1; см. рис. 4, б). На этом участке культурный слой практически отсутствует, геофизическими исследованиями выявлены только заглубленные в материк объекты – «котлован» эллипсовидной формы размером 12×20 м, а также несколько хаотично расположенных локальных ям диаметром 1–2 м (см. рис. 5). Раскопки показали, что «котлован» представляет собой компактную группу наземных и углубленных хозяйственных сооружений сложной конструкции [Междисциплинарные исследования..., 2018, с. 63–69]. Некоторые разновременные сооружения частично перекрывают друг друга. Кроме того, выделены специфические объекты – выкладки из камней без следов термического воздействия. Они не имеют аналогов на поселениях чепецкой культуры. Специфичная планировка этой части Уччакара и особенности выявленных объектов не позволяют определить принцип ее застройки.

В целом на городище Уччакар прослеживается последовательное расширение поселения. Новые линии оборонительных сооружений определяют границы «присоединенного» участка жилой и хозяйственной застройки. Существенные отличия от известных памятников чепецкой культуры состоят в наличии напольной части поселения (хозяйственно-производственная периферия) и отсутствии зоны плотной застройки на мысовой части городища.

Городище Гурьякар

Гординское I городище Гурьякар расположено в восточной части ареала чепецкой культуры (см. рис. 1). Впервые упоминается в переписях XVII в. Несмотря на значимость Гурьякара для чепецкой культуры и средневековой истории финно-угорских народов в целом, это поселение практически не изучено. Его осмотр проводили Н.Г. Первухин (1880-е гг.), А.П. Смирнов (1894 г.) и Т.И. Останина (1991 г.). В 1957 г. В.А. Семеновым был снят топографический план городища и заложено два шурфа [Археологическая карта..., 2004, с. 119–120]. Лишь в 1979 г. М.Г. Иванова провела первые (и единственные) полноценные раскопки [Иванова, 1982]. Раскоп площадью 288 м² был расположен на мысовой части городища. Как и на других поселениях чепецкой культуры [Иванова, Журбин, 2006, рис. 3], центральным элементом жилых сооружений являлась площадка подпрямоугольной формы из уплотненной или прокаленной глины. В жилищах были хозяйственные ямы и очаги. К площадке обычно примыкала глубокая яма площадью 12–16 м² с отвесными стенками, заполненная гумусированным неоднородным материалом с включениями камней, керамики, углей, прокаленного грунта и органического тлена. Для Гурьякара установлена преимущественная ориентация глиняных площадок жилищ по линии северо-восток – юго-запад. При интерпретации геофи-

зических данных сочетание этих признаков позволило выделить комплексы жилых сооружений.

Традиционно для средневековых укрепленных поселений чепецкой культуры Гурьякар занимает мыс высокой коренной террасы (см. рис. 2, а). С напольной стороны площадка городища ограничена оборонительными сооружениями. Предполагалось, что на Гурьякаре было три линии укреплений. В настоящее время они слабо выражены в рельефе, что связано с многолетней распашкой территории поселения. Междисциплинарные исследования позволили выявить еще одну линию укреплений, расположенную между ранее известными второй и третьей (линия 3; см. рис. 4, в; 6).

Геофизические изыскания (электропрофилирование, магниторазведка и электротомография) проведены на всей территории поселения, включая раскоп М.Г. Ивановой. Последнее обстоятельство позволило получить дополнительные сведения для интерпретации комплекса геофизических данных. В восточной части раскопа были частично вскрыты глубокая яма, в заполнении которой обнаружены крупные камни (глубина 1,0 м от уровня фиксации), и площадка прокаленной глины [Иванова, 1982, рис. 5]. Объекты уходили в борт раскопа. Взаимное расположение этих объектов и геофизических аномалий, примыкающих к участку раскопок, позволяет соотнести их между собой. Подобные ямы и площадки входят в комплек-

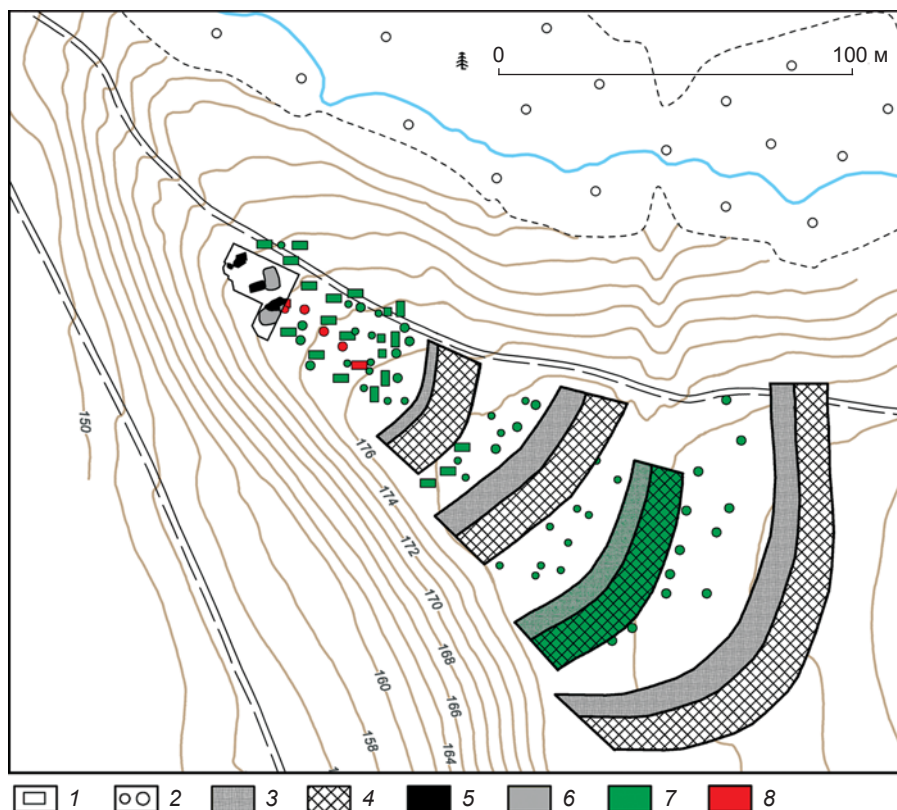

Рис. 6. Структура и планировка Гурьякара.

1 – глиняные площадки; 2 – хозяйственные ямы; 3 – вал; 4 – ров; 5, 6 – глиняные площадки (5) и хозяйственные ямы (6), обнаруженные при раскопках; 7 – объекты, выявленные геофизическими методами; 8 – объекты, выявленные геофизическими методами и подтвержденные раскопками или почвенными бурениями.

сы жилых сооружений. Последующими целенаправленными почвенными бурениями были подтверждены еще три хозяйственные ямы и глиняная площадка, а также валы и рвы всех четырех линий оборонительных сооружений (рис. 6).

Анализ комплекса геофизических данных и результатов почвенных бурений позволил выявить особенности планировки и тенденции застройки поселения. На мысовой части предположительно существовала зона плотной жилой и хозяйственной застройки (участок А; см. рис. 4, в; табл. 1). Прослеживаются три ряда построек, ориентированные вдоль осевой линии мыса. Объекты планировки, расположение которых определено при комплексных исследованиях, продолжают ряд сооружений, выявленных в раскопе (см. рис. 6). На участке В (см. рис. 4, в; табл. 1) постройки располагались вдоль оборонительных сооружений. Вероятно, здесь были не только жилые, но и производственные постройки: группа крупных ям с пирогенным заполнением выявлена вдоль внутренней границы линии укреплений 2 (см. рис. 4, в; 6). На участках В и Г (см. рис. 4, в) глиняные площадки не обнаружены. В основном фиксируются ямы, заполненные пирогенно преобразованным почвенно-грунтовым материалом (см. рис. 6). Вероятно, эти объекты были связаны с хозяйственной или производственной деятельностью. Они располагались также вдоль оборонительных сооружений.

В отличие от Иднакара и Учкакара, на поселении Гурьякар при неоднократном расширении территории зона жилой застройки оставалась в границах внутренней части (участок А, возможно, и В). По геофизическим данным на участках В и Г фиксируются немногочисленные заглубленные объекты, вероятно связанные с пожароопасным производством. Так же, как и на городище Иднакар (в отличие от Учкакара), напольная часть не выявлена.

Заключение

Междисциплинарные исследования трех крупнейших городищ чепецкой культуры – Иднакара, Учкакара и Гурьякара – позволили оценить их границы, струк-

туру и планировку. При комплексном изучении этих поселений использовались различные алгоритмы исследований. Реконструкция Иднакара базировалась на сравнительном анализе результатов масштабных раскопок и геофизических исследований. Раскопки отдельных объектов городища Учкакар проводились по карте геофизических аномалий, предварительно построенной для всей территории поселения. Оценка структуры и планировки Гурьякара была основана на комплексе разноплановых геофизических данных, сравнительном анализе с материалами целенаправленных почвенных бурений и ранее проведенных археологических раскопок. Во всех случаях экстраполяция результатов геофизических исследований обеспечила высокую степень достоверности археологической реконструкции.

Различные принципы взаимодействия геофизики и археологии позволили не только выявить оборонительные сооружения, неизвестные ранее (ср. рис. 2 и рис. 3, 5, 6), но и обосновать предположения о планировке и тенденциях застройки каждой структурной части этих внешне схожих, но существенно различающихся поселений чепецкой культуры (см. рис. 4; табл. 1). На городищах Иднакар и Гурьякар «присоединенная» территория, защищенная новой линией оборонительных сооружений, использовалась как хозяйственно-производственная периферия; на Учкакаре – преимущественно для жилой и хозяйственной застройки, а хозяйственно-производственная зона выносилась на напольную часть, за границы внешней линии укреплений. Существенное отличие Учкакара состоит и в том, что на мысовой части поселения не выявлена зона жилой, хозяйственной или производственной застройки, традиционная для чепецких городищ.

Междисциплинарные исследования также позволили оценить динамику развития Иднакара, Учкакара и Гурьякара (см. рис. 4; табл. 2). Необходимо подчеркнуть, в таблице показана именно «полезная» площадь структурных частей поселений – площадь участков, которые могли быть использованы для жилых, хозяйственных или производственных сооружений (без учета территории, занятой валами и рвами). Эти

Таблица 2. Параметры структурных частей городищ

Городище	Количество линий укреплений	Расстояние между линиями укреплений, м	Увеличение территории застройки (по этапам), раз	Исходная / суммарная площадь застройки, м ²
Иднакар	3	1 и 2 – 60 2 и 3 – 100	В 2 В 2,1	6 150 / 26 300
Учкакар	3	1 и 2 – 65 2 и 3 – 80	В 3,8 В 2,2	2 250 / 21 800
Гурьякар	4	1 и 2 – 15 2 и 3 – 25 3 и 4 – 25	В 1,5 В 1,3 В 1,6	2 400 / 7 400

данные наглядно демонстрируют отличия в принципе расширения обитаемой территории. Новые линии укреплений на Иднакаре и Уччакаре (см. рис. 3 и 5) увеличивали площадь поселений в 2 раза и более. При этом вновь «присоединенная» территория активно использовалась как жилая и хозяйственная зона. Там раскопки и геофизическая съемка фиксируют плотную застройку. Таким образом, на Иднакаре и Уччакаре возведение очередной линии укреплений, защищающей дополнительно освоенную территорию, может рассматриваться как признак нового этапа развития поселения. На Гурьякаре ширина «присоединенных» участков не превышает 25 м (см. рис. 6), при этом площадь защищенной части увеличивается не более чем в 1,5 раза (табл. 2). Предварительно можно предположить, что на этом поселении создавалась эшелонированная система укреплений, которая не подразумевала его расширения.

Таким образом, в результате комплексных исследований получена уникальная по полноте информация для сравнительного анализа структуры и планировки всех трех крупнейших укрепленных поселений чепецкой культуры. При внешней схожести Иднакара, Уччакара и Гурьякара (топографические признаки, значительная площадь, мощный культурный слой, несколько линий укреплений и пр.) они существенно различаются по структуре и тенденциям застройки.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-49-180007 р-а).

Список литературы

- Археологическая карта северных районов Удмуртии** / А.Г. Иванов, М.Г. Иванова, Т.И. Останина, Н.И. Шутова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – 276 с.
- Журбин И.В., Иванова М.Г.** Геофизические исследования Кушманского городища Уччакар в Прикамье // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 1. – С. 76–85.
- Иванова М.Г.** Кушманское городище // Вопросы археологии Удмуртии. – Ижевск: Удм. НИИ истории, экономики, литературы и языка, 1976. – С. 93–106.
- Иванова М.Г.** Городище Гурья-кар: Результаты исследований 1979 г. // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. – Ижевск: Удм. НИИ при СМ УдмАССР, 1982. – С. 3–26.
- Иванова М.Г.** Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 294 с.
- Иванова М.Г., Журбин И.В.** Опыт междисциплинарных исследований древнеудмуртского городища Иднакар IX–XIII вв. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 2. – С. 68–79.
- Иванова М.Г., Журбин И.В., Кириллов А.Н.** Оборонительные сооружения городища Иднакар: основные итоги междисциплинарных исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 2. – С. 108–119.
- Иванова М.Г., Модин Р.Н.** Кушманское городище Уччакар X–XIII вв.: материалы внешней части в контексте развития средневековых поселений // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2015. – Вып. 10. – С. 138–151.
- Колчин Б.А.** Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси: (Домонгольский период). – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 257 с. – (МИА; № 32).
- Междисциплинарные исследования Кушманского городища Уччакар IX–XIII вв.: методика комплексного анализа** / И.В. Журбин, Е.Е. Антипина, М.Г. Иванова, Е.Ю. Лебедева, Р.Н. Модин, А.Ю. Сергеев, Л.В. Яворская. – М: ТАУС, 2018. – 248 с.
- Модин Р.Н., Журбин И.В., Иванова М.Г.** Междисциплинарные исследования и реконструкция оборонительных сооружений финно-угорских средневековых поселений (Кушманское городище Уччакар) // РА. – 2018. – № 2. – С. 83–97.
- Первухин Н.Г.** Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. – М.: [Тип. М.Г. Волчанинова], 1896. – Т. 2. – 261 с.
- Скакун Н.Н., Тарасов В.А.** Результаты применения магниторазведки и капаметрии при исследовании поселения трипольской культуры Бодаки // Археол. вести. – 2000. – Вып. 7. – С. 60–69.
- Спицын А.А.** Приуральский край: Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. – М.: [Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа], 1893. – Т. 1. – 192 с.
- Федорина А.Н., Красникова А.М., Меснянкина С.В.** Локализация и исследование жилых и хозяйственных сооружений на селищах Весь 5 и Шекшово 2 с использованием геофизики и археологии // Археология Владимиро-Суздальской земли: мат-лы науч. семинара. – М.: ИА РАН, 2008. – Вып 2. – С. 23–35.

Материал поступил в редколлегию 28.06.19 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.1.129-139
УДК 902/904

В.Б. Ковалевская

Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: ver.kov@mail.ru

Предки восточной лошади в Евразии: происхождение и пути распространения

В статье ставится вопрос о методах исследования проблемы происхождения и распространения восточной быстроаллюрной лошади, использовании для ее решения широкого спектра данных – исторических, палеозоологических, генетических и иконографических. Особое внимание обращено на характеристику эталонной для этой лошади современной ахалтекинской породы. Рассмотрены особенности коней пазырыкской знати IV–III вв. до н.э., безусловных предков быстроаллюрных ахалтекинцев. Имея результаты анализа восточной лошади на основании данных об ахалтекинцах и пазырыкских конях, мы можем сопоставить с ними все известные материалы с сопредельных территорий, как остеологические, так и иконографические. В этом ключе проанализированы данные по коневодству Ирана и древнейшей из упомянутых в письменных памятниках нисейской породе. Подробно рассматривается проблема экстерьерного типа восточного коня, места и времени его появления и распространения на сопредельных территориях. Экстерьерный тип дан по характеристике крупнейшего русского ипполога В.О. Витта; место, очевидно, должно быть ограничено Средней Азией от Каспийского моря до Ферганы, а время – эпохой начала всадничества и военных походов. Восточные лошади, скорее всего, появились в результате скрещивания domesticiрованной на средней Волге лошади с тарпаном евразийских или азиатских степей.

Ключевые слова: восточная лошадь, ахалтекинская, нисейская лошадь, происхождение, распространение, Евразия, Ближний Восток I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

V.B. Kovalevskaya

Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences,
Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117036, Russia
E-mail: ver.kov@mail.ru

Ancestors of the Oriental Horse in Eurasia: Origin and Distribution

This study discusses the origin and dispersal of the Oriental agile horse, using a range of data—historical, faunal, genetic, and iconographic. It focuses on the Akhal-Teke horses as the model breed of the Oriental horse. Their unambiguous ancestors were horses ridden by the Pazyryk chieftains (400–200 BC). Findings about the Oriental horses, based on the analysis of the Akhal-Teke and Pazyryk breeds, are compared with osteological and iconographic data relating to horses from adjacent territories. The paper looks at horse breeding in Iran and at the Nisaeen breed—the earliest one mentioned in written sources. Using the criteria outlined by the prominent Russian horse expert W.O. Witt, the exterior of the Oriental horse is described, and its homeland and dispersal across the neighboring areas are reconstructed. The likely homeland was Central Asia from the Caspian coast to Fergana, and the time of origin is between the beginning of horse riding and the military campaigns. The Oriental horse was possibly an outcome of a crossing between the domesticated horse from the Middle Volga and the tarpan of the Eurasian or Asian steppes.

Keywords: Oriental horse, Akhal-Teke, Nisaeen horse, origin, distribution, Eurasia, Middle East, 1000 BC–1000 AD.

Введение

В данной статье рассматривается вопрос о появлении в Старом Свете быстроаллюрной лошади, которая уже в греко-римских источниках именовалась восточной, что, безусловно, свидетельствовало о ее восточном происхождении по отношению к Европе и Ближнему Востоку. Прекрасное описание экстерьера древневосточной быстроаллюрной благородной лошади по иконографическим материалам дает профессор В.О. Витт: «Мы видим лошадь довольно крупную, стройную, сухую, с высоко поставленной шеей, с породной головой, хорошо развитой холкой. Художник старается выразить живой темперамент этой лошади, изображает ее стремящейся вперед, легконогой, стоящей на несколько тонких, сухих ногах» [1937, с. 12]. Если же говорить об историографии проблемы восточной лошади (*Equus orientalis*), то начинать нужно с V в. до н.э., с трудов отца истории Геродота. Он первый заговорил о быстрых крупных лошадях мидийской Нисеи, не назвав их восточными, но подчеркнув местоположение этих лошадей на востоке. По мнению выдающегося кембриджского ипполога М. Левин, «восточные лошади, очевидно из Юго-Западной Азии, судя по имеющимся данным (имеются в виду генетические. – В. К.), прежде всего были ввезены в Египет около 16-го века до н.э.» [Levine, 2006, p. 199]. Следовательно, до этого, по меньшей мере во II тыс. до н.э., а то и раньше, восточные лошади были уже в Юго-Западной Азии. Таким образом, мы получаем генетическое подтверждение тому, что ярко описанные в Ригведе и Авесте быстроаллюрные кони, которых древние авторы называли «небесными», «сверхъестественными», нисейскими, «потокровными», были использованы в колеснице и под верх уже индоевропейцами в их передвижениях из евразийских степей на юг и юго-восток, вплоть до Ближнего Востока и Индии.

В пределах V–IV вв. до н.э. непревзойденный специалист по коневодству Ксенофонт в Киропедии рассказывал, что, будучи наследником персидского престола, Кир в юности свое пребывание у деда в Мидии посвятил достижению успехов в верховой езде; мидийскую конницу Ксенофонт справедливо считал «лучшей в мире» [1976, с. 16, 27].

О преимуществе восточных лошадей говорили многие древние авторы, что подчеркнул в своей обобщающей книге об истории лошадей Е. Хель в середине XIX в.: «Персидские кони были самыми знаменитыми по всей античности, красотой своих форм, грацией, энергией и всеми теми редкими качествами, которыми в высшей степени отличаются восточные кони. Древние историки их описывают пре-

восходящими всех остальных гордостью и грацией их осанки и мягкостью движений. Они полуприсели на задних ногах, у них легкий перед, их лебединые шеи несут элегантную голову, которая грациозно изгибалась в воздухе или сгибалась в кольцо, упиравась в грудь. Движения их были ритмичны, а их резвость огромна» [Houël, 1848, p. 178]. У Страбона (через несколько веков после Геродота) идет речь о знаменитых нисейских (нисейских) лошадях Востока, «которыми пользовались цари как самыми лучшими и самыми большими» [Страбон, 1964, с. 495], причем нам важно учесть, что в это время их формообразовательным очагом была не только Мидия, но и Армения, следовательно, на протяжении почти пяти столетий ареал нисейской породы существенно увеличился, так же, очевидно, как и роль восточной лошади в мировом коннозаводстве. Вслед за нисейскими лошадьми столь же знаменитыми стали бактрийские и парфянские, а за ними аланские – любимые подседельные лошади римских императоров.

В отечественной историографии отправной точкой для постановки и решения вопроса о роли восточной лошади в культурном коневодстве мира занимают работы нашего крупнейшего энциклопедиста и ипполога В.О. Витта. Именно его исследования служат основополагающими в рассмотрении проблемы, которая является ключевой в данной статье. Мы выделяем среди лошадей древности быстроаллюрных скакунов типа современных ахалтекинцев. Только после работы В.О. Витта 1937 г. был развенчан миф об арабской породе как древнейшей. Автор доказал, что ахалтекинская порода «хранит в себе последние капли того источника чистой крови, который создал все верховые коннозаводства мира» [Витт, 1937, с. 12]. В следующей работе В.О. Витт [1952] обосновал гипотезу о выращивании пазырыкских коней на Алтае при вливании крови породистых среднеазиатских восточных скакунов. Она была принята не всеми палеозоологами (см.: [Цалкин, 1952]), однако новые материалы из пазырыкских курганов подкрепляли эту гипотезу [Гребнев, Васильев, 1994; Васильев, 2000].

Чтобы профессионально рассмотреть происхождение ахалтекинских лошадей, увводя их историю в глубины веков, мы должны оценить специфику того материала, которым оперируем. Мы имеем характеристику современного ахалтекинца как представителя породы: экстерьер, рост, основные промеры, масти. Знаем его особенности – резвость, активность, выносливость, привязанность к хозяину, рекорды на длинные и короткие дистанции. Имеем проанализированный специалистами по ахалтекинской породе остеологический материал и промеры современных ахалтекинцев, а также их генетическую характеристику на сегодняшний день.

Методы исследования

С чем же нам следует сравнивать данные об ахалтекинцах, углубляясь в древнюю историю? Прежде всего это остеологические коллекции из археологических раскопок, где отправной точкой сопоставления будут размеры и профиль головы, степень тонконогости, рост в холке, относительная длина ног и туловища. Анализ статистических характеристик конституционного типа позволяет получить представление об использовании коня, установить его связь с более ранними и одновременными ему лошадьми. Изучая остеологический материал, палеозоологи могут оценить экстерьер, рост, степень верховости. Наши возможности значительно расширяются при обращении к обширным иконографическим материалам, начиная с росписей палеолитических пещер до картин недавнего прошлого: это монументальная скульптура и мелкая пластика, петроглифы и росписи во дворцах, терракоты и изображения на керамике и т.д. Они тоже позволяют охарактеризовать экстерьер, масть, рост, аллюр, степень верховости. Письменные памятники углубляют наши представления, внося необходимую временную и пространственную приуроченность. Все указанные группы источников требуют профессионального подхода. Это предмет специального рассмотрения и сопоставления, причем поставленная нами цель заключается в том, чтобы выявить все вехи длительной предыстории коней именно ахалтекинской породы в степях, на плоскогорьях и равнинах Евразии. Как археолог, ставя задачу дойти до самых древних слоев, должен сначала исследовать все более поздние напластования, так и исследователь ахалтекинцев уходит все дальше в глубину веков, начиная с рассмотрения коней Туркмении сегодняшнего и вчерашнего дня. Прежде чем сравнивать между собой лошадей разных эпох в поисках тех черт, которые позволяют видеть в них предков ахалтекинцев, дадим характеристику современного текинца.

Ахалтекинские кони

Голова у ахалтекинца небольшая, точеная, легкая, сухая, с прямым профилем или изредка горбоносая; глаза большие, выразительные, строгие и горящие огнем, иссиня-черные, иногда песочно-желтые; шея длинная, тонкая, с хорошим лебединым изгибом, иногда «оленья» с кадыком (рис. 1, 2*).

Рис. 1. Тыкма Сердар, темно-гнедой жеребец ахалтекинской породы, 2006 г. рожд. (Ставропольский конный завод, Россия). Чемпион мира 2009 г.

Рис. 2. Халал-хон, изабелловый жеребец ахалтекинской породы, 2013 г. рожд. (конный завод «Узбегим», Узбекистан). Чемпион Узбекистана 2016 г.

*Рис. 1–3 – фото Ю. Кузнецовой.

Спецификой является вертикальный постав шеи, особенно на быстрых аллюрах, и посадка головы под острым углом, чего нет у лошадей других пород и что создает неповторимую красоту, горделивость осанки. Уши небольшие, идеальной формы, очень подвижные. Во всем облике преобладают длинные линии, именно этим ахалтекинцы напоминают старинные гравюры с изображениями восходящих к ним первых чистокровных лошадей в Англии. Конечности сухие, прочные, с хорошо отбитыми сухожилиями, правильными бабками, очень прочными и аккуратными копытами. Ахалтекинские лошади отличаются разнообразием мастей, в т.ч. редких для других пород: это золотистая или фиолетово-гнедая, розово-соловая – цвета утренней зари, серая, иссиня-воронья и рыжая. Другой особенностью ахалтекинцев (что также можно видеть на древних изображениях) являются их удивительно естественные движения: низкая, легкая и летящая широкая рысь, плавный стелящийся галоп, настильные и могучие прыжки, и при этом поворотливость, энергичность. Работающие всегда с большой отдачей, они знают одного хозяина, всегда защитят его от человека и зверя. Этого несравненного скакуна мы видим в нисейских (несейских) лошадях древнего Ирана, «потокровной» среднеазиатской лошади в Китае, «восточ-

ной» в Греции, «аланском коне» в Риме и Западной Европе, среднеазиатском аргмаке у тех народов, которые приложили усилия к выведению и тренингу «сверхъестественного небесного скакуна» (рис. 3).

Генетические данные

В настоящее время для анализа роли предков ахалтекинцев можно использовать генетические данные, полученные по костям лошадей из археологических памятников. Это требует большой подготовительной работы по подбору разновременных остеологических материалов, хранящихся в фондах музеев, университетских и институтских центрах. На протяжении почти полувека во Всероссийском научно-исследовательском институте коневодства под руководством Т.Н. Рябовой ведутся исследования генофонда ахалтекинских лошадей. За это время были проведены анализы по микросателлитам ДНК 2 024 ахалтекинцев со всего мира. Установлено, что ахалтекинская порода отличается широким спектром аллелей и большим генетическим разнообразием [Храброва, Рябова, Устьянцева, 2012]. Получено генетическое доказательство древности этой породы. Залогом успешного будущего сопоставления разновременных древних лошадей с современными ахалтекинскими по данным ДНК является то, что последние обладают определенными генетическими маркерами, присущими только им. По некоторым редким аллелям прослеживается сходство этой породы с тувинскими и хакасскими лошадьми, а по другим – с башкирскими и забайкальскими, что свидетельствует или об общем предке в древности, или скорее о генетических связях. Сказать точнее можно будет по результатам исследования геномов древних лошадей при учете пространственно-временных характеристик ископаемого материала (относился он к горным или степным районам).

Ахалтекинцы и кони пазырыкских вождей

Ахалтекинцы и кони пазырыкских вождей

Что же мы можем сказать о предках ахалтекинских коней? Археологам очень повезло дважды. Во-первых, С.И. Руденко и М.П. Грязнов в 1920-х гг. и позже открыли в Горном Алтае т.н. замерзшие могилы пазырыкских вождей IV–III вв. до н.э. Во-вторых, в этих довоенных полевых работах принял участие крупнейший рос-

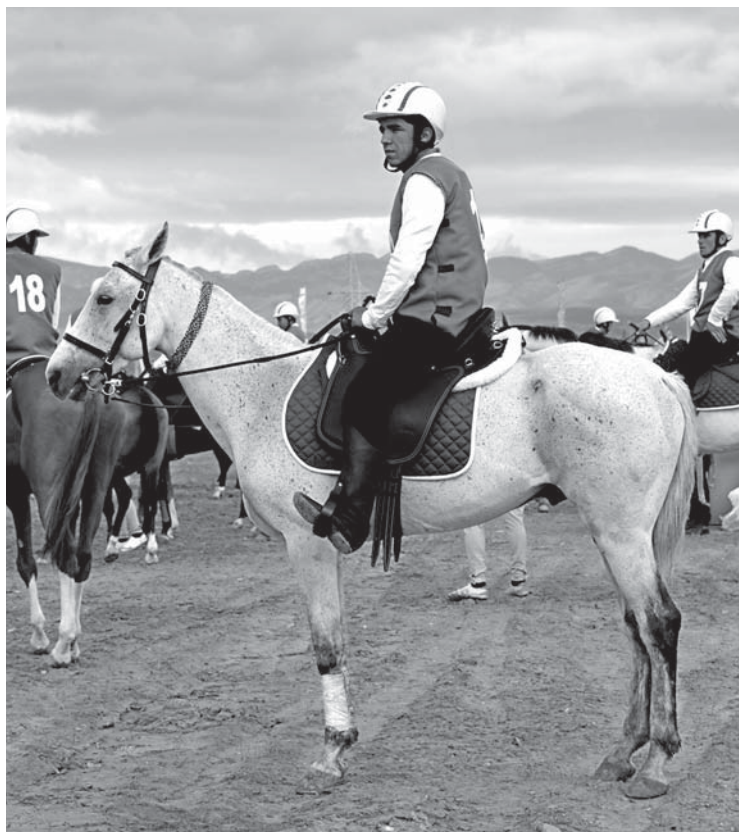

Рис. 3. Гокхан, современный представитель иомудской породы, успешный участник дистанционных конных пробегов в Туркмении.

сийский ипполог, практик и теоретик коневодства, один из последних энциклопедистов России XX в. В.О. Витт, который имел возможность препарировать погребенного в могиле коня алтайского вождя. Поэтому уместно привести большую выдержку из его первой статьи на эту тему: «Могилка оказалась во власти вечного мороза... и в глыбах многовекового льда... застыли трупы лошадей и все предметы конского убора и снаряжения, сопровождавшие их в могилу. Для нас, иппологов, интерес, который представляют предметы конского снаряжения, седла и уздечки, отступает на второй план по сравнению с тем огромным интересом, который возбуждают к себе непосредственно сами лошади, глядящие на нас из дали веков и тысячелетий и являющиеся свидетелями давно минувших эпох истории. <...> Темно-рыжий конь из могилы алтайского скифа – это благородная верховая лошадь древности, боевой конь Средней Азии, увековеченный в изображениях великих мастеров Ассирии, Египта и Эллады. Резко бросается в глаза, что скифский конь имеет культурную внешность лошади, за которой ухаживали, которую кормили зерном, чистили и холили, которую берегли до глубокой старости – рыжему коню за 20 лет. <...> Шерсть лошади до сего времени не потеряла блеска; рубашка, хотя и осенняя, но теплого благородного тона с золотистым отливом. <...> Рыжий конь вождя имел рост не менее 150 см. Голова его хотя и немаленькая и несколько горбоносая, но сухая и приятная, шея длинная, высокопоставленная, волосы гривки подстрижены и захвачены с обеих сторон особым нагривничком, холка высокая, какую подобает иметь верховой лошади, спина сравнительно короткая, ноги сухие, безупречные по костяку, довольно длинные относительно корпуса, “щетки” крайне малы, почти совсем отсутствуют, копыта прочные, небольшие, хвосты оригинально подстриженные... такие, какие мы имеем в ряде изображений древности. <...> Каким же образом эти крупные, породистые, быстрые кони Средней Азии попадали на далекий Алтай? Вероятнее всего, что такие лошади у скифов-кочевников Алтай попадались только как исключение, доставаясь им как добыча, захваченная в войнах с южными соседями и высоко ими ценящаяся. Возможно, что в небольшом количестве конных заводов вождей и на дальнем севере разводились лошади этой расы. <...> Все же наиболее вероятное объяснение проникновения этих лошадей на дальний север – это путь войн и добычи» [Витт, 1937, с. 22–23]. Для нас бесценны описания В.О. Витта, а главное, выводы, к которым он пришел в данной работе, начавшей собой целую литературу о пазырыкских конях. Достаточно сказать, что в 1952 г. вышли две очень важные статьи: В.О. Витта и крупнейшего палеозоолога, занимавшегося изданием остеологических коллекций Института истории материальной культуры (Инсти-

тут археологии) АН СССР, В.И. Цалкина. Последняя была посвящена изучению новых остеологических материалов, полученных в результате раскопок С.В. Киселевым курганов на Алтае. Нам наиболее интересны взгляды В.И. Цалкина на пазырыкских лошадей, среди которых он вслед за В.О. Виттом выделил местную породу северных степей Казахстана и Сибири и более высокорослых коней, обладающих «общим складом и экстерьерными особенностями верховой лошади. Они имели относительно небольшие головы, длинные шеи, короткие холки; хвост у них, в отличие от лошадей северного типа и рабочих пород, высоко поставленный и недлинный. Трубочатые кости более тонкие и удлиненные, чем у степных... бабка более длинная... Ряд общих краниологических особенностей роднит этих лошадей с современными представителями верховых пород южного происхождения – туркменскими и английскими чистокровными» [Цалкин, 1952, с. 147].

Большая обобщающая статья В.О. Витта была посвящена интерпретации остеологических материалов из всех погребений Пазырыка, известных к тому времени. В ней автор пересмотрел свою точку зрения на пазырыкских лошадей: на основании статистического анализа остеологического материала он пришел к выводу о единой для Алтая пазырыкского времени породе, включающей лошадей разной высоты в холке [Витт, 1952].

Подытоживая исследования пазырыкских лошадей В.О. Виттом, В.П. Алексеев подчеркнул, что последний выделял в них «две комбинации признаков: одну – низкорослую, по экстерьеру достаточно грубую и напоминающую современных алтайских, бурятских и монгольских лошадей; другую – крупную, с явно верховыми формами и парадной золотисто-рыжей мастью... они разводились на месте, скрещиваясь с местной лошадей, и способствовали ее улучшению. Но в целом среднеазиатское происхождение высокорослых породистых лошадей из зоны развитых цивилизаций Древнего Востока им не отрицается, что и имеет наибольшее значение и находит фактическое подтверждение» [1990, с. 162]. Продолжая эту мысль, автор отметил, что в эпоху раннего железа «в горных районах Алтая аристократическая родовая верхушка использовала под верх лошадей, очень напоминающих современных ахалтекинских и арабских» [Там же, с. 163]. Для нас важно признание В.П. Алексеевым большой роли в сложении пазырыкской лошади среднеазиатского аргамача, легшего в основу и оставшегося улучшателем. Поэтому-то знатные алтайцы имели более породных и высокорослых коней верхового склада. Их и содержали в лучших условиях, и получены они были от более высокопородных родителей внутри единой породы пазырыкских лошадей IV–III вв. до н.э.

О роли коней в жизни алтайского населения писала и Н.В. Полосьмак: «Раскопки курганов средних размеров в Ак-Алахе I (1990) и Кутургунтас (1991) показали, что главным богатством людей, похороненных там, были кони... Среди лошадей, сопровождавших похороненных в средних курганах на р. Ак-Алахе, были такие, которые превышали по своим размерам самые высокие особи из Пазырыкских курганов. Присутствие в “царских”, а также в средних курганах знатных воинов породистых коней свидетельствует о том, что последние не являлись столь уж большой редкостью для пазырыкцев» [1994, с. 80]. В приложении к выше цитированной монографии И.Е. Гребнев и С.К. Васильев на новом, статистически обработанном большом материале, подтверждая положения В.О. Витта 1952 г., показывают, что «все лошади, найденные в погребениях носителей пазырыкской культуры, одной породы» [1994, с. 109]. Более подробно это рассмотрено в статье С.К. Васильева, в которой «предпринята попытка на новом уровне установить систематическое положение скифской лошади, ее фенотипические особенности, проследить трансформацию лошадей Алтая во времени, выяснить, различались ли лошади из погребений знати и простых пазырыкцев» [2000, с. 237]. Новым оказалось построение графиков средних пропорций плюсовых костей лошади. Они показали наибольшее сходство алтайских лошадей с *Equus ex. gr. gallicus* при большей грацильности строения метаподий у первых. Как полагает автор, «голоценовые потомки этих лошадей (*Equus ex. gr. gallicus*. – В. К.) и послужили, скорее всего, объектом domestikации, которая впервые предположительно имела место в Северном Причерноморье в IV тыс. до н.э.» [Там же, с. 241]. Уточним, что ранее С.К. Васильев этого вероятного потомка называл западно-сибирским тарпаном. Предложенная гипотеза о происхождении пазырыкских лошадей лишней раз подтверждает восточное по отношению к Европе происхождение той крупной, породной и быстроаллюрной лошади, которую мы видим в пазырыкских конях, похожих по многим показателям на современных ахалтекинцев.

Пути исследования пазырыкских лошадей

Задача проследить предков восточных лошадей, зная только конечную точку процесса в виде ахалтекинцев Туркмении и промежуточную, обоснованную палеозоологически и археологически, в виде пазырыкских элитных коней Алтая IV–III вв. до н.э., очень сложная. Поставил ее В.О. Витт в середине XX в., опираясь на те материалы, которые были в распоряжении науки в то время. С тех пор их количество увеличилось, и о результатах изучения этих материалов мы уже ска-

зали. Предлагаемый далее путь исследования на основании исторических и иконографических аналогий субъективен и, возможно, неоптимален; кроме того, требует приложения сил группы специалистов. Для начала нужно знать отправную точку во времени и пространстве. Относительно места с высокой долей вероятности можно предполагать, что это Средняя Азия, очевидно Прикаспийская зона, и Западная Сибирь. Последнее подтверждается принятым в греко-римских источниках названием «восточная лошадь» (*Equus orientalis*), поскольку по отношению к античной метрополии это было восточное явление.

Теперь относительно времени, когда человеку понадобился быстроаллюрный конь. Впервые на средней Волге лошадь была domestцирована в V–IV тыс. до н.э. в качестве мясного животного. Быстроаллюрность была бы скорее помехой, поскольку удержать легче относительно более флегматичную лошадь, чем можно считать «казахскую», с которой А.Г. Петренко сравнивает одомашненную лошадь средней Волги [2007, с. 29]. Следовательно, стимулом к получению быстроаллюрного скакуна была потребность в быстрых, крупных и выносливых конях для верховой езды. Она должна была бы появиться, когда люди начали охотиться на диких лошадей, т.е. уже на первом этапе их одомашнивания. Но это только логические предпосылки, безусловных фактов, подтверждающих, что верховая езда в степях предшествовала использованию коня в колеснице, в нашем распоряжении нет. Тем не менее, с нашей точки зрения, в евразийских степях необходимость охоты на диких лошадей для получения запасов мяса вызвала нужду в верховой езде, а поскольку в степной зоне обитали быстроногие тарпаны, то нужны были быстрые кони [Ковалевская, 1977, с. 12–13].

Историческое время, когда кочевнику, воину и охотнику понадобилась быстроаллюрная лошадь, совпадает с освоением коня в качестве верхового, а не колесничного животного. Поскольку такие новшества распространялись молниеносно, это происходило, по-видимому, повсюду, в последней четверти II тыс. до н.э. sporadически, а массово – уже в начале I тыс. до н.э. В евразийских степях паслись огромные табуны тарпанов. Во время охоты можно было отбить дикого жеребенка, приручить и в дальнейшем случить с домашней лошастью, уже умеющей служить человеку. Средства обуздания коня к тому времени уже усовершенствовались, а тренинг коней, как мы уже писали ранее, достиг поразительных успехов. Наметив пространственно-временные рамки необходимости использования быстроаллюрного коня, рассмотрим на конкретном материале имеющиеся у нас факты. И, подчиняясь географическому принципу, начнем с наиболее близко расположенных к Средней Азии территорий.

Кони Ирана

Именно на территории Ирана известны знаменитые нисейские лошади, отличающиеся выдающимися качествами. «Нисейскими же называются эти кони вот почему. Есть в Мидии обширная равнина под названием Нисей. На этой-то равнине и разводят таких больших коней» [Геродот, 1972, с. 326–327]. Любопытно, что в первоклассной работе В.П. Колосовского «Лошади Туркестана» 1910 г., переизданной в наши дни, автор неоднократно называет ахалтекинскую породу нисейской, не считая нужным доказывать правомерность этого [2016], в чем с ним можно согласиться. Подтверждением служит прежде всего поразительное сходство в экстерьере, кровности и росте, несмотря на разделяющий их более чем 25-вековой промежуток времени.

Для достаточно полного представления об иранском коне мы располагаем многими сведениями. Это и обширный остеологический материал из Казвинской долины, введенный в научный оборот палеозоологом М. Машкур [Mashkour, 2003], и многочисленные разнообразные изображения (рис. 4). Наиболее ранние рисунки были схематичны, но уже с послед-

ней трети II тыс. до н.э. в них проявляются те экстерьерные черты, которые свойственны восточным коням, как это отмечают иппологи. На расписных сосудах из Сиалка X–IX вв. до н.э. изображены тонконогие лошади с длинным подтянутым туловом, тонким и длинным, высоко поставленным хвостом, мощной грудью, изогнутой длинной шеей, небольшой головой с несколько выпуклой лобной частью и большими глазами. В глиняных раскрашенных сосудах в виде коня – водолеях этого же и несколько более позднего времени – отражены те же экстерьерные черты восточного коня, причем особенно важны подчеркнутые мастером красиво изогнутая шея с подстриженной гривой и изящная голова с прямым профилем и настороженными ушами.

Большее число изображений относится к периоду расцвета Персидской империи, где роль коня была как никогда велика. По оценке современников, персы были непревзойденными всадниками. Надо полагать, что именно нисейские (несейские) лошади изображены на стенах Персеполя: в царские колесницы запряжены крупные мускулистые кони с длинным туловищем, массивными крупом и грудью, с короткой мясистой, но красивой шеей, украшенной подстри-

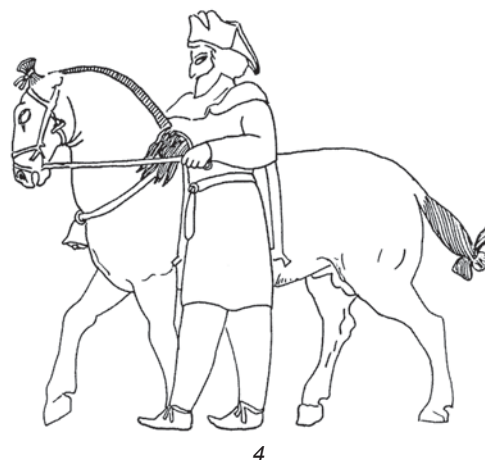

Рис. 4. Изображения иранских лошадей X–VIII вв. до н.э. из Сиалка (1), Амлаша (2, 3) и Персеполя (4).

женной гривой, с бараньей по профилю головой с выпуклыми выразительными глазами. Они значительно массивнее изящных лошадей Египта и Ассирии, больше ростом (очевидно, достигая 140–150 см в холке), хотя одновременно изображались и низкорослые. Интересно, что на рельефах Персеполя V–IV вв. до н.э. запечатлены верховые кони того же экстерьерного типа и роста, что и кони царской колесницы, но более высокие, чем запряженные в обычные колесницы.

Еще большую портретную галерею нисейских коней представляют древние геммы, специально под этим углом зрения изученные С.Я. Берзиной [2002]. На ранних образцах XIII–VIII вв. до н.э. изображены либо мифические крылатые кони, либо запряженные в колесницы. Они изящные, быстроаллюрные, тонконогие, с подтянутым туловом, красиво изогнутой линией верха, вертикально поставленной тонкой шеей и небольшой головой. К VI–V вв. до н.э. относятся три ахеменидские печати. На двух изображены посвященные Ахура-Мазде священные кони, о которых писал Геродот. Интересно, что они различаются по экстерьеру. В одном случае запечатлен легкий, длинных линий конь с сильной грудью, красиво изогнутой шеей, аккуратной головой с высоко поставленными ушами, на тонких ногах в первой стадии галопа – легкий тип быстроаллюрного скакуна. На обнаруженной в Греции ахеменидской цилиндрической печати изображен мощный, с крупной головой на короткой мясистой шее конь в позе торжественного шага, с накинутым на шею поводом, под мягким, богато украшенным седлом-чепраком. Тут представлены два крайних по своим экстерьерным особенностям типа породных лошадей Древнего Востока – легкий быстроаллюрный и массивный шаговый. В них есть черты коней, изображенных на персепольских рельефах, наиболее наглядно они проявляются в изображениях V–IV вв. до н.э. (рис. 4, 4). Надо полагать, что именно в V в. до н.э. сложился тот типичный образ персидского коня – крепкого, сильного, длинноногого и горбоногого, – который создал славу персидских, парфянских и бактрийских лошадей. Очевидно, эти лошади и стали известны грекам как нисейские – первая древняя порода, славившаяся своим экстерьером и прекрасными способностями к бегу.

Такие подробные описания вызваны желанием подчеркнуть существование как определенного конституционного типа коня, так и различных вариантов в его рамках. На богатом материале иногда удается уловить изменения в породном типе – например, сравнивая между собой три печати времен персидского царя Кира VII–VI вв. до н.э., которые отстоят друг от друга на полстолетия. Причем именно к этому периоду относятся походы в Переднюю Азию киммерийцев и скифов, принесших с собой новую технику

верховой езды, новую тактику, и главное – быстроаллюрных коней из евразийских степей, что не могло не отразиться на экстерьере лошадей Западной Азии. Сравнивая изображения на печатах [Там же, рис. 5, 8, 9], можно отметить постепенное увеличение роста, удлинение шеи, изменение посадки всадников. Самая поздняя из этих печатей нововавилонская. На ней изображен копейщик Нинурта-Ах-Иддана, сидящий на крупном коне, прекрасно обмускуленном, на длинных сильных ногах, с высоко поднятой изящной шеей, крепкой грудью и небольшой головой с несколько выступающим лбом. Высоко поднятый недлинный хвост, возможно в чехле, дополняет сходство с типичным ахалтекинцем.

Многообразие типов древней восточной лошади отмечено и таким тонким знатоком ахалтекинской породы, как Т.Н. Рябова: «Вот перед нами на рисунках и петроглифах лошади легкие, тонконогие, поджарые, с удлинённой легкой головой на длинной высоко поставленной шее и незначительной оброслостью. В этом типе лошадей совершенно ясно просматривается тип современного ахалтекинца. Такие лошади использовались как под верхом, так и в упряжке. Эти быстроногие, легкие, маневренные, бесстрашные животные во все времена слыли лучшими боевыми конями» [2016, с. 153].

Мы начали наше описание с нисейских лошадей, относящихся к середине I тыс. до н.э., добавив их изображения на геммах начиная с XIII в. до н.э. Как видим, нисейские лошади являются первой конской породой, выделенной древними авторами. Отмечены были те породные черты, которые отличали восточных лошадей ираноязычного населения Евразии: высокий рост, превосходные способности к бегу. Геродот указывал территорию, где разводили этих лошадей (Нисейская равнина в Мидии), а через пять столетий после него Страбон поднимался вопрос об их происхождении: «...луг... носит название “Конеобильного”; через него проходят... из Персиды и Вавилона к Каспийским воротам, а в персидские времена, как говорят, на этом лугу паслось 50 000 кобылиц. Это были царские табуны. Что касается нисейских коней, которыми пользовались цари как самыми лучшими и самыми большими, то одни утверждают, что порода их отсюда, а другие – что из Армении» [1964, с. 495]. Важны сведения Страбона о том, что в Армении выращивались нисейские лошади [Там же, с. 499]. Следовательно, порода выделялась не по ее географической приуроченности, а по присущим ей специфическим чертам экстерьера и работоспособности, именно так, как это мыслится в наши дни. Если в геродотовские времена нисейские лошади связаны с определенной долиной в Мидии, то через пять веков их разводили как на ранее обозначенной территории, так и в Армении.

Как уже упоминалось, персы были непревзойденными всадниками. Ксенофонт описывает бесчисленные конные охоты, введенные персидским царем Киром, выдающимся конником, как военное упражнение для всадников и коней, и подчеркивает, что выведению и тренингу лошадей персы уделяли огромное внимание [1976, с. 14–16, 215–217]. Поэтому персидские кони, а именно нисейские, долго не имели себе равных среди других конских пород. Во время похода в Грецию персидский царь Ксеркс «в Фессалии... устроил конские состязания своих и фессалийских коней (он слышал, что фессалийская конница – лучшая в Элладе). Тут эллинские кони, конечно, остались далеко позади» [Геродот, 1972, с. 366]. Во время состязаний на ипподромах проводились скачки на короткие и длинные (более 10 км) дистанции. Ахеменидская империя создала почтовую службу с почтовыми станциями, расположенными в одном дне пути друг от друга; царские гонцы на сменных лошадях проходили путь в 2 500 км за одну-две недели [Edwards, 1987, p. 67].

Нельзя оставить без внимания знаменитую парфянскую конницу, поскольку, по мнению Страбона, она была в то время самая быстрая и сильная; парфянские кони даже превосходили персидских. Римские императоры стремились их иметь в качестве боевых, т.к. было известно, что на протяжении 8–10 дней эти лошади могли проходить ежедневно по 150 км, современники ценили их неустранимость. Важно, что и для времени Страбона лучшими верховыми конями оставались нисейские, «которыми пользовались цари... Подобно парфянским лошадям они отличаются своеобразной статью по сравнению с элладскими и прочими лошадьми...» [Страбон, 1964, с. 495]. Это достаточно весомое подтверждение того, что нисейские лошади с полным основанием были названы нисейской породой, которая по своим качествам подобна парфянским лошадям, но, судя по тексту Страбона, не тождественна.

На конских ристалищах в Риме после триумфального въезда Суллы появились и прославленные парфянские скакуны. Плутарх особенно красочно описал парфянских катафрактариев и клибанариев – тяжеловооруженных всадников, от которых «убеждать невозможно»; их диковинные стрелы, невидимые в полете; тяжелые, с железными остриями копья; броненосных конников, которые «предстали... пламени подобные – сами в шлемах и латах из маргианской, ослепительно сверкавшей стали, кони же их в латах медных и железных» [1994, с. 69]. Парфянскую конницу описывает и Тацит: «...парфянин, приученный с одинаковой ловкостью на скакивать и обращаться вспять, рассыпает свои конные части, дабы можно было беспрепятственно поражать врага стрелами...» [2003, с. 219].

Аланы, в которых древние авторы подчеркивали их восточное (массагетское) происхождение, появившись в Европе и на Кавказе в I в. н.э., привели в Европу (сначала в Восточную, а затем в Западную) своих знаменитых «аланских коней», славившихся, как нисейские во времена Геродота и Страбона, и в такой же мере являвшихся представителями «восточной лошади». Они обладали теми же превосходными качествами, из которых в эпоху гуннского нашествия и Великого переселения народов особенно ценились резвость, неутомимость, бесстрашие и способность к длительными переходам. Сарматы и «отважные и многоконные» аланы (Дионисий, II в. н.э.) славилась своей легкой конницей, а их «звонконогие» (Сидоний, V в.) кони, «пригодные для любой длины переездов» (Овидий, I в. н.э.), – резвостью и неприхотливостью. По древним изображениям породистых, подтянутых, тонконогих, быстроаллюрных скакунов с горделиво поднятыми изящными головами (росписи склепов в Керчи, надгробия и т.д.) мы можем оценить экстерьер и рабочие качества этих коней, похожих на современного ахалтекинського аргамака. О восточном происхождении коня императора Адриана говорит его имя Борисфен, а полная горечи эпитафия, посвященная Адрианом гибели Борисфена, свидетельствует о его выдающихся качествах. И описания, и изображения рисуют нам типичного восточного коня, может быть, только более изысканных форм, чем лошади I тыс. до н.э.

Во II в. н.э. император Марк Аврелий перевел на стену Адриана в Северной Британии из Паннонии 55-ю кавалерийскую алу, и в последующее время сармато-аланы упоминаются в составе 1-й Паннонской и Сарматской кавалерийских ал [Edwards, 1987, p. 87]. По остеологическим материалам из римских поселений, относящихся к стене Адриана, палеозологи выделили шесть типов лошадей [Ibid, p. 87, 88]. Среди них были небольшие местные пони (рост 110–120 см), обыкновенные римские строевые кони (120–130 см) и крупные лошади (140–150 см), в которых можно видеть коней, приведенных с собой сарматами из Северного Причерноморья. Именно такого типа лошадь изображена на камне крепостной стены Йорка, находящейся несколько южнее стены Адриана, что мне удалось увидеть во время научной командировки в Британию в 1988 г. Изображения подобных крупных стройных коней с красивыми изящными небольшими головами на изогнутых и высоко поднятых шеях известны на средневековых пиктских каменных надгробиях, найденных в Шотландии и хранящихся в экспозиции Эдинбургского музея. Надо подчеркнуть, что этот тип лошади не встречался в изобразительных материалах более раннего времени на территории Британии и Галлии. Он появился здесь после прихода сармато-аланских воинских

подразделений, познакомивших местное население с высококровной восточной лошастью.

Со II в. до н.э. восточный тип быстрой неутомимой лошади стал знаком и китайцам, хотя, конечно, как достижение западного для них мира. Интересно, что китайцы в это время выделяли два типа выдающихся коней. Одних они получали от усуней, за другими, еще более ценными, посылали посольства с богатыми дарами в Давань (Фергана). Причем китайские ценители лошадей дали свои названия породным среднеазиатским скакунам. По словам знаменитого историка Сыма-Цяня, усуньских называли «конями с западных окраин», а даваньских – «небесными» (см.: [Самошин, 2012, с. 153–154]). Считалось, что последние имели божественное происхождение, о чем можно прочесть в песне, сочиненной императором У-ди:

Дух Полярной Звезды даровал
Мне Небесного Коня.
Десять тысяч ли прочит он,
Запряженный в колесницу.
Только лишь речной дракон
Способен составить ему пару.

[Там же, с. 154].

Заключение

В работе показано, что на протяжении тысячелетий с момента одомашнивания лошади человеку нужны были разные ее качества. В первое время, когда на средней Волге в V–IV тыс. до н.э. лошадь была одомашнена как мясное животное, ценилась возможность ее обуздать, держать в загоне, переводить на водопой и содержать на выпасах. Не было необходимости в быстроаллюрности и большом росте, тем более, что всегда при одомашнивании скот мельчает. От лошади ожидалась покладистость, способность к подчинению воле человека. Надо полагать, что с момента приручения коня его использовали не только для перевозки тяжестей волоком или во вьюках, но и для верховой езды, по меньшей мере для переездов, охраны табунов и конной охоты.

Судя по изображениям на конеголовых скипетрах IV–III тыс. до н.э., появившиеся намордники с опущенным нахрапным ремнем и уздечки с сыромятным «грызлом» позволяли успешно управлять верховым конем. Потребность в сильной, выносливой, быстрой и маневренной лошади возникла при использовании коней в боевых колесницах, что происходило в евразийских степях и на Ближнем Востоке в III–II тыс. до н.э. Но, как показали экспериментальные работы недавнего прошлого, для колесниц нужны небольшие кони, имеющие в холке 120–130 см

[Spruytte, 1977, p. 40], это еще не «восточная лошадь». Потребность в крупном быстроногом коне появилась при использовании его для верховой езды и боевых сражений, т.е. в последние века II тыс. – первые века I тыс. до н.э., а в евразийских степях, возможно, несколько ранее. В античных письменных источниках для I тыс. до н.э. подчеркиваются преимущества восточных коней – персидских, парфянских и скифосакских. В работе показаны те восточные лошади, которые стали известны грекам в пору противостояния Востока и Запада, когда владение ими было залогом успеха. Римские авторы непревзойденными скакунами, годными под седло императору, считали аланских коней. Владение превосходными восточными лошадьми было важным и для китайских императоров, вожделенной добычей которых в последние века I тыс. до н.э. и позднее являлись среднеазиатские аргамаки – «небесные кони».

Восточные лошади, вероятно, появились в Средней Азии в результате скрещивания одомашнированной на средней Волге лошади с тарпаном, скорее всего, во II, если не в III тыс. до н.э. Оттуда они распространились на Ближний Восток, в Египет и Элладу. К восточным лошадям относились и нисейские кони Мидии, и пазырыкские кони Алтая IV–III вв. до н.э. В Европу они попадали в скифское время и позднее, в связи с сармато-аланскими передвижениями первых веков нашей эры.

В завершение хотелось бы остановиться на тех возможностях, которые предоставит генетический анализ палеозоологического материала из могильников Урала, Сибири и Средней Азии. Особый интерес представляют погребения вождей племен, искавших побед на полях сражений, а они зависели от силы, быстроты и неутомимости коня, лучшим воплощением которого был восточный скакун. Можно ожидать увидеть генетические показатели, характерные для лошадей ахалтекинской породы. Это могут быть кони, как у пазырыкского вождя из кург. 5. Возможно, будет выявлена роль восточных коней в улучшении породы, но, безусловно, генетический анализ лошадей поможет открыть новые стороны в жизни местного сибирского населения, известного по археологическим исследованиям. Восточная лошадь может быть тем статусным признаком и показателем того социального уровня, которые окажутся важными характеристиками изученного нами древнего общества. Возможно, это слишком смелые надежды, но целенаправленный и планомерный сбор генетических материалов древних лошадей и их анализ, безусловно, позволит нам по-новому взглянуть на историю населения Сибири и Горного Алтая I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

Список литературы

- Алексеев В.П.** Домашняя лошадь Монголии // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии / отв. ред. А.П. Деревянко, Ш. Нацагдорж. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 149–167.
- Берзина С.Я.** Кони в глиптике Древнего Востока и образ ахалтекинца на древних геммах и печатях // *Miras*. – Ашхабад, 2002. – № 1. – С. 114–122.
- Васильев С.К.** Палеонтологические и палеобиологические исследования материалов из «замерзших» погребений Уюка // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 237–306.
- Витт В.О.** Лошадь древнего Востока // Конские породы Средней Азии. – М.: ВАСХНИЛ, 1937. – С. 11–32.
- Витт В.О.** Лошади пазырыкских курганов // СА. – 1952. – Т. XVI. – С. 163–205.
- Геродот.** История в девяти книгах / под общ. ред. С.Л. Утченко. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
- Гребнев И.Е., Васильев С.К.** Лошади из памятников пазырыкской культуры Южного Алтая // Полосьмак Н.В. «Стерегищие золото грифы» (ак-алахинские курганы) / отв. ред. А.П. Деревянко. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 106–111.
- Ковалевская В.Б.** Конь и всадник: Пути и судьбы. – М.: Наука, 1977. – 152 с.
- Колосовский В.П.** Лошади Туркестана. – М.: Либроком, 2016. – 160 с. – (Энциклопедия конника).
- Ксенофонт.** Киропедия / отв. ред. С.Л. Утченко. – М.: Наука, 1976. – 334 с.
- Петренко А.Г.** Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Приуралья (по археологическим материалам). – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. – 144 с. – (Археология евразийских степей; вып. 3).
- Плутарх.** Сравнительные жизнеописания: в 2 т. – М.: Наука, 1994. – Т. 1. – 706 с.
- Полосьмак Н.В.** «Стерегищие золото грифы» (ак-алахинские курганы) / отв. ред. А.П. Деревянко. – Новосибирск: Наука, 1994. – 124 с.
- Рябова Т.Н.** Типизация коней древности // Ахал-Теке Информ: ежегодный информационно-аналитический альманах. – 2016. – С. 153.
- Самошин В.** Песнь о небесном скакуне // Ахал-Теке Информ: ежегодный информационно-аналитический альманах. – 2012. – С. 152–155.
- Страбон.** География в 17 книгах / под общ. ред. С.Л. Утченко. – Л.: Наука, 1964. – 943 с.
- Тацит Публий Корнелий.** Анналы; Малые произведения; История. – М.: АСТ; Ладомир, 2003. – 986 с. – (Классическая мысль).
- Храброва Л., Рябова Т., Устьянцева А.** Генетические особенности ахалтекинских лошадей разных популяций // Ахал-Теке Информ: ежегодный информационно-аналитический альманах. – 2012. – С. 187–190.
- Цалкин В.И.** К изучению лошадей из курганов Алтая // Материалы и исследования по археологии Сибири. – М.: Наука, 1952. – Т. 1. – С. 147–156. – (МИА; № 24).
- Edwards E.H.** Horses: Their Role in the History of Man. – L.: Willow Books, 1987. – 224 p.
- Houël E.** Histoire du cheval chez tous les peuples de la terre: depuis les temps les plus anciens jusqu'à nos jours. – P.: Bureau du Journal des Haras, 1848. – Т. 1. – 589 p.
- Levine M.** mtDNA and Horse Domestication: the Archeologist's Cut // Equids in Time and Space: Papers in honour of Vera Eisenmann / ed. M. Mashkour. – Oxford: Oxbow Books, 2006. – P. 192–201.
- Mashkour M.** Equides in the Northern Part of the Iranian Central Plateau from the Neolithic to Iron Age: New Zoogeographic Evidence // Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse / eds. M. Levine, C. Renfrew, K. Boyle. – Cambridge: Oxbow Books, 2003. – P. 129–138.
- Spruytte J.** Etudes Experimentales sur l'apelage contribution a l'histoire des chevaux. – P.: Crepin-Leblond, 1977. – 143 p.

*Материал поступил в редколлегию 01.10.18 г.,
в окончательном варианте – 19.01.19 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.1.140-148
УДК 391

И.В. Стрельцова

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
ул. Пушкинская, 89, Владивосток, 690001, Россия
E-mail: i-strel@mail.ru*

Региональные особенности традиционной одежды украинцев и белорусов на юге Дальнего Востока в конце XIX – начале XX века

Статья посвящена исследованию этнорегиональной специфики народного костюма, бытовавшего у белорусских и украинских переселенцев в Приморье на рубеже XIX–XX вв. Источниковой базой послужили музейные экспонаты Приморского объединенного музея им. В.К. Арсеньева, а также архивные и полевые материалы Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Привлечение работ сибирских исследователей по традиционной одежде позволило проследить аналогии в процессах трансформации народного костюма переселенцев на территориях вторичного освоения. В статье описываются и анализируются предметы мужской и женской одежды в соответствии с их типологией: нательная одежда – рубахи, поясная женская – плахты, юбки-спидницы, юбки с лифом (саян), фартуки, поясная мужская – штаны-порты, нагрудная женская – безрукавки-кирсетки, верхняя – свитки, юпки, пояса, мужские и женские головные уборы, обувь – лапти, ичиги. По материалу, крою, технологическим приемам, орнаментации определяется региональная специфика традиционного костюма, обусловленная этническим составом переселенцев (уроженцы Черниговской, Полтавской, Киевской, Могилевской, Гродненской, Минской губ.). Рассматриваются особенности бытования и развития традиционных костюмов в процессе адаптации как к новым природно-климатическим условиям (например, отказ от изготовления свиток ввиду плохой акклиматизации овец), так и к социально-экономическим и этнокультурным трансформациям, которые вызвали комплексные изменения в технологиях изготовления, оформления и способах ношения, а также последующее вытеснение их одеждой городского типа.

Ключевые слова: Приморье, украинцы, белорусы, этнографические коллекции, традиционный костюм, музей.

I.V. Streltsova

*Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East,
Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences,
Pushkinskaya 89, Vladivostok, 690001, Russia
E-mail: i-strel@mail.ru*

Regional Features of the Traditional Clothing of Ukrainians and Belarusians in the South of the Russian Far East (Late 19th to Early 20th Century)

This article highlights regional specifics in the traditional clothing of Ukrainian and Belarusian settlers in Primorye. It is based on ethnographic collections owned by the Arseniev State Museum of Primorsky Region, on archives of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, and on field data. Publications by Siberian researchers make it possible to reveal parallel transformations of folk outfit in areas colonized by Eastern Slavs. Separate items are described and analyzed—male and female underclothing (shirts), female waist clothing (plakhta), skirts, dresses with bodices (sayan), aprons, male trousers (porty), female sleeveless jackets (kirsetka), outer garments (svitka, yupka), belts, male and female caps, and footwear (lapti, ichigi). In terms of cloth, design, decoration, manufacturing techniques, there are regional differences related to the settlers' provenance (natives of Chernigov, Poltava, Kiev, Mogilev, Grodno, and Minsk Governorates). Adaptation to new environments is analyzed (for instance, woolen outer garments such as svitki were abandoned because of the poor acclimatization of sheep). Socio-economical and ethno-cultural transformations caused complex changes in technology, design, and ways the outfits were worn. Eventually, traditional clothing was replaced by that of the urban type.

Keywords: Primorye, Ukrainians, Belarusians, ethnographic collections, traditional outfit, museum.

Введение

Исследование региональных особенностей народно-бытовой культуры в районах позднего заселения затрагивает широкий спектр проблем, связанных с различными аспектами бытования этнических традиций, степенью их статичности и динамичности. Особый интерес вызывает проблема регионального своеобразия одежды украинцев и белорусов в регионах вторичного освоения, в частности, на юге Дальнего Востока. Изучением регионального компонента в одежде украинцев и белорусов Сибири занимались такие исследователи, как Е.Ф. Фурсова [2004, 2011], Т.М. Назарцева [2005], М.А. Жигунова [2005]. На этнографических материалах Дальневосточного региона, в частности Приморья, указанная тема рассматривалась нечасто. Ценные данные, полученные в ходе исследования одежды украинцев и белорусов Приморья, содержат монографии и полевые записи Ю.В. Аргудяевой [1993, 1997; Аргудяева, Сем, 1971]. Интересные сведения о рубахах восточно-славянских переселенцев Хабаровского края приводятся в каталоге Хабаровского краеведческого музея им. Н.И. Гродекова [Рубахи славян-переселенцев..., 2007]. На материалах этнографических коллекций Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева (далее – ПГОМ) изучались региональные особенности традиционных рубах, безрукавок-кирсеток и поясов украинских и белорусских переселенцев [Стрельцова, 2012, 2014а, б]. Однако комплексное исследование региональной специфики одежды украинцев и белорусов юга Дальнего Востока не предпринималось. Данная тема представляется актуальной для понимания региональных особенностей изготовления, бытования и развития одежды украинских и белорусских переселенцев в Приморье на рубеже XIX–XX вв. Термины для обозначения одежды, ее составляющих, а также способов отделки, которые мы используем, соответствуют общепринятой в научной литературе терминологии. В отдельных описаниях приводятся местные названия одежды, записанные со слов информантов, что оговаривается в каждом конкретном случае.

Трансформации традиционного костюма украинцев и белорусов в Приморье

Формирование украинского и белорусского населения Приморья происходило в процессе аграрной колонизации российского Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. Особенности переселенческого движения на юге региона обусловили преобладание здесь выходцев из Левобережной Украины, среди которых уроженцы Черниговской губ. составляли 40 %, Киевской – 26, Полтавской – 22 % [Аргудяева, 1993, с. 32].

Белорусские переселенцы прибывали компактными группами в основном из Могилевской, Гродненской, Минской губ., а также из северо-западных уездов (Стародубский, Новозыбковский, Суражский, Мглинский) Черниговской губ. В процессе освоения новых территорий неизбежно происходило взаимопроникновение этнических традиций, что в конечном итоге привело к аккультурации переселенцев. Вместе с тем оторванность от родных мест и компактность расселения украинцев и белорусов способствовали своеобразной консервации локальных традиций их народно-бытовой культуры, одним из компонентов которой являются комплексы одежды. В Приморье получил распространение комплекс одежды, характерный для населения Центральной и Восточной Украины. В состав комплекса женской одежды входили вышитая рубаха, плахта или юбка-спидница, безрукавка-кирсетка и фартук. Белорусский женский костюм представлял собой комплекс одежды, распространенный главным образом на Могилевщине, а также в северных уездах Черниговской губ. Он состоял из вышитой рубахи, юбки (спадница, андарака) или юбки с лифом (саян) и фартука. Мужской комплекс одежды, характерный для украинцев и белорусов, отличался универсальностью и включал рубаху из домотканого или фабричного полотна и штаны (порты). Традиционные комплексы мужской и женской одежды дополнялись поясами, головными уборами, обувью.

Основу женского костюма украинцев и белорусов на рубеже XIX–XX вв. составляла рубаха («сорочка»). Рубахи, распространенные в Приморье, шились как из домотканого льняного или конопляного полотна, так и из фабричной хлопчатобумажной ткани. В качестве сырья для изготовления домотканого холста переселенцы использовали, как правило, коноплю, поскольку лен давал плохие урожаи [Аргудяева, Сем, 1971]. В Приморье носили рубахи в основном с прямыми поликами – прямоугольными вставками, пришитыми по утку, которые соединяли стан и рукав, создавая дополнительный объем, необходимый для свободы движения [Зеленин, 1991, с. 231]. Ворот и манжеты таких рубах собирались в густые мелкие сборки, что придавало изделию пышность и нарядность. Место соединения полика и верха рукава часто также оформлялось сборкой. Этнографические коллекции свидетельствуют о том, что в Приморье встречался также архаичный туникообразный крой. Примером может служить рубаха черниговской переселенки из фондов ПГОМ (МПК 12297 Т4-2885) (рис. 1). Исследователи отмечают, что туникообразная женская рубаха у восточных славян в XIX в. являлась реликтовой формой [Маслова, 1956, с. 605]. Подобный покрой встречался у русских старообрядков в «смертных» рубахах, а также в повседневной одежде уроженок юго-западных губерний Украины [Этно-

Рис. 1. Рубаха женская. Черниговская губ. Холст, вышивка в технике «крест», декоративный шов «зубцевание». Поступила от В.Я. Демченко (1929 г.р.) из с. Архиповка Чугуевского р-на Приморского края. МПК 12297-1 Т4-2885.

графия восточных славян..., 1987, с. 267]. В Приморье зафиксированы также рубахи с цельнокроеными рукавами, характерные для Среднего Поднепровья (МПК 8727-10 Т 1-179) [Украинцы, 2000, с. 212]. В первой трети XX в. с распространением тканей фабричного производства особую популярность приобрели *залакотніцы* – рубахи с короткими (чуть ниже локтя) рукавами на кулиске с колоколообразной оборкой (МПК 10278-3 Т1-534; 9144-5 Т1-171). Иногда их шили и на кокетке [Лобачевская, 2009, с. 36].

По типу кроя женские рубахи подразделялись на цельнокроеные (МПК 17257-1 Т-6237; 3409 Т1-588) и составные, т.е. сшитые из двух горизонтально расположенных частей – стана и подставы (МПК 9110-1 Т1-602; 10126-1 Т1-558). Верхнюю часть рубахи обычно выкраивали из тонкого отбеленного полотна, а подставу – из более грубого холста. С распространением фабричной хлопчатобумажной ткани такие ее виды, как перкаль, коленкор использовали для стана рубахи, а домотканину – для подставы. Из цельного полотна изготавливались свадебные

рубашки невесты, а также рубахи, которые принято было носить в комплекте с распашной поясной одеждой – плахтой. В этом случае подол рубахи, открытый для всеобщего обозрения, обильно украшали вышивкой, ажурными прошивами, мережкой. Следует отметить, что украинцы декорировали подол не только праздничных, но и повседневных рубах [Зеленин, 1991, с. 229].

Важным элементом оформления женских рубах были разнообразные декоративные швы; ими украшали полики, рукава, манжеты, ворот, манишку, подол. Для декорирования рубах как самостоятельно, так и в смешанных комбинациях использовались следующие виды техник: «вырезывание», «выкалывание», гладь, тамбур, вышивка по сетке, болгарский и простой крест, а также разнообразные мережки. Старинные виды швов, такие как «набор» и «роспись» встречались достаточно редко. В качестве декора использовали также краевой, соединительный и другие виды швов, которые служили дополнительным элементом основного орнаментального ряда.

В орнаменте рубах украинских переселенцев наиболее часто встречаются растительно-геометризованные мотивы. Белорусские рубахи украшались чаще всего геометрическим орнаментом в виде ромбов, крестов и восьмилепестковых розеток. Основная цветовая гамма декора – красный с вкраплением черного, реже – синего. Для жителей некоторых районов Украины и Белоруссии (преимущественно Черниговской, Полтавской и Гомельской губ.) были характерны рубашки, вышитые белыми льняными или хлопчатобумажными нитями по белому фону холста (вышивка «белым по белому»). Такие рубахи встречались и в Приморье (МПК 9110-1 Т1-602; 17257-1 Т-6237). По традиции они использовались в качестве подвенечной одежды невесты, в праздничном костюме пожилых женщин и как погребальная одежда [Лобачевская, 2009, с. 86] (рис. 2).

Региональные и локальные различия в одежде можно проследить по композиционному строю орнамента. Так, в рубахах переселенков из Черниговской губ. декор в виде горизонтальных бордюров располагался на поликах и дублировался сверху рукава (МПК 12297-2 Т4-2884; 9144-4 Т1-591) (рис. 3). Кроме того, черниговские рубахи имели выраженную линию конструктивно-декоративных швов в верхней части рукава (МПК 8403-7 Т1-590; 10128-1а Т-5368; 11885-4 Т-2619). Примером такого декорирования может служить т.н. черниговская расшивка в виде широкого смерживания с ромбическим орнаментом, типичная для рубах Черниговщины [Украинское народное искусство..., 1961, с. 28]. Для полтавских рубах характерны фестончатые сборки (пухлики) сверху рукава у поликов (МПК 9956-2 Т585; 9110-1 Т1-602; 10283-1 Т1-555; 13781-1 Т6-3781) [Николаева, 1988, с. 172].

Рис. 2. Рубаха женская. Миргородский у. Полтавской губ. Холст, вышивка в технике «вырезывание». Мережка, декоративный шов «зубцевание». Поступила от В.Я. Усик. МПК 9110-1 Т1-602.

Рис. 3. Рубаха женская. Черниговская губ. Холст, вышивка в технике «набор». Поступила от П.К. Моисеенко (1898 г.р.) из с. Фроловка Партизанского р-на Приморского края. МПК 9144-4 Т1-591.

Орнамент в виде отдельных цветочных розеток чаще всего заполнял все поле рукава. Манжеты и ворот полтавских рубах, как правило, не орнаментировались. Рубахи выходцев из Киевского Полесья выделялись орнаментацией манишки (пазушка с погрудками), а также широких воротников и манжет [Там же, с. 156]. Уроженки Могилевской губ. носили рубахи с характерными орнаментальными бордюрами на стыке полика и верха рукава (МПК 9144-8 Т-587) [Лобачевская, 2009, с. 19].

Мужская традиционная одежда по сравнению с женской была менее разнообразна. Основу мужского традиционного костюма украинцев и белорусов в Приморье составляла рубаха с прямым разрезом – пазухой – спереди [Зеленин, 1991, с. 224]. При изготовлении рубах использовали прямой крой, в верхней части с изнанки для прочности пришивали полотняную подкладку – *подоплеку*. Рубахи белорусов и украинцев начала XX в. отличаются небольшой длиной, примерно до бедер. Их носили поверх штанов с поясом, а в более позднее время – с ремнем. Праздничные рубахи шили из белой хлопчатобумажной фабричной ткани. По вороту, манжетам и пазухе их украшали вышивкой красными и черными нитками (МПК 9971-1 Т1-226; 10551-3 Т2-1776).

Поясной мужской одеждой украинцев и белорусов были штаны, изготовленные из холщовой ткани домашнего производства. Традиционные штаны с нешироким шагом (рус., бел. *порты*, *портки*, укр. *портяниці*, *гачі*, *ногавиці*), сшитые из домотканой белой, реже – синей пестрядиной ткани, бытовали повсеместно у восточных славян до первой половины XX в. [Маслова, 1956, с. 592]. Для местных штанов были типичны сужающиеся книзу штанины, которые соединялись двумя трапециевидными вставками, расширяющими шаг (МПК 12297-3 Т 2886). Белорусские порты имели дополнительную вставку в виде ромба, пришитую острым концом вверх (МПК 929-6 Т 890). Холщевые штаны были распространены в качестве летней одежды; в холодное время года носили суконные штаны.

Среди поясной женской одежды украинских переселенков видное место занимала плахта. Это типичная одежда украинок, которая бытовала преимущественно в Центральной и Восточной Украине до конца XIX – начала XX в. Отметим, что в Приморье данный вид одежды не получил широкого распространения. Плахты, привезенные из Украины, использовали только в первые годы после переселения (МПК 10282 Т 3505) (рис. 4). Плахта считалась праздничной одеждой де-

Рис. 4. Плахта. Черниговская губ. Начало XX в. Шерсть, ручное ткачество. Поступила от А.Г. Терещенко. МПК 10282 Т 3505.

вушек на выданье и замужних женщин. Ее изготавливали из двух полотнищ длиной 1,5–2,0 м, которые сшивали до половины, а концы перекидывали через пояс и укрепляли на талии [Николаева, 1988, с. 46]. Плахты шили из шерстяной ткани с шашечным или клетчатым узором, в который был вписан основной орнамент в виде ромбов или розеток. Соединительный шов на плахте в виде кружков, чередующихся по цвету [Зеленин, 1991, с. 236], помимо конструктивной носил декоративную функцию. Он выполнялся шерстяными нитками (гарусом). В расцветке плахт преобладал, как правило, красный цвет.

Наибольшее распространение в Приморье в начале XX в. получил такой вид поясной одежды, как юбка. Юбка в украинском и белорусском костюме имела различные локальные варианты и названия (укр. *спідниця*, *андарак*, *кабат*; бел. *спадніца*, *андарак*, *саян*) [Зеленин, 1991, с. 239]. В Приморье выходцы из украинских губерний называли юбку *спідницею*. Белорусские переселенцы, например уроженцы с. Петрова Буда Суражского у. Черниговской губ., согласно данным Ю.В. Аргудяевой, носили домотканую юбку-саян [Аргудяева, Сем, 1971]. Термин «саян» в научной литературе чаще применяется для обозначения юбки с пришитым лифом, распространенной у белорусов. По крою традиционные юбки были похожи: несколько полотнищ полностью сшивали между собой, присборивали в верхней части и пришивали к поясу с застежками или завязками. Различия проявлялись в основном в материале (домотканый холст, набойка, шерсть, сатин и т.д.) и отделке (застроченные складки и нашивки из атласных лент

или полосок плиса). Длина изделий варьировалась от 62 до 88 см. В Приморье переселенки из Суражского у. Черниговской губ. вплоть до 1920-х гг. носили юбки из домотканого полотна или сукна домашнего производства, которые красили в синий, зеленый или красный цвет [Там же]. Для окрашивания тканей использовали минеральные и растительные красители. Кора дуба давала бордовый цвет, ольха – желтоватый, а плоды сорного растения под названием «березка» – темно-синий [Фетисова, 2002, с. 40].

Среди переселенок, прибывших в Приморье из Черниговской губ., был также распространен предмет женской одежды, который трансформировался из юбки, – это юбка с пришитым лифом (МПК 10128-2 Т 561) (рис. 5). Такая одежда под названием «саян», как отмечалось, бытовала у белорусов и, вероятно, была заимствована у прибалтийских народов [Маслова, 1956, с. 643]. Данная разновидность юбки получила распространение и на севере Черниговщины, где называлась «спідниця до нагрудника» [Николаева, 1988, с. 167]. Ю.В. Аргудяева, описывая этот вид одежды со слов информантов из с. Многоудобное Шкотовского р-на Приморского края, уроженцев

Рис. 5. Саян. Новгород-Северский р-н Черниговской обл. 1930-е гг. Сатин, атласные ленты. Поступил от М.Ф. Скачек из с. Галенки Октябрьского р-на Приморского края. МПК 10128-2 Т 561.

Суражского у. Черниговской губ., называет его «сарафаном» [Аргудяева, Сем, 1971]. Такое же название приводится и в музейной учетной записи. Однако, как отмечает Г.С. Маслова, «сарафаном эта одежда называлась только у русских» [1956, с. 643].

К поясной женской одежде относится фартук. В украинском костюме фартук трансформировался из *запаски* – поясной одежды в виде одного или двух узких полотнищ шерстяной ткани с завязками, которую носили с плахтой [Там же, с. 631]. Украинские и белорусские переселенки в Приморье носили фартуки в основном из домотканого полотна или фабричной ткани (перкаль, ситец, коленкор) с юбкой или саяном. В верхней части фартуки присборивались в мелкие складки и притачивались к пояску. В зависимости от ширины полотна ткани фартуки выкраивали из одной или двух полков. По длине они традиционно были короче юбки на 15–20 см. Повседневные фартуки изготавливали из темной ткани (домотканые будничные фартуки красили в синий цвет и обшивали по краю полосой ткани красного цвета) [Аргудяева, Сем, 1971]. Праздничные фартуки выступали ярким декоративным элементом костюма. Их шили из домотканой или покупной ткани белого цвета, украшали застроченными складками, вышивкой, кружевом. Декор обычно размещался в нижней части и был выстроен в виде горизонтальных бордюров, которые могли чередоваться с кружевными вставками (МПК 11885-9 Т-2624; 10127-5 Т1-550). Кружевом отделявали и нижнюю часть фартука, а иногда и все его кромки [Там же]. В начале XX в. длина фартука уменьшается в соответствии с длиной юбки, при этом соотношение длин почти не меняется (МПК 11885-9 Т-2624; 10127-5 Т1-550) [Лобачевская, 2009, с. 37].

В качестве женской нагрудной одежды переселенки носили безрукавки. Эта одежда была характерна для украинок, хотя встречалась и у белорусок – уроженок северных уездов Черниговской губ., а также районов брянско-гомельского пограничья. В Приморье такие безрукавки называли «кирсетка» (укр. *кірсетка*) или «корсет» [Аргудяева, Сем, 1971]. Материалом для их изготовления служила фабричная ткань: тонкое сукно, сатин темного цвета или ситец. Кирсетки шили на подкладке в соответствии с особенностями кроя и декора их украинских аналогов.

Региональные различия проявлялись в покрое, длине и оформлении кирсеток. Так, в полтавском традиционном женском костюме кирсетка была достаточно длинной (до колен и ниже), с завышенной талией, обозначенной сзади (МПК 9110-6 Т-395). Она оформлялась аппликацией и обшивками из черного плиса или другой ткани темного цвета. Черниговская кирсетка была короче полтавской, длиной примерно до середины бедер, с многочисленными швами и сборками на спине (МПК 9120-3 Т234). Для оформ-

ления кирсеток уроженки Черниговской губ. использовали декоративную машинную строчку. Типичным элементом черниговских кирсеток был косой карманчик с правой стороны, украшенный аппликацией (МПК 10126-3 Т 559) [Украинское народное искусство..., 1961, с. 28]. В Приморье кирсетки зачастую изготавливали деревенские портные, которые могли обшивать жителей не только своего, но и соседних сел [Аргудяева, 1993, с. 80]. В качестве примера местных образцов можно привести кирсетки из Спасского р-на Приморского края (МПК 10733-1 Т 1733; 9120-1 Т 552, МПК 16250-1 Т 4818), которые объединяют общий крой и отделка (рис. 6). Эти кирсетки, отрезные по линии талии, выполнены из черного сатина на подкладке, имеют карманы, украшены черным плисом и декоративной машинной строчкой.

Верхней одеждой украинцев и белорусов являлись свитки из сваленной овечьей шерсти белого или коричневого цвета. Свитки были отрезные по талии, с двумя-тремя складками (*вусики*) сзади. Однако, по свидетельству информантов, в Приморье свитки шили редко, что отчасти было связано с плохой акклиматизацией овец. Как правило, крестьяне донашивали свитки, привезенные из мест выхода [Аргудяева, Сем, 1971].

В этнографических коллекциях ПГОМ представлены предметы женской верхней одежды под названием «юпка». Следует отметить, что в учетной до-

Рис. 6. Кирсетка. Спасский р-н Приморского края. 1920-е гг. Сатин, плис, декоративная строчка. Поступила от М.А. Крохиной (1910 г.р.) из с. Красный Кут Спасского р-на Приморского края. МПК 10733-1 Т 1733.

кументации музея они указаны как «свитки», однако украинские и белорусские свиты представляют собой верхнюю одежду, сшитую из сукна [Николаева, 1988, с. 168]. Имеющиеся же в ПГОМ изделия выполнены из хлопчатобумажной ткани фабричного производства. По крою и отделке предметы одежды этого вида, за исключением длины рукавов, очень похожи на кирсетки. Поэтому в данном случае уместнее говорить именно о юпках, поскольку украинские юпки в отличие от суконной свиты чаще всего изготавливались из фабричного полотна, а по крою и отделке напоминали кирсетки [Украинское народное искусство..., 1961, с. 27]. Анализ музейных образцов позволил выявить характерные черты этого вида одежды. Так, местные юпки, как правило, шили из сатина (МПК 9110-7 Т 405, МПК 9110-4 Т 402) или репса черного цвета (МПК 18628-4 Т 7291), спереди они были расклешенные, сзади подгонялись по фигуре с помощью рельефных швов и встречных складок, заложенных от линии талии и расширяющихся книзу (рис. 7). Юпки шились на подкладе или простегивались ватой, оформлялись аппликацией из черного плиса, декоративными пуговицами, машинной вышивкой, застегивались на левую сторону на пуговицы или крючки. Данный вид одежды, привезенный переселенцами из Украины, в Приморье быстро вышел из употребления.

Рис. 7. Юпка. Миргородский у. Полтавской губ. Начало XX в. Сатин, плис, аппликация. Поступила от В.Я. Усик. МПК 9110-7 Т 405.

Атрибутом украинского и белорусского костюма был пояс. Как известно, он, сочетая в себе утилитарную и обрядовую функции, являлся обязательной частью одежды восточных славян.

В Приморье пояса делали из домотканой шерсти, выкрашенной чаще всего в красный цвет. Пояса плели, вязали на спицах, ткали на дощечках или берде, используя техники «уточное тканье» (МПК 14011-2 Т 3592), «плетение по стене» (МПК 11885-1 Т 2616) и др. [Лебедева, 1956, с. 501]. Края пояса могли оформляться свободно свисающими концами ниток – «махрами» – или кистями [Аргудяева, Сем, 1971]. Особенно красочно декорировались свадебные пояса, которые зачастую являлись подарком невесты жениху.

Самыми распространенными головными уборами у мужчин были покупные картузы и теплые шапки, которые шили на вате, иногда на меху [Там же]. Бытовали также традиционная белорусская валенная из шерсти шапка *магерка* и украинская шляпа *брыль*. Девушки и женщины носили различные платки: домотканые или ситцевые *хустки* и шерстяные *шалы* [Там же, л. 116]. Замужние женщины под платки надевали чепцы – головной убор в виде мягкой шапочки, закрывающей волосы. Слово «чепец» является общеславянским. Ему близки укр. *очипок*, бел. *чанец* [Маслова, 1956, с. 684]. В Приморье переселенцы чаще использовали название «очипок» [Аргудяева, Сем, 1971]. Чепец-очипок являлся основным головным убором замужних женщин в местах выхода переселенцев – Центральной и Восточной Украине. В Приморье головные уборы подобного рода были характерны как для украинок, так и для белорусок (МПК 2311-24 Т 2743) [Фетисова, 2002, с. 42].

Характерная конструктивная особенность очипков – многочисленные сборки, заложенные спереди поверх очелья, а также сзади у вздержки (в месте крепления шнурка). Повседневные очипки шили из домотканины, ситца или другой недорогой хлопчатобумажной ткани. Праздничные очипки делали из дорогих материалов, на подкладе. В Приморье очипки носили обычно под платками домотканого или фабричного производства. По свидетельствам информантов из с. Харитоновка Шкотовского р-на Приморского края, в конце XIX в. покупными платками почти не пользовались. Домотканые белые платки нередко украшали по краям – *берегам* – тканым или вышитым узором из красных ниток, бахромой [Аргудяева, Сем, 1971].

Основной обувью переселенцев-крестьян служили плетеные из древесной коры лапти. На рубеже XIX–XX вв. они были больше характерны для белорусов, хотя их носили и украинцы северных районов Киевской и Черниговской губ. [Николаева, 1988, с. 74].

В Приморье лапти пользовались спросом как у белорусских, так и у украинских переселенцев, особен-

но «под покос», когда их раскупали возами [Аргудяева, 1993, с. 80]. Белорусские и украинские лапти отличались от русских аналогов по форме, типу плетения и материалу. Для первых были характерны прямой тип плетения подошвы, низкие бока и слабо выраженный носок из удлиненных петель, в которые продевалась веревочка или лыко, стягивавшее ступню [Зеленин, 1991, с. 268]. В качестве сырья в Приморье переселенцы использовали те растения, которые были распространены в местах их расселения – липу, иву (МПК 4125-5а ДР 94), а также кору маньчжурского ореха, в изобилии произрастающего в уссурийской тайге (МПК 13376-1б ДР 2235). Носили также обувь, сшитую из сыромятной кожи – постолы, моршни, ичиги. Последние шили на заказ или покупали в магазинах [Аргудяева, Сем, 1971].

Обсуждение результатов

Проведенное исследование позволило выявить региональную специфику одежды украинцев и белорусов в Приморье, а также проследить трансформации, которые происходили в традиционной одежде переселенцев на рубеже XIX–XX вв. Сопоставление результатов наших исследований и данных по одежде украинских и белорусских переселенцев в Сибири дало возможность зафиксировать черты сходства и различий. Так, в указанный период на юге Дальнего Востока, как и в Западной Сибири, в традиционных комплексах одежды украинцев и белорусов имелись архаические элементы. Использование домотканого полотна, традиционного кроя и орнамента отличало одежду украинцев и белорусов от таковой русского старожильского населения. Однако, несмотря на приверженность переселенцев традиционному костюму, отдельные компоненты одежды, такие как плахта, свитка, юпка достаточно быстро вышли из употребления, не получив дальнейшего распространения в Приморье. Подобное наблюдалось и в Сибири, где процессы аккультурации и, как следствие, отказ от привычных видов одежды были наиболее выражены в местах поселений украинцев и белорусов, рассеянных среди мест проживания русских старожилов. В условиях сурового сибирского климата переселенцы в первую очередь заимствовали межсезонную и зимнюю одежду старожилов [Фурсова, 2011, с. 321]. В отличие от Сибири, где преобладало русское старожильское население, в Южно-Уссурийском крае к началу XX в. подавляющую часть старожилов и новоселов составляли украинцы (81,26 % от общей численности переселенцев), доли русских и белорусов равнялись 8,32 и 6,8 % соответственно [Аргудяева, 1993, с. 33]. Таким образом, русских старожилов Приморья, скорее всего, нельзя считать

фактором, определившим отказ переселенцев от привычной одежды. В данном случае, на наш взгляд, уместнее говорить о влиянии мещанской одежды городского типа, которая проникала в крестьянскую среду, благодаря развитию торговли, отходничеству и пр., вытесняя традиционные виды одежды. Распространение фабричных тканей и городской моды в первой половине XX в. обусловило изменения в традиционном крое; это в равной степени было характерно для переселенцев в Приморье и Сибири [Фурсова, 2011, с. 320]. В 1920-е – 1930-е гг. очень популярными становятся короткие вышитые сорочки на кокетке с рукавами чуть ниже локтя. Женские холщовые рубахи традиционного кроя, а также мужские порты постепенно переходят в категорию нижнего белья. Плахты в украинском костюме вытесняются юбками, которые в начале XX в. оформляются атласными лентами и плисом. Декорирование одежды также претерпевает изменения, связанные в первую очередь с упрощением традиционных технологий орнамента изделия. Как видим, результаты, полученные в ходе работы, во многом совпадают с материалами исследований сибирских ученых, что указывает на сходство процессов бытования и трансформации одежды переселенцев на территориях вторичного освоения.

Заключение

Исследование региональной специфики традиционной одежды украинцев и белорусов в Приморье в конце XIX – начале XX в., проведенное на основе этнографических коллекций и подкрепленное полевыми и архивными материалами, позволило сделать выводы о том, что преобладание в Приморье выходцев из Черниговской, Киевской и Полтавской губ. сказалось на распространении в местах расселения комплексов одежды, характерных для украинцев и белорусов этноконтактной зоны. Важным фактором аккумуляции этнического костюма являлась компактность проживания переселенцев. Региональные особенности традиционного костюма отмечены в крое, композиции и характере орнамента. В процессе адаптации к местным природно-климатическим условиям, а также к новому этнокультурному окружению выходили из употребления такие виды одежды, как плахта, свитка, юпка. Отчасти этому способствовали контакты со старожильским населением, а также развитие отхожих промыслов и постепенное заимствование городской одежды. Трансформации традиционной одежды украинцев и белорусов, переселившихся в Приморье в первой трети XX в., происходили под влиянием различных социоэкономических и социокультурных факторов (распространение фабричного производства, влияние городской культуры и межэтнических кон-

тактов). В целом, комплекс одежды украинцев и белорусов, зафиксированный в Приморье, представляет большой научный интерес, поскольку демонстрирует обширный пласт восточно-славянской культуры, оказавший значительное влияние на формирование и функционирование местной традиции.

Список литературы

- Аргудяева Ю.В.** Украинцы. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX – начало XX в.). – М.: Тиза, 1993. – 260 с.
- Аргудяева Ю.В.** Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. – начало XX в.). – М.: ИЭА РАН, 1997. – 314 с.
- Аргудяева Ю.В., Сем Ю.А.** Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Дальнего Востока. Владивосток, 1971 // Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2.
- Жигунова М.А.** Этнографические коллекции по восточным славянам в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета // Культурологические исследования в Сибири. – 2005. – № 3 (17). – С. 107–113.
- Зеленин Д.К.** Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991. – 511 с.
- Лебедева Н.И.** Прядение и ткачество восточных славян в XIX – начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 460–540.
- Лобачевская О.А.** Белорусский народный костюм. – Минск: Беларус. навука, 2009. – 279 с.
- Маслова Г.С.** Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 543–757.
- Назарцева Т.М.** Одежда украинцев в этнографической коллекции ОГИК музея // Изв. Омск. гос. ист.-краевед. музея. – 2005. – № 11. – С. 118–121.
- Николаева Т.А.** Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье. – Киев: Наук. думка, 1988. – 246 с.
- Рубахи славян-переселенцев Дальнего Востока России: каталог / сост. В.М. Редчун.** – Хабаровск: Антар, 2007. – 128 с.
- Стрельцова И.В.** Особенности художественного оформления традиционной одежды восточных славян в Приморье в конце XIX – начале XX в. // Приморье: народы, религии, общество. – Владивосток: 48 часов, 2012. – С. 93–104.
- Стрельцова И.В.** Женские безрукавки-кирсетки в украинском народном костюме в Приморье: традиции и современность // Россия и АТР. – 2014а. – № 4. – С. 227–234.
- Стрельцова И.В.** Пояс в системе традиционной культуры украинцев и белорусов в Приморье в конце XIX – начале XX в. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014б. – № 4. – С. 61–68.
- Украинское народное искусство.** Одежда / под ред. К.И. Гислистога. – Киев: Гос. изд-во изобразит. искусства и муз. лит. УССР, 1961. – 326 с.
- Украинцы.** – М.: Наука, 2000. – 535 с. – (Народы и культуры).
- Фетисова Л.Е.** Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. – Владивосток: Дальприбор, 2002. – 239 с.
- Фурсова Е.Ф.** Трансформации традиционных костюмов украинских переселенцев в Сибири // Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX – первой трети XX в. (по материалам Новосибирской области). – Новосибирск: Агро-Сибирь, 2004. – С. 15–25.
- Фурсова Е.Ф.** Трансформации традиционной одежды белорусов в Сибири // Белорусы в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – С. 294–321.
- Этнография восточных славян.** Очерки традиционной культуры. – М.: Наука, 1987. – 559 с.

*Материал поступил в редколлегию 27.03.2019 г.,
в окончательном варианте – 13.05.2019 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.1.149-157
УДК 903

Л.М. Дмитренко, А.В. Зубова

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: jakovlevajuba@mail.ru; zubova_al@mail.ru

Первые результаты изучения коллекций индейцев омагуака (крепость Пукара-де-Тилкара, Северо-Западная Аргентина) в собрании МАЭ РАН

В статье рассматриваются находки с памятника Пукара-де-Тилкара в пров. Жужуй Аргентины, присланные в МАЭ РАН в 1910 г. в рамках российско-аргентинского обмена из Этнографического музея в Буэнос-Айресе. Они были получены при раскопках крепости в 1908–1910 гг. В результате международного обмена археологическими и этнографическими коллекциями большая часть находок была разослана в начале XX в. в собрания крупнейших музеев Америки, Европы и Азии. Впоследствии ученые не имели возможности изучать полный археологический комплекс. Современные исследования материалов из крепости имеют особое значение, т.к. культурный слой на участке раскопок начала XX в. был уничтожен в ходе работ по установлению памятника в честь первооткрывателей Пукара-де-Тилкара в 1935 г. Изучение разрозненных частей коллекции, их типологический анализ предоставляют возможность определить более узкие хронологические рамки рассматриваемого комплекса, а также выявить его технологические особенности. Для атрибуции находок применялся источниковедческий анализ, в процессе которого были привлечены архивные материалы МАЭ РАН, СПбФ АРАН, Фото-и рукописного архива Этнографического музея им. Х.Б. Амбросетти. Использовался также сравнительно-типологический метод исследования. В статье представлены первые результаты атрибуции артефактов, их типологическая классификация; дано краткое описание сохранившихся в коллекции антропологических материалов. Актуальность и важность исследования состоит не столько в хронологических уточнениях, сколько в реконструкции занятий и системы знаний населения Пукара-де-Тилкара.

Ключевые слова: коллекции МАЭ РАН, поздний период (период регионального развития), индейцы омагуака, Северо-Западная Аргентина, Пукара-де-Тилкара, российско-аргентинский обмен.

L.M. Dmitrenko and A.V. Zubova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences,
Universitetskaya nab. 3, St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: jakovlevajuba@mail.ru; zubova_al@mail.ru

Collection Related to the Omaguaca Indians from the Pucará de Tilcara Fortress, Northwestern Argentina, at the Museum of Anthropology and Ethnography RAS, St. Petersburg: Tentative Findings

This study describes artifacts and human remains from the Pucará de Tilcara fortress, the Province of Jujuy, Argentina, acquired by MAE RAN from the Ethnographic Museum in Buenos Aires in 1910 under the Russian-Argentinian exchange project. Unearthed in 1908–1910, many cultural and skeletal finds were shipped to the American, European, and Asian museums. Later scholars were unable to study the site in detail. The revision of those materials is all the more important because the habitation layers were destroyed in 1935 during the construction of the monument to the Pucará de Tilcara discoverers. The study of isolated parts of the collection and their typological analysis make it possible to narrow the date of the site and assess certain aspects of technology. We examined archival sources owned by MAE RAN, SPbF ARAN, and the Juan B. Ambrosetti Ethnographic Museum.

The comparative typological approach was used as well. In this article, we provide the first results of the attribution of artifacts, their typological classification, and a brief description of skeletal finds. An important part of the study is the reconstruction of the occupations and knowledge system of those who lived at Pucará de Tilcara.

Keywords: MAE RAS collections, Late Period (Regional Development period), Omaguaka Indians, Northwestern Argentina, Pucará de Tilcara, Russian-Argentinian exchange.

Введение

Укрепленное поселение Пукара-де-Тилкара располагалось рядом с местом впадения р. Гуэсамайо в р. Рио-Гранде в долине Квебрада-де-Омагуака (пров. Жужуй, Северо-Западная Аргентина). Оно было основано индейцами омагуака в VIII в. н.э. и прекратило свое существование в 1536 г. с приходом испанских конкистадоров. С 1493 г. это была крепость. К концу XV в. она была окончательно завоевана инками под предводительством Тупак-Юпанки и последние 50 лет находилась под их властью. В 1586 г. в 1 км к северо-востоку от крепости было основано современное поселение Тилкара. Памятник Пукара-де-Тилкара относится к периоду регионального развития [Seldes, Botta, 2014; Sprovieri, 2013, p. 26], известному также как позднекерамический [Handbook..., 2008, p. 587].

Крепость занимала 61 тыс. м² и вмещала ок. 2 тыс. строений, обнесенных стеной из каменных плит. Ее руины были обнаружены в начале XX в. Х.Б. Амбросетти. В 1908 г. он начал систематические раскопки на территории памятника. Работы проводились до 1910 г. [Zaburlin, Otero, 2014, p. 212]. В течение следующих 100 лет территория крепости подвергалась многократным бессистемным раскопкам. После смерти Х.Б. Амбросетти работы на памятнике в 1918 г. и 1928–1929 гг. продолжил его ученик и соратник С. Дебенедетти. Памятник стал одним из классических примеров культуры индейцев омагуака и на его территории работали крупнейшие аргентинские археологи [Casanova, 1958–1959; Krapovickas, 1958–1959; Madrazo, 1969; Tarragó, 1992; Tarragó, Albeck, 1997; Zaburlin, 2009, 2010; Otero, Ochoa, 2011; Otero, 2013; Otero, Cremonte, 2014]. В 1935 г. по инициативе археолога Э. Казанова в северо-западной части крепости архитектором М. Ноэлем был воздвигнут монумент, посвященный памяти первооткрывателей Пукара-де-Тилкара [Casanova, 1950]. Он был установлен на участке, раскопанном Х.Б. Амбросетти [Zaburlin, Otero, 2014, p. 207], и фактически перекрыл и уничтожил культурный слой.

Несмотря на первостепенное значение памятника для изучения культуры омагуака, систематический анализ коллекций, полученных в 1908–1910 гг., ранее не проводился. В 1912 г. были опубликованы краткая заметка Х.Б. Амбросетти о первых раскопках [Ambrosetti, 1912] и обзорная статья С. Дебенедетти о некрополе в Пукара-де-Тилкара [Debenedetti, 1912].

Небольшая работа о глиняных кувшинах из Тилкары вышла в свет незадолго до смерти Х.Б. Амбросетти [Ambrosetti, 1917]. В 1930 г. была издана монография С. Дебенедетти, посвященная более поздним раскопкам крепости [Debenedetti, 1930]. Она планировалась как сводный труд, обобщающий результаты исследования памятника с 1908 по 1929 г., но в итоге лишь вскользь затрагивала ранний этап работ, основная часть была посвящена раскопкам С. Дебенедетти 1928–1929 гг. Материалы, полученные Х.Б. Амбросетти в 1908–1910 гг., так и не были опубликованы. Музейная политика того времени привела к разрозненности коллекций в результате многочисленных международных обменов, что не позволяло долгие годы взглянуть на археологические комплексы в целом. Материалы раскопок Х.Б. Амбросетти почти сразу были отправлены в крупнейшие музеи Европы, Азии и Америки, в т.ч. Музей антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге.

Несмотря на то что с момента начала изучения памятника прошло более 100 лет, исследовательский интерес к его материалам остается стабильно высоким. С аргентинской стороны работы по реконструкции истории раскопок и изучению письменных свидетельств о раннем этапе исследования ведутся сотрудниками Института междисциплинарных исследований Тилкары (факультет философии и литературы Университета Буэнос-Айреса) и Национального университета Жужуй К. Отеро и М.А. Забурлин. В 2014 г. они обнаружили в архиве Этнографического музея Буэнос-Айреса рукописные заметки Х.Б. Амбросетти о раскопках Пукара-де-Тилкара в 1908–1910 гг. [Zaburlin, Otero, 2014]. Рукопись сильно пострадала, но в ней сохранились информация о ряде работ, проведенных на памятнике, и упоминания нескольких предметов, хранящихся сегодня в собрании МАЭ РАН. Современная благоприятная обстановка, сложившаяся в сфере международного сотрудничества, позволила провести сравнение ранее разделенных комплексов с целью их дальнейшей единой научной интерпретации.

Материалы

Находки из Пукара-де-Тилкара поступили в МАЭ РАН в 1910 г. в рамках обмена с Этнографическим музеем Буэнос-Айреса [Лукин, 1965, с. 132]. Впер-

вые коллекция упоминалась в письме директора этого музея Х.Б. Амбросетти старшему этнографу МАЭ Л.Я. Штернбергу от 30 сентября 1910 г., где сообщалось о том, что аргентинская сторона «высылает древности, которые были найдены при раскопках крепости Пукара-де-Тилкара в долине Квебрада-де-Омагуака» (СПбФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 179. Л. 390–391). Список предметов, отправленных в Санкт-Петербург, сохранился в архиве Этнографического музея им. Х.Б. Амбросетти (Archivo Fotográfico y Documental del Museo Etnográfico “Juan B. Ambrosetti”. Legajo № 50). В описи коллекции МАЭ есть еще одно письмо Х.Б. Амбросетти, от 6 декабря 1910 г., в котором он продублировал информацию о месте происхождения материалов. К письму прилагался полный список предметов, передававшихся МАЭ. Согласно этому перечню, в Санкт-Петербург было отправлено 153 археологических артефакта и 20 деформированных черепов.

Обсуждение результатов

Атрибуция коллекции МАЭ РАН потребовала проведения большой исследовательской работы. Она включила в себя изучение сохранившейся музейной документации в комплексе с первоисточником, которым является генеральный каталог Этнографического музея им. Х.Б. Амбросетти, а также фактически присланными из Буэнос-Айреса предметами. Согласно последним исследованиям, материалы ранних раскопок Х.Б. Амбросетти происходят с участка крепости, функционировавшего в период после завоевания Пукара-де-Тилкара инками (конец XV – XVI в.).

В результате сравнения имеющихся в наличии полевых шифров с генеральным каталогом Этнографического музея им. Х.Б. Амбросетти в коллекции были выделены предметы, не относящиеся к ком-

плексу Пукара-де-Тилкара. Они происходят с памятника Ла-Пайя, синхронного крепости, и попали в эту коллекцию по ошибке. В их числе бронзовая пластина (1306; 1800-130) и большая раковина рода *Pecten* (1378; 1800-110), найденные при раскопках второй экспедиции факультета философии и литературы Университета Буэнос-Айреса в 1906 г.; а также амулет из растения *Azorella madreporica* (1730; 1800-133), обнаруженный в ходе работ третьей экспедиции в 1907 г.

В коллекции МАЭ 113 предметов сохранили полевые номера. Согласно документации, они относятся к раскопкам четвертой – шестой экспедиций факультета философии и литературы, проведенным в Пукара-де-Тилкара в 1908–1910 гг. Эти находки подразделяются на шесть категорий: антропологический материал, керамические сосуды, каменные предметы, изделия из рога и кости, из других органических материалов и медные.

Антропологический материал. В коллекции 20 черепов. Из них 18 принадлежали взрослым индивидам (7 женских и 11 мужских), один – ребенку в возрасте 6–8 лет и один – девушке-подростку 14–15 лет. При передаче из музея Буэнос-Айреса все черепа сопровождалась нижними челюстями, но в процессе перерегистрации коллекции в 1934 г. сотрудник отдела антропологии Е.В. Жиров исключил из нее все нижние челюсти, кроме одной, поскольку не был уверен в их принадлежности именно черепам из Пукара-де-Тилкара (см. опись коллекции МАЭ, № 5148).

На всех черепках без исключения наблюдается выраженная лобно-затылочная деформация (рис. 1). Кроме того, на некоторых из них зафиксированы травматические повреждения. В серии отмечено как минимум два случая заживших переломов костей черепа от ударов тупыми предметами, одно при-

Рис. 1. Деформированный череп из Пукара-де-Тилкара (кол. 5148).

смертное повреждение тупым твердым предметом, проникающее ранение головы острым орудием, послужившее причиной смерти индивида, прижизненный перелом носовых косточек. Высокий уровень травматизма в целом типичен для индейцев омагуака периода регионального развития.

Наиболее распространенные патологические изменения в серии связаны с заболеваниями зубной системы. У большинства индивидов наблюдаются многочисленные прижизненные утраты зубов, альвеолярные абсцессы, повреждения эмали, воспалительные реакции тканей пародонта, кариес, зубной камень. На единственной нижней челюсти, сохранившейся в коллекции, присутствуют следы хирургической операции, выполненной незадолго до смерти индивида и направленной на удаление нижнего моляра и лечение альвеолярного абсцесса.

Керамические изделия. В коллекции МАЭ РАН они большей частью представлены мисками (picos). Такие сосуды были широко распространены в позднекерамический период культур Северо-Западной Аргентины. В коллекции можно выделить миски полусферической и усеченно-конической формы, которые отличаются грубой техникой исполнения. Диаметр их венчиков варьирует от 14,0 до 24,0 см, высота – от 6,0 до 11,0 см. Формы мисок из Пукара-де-Тилкара не столь разнообразны, как в комплексах синхронных памятников в пров. Сальта. Доля сосудов с росписью меньше, чем в коллекции из Ла-Пайя [Sprovieri, 2013, p. 56–68; Дмитренко, 2018, с. 242–244]. Предпочтение отдавалось спиралевидным узорам. Часто использовались изображения змей, заполненные сетчатым орнаментом (рис. 2, 1). Такая

керамика относится к традиционному типу омагуака. Роспись выполнялась краской черного цвета по красному фону. В нескольких случаях использовался V-образный орнамент. Роспись такого типа в большей степени характерна для изделий индейцев кальчаки (пров. Сальта, традиция Ла-Пома). В отличие от них, омагуака полностью или частично окрашивали внутреннюю поверхность полусферических красноглиняных мисок в черный цвет (рис. 2, 2).

Среди прочих керамических форм следует отметить расписные псевдоарибаллы небольшого размера (рис. 2, 4). Они были декорированы геометрическими фигурами, заполненными сетчатым орнаментом, который характерен для комбинированного стиля инка-омагуака. Среди керамики Пукара-де-Тилкара выделяют целую серию материалов, принадлежащих некогда различным общностям инков [Calderari, Williams, 1991]. В коллекции представлены также горшки сферической формы с парными ручками, расположенными в центральной части тулова или у венчика; кружки с петлевидными ручками; низкие сосуды усеченно-конической формы с очень широким венчиком и большой петлевидной ручкой, похожие по форме на античные светильники (рис. 2, 3).

Предметы из камня. В коллекции представлены 19 терочников неправильной сферической формы, изготовленных из каменной породы с крупнозернистой структурой (различные гранитоиды), и два плоских терочных камня очень большого размера (длина 51,0 см, ширина 13,0 см). Последние были обломаны, на уцелевших концах сохранились массивные выступы-рукояти. На боковых и фронтальных поверхностях этих предметов наблюдаются ярко выраженные

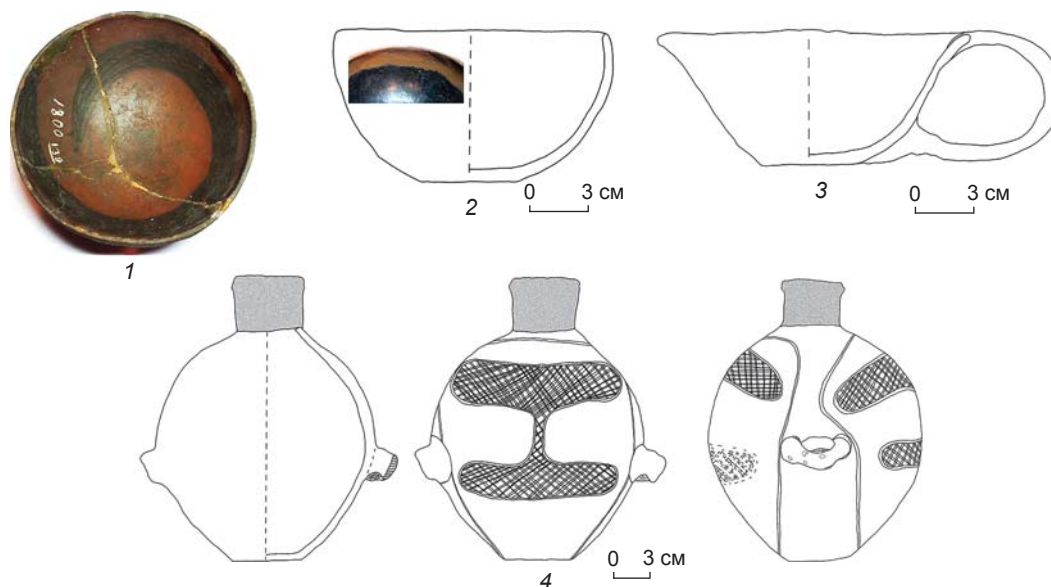

Рис. 2. Керамика.

1, 2 – миски полусферической формы; 3 – светильник; 4 – миниатюрный псевдоарибалл.

следы сработанности в виде заполированности. При изготовлении обоих орудий применялась техника пикетажа. На это указывают следы на не использовавшихся при работе частях терочников. Уникальным для коллекции является комплект из большой терочной плиты (длина 57 см, ширина 27,5 см) и плоско-продолговатого терочного камня. У последнего глубокая округлая выемка на одной из сторон равна ширине плиты. Растирание продуктов осуществлялось движениями, направленными вдоль всей плиты, о чем свидетельствуют следы сработанности на ее поверхности.

В комплексе присутствуют семь небольших каменных ступок с округлыми от сработанности выемками. На рабочей поверхности одной из них сохранились остатки красящего вещества коричнево-красного цвета. Вместе со ступками использовались короткие песты цилиндрической формы. В коллекции представлен каменный нож, аналогичный по форме инкским туми из металла [Handbook..., 1946, p. 621]. В числе

предметов, поступивших без полевых номеров, 13 обломков и 6 заготовок орудий, изготовленных из черного и прозрачно-серого обсидиана.

Предметы из рога и кости. Представлены значительной серией – 29 экз. Согласно списку Х.Б. Амбросетти, три орудия были изготовлены из рога южноандского оленя (*Hippocamelus bisulcus*; «*cerves chilensis*» – название из описи). Для них характерны стандартная форма и ряд унифицированных технологических приемов обработки. Конец ствола рога спиливался, в нем высверливалось округлое углубление, видимо предназначенное для крепления вкладыша, на концах первых (глазных) отростков делались уплощенные сколы (рис. 3, 1). В местах соединения ствола и отростков наблюдается ярко выраженная заполированность, образовавшаяся, вероятно, вследствие использования орудия. Принимая во внимание ее локализацию и форму предмета, можно предположить, что орудие имело некий вкладыш, который вставлялся в углубление в торце ствола рога

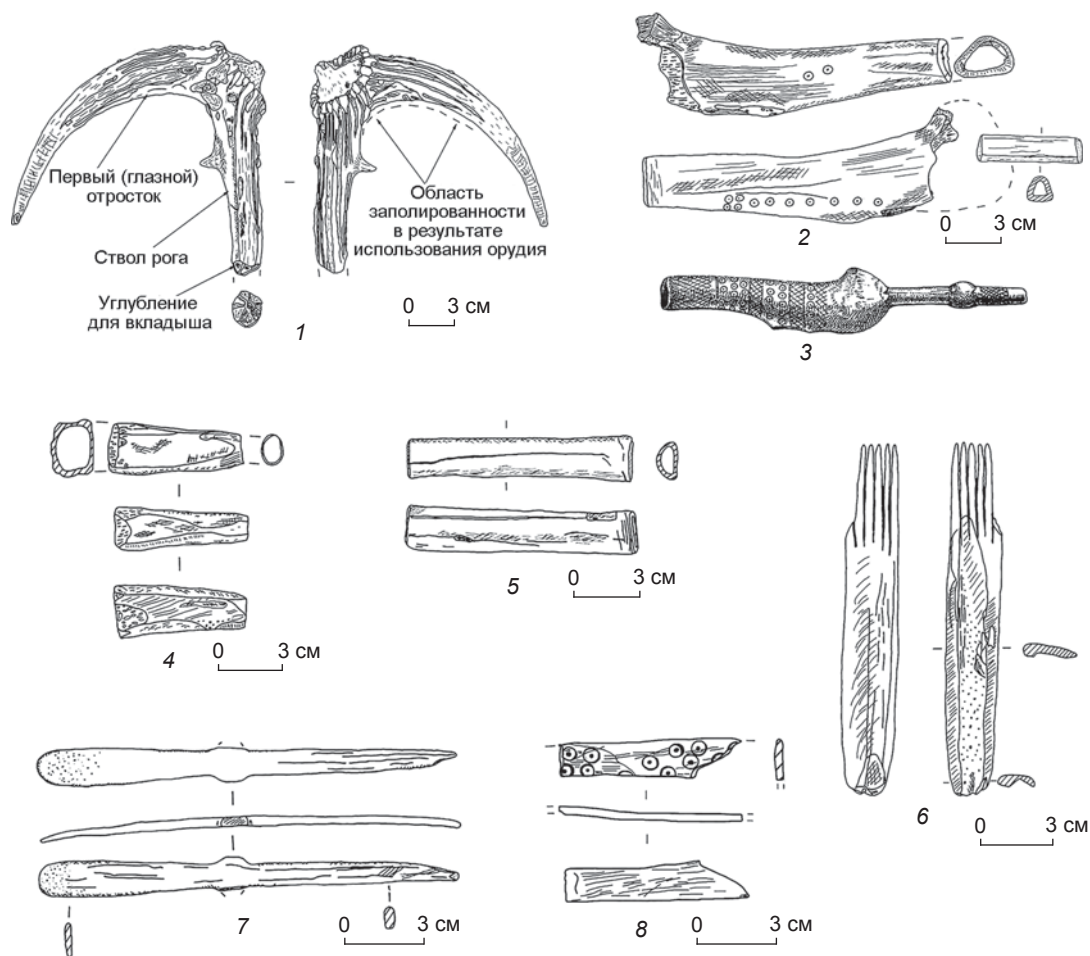

Рис. 3. Орудия из рога и кости.

1 – орудие из рога южноандского оленя; 2 – реконструкция флейты из Пукара-де-Тилкара; 3 – флейта из собрания Этнографического музея в Буэнос-Айресе [Handbook..., 1946, p. 630]; 4, 5 – детали флейт из рога; 6 – гребень; 7 – костяная лопаточка; 8 – фрагмент изделия с «циркульным» орнаментом.

и приводился в работу вращательными движениями, осуществляемыми с помощью отростков.

Другими уникальными предметами, изготовленными из рога оленя, являются флейты (рис. 3, 2). Только одна из них представлена в комплекте с мундштуком, а от двух сохранились массивные полые части основания. На других памятниках омагуака найдены флейты лучшей сохранности [Ibid., p. 630]. Благодаря этим материалам можно реконструировать первоначальную форму инструментов из коллекции МАЭ РАН. Флейты состояли из двух мундштуков, представлявших собой фрагменты трубчатой кости или вырезанные из рога полые трубочки, и массивной части, сделанной из основания ствола рога. Эти элементы, видимо, соединялись с помощью веществ органического происхождения, аналогичных каучуку, либо глины. Примечательно, что вдоль расширенного края одной флейты были просверлены маленькие (диаметр 0,1 см) отверстия, служившие, видимо, для более надежного крепления составных частей инструмента. Кроме того, в коллекции есть две полые трубочки, вырезанные из рога оленя. Они по форме аналогичны мундштукам флейты на окончании (рис. 3, 4) и в средней части (рис. 3, 5).

Все орудия из кости тщательно заполированы. Поверхность некоторых предметов декорирована прорезным т.н. циркульным орнаментом, как на обломке изделия в виде костяной пластины (рис. 3, 8). Такой декор представлен и на одной флейте (рис. 3, 2).

Среди предметов из кости особо можно выделить три длинных узких гребня (рис. 3, 6). Поверхность этих предметов, в особенности зубцов и их оснований, была сильно заполирована. Принимая во внимание обилие в погребениях фрагментов одежды из шерсти ламы или растительного волокна, а также форму и степень заполированности гребней, можно предположить, что они использовались в качестве чесалки.

В коллекции представлены тонкие костяные инструменты (два целых и один обломок), называемые в зарубежной литературе лопаточками [Ibid., pl. 133] (рис. 3, 7). Их длина 16,0–17,5 см, ширина 1,6–1,7 см. Следы утилизации в большей степени концентрируются на уплощенной поверхности предметов и имеют диагональную направленность, что говорит об использовании орудий скорее для обработки такого материала, как глина, т.е. в керамическом производстве (определение Н.А. Алексащенко, старшего специалиста по научно-фондовой работе МАЭ РАН). В пользу этого предположения свидетельствуют и остатки черного красящего вещества в порах лопаточки, а также следы красной краски на ее поверхности. К данной категории может относиться и широкое плоское орудие со слабо прорезанным линейным орнаментом на тщательно залощенной лицевой поверхности (МАЭ, № 1800-84). На нем сохранились

остатки черной краски, некогда покрывавшей боковые стороны изделия. На заостренном конце краска стерта вследствие сработанности. Длина орудия 13,5 см, ширина 2,2 см.

В коллекции представлена заготовка из кости, предназначенная для изготовления ложки, аналог которой хранится в собрании Этнографического музея им. Х.Б. Амбросетти [Zaburlin, Otero, 2014, p. 184, lam. 7].

Предметы из других органических материалов. Ввиду особенностей почв культурный слой Тилкары предоставил исследователям большое разнообразие находок из органических материалов. В серии предметов из дерева представлены уплощенные подставки для воскуривания ароматических веществ (рис. 4, 3), две ложки с длинными ручками, кубок цилиндрической формы, V-образные детали упряжи (рис. 4, 4), которые использовались при закреплении вьючных грузов, транспортируемых на ламах (рис. 4, 5), и два орудия, напоминающие плоские лопаты. На одном конце такого орудия вырезан черенок, смещенный к боковому краю. В черенке сделана продольная округлая выемка для крепления съемного древка (рис. 4, 2).

Обращает на себя внимание мисочка полусферической формы, вырезанная из половины тыквы. Внешняя поверхность сосуда декорирована геометрическим орнаментом, выполненным в технике выжигания. Сосуды такого типа – нередкая находка на памятниках Пуны, синхронных Пукара-де-Тилкара [Handbook..., 1946, p. 626]. В центре изображен бегущий нанду (рис. 5, 1), вокруг которого расположены композиции орнамента, аналогичного тому, что встречается на классических мисках культуры кальчаки (рис. 5, 2). С двух сторон от фигуры птицы находятся полосы, заполненные растительным орнаментом. В качестве непрямого аналогии можно привести миф индейцев хиваро о луне, превратившейся на время в нанду, который, поссорившись со своей хитрой женой – ночной птицей ауху, поднялся на небо по лиане (<https://www.indiansworld.org/Articles/pochemu-lunanandu-ushel-na-nebo.html#.W-GhwNUzbiU>). Внимание привлекает то, что ссора супругов началась из-за съеденных тыкв *юви*, а ауху, пойдя вслед за нанду, «собрала свои глиняные горшки и дощечки, на которых женщины растирают глину для лепки». Имеет ли этот мифологический сюжет отношение к сосудам омагуака и кальчаки, пока сложно судить, но тот факт, что орнаментальные композиции с нанду, окруженным определенными геометрическими и растительными орнаментальными элементами, встречаются именно на калебасах и глиняных сосудах, вызывает особый интерес. Принимая во внимание отсутствие фольклорно-мифологических мотивов, известных в устной литературе народов Центральной и Северо-Западной Аргентины [Березкин, 2007, с. 273–281], подобно-го рода изображения могут иметь особое значение

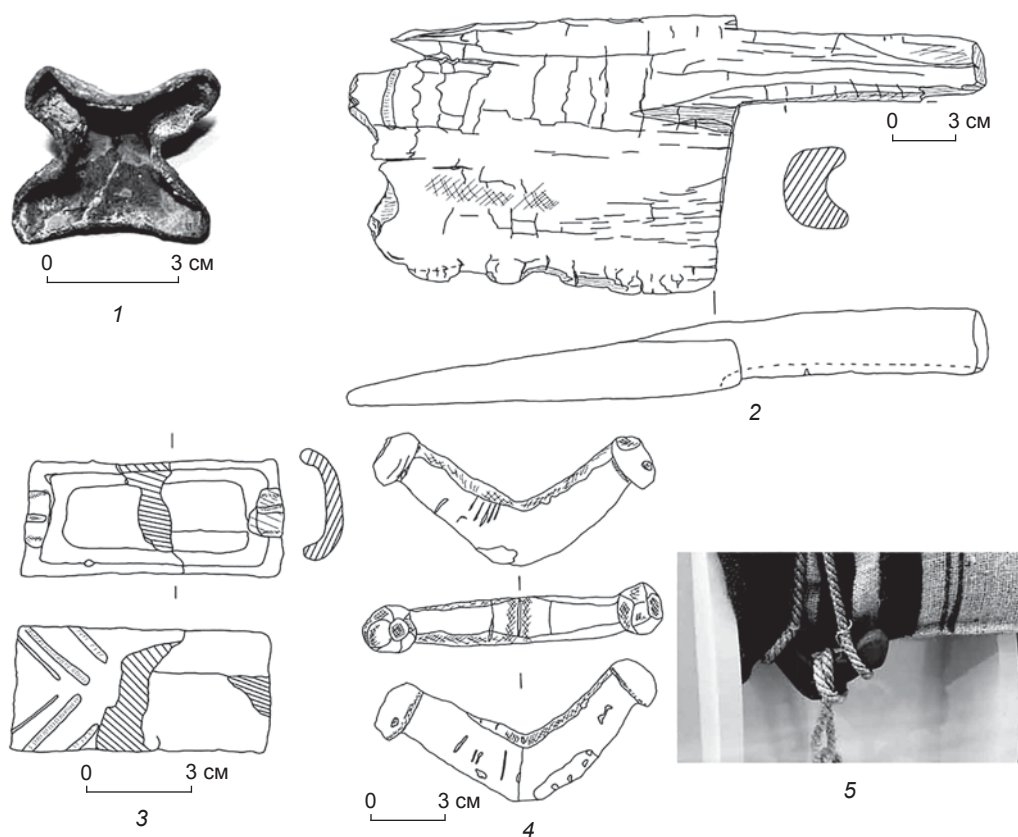

Рис. 4. Изделия из меди (1) и дерева (2–5).

1 – колокольчик; 2 – лопаточка; 3 – подставка для воскуривания ароматических веществ; 4 – деталь крепления упряжи ламы; 5 – реконструкция ее использования (экспозиция Этнографического музея им. Х.Б. Амбросетти).

для изучения культуры омагуака. В иконографической же традиции аналогии для материалов прединкского и инкского периодов Северо-Западной Аргентины обнаруживаются далеко за пределами Эквадора и Перу – традиционной территории обитания хиваро [Там же, с. 119].

Предметы из меди. В их числе три пластины, являющиеся половинками сломанных пинцетов, круглая в сечении палочка и колокольчик, сделанный из медной квадратной пластины с закругленными углами (см. рис. 4, 1).

Часть предметов в коллекции без номеров и сопроводительной информации о месте их обнаружения: ожерелье из семян; бусины из малахита; кусочки охры; скорлупа орехов, предназначенная для изготовления колокольчиков; зерна маиса, найденные в погребении; фрагмент обугленного початка маиса; калebas с углубленным орнаментом на внешней поверхности;

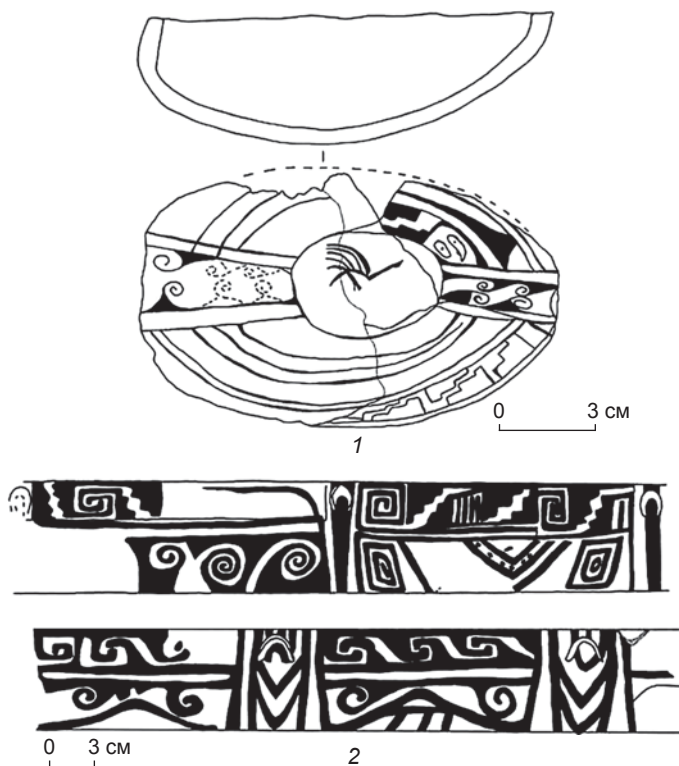

Рис. 5. Калebas с выжженным орнаментом из Пукарде-Тилкара (1) и прорисовка орнаментов на мисках с поселения Ла-Пайя (2).

орудия из дерева и осколки обсидиана. Эти находки, происходящие из разных объектов Тилкары, были отобраны Х.Б. Амбросетти, по-видимому, желавшим отправить в МАЭ предметы из самых различных материалов, наиболее полно отражавшие комплекс культуры омагуака.

Выводы

Атрибуция хранящихся в МАЭ РАН археологических и антропологических материалов из крепости Пукара-де-Тилкара позволила существенно уточнить информацию об их происхождении и выявить ряд предметов, не принадлежащих к комплексу памятника. На основании анализа генерального каталога Этнографического музея им. Х.Б. Амбросетти установлено, что основная часть рассмотренных выше материалов из Пукара-де-Тилкара в собрании МАЭ РАН относится к раскопкам, проведенным в северо-западной части памятника в 1908–1910 гг.

Изучение сохранившейся документации выявило многочисленные несоответствия в разных списках и не во всех случаях помогло определить место обнаружения тех или иных предметов. Так, например, под номерами серии каменных орудий из Тилкары, указанными в списке МАЭ РАН (№ 200–213), в генеральном каталоге Этнографического музея им. Х.Б. Амбросетти (далее ГК ЭМА) числятся погребальные керамические урны из материалов раскопок 1905 г. в пров. Сальта. Согласно сведениям, полученным от сотрудников археологического отделения ЭМА, полевые номера находок первой экспедиции факультета философии и литературы в генеральном каталоге не совпадают с номерами, сохранившимися на предметах из фонда музея. Вместо трех зернотерок (790, 791 и 792) из списка МАЭ в ГК ЭМА числятся расписные миски с поселения Ла-Пайя, найденные во время второй экспедиции в 1906 г.

Несмотря на все сложности, материалы, имеющиеся в МАЭ РАН, содержат важную информацию о культуре индейцев омагуака, которая будет детально представлена в последующих статьях. Результаты изучения палеоантропологических находок свидетельствуют о наличии у омагуака знаний, позволявших выполнять специализированные хирургические манипуляции, а также дают возможность оценить состояние здоровья популяции, оставившей захоронения на памятнике.

Большая серия керамики, изделий из кости, рога и камня в коллекции МАЭ РАН дополняет картину хозяйственной деятельности жителей Пукара-де-Тилкара. Наличие в комплексе бихромной керамики и костяных орудий для ее лощения (предположительно с остатками на поверхности красок соответствующего цвета) говорит в пользу изготовления части сосудов в крепости. Обитатели Тилкары занимались и текстильным производством, на что указывают костяные гребни для вычесывания шерсти и косвенные свидетельства использования в хозяйстве ламы (деревянные приспособления для крепления поклажи). В комплексе много артефактов, подтверждающих занятость населения земледельческой деятельностью: деревянные лопаты и мотыги; большое количество орудий для перетирания растительных продуктов или минеральных веществ (терочки, ступы с пестами). На это указывает также нахождение в культурном слое початков и отдельных зерен маиса.

Публикация коллекции МАЭ РАН предоставляет новые материалы для восстановления некогда разрозненного комплекса Пукара-де-Тилкара. Ввиду отсутствия возможности доисследовать участок крепости, разрушенный строительными работами в первой половине XX в., изучение уже имеющихся источников также крайне важно для уточнения микрохронологии и культурно-хозяйственной специфики памятника.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-31-01092-ОГН МОЛ-А2.

Благодарность

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-31-01092-ОГН МОЛ-А2.

Список литературы

- Березкин Ю.Е.** Мифы заселяют Америку: Ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет. – М.: ОГИ, 2007. – 360 с.
- Дмитренко Л.М.** Результаты исследования керамики поселения Ла-Пайя (провинция Сальта, Северо-Западная Аргентина) из собрания МАЭ РАН // Археол. вестн. – 2018. – Вып. 24. – С. 239–248.
- Лукин Б.В.** Хуан Амбросетти и его связи с русскими этнографами: (К столетию со дня рождения) // СЭ. – 1965. – № 4. – С. 129–137.
- Ambrosetti J.B.** Resultado de las exploraciones arqueológicas en el Pukara de Tilcara (Prov. de Jujuy) // Actas y Memorias del XVII Congreso Nacional de Americanistas. – Buenos Aires: Facultad de Filosofía y Letras, Universidad de Buenos Aires, 1912. – P. 497–498.
- Ambrosetti J.B.** Los vasos del Pucará de Tilcara tipo Pelike comparados con los de Machu Picchu // Proceedings of 2nd Pan American Scientific Congress, Sección Antropología I. – Wash.: L & Co, 1917. – P. 38–39.
- Debenedetti S.** Los cementerios prehistóricos de la Isla de Tilcara (Provincia de Jujuy) // Actas del XVII Congreso Internacional de Americanistas. – Buenos Aires: Facultad de Filosofía y Letras, Universidad de Buenos Aires, 1912. – P. 502–508.
- Debenedetti S.** Las Ruinas de Pucará de Tilcara. Archivos del Museo Etnográfico II, Primera Parte. – Buenos Aires: Facultad de Filosofía y Letras, Universidad de Buenos Aires, 1930. – 142 p.

- Casanova E.** Restauración del Pucará. – Buenos Aires: Facultad de Filosofía y Letras, Instituto de Antropología, Universidad de Buenos Aires, 1950. – 55 p.
- Casanova E.** Hallazgos incaicos en Tilcara y Yacoraité (Una reinterpretación) // Relaciones. – 1958–1959. – T. XIV, N 2. – P. 67–80.
- Calderari M., Williams V.** Reevaluación de los estilos cerámicos incaicos en el Noroeste Argentino // Comechingonia. – 1991. – N 9. – P. 75–95.
- Handbook of South American Archaeology** / H. Silverman, W. Isbel. – Wash.: Springer, 2008. – 1191 p.
- Handbook of South American Indians.** – Wash.: Government printing office, 1946. – Vol. 2: The Andean civilizations. – XXXII, 1035 p. – (Smithsonian institution bureau of American ethnology; bull. 143).
- Krapovickas P.** Un taller lapidario en el Pucará de Tilcara // Runa. – Buenos Aires: Instituto de Ciencias Antropológicas, Facultad de Filosofía y Letras, Universidad de Buenos Aires, 1958–1959. – T. IX. – P. 137–151.
- Madrazo G.** Los sectores de edificación en el Pucará de Tilcara (Prov. de Jujuy) // Etnía. – 1969. – N 9. – P. 21–27.
- Otero C.** Producción de bienes y especialización artesanal durante la ocupación incaica en el Pucará de Tilcara (Quebrada de Humahuaca-Jujuy) // Actas del XVIII Congreso Nacional de Arqueología Argentina. – La Rioja: Ed. De Universidad Nacional, 2013. – P. 399.
- Otero C., Cremonte M.B.** Local vessels technology of the Pucará of Tilcara during Inca Period (Quebrada of Humahuaca, Argentine) // J. of Anthropological Archaeology. – 2014. – Vol. 33. – P. 108–118.
- Otero C., Ochoa P.A.** Primeras aproximaciones a la materialización del tiempo y las prácticas productivas especializadas en el área de Tilcara (Quebrada de Humahuaca, Jujuy) // Revista Estudios Sociales del NOA. Nueva Ser. – 2011. – N 11. – P. 101–122.
- Seldes V., Botta F.N.** Violence indicators in Quebrada de Humahuaca, Jujuy, Argentina: The Regional Development Period from a regional perspective // Anthropol. Rev. – 2014. – Vol. 77, iss. 1. – P. 87–109.
- Sprovieri M.** El mundo en movimiento: Circulación de bienes, recursos e ideas en el valle Calchaquí, Salta (Noroeste Argentino): Una vision desde La Paya. – Oxford: BAR Publ., 2013. – 273 p.
- Tarragó M.** Áreas de actividad y formación del sitio de Tilcara // Cuadernos. – 1992. – Vol. 3. – P. 64–74.
- Tarragó M., Albeck M.E.** Fechados radiocarbónicos para el Sector Medio de la Quebrada de Humahuaca // Avances en Arqueología. – 1997. – N 3. – P. 101–130.
- Zaburlín M.A.** Historia de ocupación del Pucará de Tilcara (Jujuy, Argentina) // Intersecciones en Antropología. – 2009. – Vol. 10, N 1. – P. 89–103.
- Zaburlín M.A.** Arquitectura y organización urbana en el sitio del Pucará de Tilcara (Jujuy, Argentina) // El hábitat prehispánico: Arqueología de la Arquitectura y de la construcción del espacio organizado. – San Salvador de Jujuy: Pucará de Tilcara ed., 2010. – P. 187–207.
- Zaburlín, M.A., Otero C.** Un manuscrito olvidado de J.B. Ambrosetti: “Exploraciones arqueológicas en la Antigua ciudad del Pucará de Tilcara” // Investigaciones del Instituto Interdisciplinario Tilcara. – Buenos Aires: Editorial de la Facultad de Filosofía y Letras, 2014. – P. 161–220.

*Материал поступил в редколлегию 15.03.19 г.,
в окончательном варианте – 03.04.19 г.*

- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
- БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН
- ВАСХНИЛ – Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина
- ВДИ – Вестник древней истории
- ВСЕГЕИ – Всесоюзный научно-исследовательский геологический институт им. А.П. Карпинского
- ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
- ДВО РАН – Дальневосточное отделение РАН
- ИА РАН – Институт археологии РАН
- ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
- ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН
- ИрГСХА – Иркутская государственная сельскохозяйственная академия
- ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН
- ИЭИ УФИЦ РАН – Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН (АН СССР)
- МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
- НГУ – Новосибирский государственный университет
- РА – Российская археология
- СА – Советская археология
- САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
- СВКНИИ ДВНЦ АН СССР – Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного научного центра АН СССР
- СВФУ – Северо-Восточный федеральный университет
- СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
- СЭ – Советская этнография
- ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
- УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН
- ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
- BAR – British Archaeological Reports
- GmbH – Gesellschaft mit beschränkter Haftung
- PNAS – Proceedings of the National Academy of Sciences

- Белоусова Н.Е.** – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: consacrer@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7054-3738>
- Боманн М.** – доктор философии, постдокторант-исследователь университета Бордо, Франция. Bordeaux University, UMR 5199, PACEA laboratory, Bat. B2, Allée Geoffroy St-Hilaire CS 50023, 33615 Pessac cedex, France. E-mail: malvina.baumann@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7706-3013>
- Дашковский П.К.** – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой и лабораторией Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: dashkovskiy@fnp-asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>
- Дмитренко Л.М.** – младший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: jakovlevaljuba@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1748-0138>
- Дураков И.А.** – кандидат исторических наук, доцент Новосибирского государственного педагогического университета, ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия. E-mail: idurakov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8526-9257>
- Есин Ю.Н.** – кандидат исторических наук, заведующий сектором Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия. E-mail: esin2006@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4291-3313>
- Ефремова Н.С.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: efremova@archaeology.nsc.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3053-8755>
- Журбин И.В.** – доктор исторических наук, кандидат технических наук, заведующий лабораторией Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН, ул. Т. Барамзиной, 34, Ижевск, 426067, Россия. E-mail: zhurbin@udm.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7715-0459>
- Зубова А.В.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: zubova_al@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7981-161X>
- Ковалевская В.Б.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: ver.kov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1658-1669>
- Козликин М.Б.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: kmb777@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5082-3345>
- Колобова К.А.** – профессор РАН, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: kolobovak@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5757-3251>
- Кузнецов А.М.** – инженер-исследователь Иркутского государственного университета, ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия. E-mail: golos_siberia@list.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1889-1297>
- Кулик Н.А.** – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: kulik@archaeology.nsc.ru
- Лохов Д.Н.** – инженер-исследователь Иркутского государственного университета, ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия. E-mail: bisaagan@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1249-0882>
- Маркин С.В.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: markin@archaeology.nsc.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4528-8613>

- Молодин В.И.** – академик РАН, доктор исторических наук, заведующий отделом, советник директора Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>
- Мыльников В.П.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7532-9607>
- Мыльникова Л.Н.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; ассистент кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: L.Mylnikova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0196-5165>
- Новосельцева В.М.** – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: archeovalent@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3950-0219>
- Плиссон Х.** – доктор философии, научный сотрудник Университета Бордо, Франция. CNRS, Bordeaux University, UMR 5199, PACEA laboratory, Bat. B2, Allée Geoffroy St-Hilaire CS 50023, 33615 Pessac cedex, France. E-mail: hugues.pliссon@u-bordeaux.fr; <https://orcid.org/0000-0001-5236-1973>
- Понкратова И.Ю.** – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научного отдела Северо-Восточного государственного университета, ул. Портовая, 13, Магадан, 685000, Россия. E-mail: ponkratova1@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3410-3430>
- Прокопенко Ю.А.** – доктор исторических наук, профессор Северо-Кавказского федерального университета, ул. Пушкина, 1, Ставрополь, 355009, Россия. E-mail: z_proko_15@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7060-5054>
- Рандю У.** – доктор философии, научный сотрудник Университета Бордо, Франция. CNRS, Bordeaux University, UMR 5199, PACEA laboratory, Bat. B2, Allée Geoffroy St-Hilaire CS 50023, 33615 Pessac cedex, France. E-mail: wrendu@u-bordeaux.fr; <https://orcid.org/0000-0003-2137-1276>
- Роговской Е.О.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Иркутского государственного университета, ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия. E-mail: eor127@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4498-3611>
- Селин Д.В.** – младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090. E-mail: selin@epage.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6939-2917>
- Скобелев С.Г.** – кандидат исторических наук, заведующий лабораторией Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: sgskobelev@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4056-0670>
- Стрельцова И.В.** – старший лаборант Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, ул. Пушкинская, 89, Владивосток, 690001, Россия. E-mail: i-strel@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0489-063X>
- Фёдоров В.К.** – кандидат исторических наук, заместитель директора Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН, ул. Карла Маркса, 6, Уфа, 450077, Россия. E-mail: syuri@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0643-8268>
- Федорченко А.Ю.** – младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: winteralex2008@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-7812-8037>
- Шуньков М.В.** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: shunkov77@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1388-2308>